Шалюкова Олеся

Адвокат мёртвых

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рецепт: городское фэнтези, мистика и драма, щепоть философии и психологии, с размышлениями. Хорошо перемешать, как легкое чтиво — не употреблять.

Когда не у кого просить помощи, можно пойти на поклон к силам нечистым, традиционно не признаваемым в современной действительности и добиться справедливости и отмщения для обидчика.

Главное при этом быть очень осторожным. Призывая из-за границы потустороннего мира адвоката мёртвых, ты никогда не узнаешь, чей облик он может принять. Лучшего друга, заклятого врага или убитого тобой человека…

- Олеся Шалюкова
  - Пролог
    -
  - Часть I. Когда приходят мёртвые
    - Глава 1. Познакомьтесь, адвокат мёртвых
    - Глава 2. Знакомство в трамвае
    - Глава 3. Свидетели
    - Глава 4. Попустительство
    - Глава 5. Сопричастные
    - Глава 6. Руки из телевизора
    - Глава 7. Жизнь взаймы
    - Глава 8. Прелюдия к трагедии
    - Глава 9. Путешествие по памяти
    - Глава 10. Виновному кара, спасенному — рай
  - Часть II. Если друг оказался вдруг…
    - Глава 11. Сделаем мечту — реальностью
    - Глава 12. Клиенты Адвоката мертвых
    - Глава 13. Тень безумия
    - Глава 14. Cherchez la femme.[2]
    - Глава 15. Снятая печать
    - Глава 16. Нет тела — нет дела
    - Глава 17. Где ходит тело
    - Глава 18. Мятежная душа
    - Глава 19. Близкое знакомство с некромантом
    - Глава 20. Украденная память
  - Часть III. Девочка из прошлого
    - Глава 21. Драгоценные камни

        - Глава 22. Медиум
        - Глава 23. Затишье
        - Глава 24. Призрачный бал
        - Глава 25. Океан
        - Глава 26. Призрачный медиум
        - Глава 27. Круг жизни
        - Глава 28. Жизненный паззл
        - Глава 29. Путешествие в никуда
        - Глава 30. Прятки
    - Вместо эпилога
- notes
    - 1
    - 2

Олеся Шалюкова
Адвокат мёртвых

Пролог

Жизнь — это большой сюрприз.
Я не понимаю, почему бы смерти
не стать не меньшим.

Владимир Набоков

Люди. Люди. Люди…

Дороги, грязь и изуродованные серыми бетонными коробками тесные улицы и города.

Пустота в душах, обледеневшие сердца превратили людей в заведённые машины. Они не делятся своим теплом с другими, да уже и забыли сами, что это такое — «тепло». Градусник мог показывать любую температуру выше нуля, а вокруг — стыл холод. И солнце давно было не в силах пробить ту серую хмарь, что низко нависла над улицами.

Здесь рука об руку с одиночеством ходила гулкая пустота. Вопросы падали в никуда, в никуда туда падали ответы. Люди смотрели и не видели, слушали и не слышали, отказывались от себя, отказывались от других и начинали, мало помалу, считать что так оно и надо.

Миром правили те, у кого были деньги и власть. Не имеющие бездонного кошелька или своих людей на высоких постах — были низвергнуты на дно человеческого общества, и их жизнь была равна копейке, которую и выбросить не жалко.

Мир оставался глух к мольбам, не отзывались на моления ушедшие боги, да и Единый Бог-творец, отвечая на призывы, мог разве что послать сил… Да утверждали Его служители, что Он посылает лишь те испытания, которые человек может выдержать.

Только казалось, что мир становился все хуже и хуже. С каждым днём, с каждым часом и даже с каждой минутой.

— Дядя, вам плохо? — сероглазая кроха с каштановыми волосами, заколотыми двумя бантами, заглядывала в глаза мужчине, одиноко сидящему на остановке.

Мимо проходили люди, стремительным потоком мчались машины, и мужчина давно уже пропустил свой автобус. Но как… Как можно было сказать родной сестре, единственной кто осталась у него в этой жизни, что там, в суде остался безнаказанным мерзавец, который сломал их жизни, обрёк их на двойные похороны, а сестру вначале на дорогостоящую операцию, а потом мучительно-болезненную реабилитацию?

Как можно было сказать, что эту тварь просто пожурили в

зале суда, а всю вину за аварию свалили на отца, который не поехал на красный цвет на пешеходном перекрёстке и не освободил встречную полосу.

После этого процесса, больше напоминающего клоунаду, адвокат, немолодая и опытная женщина, пила сердечные капли. Государственный обвинитель подошёл и тихо сказал:

— Не выносите мусор из города. Мёртвых этим вы не вернёте, а себя до могилы доведёте. Да и не докажете ничего…

Если бы, если бы у него был только один шанс, он бы сделал все, чтобы мерзавец оказался за решёткой, но в очередной раз восторжествовали деньги и связи, справедливости не было. Да и помощи просить было не у кого.

— Ну и ситуация, — пробормотала девочка, про которую мужчина успел забыть. — Слушай, дядя, взрослые в это не особо верят, но ты может и поверишь, кто знает…

Детский голосок доносился сквозь непрекращающийся звон в ушах. Глаза были алыми от лопнувших сосудов, постоянно слезились. Он уже не помнил, сколько не спал, когда ел последний раз.

Но родители воспитывали, что чужих детей не бывает. И мужчина, сквозь резь в глазах, пытаясь поймать расплывающийся образ девочки, спросил:

— Ты потерялась, малышка?

— Нет, — она покачала головой. — Меня скоро заберут.

Мужчина кивнул.

— Конфетку будешь?

Кроха отреагировала ясной улыбкой, потом показала вбок:

— Положи туда, пожалуйста.

Поднять тело на ноги оказалось сложно, мужчину качнуло, раз, второй. Ему пришлось опереться на остановку и так, двигаясь по её стене, отправиться к выходу.

Какая-то старушка, проходя мимо него на остановку, покачала головой:

— Вы только посмотрите на него! Такой молодой, одет хорошо, а уже пьян посреди белого дня. Развелось тут пьянчуг и все ходют, ходют чего-то…

Дальше мужчина не слышал, завернул за угол.

Если бы он был пьяным, то в этот момент, протрезвел бы на месте.

Но апатия была столь сильна, что посмотрев на маленький алтарь, где стояла фотография четырёхлетней девочки с черными крепом, в окружении множества мягких игрушек, цветов, свечей и венков, он только и спросил:

— Ты мёртвая?

— Ага! — отозвалась девочка невнятно, — семь дней прошло, осталось подождать ещё немного и меня заберут. Не переживай, дядя. Я в порядке! Просто, мне скучно немножко, а ещё грустно, смотреть, как плачет мама, — девочка отвернулась, потом снова посмотрела на мужчину. — Дядя, слушай меня, я не очень понимаю всех этих слов, но ты большой, взрослый, ты поймёшь.

Мужчина хотел было что-то сказать, даже рот открыл, но передумал и промолчал.

Кроха затянула в рот шоколадный палец, вспоминая.

— Это говорили моей маме, а я услышала и запомнила. Мы, души, иногда странные вещи запоминаем, как оказалось!

«В этом мире нет справедливости. Но ее можно найти там, где обычные пути и понятия не действуют. Приходи ночью на пустырь, на Литейной. Там раньше кладбище было, а сейчас ровно в полночь там… свои дела нечистый проворачивает. Подойдёшь к пустырю и жди, в 23:59:30 ты должна вступить на его землю, глаз не поднимай. Иди к центру, там где торчит скособоченный деревянный крест, при этом приговаривай:

— Адвокат мёртвых явись.

Ровно через минуту ты дойдёшь до этого креста. Если адвокат посчитает тебя достойной, то он появится и примет твой заказ. Он адвокат мёртвых, приходит из загробного царства и уходит в него. Только у него ограничение есть. Вызвать его можно только через девять дней после смерти, а через сорок он уйдёт. И плату за свою работу он принимает одну — бессмертную душу того, кто его вызывает!

Девочка замолчала, мужчина все также беззвучно сидел на корточках перед ее фотографией и молчал, потом растянул бледные сухие губы в улыбчивой гримасе.

— Храни тебя Бог, малышка…

Мужчина давно ушёл, а девочка, обняв одну из игрушек, снова села на крышу остановки. Мимо шли люди, все куда-то торопились, что-то хотели сделать, что-то пытались найти.

Только ей больше не надо было спешить…

Часть I. Когда приходят мёртвые

Глава 1. Познакомьтесь, адвокат мёртвых

Мужчина никуда не торопился. Ему было некуда идти, и было не к кому обратиться. Люди обычно стремятся поделиться своими горестями, а радости приберегают для себя одного, а его воспитали в противоположных традициях.

Он не хотел никого отягощать своими бедами. Не хотел никого видеть из хороших знакомых. И уж тем более не хотел идти туда, в то место, которое стало для него семьёй несколько лет назад.

Он кружил по улицам, не замечая ничего вокруг. А послеобеденное время двигалось к ужину, люди шли домой к своим семьям. Где-то уже включался свет, и падающие на землю золотые и тёплые «оконца» выглядели уныло в обрамлении по-осеннему грязных дорожек. Едва слышно шуршала под ногами листва, над головой шумели деревья, то и дело покачивая укоризненно ветками.

В уши заливалась тишина. Словно тягучий горчичный мёд она собиралась вокруг и не давала ему слышать, ощущать.

Подобно призраку он бесцельно двигался, поэтому никто не мог ему помешать, ничто не могло его остановить.

Люди бросали на мужчину осторожные взгляды, отступали к стенам, пропуская его, и зубоскалили вослед. И чаще всего звучало вокруг злобное: «пьяный, пьяный, пьяный».

Никому не пришло в голову остановить его и спросить, не нужна ли помощь, не вызвать ли скорую. Никому и в голову не пришло, что человеку может быть просто плохо.

А мужчина двигался вперёд, переставляя ноги как ходули. Каждый следующий шаг был таким же, как и десятки предыдущих. Просто куда-то двигалось тело, а куда именно, он даже не задумывался.

Мысли хоть иногда и заглядывали в его голову, но текли вяло, исчезая подобно кругам на воде.

«Надо бы поесть, надо бы выпить хотя бы чашку воды. Надо позвонить сестре, сказать, что я в порядке».

Мысли были разумными, верными, но апатия, запустившая когти в его душу, была слишком сильна. Поэтому и мысли уходили прочь вспуганной стайкой птиц, так и не становясь призывом к действию.

Каждый шаг отбивал марш безысходности, и когда пустота исчезала, казалось, что этот марш звучит похоронным набатом у него в ушах.

Никто не поможет.

Некуда идти.

Не к кому обращаться.

Пустота.

Тишина.

Только плач неотомщённых душ мёртвых.

Он не знал, сколько он шёл. Периодически мужчина останавливался, иногда начинал идти в обратную сторону или двигался кругами.

Тьма укутала улицы и дома пуховым одеялом сна, выключила огни, приглушила звуки города, стёрла прохожих с канвы улиц и оставила мужчину наедине с ночью.

Одного, ни о чем не думавшего, ни о чем не мечтавшего, запутавшегося в пустоте перекрёстков, заблудившегося в потёмках улиц и всплывающих видений.

Литейная улица выпрыгнула перед глазами неожиданно, со злобным карканьем взметнулось с пустыря вверх воронье, и насмешливо зазвучал им вслед хриплый крик огромного ворона.

Посреди поля, рядом с покосившимся деревянным крестом, стоял дубовый стол, почерневший от времени. Рядом с ним белый кожаный вертящийся стул, в котором были видны отверстия, окружённые алыми пятнами с застарелыми сгустками крови.

На стуле сидел парень, закинув на стол ноги в тяжёлых ботфортах.

Первыми бросились в глаза его черные волосы. Причудливо выстриженные, сзади они еле-еле закрывали затылок. Зато спереди длинная чёлка с фиолетовыми пёрышками, падала почти до губ.

Джинсы, черные с металлическими заклёпками были очень популярны среди молодёжи, а вот темно-серому свитеру было лет так пять, и растянутый сверх всякой меры он болтался на тщедушном теле.

В руках у парня была газета, в которую он уткнулся практически с головой. На столе был ещё телефон, который мужчина видел только в музеях, массивная стойка, винтажная трубка.

На краю стола в тяжёлой хрустальной пепельнице, в виде распластанной черепахи, были с горкой насыпаны фисташки. Их расклёвывал ворон.

Ещё одной странностью пустыря было то, что стол был хорошо освещён, но не было ни ламп, ни света луны, ни уж тем более солнца.

Просто узкий конус света, существующий сам по себе.

И царила тишина…

Бесшумно перелистывалась газета, клюв ворона открывался и

закрывался, но не доносилось ни звука.

Поверить своим глазам было сложно. Мужчина был прагматиком. Мужчина не верил ни в Бога, ни в черта. Но тут…

Иногда порывы души толкают людей на странные поступки.

Сначала в нём заговорило любопытство, следом подняла голову надежда. А что будет, если сказать? А если попросить о помощи — может, поможет?

Над пустырём зазвучала первая фраза.

— Адвокат мёртвых явись.

На глазах мужчины, парень отложил в сторону свою газету, что-то сказал ворону, скользнув пальцами по его перьям, и посмотрел на молчащий телефон.

— Адвокат мёртвых явись.

По ту сторону барьера беззвучности трубка начала подпрыгивать, и парень поднёс её к уху, подняв голову. На мужчину из-под длинной чёлки глянул провал белых глаз.

Ужасом скрутило внутренности. Словно ледяной ком охватил горло, сжимая его кольцом, не давая сказать ни слова.

Но упрямство было фамильным, и родилось раньше, чем мужчина. И из последних сил он не столько прошептал, сколько прошипел:

— Адвокат мёртвых явись!

Паренёк разжал губы, обнажая страшный оскал игольчатых клыков, и сказал в трубку:

— Адвокат мёртвых слушает.

И голос звучал одновременно и над ухом мужчины, словно из невидимой трубки, и на пустоши в том числе. Постояв пару мгновений, мужчина радостно улыбнулся и потерял сознание.

… В воздухе пахло мандарином, еловыми ветками и немного корицей.

На потолке были знакомые деревянные панели, у края стены в одном месте у карниза был отбит уголок, и штора, потеряв пару колец, бессильно трепетала на сквозняке.

На тумбочке стоял стакан и рядом пара таблеток. И однозначно выходило, что он сейчас дома. А не…

Где?

Память неожиданно отказала. И что было «до», он никак не мог вспомнить, только перед глазами стояли серые глаза девочки с фотографии, да в ушах все звучал насмешливый крик огромного ворона.

Встав с кровати, мужчина пошатнулся. В голову ударила боль. Боль сжимала виски раскалённым обручем, боль вонзалась иглами, терзала, рвала на куски.

Ноги подкосились, его шатнуло и чтобы удержаться на месте, пришлось схватиться за подоконник. Над головой жалобно простонали шторы, потерявшие разом еще несколько крючков.

В полутёмную комнату потоком хлынул солнечный свет. Из глаз полились слезы. И пережидая приступ, мужчина не сразу смог начать двигаться.

Впрочем, мало-помалу, в глазах прояснилось, можно было сделать шаг, не боясь снова свалиться, и мужчина даже смог добраться до тумбочки, чтобы выпить таблетки, оказавшиеся анальгетиками.

Следом мужчина начал одеваться, не представляя, кто мог не только привести его домой, но ещё и раздеть, и приготовить свежую смену. На стуле сбоку были и брюки, и свежая рубашка, и даже чёрные парные носки.

Странности нарастали как снежный ком, и когда хозяин дома вышел в коридор, привычно подняв ногу, чтобы не споткнуться о скатку ковра, он все же споткнулся, не обнаружив его на привычном месте. Там, где под ступней должен был оказаться плотно свёрнутый ковёр, его ждала пустота.

Дверь в кухню была плотно прикрыта, чтобы не мешать звуками спящему хозяину.

И открывая ее, мужчина гадал, кого именно он там увидит.

Но меньше всего он ожидал, что на подоконнике у раскрытого кухонного окна, он увидит девушку, кормящую с руки кусочками сырого мяса огромного ворона. Повернув голову, она уставилась на побелевшего как полотно мужчину омутами шоколадных, задумчивых глаз.

Знакомые глаза, знакомые черты лица, знакомая фигура и невозможность происходящего. В душе подняли голову и ожили личные кошмары мужчины, закружились вокруг, смеясь, подтачивая его силы.

— Ты кто? — спросил он немного грубо.

— Вот наглые заказчики пошли, — голос у девушки был абсолютно плоским и невыразительным, его можно было раскрасить в любой цвет и в любую эмоцию без особого труда.

— Заказчики? — эхом повторил мужчина.

Девушка подбросила ворона, понаблюдала за его скольжением вдоль здания вниз и равнодушно сказала:

— Люди, почему же вы такие глупые. Сам меня призвал, а теперь удивляется. Я адвокат мёртвых.

— Кто?

— Адвокат, мёртвых. Ты вчера пришёл на улицу Литейную. Ты вчера трижды прочитал призыв адвоката, так чему удивляешься.

— Вчера трубку снял парень, а ты — девушка, причём…

— Я глас адвоката, я его взор, я его уста, — девушка перебросила ноги на пол, внимательно глядя на мужчину.

А потом её лицо дрогнуло, застывшая маска поплыла, обнажая привычную нежную улыбку до боли знакомой девушки. И голос знакомый звучал так же как и в его воспоминаниях, эти тёплые обертоны грудного женского голоса звучали всегда нежно и завораживающе.

— И ты не ошибся, Кирилл. Я действительно мёртвая. И я… я тебя помню…

Мужчина сел на стул, как утопающий в соломинку вцепился в кружку с горячим кофе с корицей.

Аня, шесть лет назад сказавшая ему, что им надо расстаться, сидела на его кухне, на подоконнике, в окружении мандариновых корочек и от неё пахло еловыми ветками.

Аня, его первая счастливо-щемящая любовь, которой он собирался сделать предложение, отказала ему и вышла замуж за его лучшего друга.

И ему было одновременно и сладко, и горько, когда он смотрел на их счастье, зная какой ценой оно им досталось.

Аня, его недосягаемая мечта с шоколадными глазами, умерла в роддоме три года назад, и трёхлетний сынишка Вадим был единственным напоминанием о ней для двух убитых горем мужчин, которые так и не перестали её любить.

И эта Аня сидела сейчас в кухне Кирилла, смотрела ровно и отстранённо. Словно перед ней был чужой ей человек.

— Не может быть, — тихо сказал Кирилл.

Молодая женщина, которой так и не довелось стать любящей мамой для своего сынишки, вновь потеряла все свои эмоции, бесстрастно глядя на мужчину и обдавая его холодом своей безмятежности.

Кирилл упустил тот момент, когда ее глаза закатились, и на него в упор посмотрели два белоснежных провала. Спина покрылась ледяным потом, ноги стали ватными, и кружка только чудом не выпала из ослабевших рук.

Перед ним был не человек.

Он понял это той хищной интуицией, которая выручала его на работе. Осознал это своей душой, поскольку у того создания, что было сейчас напротив него — души не было.

— Я истинный адвокат мёртвых. У меня нет облика. Нет души. Только разум и логика, человек. Я хозяин договоров на человеческие души. И, скажу тебе сразу, человек, чтобы ты не питал иллюзий и не думал о глупостях, которых так много в ваших словах, мыслях и религиях.

— Религиях?

— Я не нечистый дух. Я не посланец из вашего ада. Но я действительно живу там, куда живым вход воспрещён. У меня всего лишь договора, но не сами души. Поэтому даже не думай о том, чтобы попробовать у меня отобрать что-то, ибо я — ничего не имею.

— А…

— То, что ты видишь, лишь оболочка, воссозданная по памяти души, а у души всего три попытки на то, чтобы ощутить все эмоции. Но на все про все у них ровно три секунды. Ни секундой больше, ни секундой меньше. В остальное время — это живые говорящие куклы, которые будут выполнять то, что я им скажу.

— Это…

— То, что ожидает всех, кто подпишет со мной договор, человек. Это то, что ожидает и тебя, если ты дашь мне своё согласие. Если ты скажешь «нет», а у тебя ещё есть такая возможность, мы просто уйдём из твоего дома. И ты забудешь о встрече с адвокатом мёртвых. Мы станем для тебя сном.

— Меня не пугает плата, — Кирилл, пересиливая себя, смотрел в белые глаза, и пытался не бояться, заглушить тот потусторонний ужас, поднимающийся из глубин души из-за чуждости гостя. — Что? Что ждёт того, кто…

Договорить мужчина все же не смог. Адвокат наклонил голову, тихие слова раскатывались по комнате и отпечатывались, казалось бы, калёным железом в голове Кирилла.

— Око за око, зуб за зуб, смерть за смерть. Он будет платить за то, что натворил.

— Ты просто возьмёшь и вызовешь его в суд?

— Нет, я не судья, я не человеческий адвокат, хотя так и назван. Пошутил один, немного зло, а имя прицепилось и осталось.

— Имя?

— Да. Адвокат. Имя.

Кирилл удивлённо наклонил голову, а гость продолжал говорить устами любимой когда-то им женщины.

— Я представляю права мёртвых и слежу за тем, чтобы их обидчики были сполна наказаны. Я не выношу приговоров, я слежу за выполнением того принципа возмездности, что я тебе уже сказал. С тобой рядом просто кукла, человек. Ты можешь делать с ней все что угодно, но упаси тебя твой бог пытаться оживить эту душу или вдохнуть ее в чужое тело.

Кирилл отвёл глаза:

— Мы не тревожим покой мёртвых, Адвокат.

— Для тебя же будет лучше, если это останется правдой, человек, — зазвучало в комнате и все пропало.

А Аня, хлопая ресницами, пыталась сморгнуть слезы, выступившие из-за внезапной рези в глазах.

И спустя пять минут, после того как она умылась и села за стол с пакетом мандаринов, голос её звучал глухо и без эмоций, когда она рассказывала, безучастно глядя в глаза Кирилла:

— Я помню все. Но я ничего не чувствую. Горячо или холодно, больно или сладко, горько или тоскливо — я больше ничего этого не ощущаю, и все это не более чем воспоминания одной души. Не знаю, с чем сравнить. Скорее, с прочитанной книгой. Однажды, я читала, знаю это, но ничего не ощущаю. Пустота, тут. — Показала она на собственную грудь. — У нас не бьётся сердце. Нет крови. Мы не дышим.

— Но… мандарины?

— А, — Аня кивнула. — Да. У каждого из нас подписаны контракты с Адвокатом. На выполнение одной его просьбы. И у каждого в контракте есть строчка, которая является «якорем» для нас в этом мире. Своеобразным напоминанием для нашего тела о том, что оно… не просто набор костей, жил и мышц, а все-таки единый организм. Я не понимаю, как это работает… Мы выбираем один продукт и должны его есть время от времени. Это удерживает нас на этой стороне.

— Где ты познакомилась с Адвокатом?

— По ту сторону смерти. Он помог мне там, поэтому в моем договоре только одна строчка. В твоём договоре, если ты согласишься на его подписание, будет три.

— Почему именно ты?

— Потому что я местная, знаю этот город, а ещё я знаю тебя.

— Меня?

— Да, — Аня медленно кивнула, — Адвокат не любит сам общаться с людьми, всегда выбирает посредников. В наши задачи входит сбор данных, что случилось, кто в этом виноват и к каким последствиям это привело.

— Я и без этого сбора все могу рассказать.

Аня искоса посмотрела на Кирилла.

— Помнишь, я часто говорила про незадачливый город, который был разбит, потому что в кузнице не было гвоздя? Так кто самый виноватый в случившемся?

— Враг, который припёрся в город, где его не ждали и где ему были не рады, — отозвался Кирилл, не задумываясь. Разговор этот он помнил, они не раз его заводили. И не раз звучала короткая побасенка про гвоздь и разбитый город. И спорили бывало до хрипоты, приводя друг другу один за другим

исторические примеры.

В этот раз Аня спорить не стала, только спросила:

— Видишь? Каждый может иметь свою точку зрения на историю. В этой можно сказать, что виноват был кузнец, у которого не было гвоздя, и он не подковал как следует лошадь. А можно обвинить во всем лошадь, которая захромала, хотя она скорее — жертва обстоятельств.

— Это абсурд! В таком случае, можно обвинить и командира, который позволил себя убить! И конницу, которая была разбита!

— Точно. Можно. И нужно. Приговоры выносятся всем, кто несёт какую-либо ответственность за произошедшую трагедию. Не важно, кто что сделал, он понесёт такой же урон, как и тот, что нанёс. Вольно или невольно, живой или мёртвый — все неважно. Важно лишь то, что месть свершится в любом случае. Таков закон Адвоката мёртвых. Такова его работа.

Кирилл промолчал.

Замолчала и Аня.

За окном покачивались ветви деревьев. Тонкие деревца гнуло почти пополам, ветер крепчал.

— Что ты будешь делать, если я соглашусь на договор?

— Изучать. Ходить. Спрашивать. Задавать вопросы. Делать все, что нужно, чтобы найти правду.

— Это опасно?

Девушка безмятежно взглянула на Кирилла и спокойно, размеренно повторила.

— Я мёртвая. Мне ничего в этом мире уже не опасно.

— Хорошо. Мёртвая, не мёртвая, мне все равно. Я буду рядом с тобой, и прослежу, чтобы ты не пострадала в любом случае.

Аня не стала спорить. Споры — это пристрастие горящих душ, в ее душе огонь жизни еле тлел, поэтому она просто ровно сказала:

— Как хочешь. Но сначала — договор.

— Давай.

— У меня его нет, — покачала головой Аня. — Но раз ты согласен, договор принесёт ворон.

«Это просто невозможно» — вертелось на языке Кирилла, но он смолчал.

«Это просто невозможно», — вертелось в мыслях, когда он смотрел на ворона, сидящего на подоконнике. В клюве у огромной птицы был договор.

Договор, кстати, был совершенно не похож на… какой-нибудь финансовый или экономический, по крайней мере, на человеческий он похож не был совершенно, ибо слов там практически не было.

На куске белоснежной бересты были написаны странными чернилами слова.

«Око за око, зуб за зуб, смерть за смерть.

Доверяю Адвокату мёртвых отсчитать плату и возместить её».

— Роспись кровью, — подсказала Аня.

— И что будет? После того, как я распишусь?

— Да ничего. Просто договор будет заключён, а мы займёмся твоим делом. У нас не так много времени…

Кирилл понятливо кивнул. Береста украсилась его алым отпечатком. И в следующий миг вспыхнула алым огнём, чтобы появиться в другом месте.

Парень с черно-фиолетовыми волосами усмехнулся и положил в ящик договор, появившийся перед ним на столе, к тысячам другим таким же…

А на газете в его руках были новости и движущиеся картинки, демонстрирующие в режиме «реального времени» происходящее везде и всюду, где были задействованы души, вызванные Адвокатом из-за порога царства мёртвых.

Сам Адвокат давно уже не принимал участия в происходящем. Он просто ждал, когда же можно будет наконец-то покинуть Землю и вернуться домой. Когда же наконец-то в другом мире окончится Чёрное затмение.

***

…Иногда чужое невмешательство — лучший залог для того, чтобы все прошло гладко. Иногда чужое желание узнать правду — может стать тем самым камешком, который приведёт к тому, что рухнет плотина.

Иногда чужое желание добиться справедливости может привести к тому, что город утонет в слезах, крови и еловых похоронных венках.

А все потому, что кому-то захотелось мести!

Все потому, что кто-то не смог понять, что месть не даёт облегчения, месть не возвращает мёртвых, месть не облегчит горесть потери. Месть просто камень, брошенный в воду, расширяющий все сильнее и сильнее круги чужой боли, круги чужой ответственности, круги чужих слез.

Месть — это оружие, которым нанося удар другому, вначале ранишь самого себя…

Глава 2. Знакомство в трамвае

Аня катала по столу рыжий кругляш мандарина, равнодушно глядя на Кирилла. Тот молчал, о чем-то надолго уйдя в свои мысли.

На подоконнике дремал чёрный ворон. Во дворе играли дети, и их радостные звонкие голоса врывались в комнату сквозь распахнутое окно. Капала вода из неплотно закрытого крана.

— Аня.

— Да, — сказала девушка.

— С чего начинается ваше… Расследование?

— С полночного трамвая. В двенадцать ночи, стоя на любом перекрёстке с черным билетом в руках, ты ждёшь чёрный трамвай. Когда он подъедет, ты садишься в него, отдаёшь свой билет контроллеру и едешь дальше, — сухо и очень быстро отчиталась девушка.

— Что-то все это напоминает детские страшилки в духе того, что под кроватью живёт монстр. Или про чёрную руку, помнишь?

Не увидев ни капли понимания и не дождавшись словесного подтверждения, Кирилл вздохнул. Нарочито страшным голосом он начал рассказывать:

— В чёрном-чёрном городе. По чёрной-чёрной улице. Ехал чёрный-чёрный трамвай. Маленькая Анечка не послушалась маму и в полночь стояла на остановке. Вдруг за спиной ка-а-ак скрипнет что-то! Анечка повернулась, а нет там ничего. Когда же девочка вновь повернулась, перед ней был чёрный-чёрный трамвай. Сквозь чёрные-чёрные окна ничего не было видно. А потом открылись чёрные-чёрные двери. Белая рука без тела стремительно метнулась вперёд. Схватила Анечку за горло, и над её головой зазвучало: «Что, Петрова, опять спим на уроке математики?»

Аня раздвинула губы в вежливой улыбке.

— В детских страшилках, Кирилл, гораздо больше правды, чем может показаться. Сам увидишь.

— Хорошо, сам так сам. Значит, нам нужны билеты?

— Карас принёс.

— Карас?

Аня показала на ворона.

— Он. Старые мудрые вòроны всегда заведовали царством мёртвых. У Адвоката проводник и связной между двумя царствами именно Карас.

— А зачем понадобилось сейчас связываться с царством мёртвых?

— Потому что билеты, которые мы возьмём, принадлежат мёртвым.

Кирилл счёл за лучшее на этом расспросы закончить. Ему не хотелось услышать что-то ещё более шокирующее и выходящее за рамки привычной картины мира. Мужчина ещё верил в то, что «приключение» не изменит его мир, не перевернёт его до основания.

Ждать без дела было невозможно, поэтому Кирилл ушёл с головой в домашние дела. Позвонил сестре, извинился за пропажу и пообещал, что обязательно зайдёт в самые ближайшие дни. Следом оплатил коммунальные услуги, сходил в ритуальный сервис. Сходил на кладбище на могилу родителей, проверил, чтобы все было в порядке.

Кому-то позвонил, с кем-то разговаривал, отчитался перед начальством. Но всё никак не мог отделаться от тонкого зудящего голосочка в мыслях. Который с завидным упорством склонял на разные лады:

— Детские страшилки могут быть более правдивыми, чем тебе кажется…

В своё босоногое детство, Кирилл в эти страшилки не верил, да и даже в детских лагерях предпочитал их не слушать. Вот только все равно, фольклор чёрного города прочно застрял в его голове. А, как оказалось, детские страхи самые упорные и въедливые. Даже забывшись, они все равно продолжают влиять на своего хозяина. И в правдивости этих слов Кириллу предстояло убедиться уже этой ночью.

Аня разбудила его в полдвенадцатого, показала на часы.

— Нам пора.

Сев на кровати, Кирилл энергично потёр лицо, затем взглянул на Аню. Показалось или нет, что выражение её лица немного смягчилось?

Касание женской ладони было таким же ледяным и обжигающим своей аурой чуждости.

Глядя на Аню так легко было поверить, что всё хорошо, что она не умерла. Просто пришла в гости, чтобы поддержать Кирилла, но единственное касание мгновенно разрушало эту иллюзию жизни.

Холодная до такой степени рука не могла принадлежать живому человеку.

Собрался Кирилл быстро. Выпил чашку кофе, накинул на плечи свитер, связанный Аней. Он был по виду далёк от совершенства, девушка тогда только училась. Но те чувства, которые были вложены, ощущались до сих пор. И согревали мужчину даже тогда, когда в душе царила арктическая пустыня.

На улице холодный ветер вцепился в Аню и тут же прянул от неё в сторону.

Засунув руки в карманы демократичных джинсов, совершенно не замерзая в тоненькой футболке, Аня размеренно шла вперёд. Кирилл двигался чуть позади, оглядываясь по сторонам. Город вокруг был, безусловно, его, и улицы знакомые, десятки раз исхоженные. Но все же было некое предощущение тревоги, Кирилл чувствовал себя в родном городе чужаком. И поворачивая на перекрёсток Кирова и Ленина, ощутил это ещё отчётливее.

В их маленьком городке общественный транспорт состоял из автобусов, да маршруток, а сейчас напротив остановки стоял чёрный-чёрный трамвай.

Нигде не было и следа рельсов, а трамвай стоял.

С чёрными-чёрными окнами, сквозь которые ничего не было видно.

Страх поднялся из глубины души и вцепился ядовитой змеёй в горло. Удушающими кольцами скрутился вокруг, покачивая кольцом с гремушкой.

— Это шутка? — сиплым голосом спросил Кирилл, уговаривая себя, что это безумие, что это сон. То такого просто не может быть!

Но оно было. Стояло. И казалось, усмехалось несуществующими губами.

— Это трамвай, на котором мы поедем, — ответила Аня тем временем. — Ты идёшь? Нас никто не торопит. Но приходить последними на этот трамвай Адвокат не рекомендовал.

«Уже не уверен, что я хочу куда-то идти», — мрачно подумал мужчина. Ноги были умнее головы, и нести своего хозяина туда, к этому трамваю не хотели.

Чёрные-чёрные двери медленно разошлись в разные стороны. Показался салон.

То что он зажмурился Кирилл осознал не сразу, а открывать глаза всё же пришлось. Хотя ему этого и не хотелось. Он не был испуган, по крайней мере, в этом легко было убедить себя. Ему просто не нравилось то, что должно было предстать его глазам.

Салон трамвая был обычным, совершенно раздолбайским, с поцарапанными сидениями, которые Кирилл видел десятки раз. Не было ни крови, ни ржавчины, не было висельников в салоне. В общем, совершенно не было всех тех кошмаров, которые уже успел мужчина себе навоображать.

Разве что стоял посреди салона невидимый контроллер. Парили в воздухе две руки в белоснежных перчатках, да вместо голоса в салоне, слова появлялись на центральном запотевшем

окне.

«Добро пожаловать. Ваши билеты, пожалуйста».

Протянув оба билета контроллеру, Аня показала своему спутнику на двойное сидение ближе к задней двери.

— Нам выходить там.

Сразу после того, как билеты были пробиты, и Кирилл рухнул на сиденье, он ощутил, как по спине сбегает ледяной пот.

Двери медленно закрылись, но трамвай никуда не тронулся. Контроллер ушёл на своё сидение к пустой кабинке водителя.

— Почему мы не едем? — спросил мужчина, взяв себя в руки. — И кстати, где водитель?

— Водителя здесь не бывает. А мы ждём ещё двоих, — отозвалась Аня негромко. Она также выглядела не лучшим образом, губы девушки чуть-чуть посинели. И в аварийном свете трамвайных ламп её лицо приобрело землисто-серый оттенок.

Ждать в тревожной тишине непонятно кого, непонятно чего было слишком сложно. И чтобы разогнать эту гнетущую обстановку, Кирилл спросил:

— Что это за трамвай?

Взгляд Ани обратился на мужчину. Она не стала спрашивать, действительно ли он хочет знать ответ, она начала отвечать. Вначале медленно, заставляя себя говорить, а потом все быстрее и быстрее. Живее, если можно так выразиться в отношении мёртвого человека…

— Перевозчик, трамвай мёртвых. Он собирает души в нашем городе и везёт их туда, где их ждут. На конечную станцию. В других городах ездят поезда, электрички, есть особые вагоны в метро. Есть такси. А у нас вот — трамвай. Здесь же обычно ездит Адвокат. Он встречает не все души, только некоторые. Мы… души не знают, как он оказывается в нужное время в нужном месте. Просто когда ты входишь сюда, он сидит слева от контроллера и рисует на окне. Когда умерла я, они играли в крестики-нолики.

Двери снова раскрылись, по приступкам ударила клюка.

— Если это, — Кирилл резко отвёл взгляд от двери, в которую входила безобразная старуха со свёртком на руках. — Если это трамвай мёртвых, мы что, тоже едем… Туда?

— Нет.

Подождав ещё и поняв, что Аня больше ничего не добавит, Кирилл сформулировал вопрос по-другому:

— Зачем на этот трамвай сели мы?

— Мы выйдем у Омута памяти, — пробормотала девушка.

— Что это? — продолжил допытываться мужчина.

Аня промолчала, даже голову, кажется, в плечи вжала. Рядом застучали каблуки старых сношенных ботинок.

Двери трамвая закрылись со скрипом и потусторонним лязгом. А затем, качнувшись раз-второй, и даже, кажется, подпрыгнув, он поехал вперёд. А ответ на свой вопрос Кирилл неожиданно получил от старухи. Сев на соседнее сидение и положив рядом свой свёрток, она воззрилась сквозь полукружья черепаховых очков на Кирилла.

— Чай живым духом пахнет.

Мужчина вздрогнул. Сквозь толстые-толстые линзы, глаза старухи смотрели мёртво и равнодушно. Так люди смотрят на дорогу под ногами. На траву. На дерево — на то, что не представляет для их циничного взгляда никакого интереса. Так сейчас старуха смотрела на самого Кирилла.

— Дивлюсь я с вас живых. Все лезете и лезете на территорию мёртвых. Не боишься не вернуться отсюда, милок?

— Боюсь, — не задумываясь ответил мужчина. Врать этой даме он не стал бы, даже если от этого зависела бы его жизнь.

Старуха, уже успевшая привыкнуть к другим ответам, даже очки приспустила на кончик крючковатого носа.

— Что ты милок, говоришь? — переспросила она с ноткой удивления в голосе.

— Боюсь, — уже твёрже повторил Кирилл, встретив страшный взгляд.

Старуха даже языком прицокнула.

— Вот как. Боишься, значит. Ну, раз ты такой честный, что врать не стал, потешил старушку, да уважил, то и я тебя уважу. Что ты там спрашивал у этого воробушка у стенки сжавшегося? Что за омут памяти, да? Я тебе расскажу. Аль ты другое чего знать хочешь? Спрашивай, не стесняйся. Ехать долго, чего не потешить себя в долгой дороге интересным рассказом, да беседой с умным человеком. Вот скажи, мил человек, ты умный?

— Был бы умным, в эту историю не ввязался бы.

— Какой ответ! — восхитилась старуха. — Милок, да ты ещё и думать оказывается можешь. Удивил, удивил… Обычно те, кто оказываются в этом трамвае, этим похвастаться не могут. Да с Адвокатишком умные люди не связываются просто потому, что в него не верят. А ты поверил… Интересно, интересно. Впрочем, тебе старушечьи разговоры вряд ли слушать интересно. Ты спрашивай, милок, спрашивай. По глазам вижу, что спросить хочешь.

— Почему Аня вас так боится? — решился Кирилл, подумав, что любые ответы, которые просто удовлетворяют его любопытство, могут подождать. А вот если Ане грозит беда, он должен знать сразу. Чтобы оградить её. Пока он рядом, никто и ничто не должен был обидеть эту девушку, которую он уже успел

однажды потерять. И совершенно не хотел терять хотя бы иллюзию, которую ему подарило то ли небо, то ли противоположная ему контора.

Старуха немного помолчала. В её глазах мелькнуло что-то схожее с грустью, потом она наклонила голову.

— Так я ведь Смерть, милок. А она мёртвая. Я её встречала на остановке у Омута памяти. Я её провожала туда, где её ждали. Она же успела меня обмануть и заключить договор с Адвокатом. Не люблю я этого чужака, что так нагло в мою работу вмешивается. Но иногда и его корявые ручки добрые дела творить могут. А боится она меня потому, что я могу утащить её обратно. Туда, где ей самое место.

— А вы можете?

— Как тебе сказать, милок, — Смерть пожевала губами, подбирая словами. — И могу, и не могу одновременно. Сложно это объяснить, да и не особо в объяснении нуждается. Есть определённые законы, которые никому нарушать бы не стоило. Но даже мне, каменной, холодной и мраморной, не чуждо сочувствие к тем, кого уже никто не пожалеет.

— К мёртвым?

— Верно, милок. К мёртвым. У живых всегда есть к кому обратиться за помощь. За живых всегда есть кому заступиться. А мёртвые что, они молчат. Мёртвым то и пожаловаться по сути некому. Кто их слышит то? Только я, да этот адвокатишко бедовый. Больше и пожаловаться то некому. Вот родители твои, хорошие же люди были. А толку то? Оболгали, в грязи вываляли, и доказать у тебя не получилось ничего. Не получилось же?

Кирилл отвёл взгляд. Сердце вновь кольнуло болью. Не успел спасти. Не смог защитить. Не был дома, когда он был настолько нужен своей семье. Чувство вины, только стихшее, снова вцепилось желчными клыками в его горло.

Побелевшее лицо сказало все лучше всяких слов. Старуха кивнула скорее своим мыслям, чем ему самому.

— Так и есть, милок. Вот поэтому этому адвокату я не помогаю, но и не мешаю. Действует путями он дурными, да кроме него вообще никто не пытается что-то сделать. А с его помощью, глядишь, в сердцах людских что-то, да изменится. Только, не стала бы я в это очень верить. Вы, люди, милок, глупые. Глупые, да недалёкие. Жизнь не живёте, а прожигаете, проживаете её так, словно после вас — потоп, цунами, землетрясение. Вас это никогда не интересует… Вы всегда готовы умереть по первому слову своей гнилой душонки. И всегда готовы взлететь, как только находите ради кого умирать. Не понимаю я вас, милок. Не понимаю.

Кирилл пожал плечами, монолог старухи звучал устало, цинично и буднично. Так словно она говорила его десятки, сотни, тысячи раз. И ей самой он успел бесконечно надоесть.

— Почему, милок? — спросила Смерть негромко.

— Потому что мы люди, — прошептал Кирилл. — Живём с огнём в груди, а когда он становится пеплом, мы не живём — влачим существование. Так мне сказала одна знакомая, правда, давно это было.

— Воробышек этот?

— Она.

— Хорошие слова, правильные, мудрые. Только вот, милок, сам ты не понимаешь, о чем она говорила.

— Понял, когда она от меня к другому ушла.

— А. Помню-помню, видела-видела.

— Видели?

— Да, — старуха медленно качнула головой, раз, второй, а потом поменяла тему. — Омут памяти — это пруд, милок. Он не широкий, да глубокий. В него заглянешь, дна не увидишь. Нырнёшь, и до дна не достанешь. Когда ещё языческие боги по земле ходили, омут был капризным, да игривым. Любил раньше он по земле гулять, то там вынырнет, то там появится. Отправится грибник в лес, в омут провалится, да пропадёт. Домой не возвращается. По его следам пойдут, да найдут его дня через два-три беспамятного. Он о себе ничего не знает, сказать не может. Или девица, в добра молодца влюблённого, за другого неожиданно окажется просватанной. Что ей делать? Вот узнает она, где ближайший омут, после которого люди беспамятными возвращаются. Ночкой темной пойдёт туда, да в омут упадёт, свою память ему отдавая.

— Что-то подобное я слышал… Кажется, кажется. Как же это звучало.

Глядя в чёрное окно дребезжащего трамвая, Аня неожиданно тихо напела:

Кинусь я в омут глубокий,
Память желая проклясть,
Чтоб твои синие очи
Мне не мешали дышать.
… На утро прибы́ли сваты́
Только нигде девы нет
К вечёру нашли у воды,
И жизни погас её свет.
Без памяти и без любви
Идёт она к алтарю.

И клятву она на крови
Приносит другому свою.

Смерть довольно кивнула, разве что свой взгляд на Ане задержала, будто не веря чему-то и снова заговорила.

— Всё верно. Именно так. Девицы глупые неразумные кидались в омут, отдавая ему свою память. Обратно возвращались, но долго не жили. Умирали быстро.

— Почему? — спросил Кирилл.

— Омут памяти отравляет людей, он для живых не предназначен, — старуха перевела взгляд на свои неожиданно молодые руки, без следа старческих морщин. — Омут нужен мёртвым, милок. Они входят в его воды, делают несколько глотков и оставляют в омуте свою память. Только так они могут пересечь порог смерти. После того, как их судьба решена, они делают снова несколько глотков из омута, и память возвращается. Только теперь она лишена даже тени эмоций.

— Зачем это надо? — спросил Кирилл, а затем по наитию сам же и догадался о правильном ответе. — Чтобы души не навредили себе, пытаясь вернуться в мир живых.

— Правильно, милок. Правильно. Душа за девять дней не всегда успевает понять, что её земная жизнь подошла к концу. И обратно рвётся. А мир живых не терпит мёртвых. И душа может не только себе навредить, но и раствориться, и стать призраком, и живых убить. Грех на себя несмываемый повесить. Поэтому этот омут памяти и нужен был. А потом уже другие узнали, что в омуте память всех мёртвых собирается. И всегда её можно изучить потом. Для этого другому мёртвому надо ступить в его воды.

— Аня? — повернулся Кирилл к девушке.

Она кивнул, не отрывая взгляда от пола и носков своих кроссовок.

— Да. Мы посмотрим память других, чтобы найти… всю цепочку. И займёт это… — Аня замолчала, съёжилась и придвинулась вплотную к Кириллу. Инстинктивно обняв ее за плечи, мужчина поднял голову и вздрогнул. Старуха Смерть придвинулась близко-близко, изучая девушку под рукой Кирилла внимательным взглядом. Потом усмехнулась и встала, подняв на руки странный кулёк, с которым вошла в трамвай.

— Пойду я, милок. Моя остановка уже. А ты, смотри. Ходи, да по сторонам посматривай. Ты чудак-человек. Не хотелось бы, чтобы ты по глупости ко мне на встречу отправился. А она, — узловатый палец уткнулся практически к самому носу Ани. —

Мёртвая. Запомни это! Мёртвая!

Тихо стучали колеса, трамвай покачиваясь на ходу ехал к своей цели. А в голове у Кирилла вертелось, как в испорченном магнитофоне. Мёртвая. Мёртвая. Мёртвая.

…Чуть слышно плескалась о берег вода.

Над головой было тёмное небо. Изломанные ветви плакучих ив низко-низко опускались к омуту. И казалось, что вот-вот из переплетений ветвей донесётся тягучий низкий вой. Картинка соответствовала. И рожок месяца, запутавшийся в ветвях, и стелящийся у корней ив туман. И даже вода, чуть заметно дрожащая. Степной ковыль мерно покачивался, и белоснежное поле его макушек то низко пригибалось к земле, то снова выпрямлялось, словно стремилось к небу. Мир вокруг был тихим. Ни один звук не нарушал его мертвенного покоя. Даже когда под ногой Кирилла переломилась веточка, треска вокруг не раздалось.

А чтобы дозваться до Ани пришлось кричать во все горло, переборов смущение и представив себя фанатом на футбольном поле:

— Здесь всегда так тихо?!

Повернув голову и не сбавляя шага, девушка кивнула. Шагнула ближе, практически вплотную к Кириллу.

— Это место мёртвое. Здесь не поют птицы. Здесь не живут рыбы. Не цветут цветы. Здесь есть только мрак. Только холод и эта тишина. Ковыль, ивы, да омут. И даже голоса мёртвых начиная звучать, затиха…

На глазах Кирилла губы девушки шевелились, но ни слова не раздавалось вокруг. Власть мира мёртвых… По спине пробежали мурашки, раскатились ледяным горохом вдоль позвоночника, насыпались в ботинки. И каждый следующий шаг неожиданно сделать было все труднее и труднее.

Аня же шла вперёд легко, казалось, что подтолкни её, и она взлетит, а к ногам Кирилла как гири привязали. Мертво. Пусто. Холодно. И в какой-то момент мужчина остановился, не в силах сделать больше ни шага. Он крикнул вслед Ане, раз, второй, но девушка даже не обернулась, не сбилась с шага.

Она шла легко, все удаляясь и удаляясь. К омуту она подошла минуты через три, став маленькой фигуркой, присела около чёрной воды и опустила туда ладони.

— Живым на том берегу делать нечего, — шелестящий голос с электронно-тянущими нотками зазвучал сразу в голове Кирилла.

Мужчина повернулся быстрее, чем сам от себя ожидал.

Пошарил взглядом вокруг и не сразу, но нашёл говорящего. Удобно устроившись на ветке спиной, уперев одну ногу в ствол, а другую свесив, дремал Адвокат мёртвых. Лицо его было закрыто газетой, обе руки скрещены на груди, но вся его поза дышала довольством и спокойствием.

— Ты!

— Не кричи, — поморщился адвокат. — Мне от высоких нот сразу исчезнуть хочется, а так, пока она ходит, я тебе компанию составлю.

— Скорее наоборот, тебе скучно стало, и ты с моей помощью решил свою скуку разогнать немного!

— И это тоже отчасти верно. Плохо, человек, быть таким догадливым.

— Другие пока не жаловались, — огрызнулся Кирилл. Адвокат ему не нравился. Он был весь из себя противоречивый, лоскутный. Словно состоял из десятков тысяч людей и в каждый следующий миг открывался все с новой и новой стороны. А ещё Адвоката он боялся. Сам не мог объяснить природы своего страха, просто ощущал его чуждость, как собака ощущает волка.

— У тебя очень красочные эмоции, человек.

Человеческий глаз не мог уловить движения. Кирилл моргнул, а Адвокат уже стоял напротив него, снизу вверх разглядывая. Скрестив на груди руки, то и дело сдувая с глаз длинную чёлку.

Смотреть в эти глаза не было никакой возможности, и взгляд мужчины прикипел к экстремальному маникюру Адвоката. Черные длинные когти немного закруглялись, и каждый кончик был «украшен» маленькими бубенчиками.

— Не называй меня человеком. У меня есть имя.

— Тебе жить надоело? — усмехнулся Адвокат. — Ты ещё пока живой, человек. А если я буду называть тебя по имени, очень быстро перейдёшь в царство мёртвых. А тебе пока туда не стоит. Не так ли, человек?

Кирилл промолчал, не желая вступать в глупую полемику, в которой он заведомо на проигравшей стороне.

Адвокат рассмеялся, задрожали его плечи, исказились губы, но звука слышно не было. Зато его взгляд стал пристальнее, тяжелее, лёг на плечи могильной плитой.

— Интересный ты, человек, — сообщил он негромко. — И я ещё зайду к тебе.

И просто-напросто исчез. Кажется, мнение Кирилла его нисколько не интересовало. А на плечо мужчины легла холодная рука и Аня бледно улыбнулась.

То, за чем они пришли, было получено. Пора было

возвращаться домой.

Глава 3. Свидетели

В любой истории есть незримые, неслышимые свидетели случившегося. Иногда молчаливые, иногда излишне говорливые. Не обязательно живые. Пока года отматывались, накручивались, пока будущее стремительно распахнуло свои врата, говорить научились и вещи.

Видеокамеры, фотоаппараты, компьютеры, регистраторы на машинах. У них практически нет эмоций, люди навязывают им своё мнение: «железяки», даже не догадываясь, что может скрываться в электрических сигналах на микросхемах. Это сложно назваться душой. Душу Творец даёт людям. Это сложно назвать тенью души, но это образ, который пропитывает каждую схему. Это… эмоция.

В жизни каждого человека есть удивительно эмоциональная «железяка». Модем, который перестаёт подавать интернет, когда кто-то захотел стереть из интернета след своей жизни и деятельности. Старенький телевизор, который по всем законам железного мира давно должен отправиться на свалку, а он работает на радость одинокой старушке. Тостер, у которого всегда погорает именно правый край поджаренного хлеба, как нравится его холостому хозяину.

Примеров — масса, но одно неоспоримо. У «железяк» есть свои эмоции. И зачастую в поисках свидетелей, если на твоей стороне выступает в качестве помощника — нечистый, то обратиться за свидетельскими показаниями можно не только к живым. Но и к тем, кто к царству живых причастен только тем, что людям обязан своим созданием.

Кирилл об этом не догадывался. Поэтому и был порядком удивлён, когда Аня сказала, у кого именно они будут просить помощи.

— У видеокамеры?

— Да, — девушка медленно склонила голову и снова посмотрела на мужчину провалами своих мёртвых глаз. — Да. Видеокамера. Около перекрёстка, где всё случилось, находится магазин. Он там находился ещё тогда, когда я живая была. А сейчас, омут показал, что он ещё стал больше.

— Да. Его перестроили, когда по инициативе губернатора в некоторые районные центры пришли указания сверху о том, что для создания новых рабочих мест, привлечения людей и так далее — нужны крупные развлекательные центры. В этом — есть даже свой кинотеатр. — Кирилл не заметил, что в его голосе прозвучала некоторая гордость за городок. Раньше кинотеатра у

них не было.

Впрочем, Аня не впечатлилась, она просто кивнула. Это совпадало с той информацией, которую знала она.

— У магазина есть сеть видеокамер, и постоянное плотное наблюдение раскинуто по всей территории. Возможно, мы найдём там какой-то след.

— Не найдём, — отмахнулся Кирилл. — Ты забыла? Это в суде бы обязательно было приведено как доказательство. Диски с записями за тот день были изъяты. Но на них не было ни следа случившейся трагедии.

Ничего не выражающие глаза остановились на лице мужчины.

— Мы не будем брать диски. Мы спросим саму камеру.

— Что?

— Мы спросим саму камеру, — повторила размеренно Аня. — Не живого человека, вещь. Подойдём к ней и спросим.

— Она нам не ответит.

— Тебе бы никогда не ответила. Но я такая же как она, я есть суть чего-то большего. Она сущность образа, я сущность человеческого тела. А две сущности всегда найдут общий язык.

Если бы Кирилл мог удивиться — он бы удивился. Но для него вся тирады Ани прозвучала, как сумасшествие. Он ей просто не поверил.

Да и кто бы смог это сделать? Люди уверены, что их мир прост и понятен, в нём нет места тому, чего они не понимают. И Кирилл был частью тех, кому простые истины вдалбливали с детства.

То, что чудо ходит рядом с ним — он не осознавал. Не считал сном, не считал извращённой действительностью. Просто не мог осмыслить.

Поэтому, когда Аня остановилась у камеры, он не поверил своим глазам.

— Хочешь послушать? — взглянула девушка на него.

Кирилл кивнул больше от удивления, но поменять своё мнение уже не успел. Аня взяла его за руку, как маленького ребёнка, за ладошку. Придерживая бережно и осторожно. Девушка сама не осознавала это, а мужчина смотрел на неё растеряно. Эмоций у неё не было, да и тело иногда её подводило. А вот это — осталось. То как она сжимала ладошку племянника… То как удерживала бы ладошку сынишки.

— Аня… — хриплый голос Кирилла девушка не услышала. Она была сосредоточена на том, чтобы дотянуться до сущности камеры. И отвлекаться попросту не пожелала.

Мужчина попробовал бы ещё раз, но время истекло.

Видеокамера, направленная на перекрёсток, подмигнула. И в воздухе зазвучал сухой голос. Так же, как и Анин — лишённый эмоций, пустой и немного усталый.

— Вы пришли по поводу аварии?

— Да, — согласилась Аня. — Она случилась здесь десять дней назад.

— Десять ночей, — педантично поправила камера, — всё случилось ночью.

— Хорошо. Вы можете нам рассказать, что случилось? И кто это видел?

— Диски, у меня были мои диски. Мои друзья. Мы столько времени провели вместе. Они знали столько интересного. Я старая. Я часто стала забывать то, что было.

В невозможности происходящего впервые появилась логика. У записывающих камер была своя внутренняя память, которая по мере её накопления или перезаписывалась или скидывалась на внешние жёсткие диски. И память камеры касалась именно объёма информации, которая записывалась на эти устройства.

— И они всегда мне рассказывали и подсказывали. Но их забрали. Их забрали… — в электронном голосе камеры прозвучала мука. — Они были дороги мне. Я любила их! Но их забрали и больше не вернули.

— Расскажите, кто забрал ваши диски?

— Мужчина, я никогда не видела его ранее.

«Соответственно, он появился только один раз, чтобы забрать диски. Именно в этот период внутренней памяти. Надо записать марку модели камеры, чтобы можно было потом понять, сколько у неё внутренний объём и сколько часов она записывает».

— Мир вокруг меня малоцветен. И я редко что замечаю. Но этому мужчине не нравилась в нашем доме. Он брезгливо кривил нос. И когда он засовывал мои диски в свой портфель, на его лице было презрение.

— Описать его можешь? — спросил Кирилл.

Камера промолчала.

— Она тебя не слышит, — прошептала Аня. — Но я поняла твой вопрос. Ты можешь описать этого человека, — уточнила она уже у камеры.

Повисло долгое молчание. По экрану устройства бегали тёмно-зелёные полосы.

— Да… Могу. Он забрал моих друзей. Я запомнила его. Я сохранила его образ.

Негромкие щелчки наполнили улицы. И с каждым щелчком на экране видеокамеры появлялся образ, сотканный из пикселей. Один за другим, собираясь по кусочкам, как гигантский паззл, на

экране формировался незнакомый человек.

— Жаль, это нельзя использовать как доказательство.

— Мы — не живые люди, — отозвалась Аня, выпуская руку Кирилла. — Нам можно.

О чём она говорила с камерой дальше, мужчина уже не слышал. Он просто смотрел на девушку, стоящую с видеокамерой рядом и испытывал острый приступ недовольства собой. Он ничего не мог сделать, за него всё делали другие…

— Готово, — Аня отстранилась от камеры, сжимая что-то в руке. — Я… хочу мандаринов. Можешь купить мне?

— Конечно, — кивнул Кирилл. — Зайдёшь вместе со мной?

— Нет. Слишком ярко, слишком живо. Оно меня пугает.

В первый момент мужчина подумал о том, что к Ане возвращаются чувства. Что она может! Может…

— Чувство самосохранения — единственное, что поддерживает жизнь в телах «кукол», — сообщил негромкий голос, и на плечо Кирилла легла с тихим звяканьем рука с чёрным маникюром.

— Ты! — едва не подпрыгнул мужчина.

Адвокат склонил голову.

— Я пройдусь с тобой в магазин. Идём.

— Зачем?!

— Не всё можно доверить куклам, — засунув руки в карманы джинс и ссутулившись, Адвокат отправился к дверям магазина. — Есть три возможности узнать о том, что случилось. Спросить неживые предметы — с этим отлично справляются мои мёртвые, как ты сам стал тому свидетелем. Затем, войти в сон живого человека и воспользоваться колыбельной воспоминаний. Он вспомнит всё, до малейших деталей, чему стал свидетелем. А вот что, как ты думаешь, делать с теми, кто не спит?

— Подождать пока ляжет спать.

— А если на это нет времени?

— Найти другого свидетеля.

— Ты слишком мягкий, — укоризненно сообщил парень. — Ты должен быть жестоким.

— Не собираюсь.

— И после этого, вы утверждаете, что вы люди — не странные! — Адвокат только головой покачал. В этот раз он не пугал Кирилла, словно забыл по нечаянности свой злобный флёр на пустыре. — В этом случае я появляюсь лично. Я загляну в память человека и посмотрю, что он знает.

— Кого именно ты хочешь… допросить?

— Деликатность — тоже не всегда полезна. Я опрошу охранника, который дежурил в ту ночь. Он вышел на улицу

покурить, поэтому видел всё своими глазами.

— Почему же он тогда не сказал в суде?!

— Потому что он никому не сказал о том, что видел. Когда его спросило начальство, что он делал в ту ночь, он испугался. Неплохой, в общем-то, мужчина, но он побоялся, что с ним что-то сделают. Поэтому и сказал, что в этот момент заснул, плохо себя чувствовал и прочее. Его даже не ругали за это. Ничего в общем необычного.

— Ты уже всё знаешь?

— Нет. Я не знаю, кто его спрашивал о том, что случилось в ту ночь. Я хочу знать, сам ли он принял решение о том, что в ту ночь «спал». Я хочу знать, как он себя ощущает после такого «умолчания».

— А последнее зачем?

— Для вынесения приговора, — пожал плечами Адвокат. — Разве я не говорил тебе? Я выношу приговор и слежу за его исполнением. И приговор будет вынесен для всех, кто так или иначе виновен в случившейся трагедии.

— В том, что родители… умерли? — надтреснутым голосом спросил Кирилл.

— Не только. Моя задача наказать не только виновника их смерти, для него приговор вынесен уже давно. Смерть — за смерть. Я выношу приговоры тем, кто допустил, чтобы их смерть осталась безнаказанной. Кто допустил, чтобы за чертой мира живых, за порогом этого мира — их души страдали от невыносимой муки и не могли отправиться дальше.

Кирилл промолчал. Для него всё это было непонятно. Да, он призвал на помощь Адвоката мёртвых и уж тем более, не жалел об этом, но осознание реальности ускользало сквозь пальцы.

Непонятно. Просто слишком непонятно происходящее.

— И? Что ты будешь делать, когда узнаёшь, что он, например, раскаивается в этом?

— Вынесу смягчённый приговор, приведу его в исполнение и тем самым отрежу одну из верёвок, что удерживают две души на границе. Сниму часть груза с них, позволив ненадолго вздохнуть легче.

— Почему есть ограничение? После девяти дней, но до сорока? — спросил Кирилл то, что ему было непонятно с самого начала.

— Ваша человеческая религия. До девяти дней душа находится на земле. От девяти до сорока она зависает между мирами, пока решается, куда ей отправляться. После сорока дней возможность влиять на душу исчезает. Поэтому есть всего тридцать дней на то, чтобы найти и наказать всех обидчиков.

— Зачем это делаешь ты?

— Оплачиваю, — не стал на удивление увиливать от ответа Адвокат. — Оплачиваю таким образом своё проживание здесь.

— Ты… не местный?

— А вот это уже то, что тебе знать не следует.

Кирилл кивнул, читая между строк простое «да».

Фотоэлемент на дверях сработал, и две огромные стеклянные створки разошлись в разные стороны. Тихо играла музыка. На кассе дремала женщина средних лет. По залу передвигалась молодая парочка с тележкой, разглядывал стенд с красочными журналами прыщеватый подросток.

Обыденность разгонялась яркими красками товаров на прилавках. Шоколадки, жвачки, пиво, чипсы, чуть подальше хлеб. Ещё дальше — уже крупные отделы: мясной, молочный, колбасный, шоколадный, фруктовый.

Идти вместе с Адвокатом Кириллу не хотелось, и когда он решился об этом сказать — обнаружил, что Адвоката рядом с ним уже и нет. Наверное, это было немного не по-мужски, но единственное чувство, которое Кирилл в этот момент ощутил — было облегчение. Адвокат не был человеком. Он был, скорее, за гранью человеческой действительности. С ним можно было мириться, на короткий момент времени с ним можно было даже сосуществовать. Но его невозможно было понять. И это, пожалуй, даже было опасно делать.

Кирилл прошёл вначале в фруктовый отдел, купил мандарины. Остановился в шоколадном, чтобы купить небольшой презент для сестры и двинулся к выходу. Он уже почти дошёл до Ани, когда раздался отдалённый хлопок, и из подвального окна повалили клубы дыма.

— Раз, — мёртвым голосом сказала Аня.

И когда Кирилл взглянул на неё, на него глянули белые провали глаз Адвоката. Потом тёмные ресницы опустились, и на мужчины посмотрела уже сама девушка. Вытащив из пакета мандарин, она счистила шкурки и засунула дольку в рот. Кириллу она предлагать не стала, да он и не настаивал.

Было о чём подумать.

До дома мужчины они шли молча. Кириллу разговаривать не хотелось, а Аня могла только отвечать на вопросы. Своих вопросов у неё не было, откуда они у мёртвых?

Улицы ложились под ноги. Тёмные дома вокруг намекали о том, что уже очень поздно и давно пора ложиться спать. Редкие фонари вдоль дороги ненадолго разгоняли мрак, а потом всё снова погружалось в темноту.

Тихие шаги иногда разбавлялись плеском по лужицам и

влажным чавканьем грязи. Где-то каркало воронье, которое гонял развлекающийся Карас. Ночь давно вступила в свои права…

До дома они так и дошли, в полной тишине. От душа Аня отказалась, так же как и от постельного, и даже от позднего ужина. На Кирилла она смотрела равнодушно. Ни тени возмущения в том, что он предлагает ей, мёртвой, то что ей не нужно. Ни тени радости тому, что ей предлагают иллюзию жизни. Пустота.

В её глазах, в её душе, в её теле.

— Я спать, — сдался Кирилл. — Разбуди завтра около одиннадцати.

Макушка девушки качнулась и на этом всё. Ничем другим, что она слышала, поняла и сделает, Аня выражать свои мысли не стала.

Устроившись в кровати, мужчина включил мобильный, взглянул на пропущенные звонки, смс-ки и махнул рукой. Ни с кем общаться не хотелось.

Закрыв глаза, Кирилл на удивление быстро скользнул в сновидение. Только, следовало внимательнее слушать то, о чём говорил Адвокат в магазине. Потому что сна как такового не было. И вместо разнообразных видений, мужчина оказался на пустыре.

Всё тот же стол и стул. Та же манера сидеть, забросив ноги на стол. Пепельница с фисташковыми скорлупками, только газета была отложена на край стола. И трубка была снята и в руках Адвоката.

И выглядел он снова далёким, опасным. Таким, что страх пронзал каждую клеточку тела.

— Почему ты меня боишься, человек? — спросил Адвокат, подавшись вперёд.

— Тебя сложно не бояться, — Кирилл пожал плечами, прислонившись к небольшому столбу за своей спиной. Откуда он там мог взяться, мужчина предпочёл не думать. А ещё — не оборачиваться, чтобы на это посмотреть.

— Ты ощущаешь эманации смерти, которыми пропитан мой облик. Странная способность для человека этого мира. Я думал, вы все уже разучились смотреть на мир широко раскрытыми глазами и слушать его.

— Я вообще-то лёг спать, что я здесь делаю?

— Мы пойдём искать свидетелей. Телу куклы нужен отдых.

— Мне тоже.

— А твоё тело отдыхает. Твой разум ещё не настолько устал, чтобы было нужно давать ему отдых, — Адвокат смотрел на Кирилла с насмешкой.

А Кирилл наконец-то осознал, что именно создавало в облике этого нечеловека ощущение лоскутности. Адвокат не был целостным. В каждый момент времени он существовал в состоянии одной эмоции, она выпячивалась, раздуваясь и затмевая всё остальное. И уже в следующий миг на смену этой эмоции могла прийти следующая, вплоть до её полной противоположности.

— Пытаешься меня понять? — спросил Адвокат, спуская ноги со стола. — Не стоит. Я не человек, поэтому подходить к оценке моих действий и моих слов с человеческой точки зрения — заранее безнадёжно.

— Ты говоришь логично. И отчасти похож на человека.

— Скорее, я под него маскируюсь.

— Какой тебе резон помогать мне? Отвечать на мои вопросы? Заботливо присматривать, чтобы человек не рехнулся?

— Это моя работа.

— Работа? — не веря, протянул Кирилл. — Ты ещё скажи, тебе за неё платят!

— Платят, конечно, — усмехнулся Адвокат. — За бесплатно и за «спасибо» только дурак работать будет. Но ты смешной, человек. Ты специально пытаешься вывести меня из себя?

— Нет. Я просто хочу знать, можно ли тебе доверять.

— Спросил бы сразу, я тебе без долгих прелюдий сказал бы, что нельзя. Ты можешь мне верить в том отношении, что работа будет выполнена. Можешь надеяться на то, что все обидчики получат по заслугам. Но мне ты доверять не должен.

— Потому что ты не человек?

— В точку, человек. Связавшись с миром мёртвых, ты должен быть теперь очень осторожен, чтобы вернуться в мир живых без потерь.

— Вернуться?

— Да, на тридцать дней, что мы подписали контракт — ты не сможешь спать. Твоя душа будет перемещаться сюда, на эту пустошь.

— Но ведь это же…

— Это не мир живых, человек. Оглянись по сторонам.

Оглядываться Кирилл не стал.

— Как-то не жажду это делать.

— Осторожность — хорошее качество. Одно из немногих хороших, которые есть в твоём активе, человек. Мы сейчас в преддверии мира мёртвых. Если бы ты был к миру мёртвых чуть ближе, чем сейчас, ты легко бы разглядел те врата, на которые сейчас опираешься спиной. Не спеши дёргаться, это врата мира живых. Врата мира мёртвых за моей спиной.

— Мы в предбаннике?

— Странное слово. Что оно значит?

— Место, где можно или нужно задержаться по какой-то причине, перед тем как отправляться дальше. Ты что, никогда не был в бане?

— Нет, — Адвокат пожал плечами. — Зачем?

— Действительно, — согласился с ним мужчина. — Раз ты не человек, посещение бань и прочие водно-гигиенические процедуры тебе без надобности.

Белые глаза ничего не выражали, но по позвоночнику Кирилла прокатился холод. Его контрагент был раздражён. Это ощущалось едва заметно, едва ощутимо.

И всё отрезало. Адвокат улыбнулся. Звякнули бубенчики.

— Да. Ты действительно хороший кандидат. Но не будем терять время, мы и так преступно задержались здесь. Давай мне свою руку, человек. Мы пойдём в сон человека, который видел всё случившиеся, но не смог рассказать.

— Почему?

— Ему никто бы не поверил. Он невольный свидетель, свидетель непрошеный. Сумасшедший.

Кирилл, уже сделав было шаг к Адвокату, остановился и даже отступил назад.

— Не горю желанием идти в сон сумасшедшего человека.

— Да, действительно, человек. Сны сумасшедших людей — это феерия красок и безумств. И это не то место, куда стоит заглядывать здравомыслящему человеку. Но в этот раз у тебя нет выбора. Ты подписал контракт. И к тому же к здравомыслящим людям тебя не отнесёшь, скорее, возникает вопрос — действительно ли ты человек благоразумный.

— Мне не стоило с тобой связываться.

— Поздно, — усмехнулся Адвокат. — Ты уже заключил контракт, и тебе деваться теперь некуда. Поэтому, постарайся набрать в грудь побольше воздуха и учись, пока ещё это возможно — получать наслаждение от происходящего.

— Это невозможно! Я же…

— Человек? — в голосе Адвоката так и звучала язвительность. — Так наслаждайся хотя бы этим.

Больше Кирилл ничего не сказал. Этот спор выиграл Адвокат. И когда рука с бубновым маникюром сомкнулась на его запястье, он послушно шагнул вперёд.

В лицо больно ударили гранулы то ли минералов, то ли острого песка. Тут же запекла щека, и что-то горячее тонкой полосой протянулось по коже. В глаза ничего не попало только потому, что их закрыл…Адвокат.

Здесь и сейчас он стал гораздо выше ростом чем Кирилл, шире в плечах. Хотя и по-прежнему напоминал себя самого. Только увеличенного, раза так в полтора под невидимым увеличительным стеклом.

— Как?

— Мы чуть ближе к миру мёртвых, чуть больше мои способности и чуть внушительнее внешний вид. Как-то так, — отозвался Адвокат, повернувшись и нацепив на Кирилла очки. — Нос будет поцарапан завтра. Щека… скажешь сестре, что подрался с бродячей кошкой, которую решил приютить. А теперь идём.

Сказать то Адвокату было легко, а вот Кириллу сдвинуться с места — было гораздо сложнее. Как оно чаще всего и бывает, теория разошлась с практикой. В теории — это просто был сон. А на практике оказалось, что от этого сна боль вполне настоящая. И ветер сбивает с ног. И солнце, хоть и чёрное, и окружено тремя кольцами — тоже слепит как настоящее.

И даже снег, он хоть и солёный, но края у него острые, и кровь из царапин бежит самая настоящая, кровь Кирилла.

— Неприятное местечко, правда? — осведомился негромко Адвокат, оглядываясь.

Сейчас они вдвоём стояли… Кирилл даже глаза потёр, чтобы убедиться, что у него они открыты, на черепахе. Плоский панцирь был весь заполнен крестиками-ноликами. Можно подумать, поиграть больше кому-то негде было.

«Впрочем», — пришла следом мысль. — «А негде!»

Место, где они оказались, было именно таким. Чёрное солнце с тремя кольцами. Солёный снег. И всё — только черепахи, которые были лентой мебиуса скручены вокруг светила.

Ничего больше.

Каждая следующая черепаха, была точно также — расчерчена крестиками-ноликами.

— Оригинально, — хмыкнул Адвокат. — Непредсказуемое поле и простейшая игра на… ну-ка, ну-ка, на пять отметок. Так, человек. До той черепахи, где я вижу мальчика и белого пасхального зайца, сам ты не допрыгнешь. Волочь тебя на себе — я не собираюсь. А если свалишься, то искать потом тебя придётся в чужих кошмарах. Не хочу терять время. Поэтому ты сейчас возвращаешься домой. В свою постельку. Утром проснёшься, и Аня тебе расскажет то, что ты должен знать.

И снова Кирилл не нашёл слов, чтобы возразить. Бубенчики на ногтях Адвоката звякнули, и когда мужчина открыл глаза — над головой был знакомый потолок его спальни.

В гостиной тихо бормотал телевизор, каркал ворон.

Слышался шум льющейся воды, Аня что-то делала на кухне.

Всего на миг Кирилл позволил себе помечтать о том, что он мог бы так жить. С любимой Аней в одной квартире. Слышать, как она шумит чем-то на кухне, готовя завтрак. Думать о том, какие цветы купить ей просто так, без причины. Планировать выходные и поездку с друзьями на шашлыки.

И чтобы родители были не на кладбище, а в деревне. И сестра не в больнице, а в гламурном клубе брала интервью у нового модного художника. И жизнь — прекрасна.

В гостиной возмущённо каркнул ворон, и нарисованная сказка разлетелась на осколки.

«Спать», — приказал себе Кирилл. — «Немедленно».

Мысли словно испугавшись приказа разбежались, и мужчина действительно скоро заснул. Но сны к нему пришли маятные, недобрые. То он догонял по черепаховым панцирям, то его. А под конец обезглавили кого-то на гильотине, и под крик воронья покатилась голова по брусчатке…

Глава 4. Попустительство

Любая трагедия становится венцом цепи случайностей. Не обязательно действий роковых, как разлитое девушкой масло на рельсах, но случайных. Не обязательно крупных, возможно — очень маленьких, практически незаметных.

Сломанный ноготь, испорченный замок на осеннем сапожке девушки, отчего она опоздала на работу. Переполненный трамвай, где в давке кто-то вытащил кошелёк у немолодого мужчины. Потерявшийся мячик у ребёнка. Выроненная монетка в один рубль. Взмах рукой в сторону вороны, чтобы согнать её с неширокой уличной тумбы.

Случайности сливаются, накапливаются вместе и угрожающей лавиной срываются вниз, превращаясь в трагедию. И чаще всего, трагедия стоит кому-то жизни. Когда одной, когда двум, когда сразу ста или тысяче. Сложно определить, что стало причиной, а что следствием. Понятно только одно, есть причины, о которых никто не догадывается. Есть те вещи, о которых не знают люди. Есть вещи, которые вскрываются только тогда, когда на твоей стороне — хозяин мира мёртвых.

Не самое безопасное знакомство привело в результате ещё и к тому, что Кирилл, считавший, что знает о жизни почти всё, каждый день узнавал всё новое и новое. О жизни, о событиях, о людях. Причём в последней категории на поверхность всплывало то, что знать мужчине никогда не хотелось.

Было бы лучше, если бы определённые вещи никогда не всплывали на поверхность.

— Кирилл?

Тихий голос вырвал мужчину из задумчивости.

— Ты уже которую минуту подряд пытаешься вилкой пробить тарелку. Может быть, ты всё же поешь, а потом будешь уходить в свои мысли?

Знакомая реплика, знакомая до боли и до слёз. Так легко было представить себе, как Аня в этот момент поджимает губы, упирает кулаки в бока и хоть сама маленькая, напрыгивает на Кирилла. Ни дать, ни взять — боевой воробей.

— Да, да, — скорее той девушке из прошлого, чем присутствующей рядом с ним Ане, ответил мужчина. — Сейчас буду. Спасибо.

— Пожалуйста, — отозвалась Аня тем временем, отсев от стола. Около её руки горочкой лежали мандарины. В руках у девушки был нож. Нарезая на тонкие лепестки шкурку, дольки Аня ела. Из шкурок — получался часть цветка. На краю стола уже

лежали три странно-узорчатых цветка, напоминающих то ли лотос, то ли кувшинку. Красиво, и удивительно.

— Аня, что ты делаешь?

— А? — девушка подняла голову, отвлеклась. Рука дёрнулась, прочертив на руке царапину.

— Аня! Твоя рука! Ты порезалась! — Забыв и завтрак, и нож с вилкой на столе, Кирилл торопливо взял ладонь девушки в свои руки. Потусторонний холод в который раз обжёг мужчину, по спине пробежали мурашки. Царапина, довольно глубокая была, а крови — нет. И кожа, под взглядом Кирилла, стянулась, сцепилась друг с другом невидимыми ладошками. От царапины не осталось и следа.

— Ты до сих пор не понял? Я мёртвая.

Слова прозвучали уже в который раз, а ударили больнее, ударили со всей силы, со всего размаха, заставляя чуть ли не кричать от ужаса.

Как она может быть мёртвой, как? Те же непослушные локоны вдоль лица, та же чуть шероховатая обветренная кожа. Та же хрупкая фигура.

Кирилл отвернулся, отпуская холодную ладонь, возвращаясь к тарелке, словно заведённая кукла. Всё было то же, но не хватало тех мелких, незначительных деталей, которые делают облик человека узнаваемым. Не хватало чуть ироничного прищура глаз, не хватало задорной улыбки, из-за которой хотелось улыбнуться в ответ. Не хватало мягкости в голосе и чуть усталой сутулости.

Не хватало жизни…

Вилка выпала из рук, покатилась по полу.

— Я сейчас дам чистую, — поднялась с места Аня.

— Нет, — полузадушенно сказал Кирилл, ныряя под стол. — Я сам…

Аня вернулась на своё место, мужчина вернулся за стол, поменяв вилку. На душе у него было не просто тяжело, было мерзко. Понимание ситуации медленно заползало в сердце, отравляя его, разрывая его в клочья своими ядовитыми когтями.

Мёртвая. Она мёртвая. Хоть и сидит рядом, но — она уже давно в холодной земле, отпета, оплакана. Пусть и не забыта, пусть до сих пор в сердце занозой кровоточащей, но сейчас рядом — только тень, только призрак, которому чужая прихоть придала такой облик.

Боль насмешливо оскалилась в лицо, звонко рассмеялась и растворилась. Кирилл понял, что смотрит на Аню и не может отвести от неё взгляда.

— У меня что-то на лице? — тихо спросила девушка.

— Да, — мужчина протянул руку, смахивая оранжевый

лепесток от уголка нежных губ. — Кусочек кожуры. Я помою посуду, сиди. Расскажи пока, что нас ждёт сегодня?

— Есть определённый порядок, который соблюдается при процедурах, проводимых Адвокатом, — ответила тут же Аня. — Свидетелей мы прошли. Вчера ночью Адвокат получил всю необходимую информацию, картина случившегося именно на перекрёстке выстроилась полностью. Теперь мы переходим ко второму пункту. Мы навестим тех, кто мог предотвратить трагедию или стал вольным или невольным её соучастником.

— Как это?

— Поймёшь по ходу дела.

Неожиданно резкий ответ. Словно на какое-то мгновение проснулась эмоция.

Кирилл не обольщался. Скорее, Адвокату не хотелось, чтобы его марионетка сказала что-то лишнее.

— Аня.

— Что?

— Ты можешь рассказать всё, о чём тебя ни спросишь?

— Нет, — девушка медленно покачала головой. — Есть то, на что я никогда не отвечу, потому что мне нельзя. Но это не Адвокат наложил на меня ограничения, они наложены другими.

— А… — Кирилл кивнул. — Хорошо. Я понял. Мы отправляемся?

— Ты готов?

— Да.

— Тогда отправляемся, — Аня поднялась со своего места первой.

Взглянула за окно, поёжилась и двинулась к двери. Кирилл повернулся к подоконнику. Чёрный ворон изучал Кирилла, потом махнул крыльями, поднялся в воздух и растаял в небе.

В любой истории есть перекрёсток, в котором история могла бы пойти по одному из двух, трёх и более путей развития. Классическая тройная развилка в русских былинах, налево, направо и прямо. Обычное «если», которое часто терзает нас в мыслях.

Случаются ситуации, участники которых совершают подвиг и трагедия превращается просто в экстремальную ситуацию. Встречаются и обратные ситуации, когда люди проходят мимо беды, и то, что могло бы стать просто ночным кошмаром, обращается в трагедию. Попустительство — беда замёрзших сердец, безусловная трагедия всего человечества.

Какая разница, что там произойдёт? Меня это не касается.

И человек проходит мимо, даже если видит, что может

помочь.

Аня, немного неестественным движением поправив сумочку на плече, огляделась по сторонам.

Кирилл же всё пытался понять, о каком попустительстве она говорила, пока они ехали на трамвае почти на другой конец города, к старому пабу «под Ирландию».

— Аня, может, пояснишь? — потребовал он, когда, наконец, сдался в попытках понять о чём она говорила самостоятельно.

— Попустительство — умышленное или неумышленное не указание на происходящее.

— Понятнее не стало.

Аня вздохнула.

— Кирилл, хватит издеваться что ли. Ты не мог не понять.

— Я не понял.

— Хорошо. Сейчас поясню. Сразу на примере.

Девушка решительно шагнула к пабу, даже не став ждать, когда Кирилл откроет дверь. Пряное тепло уютного места после прохладной улицы было настоящим спасением. На промозглом ветру, хоть и прошли они всего недолго, мужчина промёрз.

— Итак, — сев за стол, Аня уткнулась в меню. — Я буду что-то связанное с мандарином, а ты — как хочешь.

Кирилл покачал головой, оставил куртку на спинке стула и отошёл к барной стойке. Краем глаза он увидел, как поднялась со своего места Аня. Далеко она не ушла в сторону, всего лишь подошла к мужчине за соседним столиком. Она стояла полубоком, поэтому что именно она сказала Кирилл по её губам не прочитал, да и слышно не было. Но к тому моменту, как мужчина вернулся за столик, Аня была там.

— Ты его знаешь?

— Нет, — девушка чуть заметно покачала головой, не поднимая глаз от стола.

— Его знаю я.

Ножки стула заскрежетали по полу, а затем сверху взгромоздился знакомый парень. Правда на этот раз он всё-таки сменил свитер на рубашку с высоким воротничком и приличный джемпер. Звякнули бубенчики.

— Ты не зачастил ли? — сам не зная почему разозлился Кирилл.

Адвокат усмехнулся.

— Зачастил. Но ты интересный, человек. Так что, что хочу то и делаю. Ты же не будешь возражать.

Памятуя о том, что о контракте и о душе говорил Адвокат в прошлый раз, Кирилл предпочёл промолчать.

— Человек умеет молчать? — изумился Адвокат, потом

взглянул на Аню. — Принеси мне ирландский кофе. И здесь сегодня у повара получились биточки неплохо, их тоже закажи. Две порции.

— Хорошо, — послушно поднялась с места Аня.

— А деньги?! — Кирилл рванулся было за ней, но парнишка, положив руку на его плечо, удержал мужчину на месте.

— У неё есть. Спокойно.

— Откуда у неё деньги?!

— Законы мира, — Адвокат чуть заметно пожал плечами, заглянув в кружку к Кириллу и забрал его кофе себе.

— Эй! Это…

— Твой кофе, я знаю, — парнишка пожал плечами. — Но я хочу кофе, а ты хочешь понять. Хороший обмен, верно? А Аня тебе принесёт ещё кружку. Итак, законы мира. Когда люди умирают, у них остаются деньги, ты же это знаешь?

— Знаю.

— Часть денежных средств остаётся живым, по наследству, по случайности. Часть средств отправляется в своеобразный фонд мёртвых.

— Зачем нужен такой фонд?!

— Ты же не думаешь, что она, — Адвокат махнул головой в сторону Ани, разговаривающей о чём-то с барменом. — Единственная такая?

— Н… нет?

— Нет, — в голосе собеседника слышалась обидная насмешка, которую Кирилл предпочёл проигнорировать, чем принимать близко к сердцу.

— Ладно, и что они все здесь делают?

— Смотря кто, — Адвокат едва уловимо нахмурился. — В любом случае, в этом фонде есть необходимость. Ну и раз он есть, значит, мёртвые могут пользоваться деньгами из этого фонда, забирая оттуда столько, сколько им нужно.

— Хорошо. А зачем ты Аню отправил к прилавку?

— Всё время забываю, человек, что ты слишком много понимаешь.

— Это плохо?

— Лишняя головная боль.

— Ну, прости! — огрызнулся Кирилл.

— Не извиняйся, человек, в твоём голосе всё равно не слышно раскаяния.

— Слушай.

— А?

— Тебя никто не хотел ударить?

Адвокат расхохотался.

— Человек, ты такой умный, но такой глупый. Я не существую в этом мире. Если на то не будет моего желания, до меня невозможно даже дотронуться.

— Да? — Кирилл, хорошо помнящий тепло ладони, которая закрыла ему глаза, протянул руку и коснулся плеча парнишки. Плечо было тёплым, джемпер немного кололся.

Адвокат только головой покачал.

— Ты меченый смертью. Ты не принадлежишь этому миру точно также, как и я, или как Аня. Начинай думать, человек. Думать головой, и поменьше слушай тот орган, из-за которого у вас все проблемы.

Кирилл закашлялся.

Из-под чёлки взглянули белые глаза.

— Ты странный человек.

— Какой есть. Зачем мы здесь?

— Человек, к которому подходила Аня — один из тех, чьё намеренное попустительство привело к трагедии. Он знал, что убийца твоей семьи сел за руль пьяным, он мог остановить его, но не стал этого делать.

— Он… раскаивается?

— Нет.

— А он… знает?

— Безусловно. — В голосе Адвоката прозвучала растерянность, потом он сдался. — Я действительно не понимаю вас, человек. Он мог предотвратить трагедию, ему для этого нужно было просто вызвать такси для гостя, напивающегося в их ресторане. Затем деликатно помочь ему сесть в машину. И ничего бы не было. Ничего. Совершенно. А он махнул рукой, подумал, что это его не касается. И сейчас радуется тому, что ничего не стал делать, потому что не лишился работы. Где логика, человек? О чём вы думаете?

— О деньгах. О жадности. О том, что мы можем таким образом удовлетворять свои желания и наклонности. Никто не собирается быть святым, никто не хочет быть хорошим.

— Почему?!

— В этом нет прибыли.

— Прибыль, прибыль, прибыль! У вас всё крутится вокруг денег. Прогнивший мир… — Адвокат прищёлкнул пальцами.

— Что ты сделал?

— Наказание. Он уверен, что всё в мире можно купить за деньги. Теперь он познает обратную сторону мира, в которой за деньги невозможно купить то, что поистине важно. Не спрашивай, что именно войдёт в его наказание, человек. В этом мире есть вещи, которые ты не должен знать, чтобы не испытывать печали

или горечи. Печаль и горечь только привяжут тех, кого ты должен отпустить.

Кирилл кивнул. Адвокат в очередной раз повернулся к нему той стороной, которую он не понимал.

— На этом всё? — спросил он.

— Нет, — паренёк покачал головой. — Был ещё один попуститель, человек. Но с ним разбираться будешь ты сам.

Объяснять ничего больше Адвокат не пожелал, подхватил биточки и кофе, из воздуха сотворил точно такие же, но уже чистые приборы и исчез со своим заказом.

— Мы задержимся? — уточнила Аня.

Кирилл покачал головой.

— Ты знаешь, куда идти?

— Да.

— Тогда идём. Что-то мне… расхотелось… здесь сидеть.

Они двое уже выходили на улицу, когда позади донеслось:

— Мужчина? Мужчина, вам плохо?

Кирилл хотел повернуться, но Аня не дала. Вцепилась в его руку и отрицательно покачала головой.

— Не надо.

— Но я просто…

— Не надо. Идём. Иначе мы опоздаем на автобус. А потом будет поломка, и пойдём мы пешком или такси придётся ловить, — зачастила девушка. — Пойдём. Ну, пойдём же!

Кирилл спорить не стал.

Автобус уже отъезжал от остановки, когда мимо проехал с включённой сиреной карета скорой помощи. Кому-то где-то стало плохо. Это могло быть совпадением, но мужчина уже так не думал.

Скорую вызвали мужчине в пабе, которому стало плохо.

— Аня.

— Да?

— Куда мы едем?

— В ту ночь, когда всё случилось, помимо распорядителя зала, стол обслуживала девушка-официантка. Она тоже видела, как сильно напивается… ОН. И она тоже является сопричастной.

— Откуда ты знаешь её адрес?

— Адвокат сказал. А ему — мёртвые.

Кирилл хмыкнул. «Адвокат сказал» — было универсальным ответом, и судя по всему, это значило, что ответа мужчине лучше не знать.

Старенький автобус подпрыгивал на кочках, на грязном заднем окне кто-то нарисовал рожицу с высунутым языком и подписал: «Помой меня». Видимо мыть автобус никому не

хотелось, и рожица плакала каплями недавнего дождя.

— Кирилл…

— Что? — повернулся к Ане мужчина.

Она попыталась что-то сказать, раз, второй, потом покачала головой. Спокойно, словно ничего не случилось, отвернулась:

— Забудь.

Но Кириллу почудилось в её движении, в её взгляде тоска и мольба. Но ведь она же… Она…

Думать об этом было больно, и мужчина отвернулся в сторону.

За окном заплакал начавшийся дождь. И в сером отражении потёрлась одинокая слезинка, скатившаяся по бледной холодной щеке.

Автобус остановился только через двадцать пять минут. Жила девушка-официанта на другом конце города. Серая девятиэтажка старой планировки стояла в глубине старого спального района. На улицах практически не было людей. Все были на работе.

— Разгар рабочего дня, как-никак, — пробормотал Кирилл, подняв голову. В похожей девятиэтажке жила со своей семьёй Аня. Сейчас они переехали, но… Бросив взгляд на девушку, мужчина убедился, что она спокойна и двинулся первым к указанному подъезду.

Лифт как всегда не работал, и на шестой этаж пришлось подниматься пешком. Под дверью они стояли минуты три не меньше. И если бы Кирилл бы один, он скорее всего бы ушёл. Но Аня настояла на своём, говоря, что дома хозяева есть. Поводов у Кирилла сомневаться в словах девушки не было, поэтому он спокойно стоял под дверью, ожидая когда им откроют.

Дверь открылась так резко, что если бы Кирилл стоял под ней, он вполне мог бы остаться без носа.

На площадку вылетела в драненьком халатике всклоченная девица лет девятнадцати-двадцати.

— Кому дома не сидится, кто там шарится по чужим домам, дворам?!

— Смею надеяться, что всё же я не шарюсь, — отозвался Кирилл, чуть повернув голову. Опираясь на стенку сбоку от двери, он смерил девицу таким взглядом, что та, заалев как помидор, торопливо запахнулась и прикрыла стыдливо ладошкой прореху на боку.

— Вам чего?

— Соседка твоя дома?

— Вам припадочная эта нужна, что ли?

— Почему припадочная? — тут же спросил Кирилл.

— А как ещё эту идиотку назвать? Уволилась с работы, три

дня проревела в подушку, а потом начала в истерике биться. В психушку бы её надо было везти! В психушку! Там таким дурам как она самое место.

— А куда её увезли?

— В это самое, ну короче куда не психов забирают.

— Кто увёз?

— Скорую вызвали. А ещё соседка наша раскудахталась, бегала вокруг неё, Сашенька, Сашенька! До чего ж ты себя довела, девонька!

— В невралгию Сашеньку увезли, — раздался укоризненный голос. И вместе со стуком клюки по грязному полу на площадке появилась старушка. Видимо, та самая соседка, потому что девица вначале взвизгнула, а потом спряталась за дверью. Вовремя, потому что следом в дерево ударила клюка. — Ишь, злыдня, что удумала! Сашеньку поносить! Сама не понимаешь, так другим не говори!

— Психованная! — крикнула злобно девица, щёлкнули замки и простучали босые ноги.

Кирилл посмотрел уже на соседку.

— Может быть, вы нам поможете. Нам с Сашей встретиться надо.

— Она в невралгии, милок. Сама девочка мне ничего не говорила, но у неё на работе какая-то беда случилась. Сашенька домой вернулась с неделю где-то назад сама не своя. Плакала долго. А потом плохо ей стало. Я вызвала скорую, и её увезли… Я хотела её навестить, но там только родных пускают.

— А родные у неё есть?

— Нет, милок. Тётка была, да и та бросила… Я вот ей яблочек своих… с деревни привезла… А меня так и не пустили.

Кирилл протянул руку:

— Давайте, бабушка, я передам ей. Мне с Сашей поговорить надо.

— Ой, спасибо тебе, милок!

— Не за что пока, — улыбнулся едва заметно Кирилл, принимая пакет. Затем протянул руку Ане: — Идём.

— Да, — вложив свою ладонь в ладонь Кирилла, девушка двинулась за ним по лестнице.

Снова на автобус, правда, на этот раз проехать надо было всего несколько остановок. Городская больница была окружена старым парком. Стройные берёзки соседствовали с толстыми дубами и развесистыми клёнами.

В парке бегали двое детей, поднимая в воздух листья и со звонким смехом топая по лужам. Аня вздрогнула, обняла себя за плечи, не осознавая того.

— Замёрзла? — тут же повернулся к ней Кирилл.

Губы должны были сложиться в «нет», она же мёртвая, она же ненастоящая, в какой-то мере. Но холод поднимался откуда-то из сердца, кружился вокруг, и Аня кивнула.

Скинув с себя куртку, Кирилл накинул её на худенькие плечи и обнял девушку.

— Всё будет хорошо. Идём.

— Д… да. Прости.

— Всё хорошо.

Иногда надо просто расслабиться и плыть по течению. Вот и в этот раз, чтобы получить результат, Аня самоустранилась, позволяя Кириллу договариваться с медсестрой. В палату к Александре Северной их пустили уже через пять минут.

Официантка оказалась молодой женщиной, лет двадцати четырёх. Возможно симпатичная, но сейчас черты её лица были искажены горем. Покрасневшие от слёз глаза, тёмные синяки, заострившиеся скулы, искусанные в кровь губы.

Горе было непоказным, но отчаянным.

Аня, стоявшая за спиной Кирилла, шагнула вперёд, цепляясь за его руку.

— В ту ночь, — тихо заговорила она. — Она обслуживала столик постоянного клиента. Он был из категории «буйных», поэтому к нему старались не подпускать молоденьких девочек. Но в ту ночь постоянный официант Крюкова с резким приступом аппендицита оказался в больнице. На смене была ещё одна девочка, но она боялась пьяных очень, поэтому отправили Сашу. Она очень быстро увидела, что клиент пьяный, предложила вызвать такси. Но… Новенькая нахалка, он её ударил, очень сильно. Видишь, на виске заклеено? Она ударилась о край стола, потекла кровь. Крюков вышел из ресторана, пока Саша пыталась потребовать у распорядителя зала, чтобы ему вызвали такси. Домой Сашу отвёз таксист при ресторане. А через день она узнала о том, что… случилось. Она даже была на похоронах.

— Ясно, — Кирилл смерил взглядом Александру. Она производила ощущение «не здесь», но… — И? Что делать дальше?

— Она уже наказана. Она наказала сама себя. Но её мучения тоже держат твоих родителей на грани. И если бы ты смог подобрать нужные слова, чтобы… чтобы…

— Я понял.

Подойдя к кровати и сев на неё, мужчина тихо позвал.

— Саша.

Ресницы дрогнули… Тени под глазами стали глубже, но судя по всему Саша вынырнула из полотна своего кошмара.

— К… кто… вы?

Женский голос звучал очень хрипло. Кажется, за последние дни она разговаривала очень мало, и теперь для начала, вспоминала, как это делается.

— Меня зовут Кирилл, — представился мужчина. — Не пытайтесь меня вспомнить, мы незнакомы.

— За… зачем вы… здесь?

— Я расследую гибель своих родителей. Несколько дней назад они погибли во время ночного инцидента, в котором был замешан пьяный мужчина по фамилии Крюков.

Даже если бы Кирилл уже не знал правды, отчаянная дрожь, прошедшая по телу молодой женщины стала бы ему ответом.

— Вы знаете что-то об этом?

— Да. Простите… Я не смогла… Я не смогла… его остановить. Я старалась, но он… он был пьян… — набрякшие слёзы покатились по измученному лицу неостановимым потоком.

— Саша. Послушайте меня, пожалуйста.

— Послушать?

— Мои родители не терпели в мире двух вещей. Пьяных идиотов, которые считали что в мире им всё позволено, чтобы они не захотели. И слёз, которые проливаются по тому, что невозможно изменить. Вы не каратистка, чтобы остановить одним приёмом мужчину, который вас и выше, и массивнее, и сильнее. Вы сделали всё, что смогли и пострадали за это.

Кирилл приложил ладонь к щеке Саши.

— Поэтому не плачьте больше. Я уверен в том, что ваши слёзы ранят их там, в том мире. Вы сделали всё, что могли и даже немного больше. А теперь переживаете и сходите с ума постепенно. Им бы это не понравилось. Поэтому приходит в себя, выздоравливайте и… Знаете, Саша.

Огромные глаза смотрели на мужчину, огромные серые озера, полные неверия и надежды. Кирилл улыбнулся.

— Я прощу вас за них, хорошо? Но вы тоже простите себя. Обещаете?

— Да, — всхлипнула молодая женщина, стирая прозрачные дорожки со щёк. — Да!

— Тогда, вот. Пока не забыл. Это вам соседка передала.

Из раскрытого пакета на кровать посыпались крупные домашние яблоки. Одуряющий запах поплыл по палате.

Подмигнув Саше, Кирилл двинулся к выходу, увлекая Аню за собой. Пациентка за ними отчаянно плакала, но в её плаче больше не слышалось надрывной муки.

Одной кровоточащей занозой в мире стало меньше…

Глава 5. Сопричастные

Случайности — это самая непредсказуемая категория человеческого бытия. Люди придумали сотни законов, но ни один из них не может помочь предсказать случайность или уберечь от неё. Ни один закон не может объяснить природу случайности или цепь того, что следует за ней.

Человек не в силах принять случайность. Она чужда его картине мира, поэтому случайность всегда стараются вернуть в рамки бытности. Закон подлости, закон Мёрфи, закон возмездия, религиозные законы. Законы, законы, законы! Как будто человек не знает других слов.

Случайности происходят, падают на чашу весов ситуации, клоня её то в одну, то в другую сторону.

Иногда случайности приводят к сопричастности. Когда обычное событие, не связанное на первый взгляд с дальнейшим, выливается в сопричастность к трагедии.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовётся, -
И нам сочувствие даётся,
Как нам даётся благодать…

Процитировал по памяти Кирилл строчки русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева.

— Не совсем слова, — Аня снова очищающая мандарин, подняла на мужчину пустой взгляд. — Это немного другое. Я не знаю, как тебе объяснить. Это намеренность.

— Намеренность?

— Да. Когда поступок, который впоследствии прилагается к проблеме, является намеренным. Ну, например, помнишь у Драгунского. Рассказ про кашу.

— Денискины рассказы, «Всё тайное становится явным».

— Да. Вот, — Аня наконец-то подобрала нужное слово. — Умысел. Действие должно быть не только намеренным, но и с неким умыслом. Дениска вывалил кашу за окно, чтобы пойти с мамой в Кремль. Действие было намеренным. Так и здесь. Люди совершили определённые действия с умыслом. Сами по себе они не могли нанести особого вреда, но сложившись вместе — привели к трагедии.

— Намерение злое?

— Совсем нет, — глаза Ани затянуло белизной, и на Кирилла

взглянул Адвокат. — Вы люди странные. Нелогичные. И в расследованиях сопричастности иногда к трагедии приводили добрые дела. Я могу только дивиться тому, как это получается. И как возмещать добрые дела, ставшие частью причины трагедии, я тоже долгое время не знал. Я о многом, как выяснилось, не знал, пока не попал на вашу нелогичную до отвращения планету. И, человек, хватит здесь сидеть. Время уходит. Одевайся и идите. Чем быстрее вы закончите дела, тем быстрее ты сможешь забыть о случившемся.

— Раньше ты не торопил. Есть причина поторопиться?

— Слишком умный человек, — с долей недовольства пробормотал Адвокат и исчез…

На Кирилла снова смотрели бездушные глаза.

Опустив голову, Аня как ни в чём не бывало, занялась мандаринами.

Впрочем, мужчина уже научился принимать правила этой игры.

— Много? Человек, которые сопричастны к моей… беде?

— Трое. Ребёнок. Женщина. Мужчина.

— Ребёнок то здесь причём?

— С него всё началось, — ещё менее понятно ответила девушка.

И Кирилл сдался. Ему было не понять, что из чего следовало. Ему оставалось только плыть по течению, хотя это и противоречило его душе, его натуре. У мужчины не было выбора. Призвав в свою жизнь силы, о которых он не имел ни малейшего понятия, он оказался заложником ситуации.

— Где мы найдём этого ребёнка?

Аня пожала плечами.

— Нас приведёт к нему Карас.

— Ворон?

— Да.

— Откуда ему знать? — понял Кирилл, что в очередной раз теряет смысл происходящего.

— Городские птицы рассказали.

Больше мужчина решил вопросов не задавать, а просто подождать, что же случится дальше.

Вымыв посуду, Аня накинула предложенную куртку и первой вышла на улицу. Кирилл отправился следом.

Погода была пасмурной. Пелена серых туч затянула небо, скрывая даже малый проблеск солнца. Люди спешили по своим делам, хмурые, злые. Друг на друга никто не обращал внимания.

Серо…

— Серый мир, — пробормотал Кирилл.

Серые контуры были вокруг каждого, кто спешил мимо.

Даже Аня была вся затянута в серый цвет, словно в погребальный саван. И с каждым разом мужчине было на неё смотреть всё тяжелее и тяжелее. Над головой вился ворон и следуя его подсказкам пара «охотников» за правдой то ныряла в узкие переулки, то пересекала оживлённые улицы.

Проходной дом — конец пути вынырнул неожиданно.

Старая песочница, с серым грязным песком. Окурки у перевёрнутой мусорки. Старая дверь, расписанная баллончиками.

Обыденность.

Била по глазам, не оставляя ни малейшего шанса на то, чтобы изменить ситуацию.

И в этой обыденности ребёнок, со злым лицом кидающийся камешками в маленького серого котёнка, стал неприятным сюрпризом.

— Нашли, — буднично сказала Аня. — Сейчас…

Что «сейчас» Кирилл не слушал.

Котёнка было жалко.

И рядом с этим серым комочком тумана мужчина был быстрее, чем успел опомниться сам.

«Назову Дымкой», — решил он, поднимая котёныша на руки.

На ребёнка Кирилл даже не взглянул.

А следовало бы.

Потому что тот, раздосадованный тем, что живая игрушка, которую было так интересно мучить, от него ускользнула, размахнулся и швырнулся камнем в голову уже самого Кирилла.

По голове не попал, не хватило сил. Но камень довольно чувствительно попал мужчине по плечу.

Кирилл повернулся.

Ребёнок смотрел на него на столько зло, что по спине мужчины пробежали мурашки.

— Отдай! — приказал он. — Это мой котёнок!

— Ему больно.

— Мне плевать! Отдай!

Впервые столкнувшись с настолько неприятным ребёнком, Кирилл растерялся.

В его реальности дети не бросались на взрослых с камнями и не мучили маленьких котят. В его реальности был уютный мир, в котором не было места мёртвых.

В его реальности происходил обвал…

Аня, взяв Кирилла за руку, потянула.

— Мы здесь не справимся, — прошептала она. — Нам нужно подождать. Пойдём…

— Подождать?

— Да, это…

Кирилл не дождался пояснения. Потому что по спине ударил второй камень. И детский голос, дрожащий от ненависти повторил:

— Отдай! Это моё!

Безумная ситуация…

Отдавать котёнка Кирилл не собирался. Крошечный комочек дрожал у него за пазухой. Поднять руку на ребёнка он тоже не мог.

Не могла этого сделать и Аня.

Ситуация, попросту говоря, была патовой…

В руке у мальчишки был ещё один камень. На этот раз маленький, лёгонький. Он так удобно лежал в маленькой ладошке, острым краем касаясь ребра.

— Отдай! Последний раз предупреждаю!

Кирилл отступил немного, сдвинув девушку за свою спину. Аня что-то попыталась сказать, но мужчина ей не дал. Было не до этого.

Ребёнок был опасен.

Камень рассёк воздух с тихим свистом, но в Кирилла не попал. Был перехвачен раньше. В воздухе звякнули бубенчики, и камень лёг в ладонь с экстремальным маникюром. Адвокат был недоволен.

От него снова тянуло злостью. Той самой, нечеловеческой. Испуганно ойкнула Аня, на миг снова став похожей на себя живую, настоящую.

— Я говорил, что вы люди странные создания, человек? — спросил Адвокат, взвесив камень на руке.

В какой-то момент Кириллу показалось, что сейчас этот камень полетит в мальчишку. Он даже шагнул вперёд, даже толком не зная, что хочет сделать. Наверное… остановить Адвоката. Мужчина забыл о том, что его боится. Забыл о том шлейфа ужаса, который Адвокат распространял. Опасность угрожала ребёнку…

— Об этом я и говорил, — пробормотал Адвокат. — Он только что кидался в тебя камнями, а ты готов его защищать. Он один из тех, кто виновен в гибели твоих родителей, но ты об этом даже не задумался. По сути дела, этот ребёнок ненормален. Ты сам сделал вывод, что он опасен, человек. И всё равно бросился его защищать. Не понимаю…

У Кирилла хватило благоразумия промолчать.

Хотя это следовало сделать немного раньше.

Адвокат молча смотрел на ребёнка. Мальчонок с волчьим оскалом — на него.

В воздухе от напряжения буквально сверкали искры, а потом Адвокат сдался и отступил.

В первый момент Кирилл просто не смог осознать, что случилось. Во второй у него не получилось поверить, что человеческий мальчишка переупрямил нечеловеческое создание.

Адвокат же немного постоял на одном месте, разглядывая мальчишку, потом щёлкнул пальцами и повернулся к Кириллу и Ане.

— Пойдём, человек, — негромко сказал он. — Здесь нам больше нечего делать. Это дитя слишком погрязло в пучине личного ада. Не мне выносить ему приговор…

Со двора первым двинулся Адвокат, за ним Аня и следом Кирилл.

— Почему? — спросил он, когда осознал, что Адвокат исчезать не собирается. — Почему ты не стал выносить ему приговор? Ты же мог! Это было видно в твоих глазах.

— Странный человек, — пробормотал Адвокат. — Очень. Вначале ты его защищаешь, теперь спрашиваешь, почему я его не наказал?

— Нет, — не дал Кирилл сбить себя с толку. — Я спросил про другое. Почему ты не вынес ему приговор?

Адвокат замолчал. Странная дымка, которую Кирилл видел вокруг него, так же как и серую хмарь вокруг Ани, полыхнула ярко-синим цветом. Адвокат был удивлён не на шутку. Наказание и приговор действительно были очень разными вещами. Это знал Адвокат, поскольку это была его работа, но почему это понимал человечек, который во всю паранормальную суетность раньше не верил?

Странный скрипучий звук расколол воздух вокруг идущих, и Кирилл не сразу смог понять, что слышит смех Адвоката.

— Удивительное дело, человек, ваше племя ещё не разучилось думать. Я потрясён.

— Кирилл! — сам толком не понимая почему, рассердился мужчина. — Я не просто человек, у меня есть имя, и это имя — Кирилл!

Взгляд Адвоката был насмешливым. Насмешка читалась в повороте его головы, в том, как он стоял. В том, как…

Шорох за спиной не дал Кириллу додумать. Мужчина успел повернуться, чтобы подхватить Аню, падающую вниз. Но этой заминки было достаточно, чтобы Адвокат исчез…

— Стоишь? — уточнил он, глядя встревоженно на девушку.

Она кивнула.

Кирилл улыбнулся.

На лице Ани был какой-то след, отпечаток. Не сама эмоция,

не её слабое подобие. Но отпечаток. Сейчас она была удивлена. На какую-то тысячную долю из возможных эмоций, но она была удивлена.

— Аня?

Девушка не ответила, она внимательно прислушивалась к себе.

И Кирилл, вручив ей мандарин, отвёл Аню в сторону, чтобы она не мешала прохожим. Куда идти он всё равно не знал. Адвокат почему-то исчез и, кажется, не собирался больше возвращаться.

Поэтому нужно было просто немного подождать.

Устроившись на скамье подвернувшейся остановки, Кирилл углубился в собственный телефон. Надо было ответить на пару пришедших сообщений. Ане же, мужчина в это верил, такого времени хватит.

В своих предположениях он не ошибся. Буквально спустя несколько минут, девушка села рядом с ним.

— Нам подойдёт тройка, — сказала она негромко. — Просто подождём маршрутку.

— Ты знаешь, куда нам надо?

— Да.

Узнавать об источнике этих знаний Кирилл благоразумно не стал, просто пожал плечами, флегматично подытожив:

— Тройка, значит, тройка.

Вначале мимо проследовала двойка, затем пятёрка.

Затем на остановке появилась ещё одна девушка, пережидающая в относительно защищённом от ветра места.

Ей было то этой девчонке двадцать пять, может тридцать. Но время уже успело оставить на её лице свой след. Не возраста нет. Отпечаток химикатов, своеобразный отпечаток порока. От девушки не пахло свежестью и молодостью, она выглядела потасканно и заштукатуренно.

Самым первым, а оттого и самым честным порывом души Кирилла было уйти. Не сидеть рядом с этой дамой, вцепившейся длиннющими когтями в свою крокодилью сумочку. Не сидеть рядом с невоспитанной дамочкой, которая выдувала огромные пузыри на поллица и звонко их хлопала.

Уйти мужчине не дала Аня. Молча вцепилась в его рукав, удерживая на месте. И Кирилл остался.

Бросив в их сторону презрительный взгляд, девушка уткнулась в свой телефон-«лопату». А спустя ещё минуту, после того, как дождалась чьего-то ответа, радостно защебетала.

— Веник, это я? Прикинь, я тебе счас такое расскажу! Опупеешь!

«Жаргончик…» — поморщился Кирилл. А потом оценивать жаргон неизвестной девицы ему стало некогда. Да и незачем. Мужчина весь превратился вслух, потому что следующим своему собеседнику девица сказала то, от чего внутренности Кирилла сжало ледяным узлом.

— Помнишь, ту аварию стрёмную? У супера? Так вот! В день аварии, тот чел, ну, водила который пьяный был, он был у меня. Прикинь? Где у меня? На работе. Я ж с той уволилась. Не, чел, там мне анреал нравилось… Братва была вся такая, понимающая, это маман. Заявилась ко мне на работу без предупреждения. Ну что ты мою маман не знаешь? Развопилась пароходной сиреной: «Моя дочь не будет работать в этом царстве вертепа и разврата!» Подумаешь, в порножурнале работала… Ну что было дальше, думаю, и сам догадаться можешь. Она меня за ухо и к директору. Как малолётку, чё… Вот тебе смешно, Веник, а я слезами заливалась в тот момент. И в общем, она меня пихнула в автомастерскую. Девочкой на ресепшене. Чё, пупею… Работа в натуре, не бей лежачего. Только от мужиков я таких матюгов нахваталась! Веник, опупеть можно! А матушка в натуре считает, что спасла мою бессмертную душу, прикидываешь? А, чё? Ближе к делу! Ну, точняк. Съехала, Веник. Счас. Дело было… закачаешься! Мне одна чувырла по знакомству спихнула пробники дорогущих французских лаков. Главный затык в том, что они сохнут моментально. Ну чё, сижу, крашу коготочки. Что самое примечательное. Никого не трогаю. Никому не мешаю. И тут заявляется этот перец, мудила, весь из себя такой крутой. И начинает с порога на меня орать. Типа я шалава, подстилка, и чтобы я ему немедленно мастера крутого привела. У него типа какая-то шняга что-то там с его рыдваном сотворила. А у нас, Веник, в мастерской есть мужик. Он в трезвом состоянии мастер-ломастер, гайку от винтика не отличит. А вот когда глаза зальёт, может починить всё, что угодно. Но обматерить может, ух! В общем, отправила я этого пипла к нашему горе-мастеру. А он трезвый был, прикидываешь? И обломалась моя страшная мстя!

В голосе девицы звучала нешуточная досада и разочарование. Она так старалась, так старалась и никто не оценил!

Кирилл оценил, и сейчас боролся с желанием ударить эту мелкую дрянь. Препятствие было только одно. Руку на женщин Кирилл не поднимал никогда.

Даже когда очень хотелось.

Желание мужчины всё-таки осуществилось, косвенным путём, но всё же… Аня, которая по всем заверениям Адвоката не должна была ничего ощущать в смысле эмоций, всхлипнула, размахнулась и ударила…

— Дура! Такие люди из-за тебя погибли!

Кто его знает, что там девица увидела в глазах Ани, но вместо того чтобы разразиться потоком брани, она съёжилась.

— А чё я? Я ничё…

— Аня, пойдём… — подхватив девушку под руку, Кирилл повлёк её за собой к подошедшей маршрутке.

Наштукатуренная девица со жвачкой так и осталась сидеть на скамейке, повторяя:

— Я ничё… ничё… ничё…

Отложив вопрос о том, что случилось с Аней до того, как рядом опять появится Адвокат, Кирилл вручил Ане новую мандаринку и спросил:

— Ребёнок, да? Что-то сделал с машиной?

— Да.

— Обнаружив это, хозяин машины отправился в салон?

— Да.

— Встретился здесь со второй причастной. И с третьим? Тот самый мужчина — это и есть горе-мастер?

— Да.

— С тобой всё в порядке?

Аня, гипнотизирующая взглядом мандарин в своих ладонях, кивнула. Горло неожиданно сжало спазмом. Захотелось расплакаться, как когда-то, когда она была жива. Но слёз не было.

Была пустота, было ощущение того, что нити, когда-то связывающие её с телом разорваны. И никакая сила на свете восстановить их не сможет. Ни-ког-да.

— Аня?

Голос Кирилла был единственным, что удерживало девушку в этом мире. Ей совсем не хотелось заключать договор с Адвокатом. Ей совсем не хотелось возвращаться обратно в мир живых.

— Кирилл.

— Да?

— Давай вернёмся?

Взгляд мужчины стал совершенно удивлённым.

— Аня?

— Прости. Я глупости, наверное, говорю…

— Если ты хочешь вернуться, мы вернёмся прямо сейчас. Поймаем такси и…

— Нет. Нет. Не надо. Прости. Давай закончим с сопричастными… Я хочу со всем этим разобраться быстрее и вернуться туда, где моё место. Я… устала. Прости.

— Ты… хочешь? — повторил Кирилл эхом.

Не понимая, что его удивило, Аня кивнула. Это было действительно желание покончить со всем, прервать ту иллюзию,

которая мучила и её саму, и Кирилла…

Спустя мгновение в глазах девушки разгорелось первое яркое настоящее чувство. Паника. Паника и страх запустили свои когти в душу девушки. Две эмоции и желание слились воедино, пугая.

Этого не могло быть, что более важно — этого не должно было быть! Адвокат, когда объяснял душе, что будет когда она вернётся ненадолго на землю, особо заострил на этом внимание. Никаких чувств, никаких эмоций, никаких желаний.

Просто будет цель, которую надо будет выполнить и будут небольшие задания, которые Адвокат будет давать, чтобы эта цель была достигнута.

В первое время все так и было. Аня смотрела на Кирилла и ничего не ощущала. Он был для неё никем.

Разумом она понимала, что это важный для неё человек из прошлой жизни, но и только. Она послушно выполняла требования Адвоката, послушно двигалась к цели. Желаний не было, эмоций и чувств тоже. Пустота, широкая, всеобъемлющая. Пустота была понятной и совсем не пугающей. Страх был эмоцией, а их у Ани не было.

Ничего не менялось, все так же шло и продолжалось, и вдруг необъяснимая вспышка… Аня обхватила себя за плечи. Толком не понимая почему, не осознавая причин происходящего, она испугалась. И желание, озвученное Кириллу, было самым настоящим, Аниным. Она хотела обратно. В царство мёртвых, где нет ни вчера, ни завтра, ни прошлого, ни будущего, ни боли, ни счастья. Только серая хмарь без начала и без конца…

— Аня!

Девушка встряхнулась. Глаза Кирилла были полны тревоги, бездонные колодцы печали.

— Прости, — повинилась девушка, опуская голову. — Все в порядке. Я в полном порядке. А мы почти приехали. На следующей остановке, пожалуйста! — звонко сказала Аня.

Кирилл откинулся на спинку своего сидения. Список вопросов, которые он хотел задать Адвокату, вырос ещё на один пункт.

Спустя пару минут маршрутка остановилась около небольшого банка.

— Нам туда, — сказала Аня, выпрыгнув из маршрутки вслед за Кириллом.

Мужчина кивнул.

Но чем ближе они подходили к небольшой подворотне, за который скрывался искомый двор, тем слышнее становился гул голосов.

Там во дворе что-то случилось.

В какой-то момент, Кирилл осознал, что знать ему о том, что там произошло совсем не хочется. Ибо какая бы причина не была у сбора толпы, хорошей она не была точно.

Над крышей блочной девятиэтажки, около которой и была толпа, кружило воронье… Около подъезда было полицейское оцепление. Жёлтая лента «Не пересекать» огораживала какой-то участок, около которого и собралась жадная до сплетен и чужого горя охочая толпа.

— Не надо туда ходить, — прошептала Аня. — Нам уже никуда идти не надо.

— Тот третий? — уточнил Кирилл, в который раз прокляв тот день, когда бросил курить. Сейчас сигаретой можно было бы успокоить нервы, успокоить дыхание и сердце.

Девушка наклонила голову.

— Да. Выбросился из окна.

От толпы отделились две женщины, переглянулись и двинулись к магазину, на ходу жарко обсуждая случившееся:

— Выбросился болезный.

— Говорят убили?

— Да что ты, пьянчужка он, запойный. Небось допился до белой горячки вот и выбросился.

— А записки не оставил? Типа «Они меня преследуют?»

— Не, кума, такого не слышала.

Обе женщины прошли мимо. Кирилл проводил их тяжёлым взглядом, покачал головой. Над крышей — воронье птичье кружилось. У трупа собралось воронье человеческое…

— Кирилл?

— Да? — мужчина взглянул на Аню. — Теперь возвращаемся?

— Подожди немного. Он оставил что-то, какую-то предсмертную записку. Карас не сможет войти в квартиру.

— А ты что, сможешь?

— А мне не нужно этого делать, — отозвалась девушка коротко. — Подожди здесь.

С заметной неохотой Кирилл кивнул.

Аня взглянула на него, потом скользнула к толпе. И мужчина просто не поверил своим глазам. С её пути люди расходились, пропуская. Но при этом никто её не замечал. Полицейский у входа в подъезд точно также отступил в сторону, словно уверенный в том, что кто-то выходит с той стороны.

Дверь открылась, девушка вошла внутрь. Металлическая дверь, которая по законам физики должна была захлопнуться с протяжным гулом, закрылась бесшумно. Воцарилась тишина.

Толпа у трупа всё так же что-то обсуждала, доносились всхлипы, но Кирилл воспринимал это как-то замедленно, словно

он был под водой, а разговаривали где-то на берегу.

А в какой-то момент вообще послышалось недовольное: «Странный человек, сколько от тебя проблем!»

И всё исчезло.

Кирилл понял, что на него смотрит Аня, своими пустыми, ничего не выражающими глазами.

— Аня?

— «Простите», — по памяти начала цитировать девушка. — «Я виноват. Я виноват гораздо больше, чем считал сам. День и ночь я обычно провожу в пьяном угаре. Мне так легче. Мне не так больно. Я не хочу быть трезвым. Я хочу быть в той пелене, которая не пропускает ко мне звуки. Я хочу быть в той серой хмари, в которой никого не вижу.

Я хотел… Но я сотворил ужасное. Я стал виновником того, что погибли люди. Обычные люди. Пожилая пара. Их дочка оказалась в больнице. А их сына даже не было в это время в городе.

И они больше никогда не увидят внуков. Они никогда не порадуются жизни. Они больше никогда не выйдут на улицу, не скажут, как сильно они любят друг друга. Я разрушил несколько жизней.

Я вор. Я украл счастье, которое они могли испытать.

И я убийца, потому что не проверил тормоза в машине того пьяного мудака.

Все беды в этом мире от зелёного змея».

Кирилл молчала.

Аня, покачиваясь с мыска на пятку и обратно, взглянула на него и жалко спросила:

— Возвращаемся?

Кирилл кивнул, повернулся, ссутулился и двинулся по улице обратно на остановку. Бросив последний взгляд на дом, Аня бросилась его догонять.

На крыше дома, поглаживая своего ворона, сидел Адвокат. Его взгляд неотрывно провожал человека и мёртвую возвращённую душу. И в страшных глазах нечеловеческого порождения стояло недовольство. Всё происходило не так, как должно было.

И ведь зарекался же он работать с живыми! А тут… посмотри ты.

Оттолкнувшись от крыши, недовольный собой Адвокат спрыгнул вниз. В лицо ударил порыв воздуха, и он исчез на уровне третьего этажа. Кирилл, оглянувшись назад на звон бубенчиков, только и успел увидеть, как полыхнули четыре чёрных крыла.

Впереди ждал новый этап выяснения всех обстоятельств гибели родителей Кирилла. Вопросы у него накапливались как снежный ком, Аня вела себя странно, а Адвокат по-прежнему был величиной непонятной и пугающей…

Глава 6. Руки из телевизора

Что есть вина? Что именно может выступать мерилом этого чувства? Откуда она приходит, почему, зачем?

Почему у вины, как у дорогого алкоголя, столько полутонов и оттенков? И никак не получается ухватить какой-то один, взвесить его словно на аптечных весах. Да и разве можно это сделать, сравнить одну вину и другую? Вряд ли у кого-то это получится, не вызвав длинный и бессмысленный диспут.

Непонятен механизм появления вины. Кто её отмеряет? И какими руководствуется при этом принципами? Виноватый в глазах общества и виноватый перед собой — это две большие разницы. А ещё есть вина перед близкими и незнакомыми людьми.

— Ещё есть вина перед мёртвыми, — Аня смотрела на груду почищенных мандаринов, не в силах съесть даже одну дольку.

— Это из вашей обыденности?

— Можно сказать и так. Это сложно соотнести с человеческой действительностью… — девушка немного нервно побарабанила пальцами по столу. — Как бы сказать. Вот в мире живых вина — это реакция на осмысление какого-либо действия. А затем соотнесения его с принятыми в обществе правилами и нормами. Ударил ребёнка, старушку — совершил аморальное действие в глазах общества. Виновен. Задел словами лучшего друга, вроде уже и прощение получил, а самого до сих пор жжёт это чувство. Внутри, когда ты сам соотносишь совершённое со своей картиной мира. А в мире мёртвых всё по-другому. Вина — это вклад человека в камни на шее души.

— Что? — Кирилл, стоящий около плиты, изумлённо повернулся. В маленьком ковшике плавали отваривающиеся пельмени. — Подожди, подожди, не понял. Какие ещё камни на шее души?

— Когда человек умирает, он предстаёт перед судом. Совершённые им добрые поступки — белые камешки, кладутся на одну чашу весов. На другую чашу кладутся камни чёрные, злые поступки, совершённые и не прощённые. Вот, когда человека убивают, те, кто виновен в этой смерти, «камни» своего греха перекладывают ещё и на того, кто умер.

— Почему?!

— Потому что это насильственная смерть. Если хочешь, смерть неугодная Богу.

— Так, нет! — Кирилл махнул ложкой, — нет. Не надо лезть в эту теологию, пожалуйста. Проще.

— Хорошо. Проще, так проще. Вот, представь, ты совершил злое деяние, отяготил свою душу чёрным камнем. А тот, в отношении которого ты это деяние совершил, взял и умер! И в этом случае твой чёрный камень как бы… «делится» пополам. Это неправильное выражение, но из человеческого мира оно наиболее близкое по смыслу.

Мужчина промолчал. Звучало сказанное логичное, если сделать допуск на то, что говорил это не человек. Но всё-таки поверить в это по-прежнему не получалось. Мешало что-то.

— Значит, — Кирилл взглянул на Аню, гипнотизирующую мандарины пустым взглядом. — Есть некие виноватые. И степень их вины отражается в камнях на шее моих родителей.

— Точно.

— И что надо сделать с этими виноватыми?

— Найти их.

— А разве в этом случае адвокат не озвучивает степени вины?

— Безусловно, нет, — девушка покачала головой. — Нет. Он определяет степень вины. Может помочь Карас, но утром он улетел и видимо, сегодня он уже не вернётся. Такое бывает, наверное…

— То есть нам предстоит искать чёрную кошку в чёрной же комнате?

— Совсем нет! — испугалась Аня.

Кирилл, помешивающий свой завтрак, снова вздрогнул. На долю мгновения ему показалось, что за его спиной… живая девушка.

— Аня?

Девушка, засунув в рот мандарин целиком, воззрилась на Кирилла. Всё то же мёртвое выражение в глазах. Показалось? Да что, тьма подери этого Адвоката, здесь происходит?

— Ладно, — вернулся он к готовке. — Значит, совсем нет. Есть что-то, что нам поможет?

— Да, — отозвалась Аня. — Нам придётся познакомиться с ещё одной городской страшилкой.

— А обойтись без этого никак? — передёрнулся мужчина всем телом. Ему хватило выше крыши и чёрного трамвая, и Смерти, которая в нём ехала.

— Никак. Но если хочешь, можешь остаться здесь.

— Нет уж. Одну я тебя не отпущу. Рассказывай свою страшилку.

Девушка задумалась.

— В чёрном-чёрном доме, в чёрной-чёрной комнате стоял чёрный-чёрный телевизор. Мама говорила девочке, никогда не включать этот телевизор. Однажды, мама ушла на работу.

Девочка убралась дома. Поговорила с друзьями. А потом ей стало скучно. И она включила чёрный-чёрный телевизор. Из телевизора выбрались Чёрные руки и задушили девочку.

— И? — не впечатлился Кирилл, подруга никогда не умела рассказывать страшилки. Слишком торопилась, не держала пауз в нужных местах. И, в общем, не производила нужного впечатления нагнетания страха: — Мы идём куда? В этот дом?

— Да, нам нужен телевизор.

— Из которого вылезают руки?

— Да нет, там не руки, там мертвец целиком, — пожала плечами Аня.

Кружка, которую Кирилл только что снял с полки, чтобы налить кофе, зазвенела по полу.

— Что? — хрипло спросил он.

Решив, что мужчина просто не расслышал, девушка простодушно повторила:

— Там мертвец. Ну, в смысле, не один и тот же, они меняются. Этот телевизор один из тех, что связан с миром мёртвых.

— Один из?

— Их много, — Аня задумалась. — Они, как бы сказать, те, кто не ушёл на тот свет вовремя. Ну, там, умереть умерли, а понять это не смогли.

— И часто такое бывает?

— Да, не очень. Обычно люди попадают в нужное место. А те, которые остаются… Это не жизнь, как им кажется.

— Подожди! — наконец-то осознал Кирилл. — Мы что, пойдём к привидению?

— Точно. К нему.

— Зачем?

— Привидение сможет нам помочь. Оно хорошо видит, когда человек связан с потусторонним миром.

— Это нам придётся что, обыскать весь город что ли?

— Нет, этого делать не нужно. Привидение как… как… ищейки. Если им дать предмет, который связан с мёртвым, то он сможет найти и того, кто связан с этими мёртвыми.

— Найти предмет, который связан с родителями не проблема, мы ещё ни разу не были в их квартире…

— Кирилл, ты не понял. Предмет, связанный не с живыми. Предмет, связанный с мёртвыми.

— Только не говори, что нам нужно вскрыть гроб. Ни за…

— Дурак? — голос Ани наполнился предчувствием близкой грозы.

Кирилл усмехнулся. Вот, в такие моменты, вспыльчивая

девушка размахивалась, и на макушку провинившегося что-то падало. Обычно книга, ибо Аня с ними не расставалась.

В этот раз по голове Кирилла легонько хлопнули газетой.

Было не больно, не обидно, было только удивление.

Причём в глазах и Кирилла, и самой Ани.

— Аня?

С невнятным стоном девушка осела на пол, мужчина рванулся к ней, но опоздал. Застыл, как столбик под белыми глазами.

— Какие же вы люди… Странные. Как велик замысел был, что воплотился в ваших душах, — нараспев заговорил Адвокат, удерживая девушку на руках. — Но как вы своими действиями, мыслями и словами извращаете его.

Даже понимая, что только что его оскорбили, хотя и таким завуалированно аккуратным способом, Кирилл пропустил это мимо ушей. Гораздо больше его волновала девушка на руках Адвоката:

— Что с ней?

— Память.

— Память? Причём здесь память?

— Тело воссоздано по памяти души. Душа оказалась рядом с тобой, и в ней сохранилась память о том, что на тебя можно опереться. Ты же, человек, её любишь, поэтому и не думаешь, о том, что эта мёртвая может быть опасна. Любовь — это высшее проявление божественной сущности в человеке. И может творить чудеса.

— То есть она оживает? — спросил Кирилл прямо.

— Нет, — Адвокат медленно покачал головой. — Я тебе уже говорил об этом, человек. Ничто не может вернуть жизнь тому, кто уже за чертой смерти.

— Тогда что происходит?

— Она сокращает твою жизнь. Когда холодно, человек надевает на себя одежду. Когда человеку чего-то не достаёт, он берёт это у других. Ей не хватает жизни, её душа помнит, что ты — надёжен, при этом у тебя нет защиты. И она берёт эту жизнь у тебя. Она проживает её за тебя. Но поскольку она мёртвая, многое ей недоступно.

Кирилл опустился на стул, в немом изумлении глядя на Адвоката.

— Разве такое бывает? — уточнил он.

Вопрос остался без ответа, вместо этого прозвучало:

— Люди…

— Звучит ругательством, — пробормотал Кирилл, потерев лицо.

— Я бы не сказал, что это ругательство, — Адвокат поправил тело девушки, прижав её голову к своему плечу. — Скорее, это наиболее точное отражение ситуации. Вы люди, и этим всё сказано. Вас невозможно предсказать, понять, загнать в какие-то рамки. Вы непостоянны, вы можете быть добрыми до слащавости и жестокими до такой степени, что кровь стынет в жилах. В любом случае, её я заберу.

— Надолго?

— Нет, проведёт пару дней внизу, связь между вами разорвётся. А ты искать продолжишь один.

— Эй! Стой! О чём ты говоришь? — подорвался с места Кирилл. — Я же не знаю, куда идти! И, кстати говоря, никогда не общался с привидениями!

— Будет для тебя незабываемый опыт. А проводит тебя Карас.

— Я не понимаю язык воронов!

Адвокат повернул голову, цокнул языком.

Лампочка под потолком мигнула, раздался лёгкий звон, и кружка по столу поехала сама собой. А когда поймав своевольную посуду, Кирилл поднял голову, на плече Адвоката уже сидел огромный ворон.

— Итак, Карас останется с тобой, проведёт тебя куда надо. Я позаботился о том, чтобы ты его понимал.

— И что мне делать с привидением?! — недоумённо спросил Кирилл.

— Что хочешь.

— Как я его вообще найду?

— Кто ищет, тот находит, — отозвался Адвокат и растаял.

— Очаровательно! И как предстоит искать?

— Я помогу, карррр! — Карас пересел на край стола, разглядывая Кирилла. — Ты говоришь не то, что думаешь. А думаешь не о том, о чём должен. Возьми с собой мешочек, нам нужны по горсти земли с могил твоих родителей.

— Ты… можешь нормально говорить?

— Чудак-человек! — ворон поднялся к потолку, кружа над головой Кирилла. — Адвокат дал мне часть своей сущности, так что я могу тебя понять и сказать. Меня никто не увидит, так что вставай и пошли.

— А завтрак!

— Да, точно, людям нужна пища, — ворон устроился на спинке стула. — Ешь. Я подожду.

Под пристальным взглядом чёрных глаз-бусинок пельмени в горло лезли.

— Будешь? — спросил Кирилл.

Ворон, наклонив голову, задумался.

— Буду! — решился он наконец. — Никогда не пробовал человеческую пищу.

— А какую пробовал?

— Разную, — Карас запрыгал по столу, подбираясь ближе к чашке Кирилла. — А крррасное это что?

— Соус. Острый.

— Попробуем!

Из дома сразу они выйти не смогли. У Караса не было проблем с выражением «хочу», Кириллу было попросту интересно. Да и собеседник из ворона получился гораздо лучше, чем из Адвоката. Ехидность вполне перекрывалась знаниями, а ими ворон не кичился.

И из дома в результате Кирилл вышел часа через три, удерживая на руках обожравшуюся птичку. Самостоятельно лететь Карас не мог.

Со стороны смотрелось, безусловно, немного глупо. Но с этим поделать уже было ничего нельзя.

— Киррррил, — Карас, перебравший после сорока минут на автобусе на плечо мужчины, разглядывал окружающие высотки. — Как вы здесь живёте?

— Не всегда счастливо, не всегда так как нам хочется. Но как правило, мы находим для себя какой-то смысл жизни.

— Не понимаю, — ворон перепрыгнул на другое плечо, снова осмотрелся. — Не понимаю…

— Слушай.

— М?

— Ты говоришь слишком как человек, — Кирилл едва ощутимо щёлкнул ворона по носу. — Адвокат, верно?

— Одно из отражений, — не стал спорить ворон. — Это не совсем то, чего ты подумал. Представь себе огромную комнату, в ней нет дверей, нет окон, она не прямоугольной формы, а многоугольник. И на каждой стороне этого многоугольника — зеркала. В зеркале отражение. Адвокат многолик и многосущен, это… имеет свои корни, не буду рассказывать. Но вот часть такого отражения может впитывать Карас. Но как ты заметил?

— Вороны всё-таки не разговаривают, — буркнул Кирилл.

— Особенно если они мёртвые, — добавил Адвокат и закаркал-расхохотался, когда мужчина шарахнулся от него в сторону и чудом не свалился. — Чудак-человек. Постоянно ходит с мёртвой девушкой, то и дело якшается с мёртвым вороном, и шарахается.

— Не люблю мёртвых.

— Почему? — на этот раз ворон перебрался Кириллу на голову и свесил голову вниз.

— Просто.

— Ничего простого не бывает. Рассказывай!

— Слушай, — не выдержал Кирилл. — Сколько этому твоему отражению лет?

— Шестнадцать. Столько было мне, когда я умер в две тысячи семьсот тридцать четвёртый раз.

Мужчина споткнулся и устоял на ногах только чудом.

— Что? — хрипло спросил он.

— Кирррилл! Не тормози, пошли! Нас ждёт привидение! Я всегда с ними хотел встретиться.

— Подожди, как две тысячи какой-то раз? А сколько всего?

— Ой. Много. Это долгая история, не хочу рассказывать. Пошли уже. Мы почти на месте. Нам нужно вон в тот левый дом.

— Как ты их отличаешь? — пошёл Кирилл на встречу непослушному созданию, которое приняло облик ворона.

— Следы. Я вижу следы. Ну, как ты оставляешь на влажной земле отпечаток ботинка, так и в эфирном мире остаются следы различных сущностей.

— Различных?

— Ага. Лучше не спрашивай. Пошли уже!

Кирилл вздохнул и пошёл. Что ему оставалось? Раз назвался груздем, следовало лезть в кузов. А не выпрыгивать из лукошка на ходу, крича о том, что обманули…

Дверь квартиры, куда им надо было прийти, была чёрной. Обитой дерматином в стиле советских времён. Глазка не было. Звонка не было.

— Стучи, — велел Адвокат, подпрыгивая от ажиотажа на голове Кирилла.

— Как в голову придёт?

— Нет! Есть шифр! Азбука Морзе.

— Я её не знаю.

— Блин, какой ты… бесполезный!

— Прости, я обычный человек, — отозвался мужчина индифферентно. — И к этим делам вообще не имел никакого отношения! Я вообще считал, что это всё выдумки.

Ворон, не отвечая, хлопнул крыльями, перебрался на ручку двери и застучал клювом по косяку.

Все эти длинные и короткие стуки Кириллу ни о чём не сказали, зато дверь действительно открылась.

Ненамного, так, чтобы можно было лишь протиснуться. И по ту сторону был чёрный-чёрный коридор, куда мужчине заходить не хотелось.

— А это обязательно? — отступил он немного.

— Заходи, — каркнул ворон. — Тут ничего страшного нет.

— Не считая живущего здесь привидения, — вздохнул Кирилл, с содроганием протиснувшись между дверью и косяком.

Дверь захлопнулась позади с металлическим гулом. Сбоку что-то взвизгнуло, ухнуло, над головой вспыхнул свет.

Кирилл поднимать взгляд наверх не стал, что-то подсказало ему, что лучше этого не делать. Достаточно было того, что стены коридора были чёрными и вместе с тем изрисованными кроваво-алыми граффити.

— Ужасный вкус, — пробормотал мужчина, проходя по коридору. — И? Куда нам?

— Не знаю, — отозвался Адвокат со смешком, устроился на плече. — Ищи.

— Что?!

— Ищи, — повторил ворон.

Безумие. Безумный фарс, в который Кирилл оказался вовлечён, становился ещё более безумным. Как? Как такое место вообще может существовать в реальности? Телевизоры с мертвецами, привидения в городской квартире, которая кстати реально была чёрной! Чёрным было всё — полотенца, постельное, покрывало, подушки, занавески, стены, окна, полы, ковры, потолки, зеркала…

Проще было перечислить два пункта, которыми чёрными не были — граффити на стенах и белые черепа. Черепа были везде. Полностью везде! Не было ни одного места, где Кирилл на них бы не наткнулся!

Под кроватью, в шкафах, в холодильнике, в ванной, на шкафу, в микроволновой печи и даже в туалетном бачке.

— Скажи мне, — Кирилл осторожно опустил крышку бачка обратно. — Почему мы ищем приведение в туалетном бачке?!

Ворон, держащийся крыльями за шею мужчины, ибо от смеха сидеть на плече нормально он уже не мог, хрипло каркнул и свалился.

— Потому что он считает, что это смешно, такой ребёнок…

Это были ноги. Длинные совершенные женские ноги в алых лодочках на шпильке. В тонких ажурных чулках. Край чулок едва-едва прикрывался подолом алого же платья. Выше был пояс — декоративная цепочка с сверкающими камешками. И вряд ли это были стекляшки.

Ещё выше ничего не было. Вообще ничего. Просто на бачке туалета сидели ноги…

Кирилл ничего поделать с собой не мог, он шарахнулся назад.

Чёрная дверь за ним распахнулась сама собой. И прежде чем он осознал, что за спиной совсем не тот коридор, который должен

был быть, Кирилл оказался в гостиной. Перед носом было огромное зеркало. В котором было очень хорошо видно, как из телевизора позади показались руки.

Тонкие женские руки с загнутыми чёрными когтями…

А потом наступил провал.

* * *

…Виноватый голос звучал над ухом, то отдалялся, то снова приближался. И снова, и снова, и снова.

А следом появились слова:

— Я же не виновата, что он раньше уже встречался с мертвецами? Нечего было его сюда приводить, знаешь же, что я пока до живого дотронусь, не могу собраться!

— Не подумал… Придётся извиниться. О! Пришёл в себя.

Кирилл открыл глаза и торопливо закрыл.

Красивая женщина, сидящая на спинке его кровати, хохотнула.

— Можешь открывать глаза, я села нормально. Какой интересный мальчик.

— Простите, — вздохнул Кирилл. Адвокат всё в том же вороньем обличии перелетел на его плечо и устроился.

— Да ладно, — женщина поднесла к губам трубку, сделала затяжку, выдохнула, и по комнате поплыли колечки ароматного дыма. — Это ты меня прости. Не думала, что так по-идиотски получится. А всё этот, — махнула она трубкой в сторону нахохлившегося ворона.

— И ничего не «этот». Я ж не знал…

— Не знал он. В следующий раз отпускай отражение постарше, чтобы такого бреда не происходило! Мёртвые, по крайней мере, так не пугаются. У них эмоций нет. Так, теперь ты, мальчик. Я Кара.

— Мальчик? — изумился Кирилл, мало-помалу приходя в себя.

Безумный день набирал обороты и грозил перейти в не менее безумный вечер.

— Мне уже пара тысяч лет, — отозвалась женщина. — В общем-то, я постоянное привидение. Шатаюсь по России, обустраиваю себе уютные местечки. А в последнее время вот это, — ткнула она вновь трубкой в сторону ворона. — Стало подкидывать мне развлечения.

— Не называй меня «это»! — возмутился Адвокат.

— А как тебя называть? — скользнула по карминовым губам

циничная усмешка. — По-другому и сказать нельзя. Ты не «он», ты не «она», ты не человек, ты не мёртвый. Болтаешься посередине, как то самое «оно».

— Ведьма!

Женщина расхохоталась.

— Когда-то ею была. Но это было так давно, что я уже забыла, каково это — быть живой, ощущать живых. Мальчик…

Кирилл поднял голову, ощущая себя на удивление третьим лишним в происходящем. Кажется, Адвоката и эту красотку связывало что-то ещё… не чувства, нет. Возможно, память. Возможно, что-то другое. Но они были связаны.

В этом мире мёртвых было слишком много такого, чего мужчина понять не мог.

— Меня зовут Кирилл, — заметил он немного сварливо.

Снова хрипловатый смех наполнил комнату.

— Хорошо, Кирилл. Меня зовут…

Чёрное крыло мелькнуло в комнате.

В воздухе полыхнули белоснежные глаза, взгляд был странным.

— Не вздумай.

— Хорошо, хорошо. Не кипятись, пупсик. Видишь ли, мальчик, — глаза женщины заволокло алой пеленой, когда она повернулась к Кириллу. — Ты не должен называть своего имени мёртвым. И не должен знать имён мёртвых, если не хочешь очень быстро присоединиться к нам за чертой смерти. Нет, не думай, мы не будем тебя убивать. Ты погибнешь сам. Может быть, даже глупо, отчасти случайно. По-другому в таких случаях не бывает.

— В таких?

— Да. Ты не первый живой оказавшийся в компании с мёртвыми. Неужели в детских сказках не читал, что нельзя называть своё имя? Особенно незнакомым.

— Ну, вас, — вздохнул Кирилл, потерев лоб. — Я уже и забыл, что вообще нужно было сделать и зачем мы здесь.

— Чтобы найти виновных, — отозвался ворон. — Но знаешь, мы его будем искать без тебя.

— А я тогда здесь зачем?

— Чтобы выпить с нами, — пояснила женщина. — Ну, если быть точнее, чтобы купить то, что выпить. Видишь ли, я не имею тела вне пределов этой квартиры. Адвокат в своём полном облике пить никогда не будет, не говоря уж и о том, чтобы что-то принести мне. Так что…

Под двумя смеющимися взглядами, Кирилл готов был попятиться и подальше. Сумасшествие! Как ещё назвать когда ворон и привидение отправляют тебя как малолетку за пивом?!

Хотя нет, наверное, сумасшествие, это когда ты собираешься и молча идёшь, даже не уточнив какое пиво они хотят.

Задаваться вопросом, как ворон будет пить — Кирилл не стал, предчувствовал, что ему предстоит знакомство с вполне нормальным подростком. И в который уже раз Кирилл подумал о том, что может быть, в ту роковую ночь он был в машине с родителями, разбился и теперь видит бесконечно длинный сон?

* * *

…Ворон, проводив Кирилла взглядом, попрыгал по подоконнику, расправил крылья. И словно чёрный шёлковый плащ расплескался по хрупким мальчишеским плечам.

В воздухе пахнуло корицей и перцем. Зазвенели чёрные хрустальные черепа в люстре, покачнулись стёкла в окнах и всё стихло.

— Он уже встречался с мёртвыми? — спросил Адвокат с неохотой разминая мышцы давно не использовавшегося тела.

Длинные ресницы качнулись, голова склонилась. Не прямое «да», но намёк на него.

— Как он к тебе попал? — спросила она в ответ.

— Девочка. Умерла маленькая девочка… — подросток хрустнул косточками пальцев, посмотрел на свои руки и спрятал независимо в карманы штанов. — Я встретил её в автобусе. Она сказала, что он видел её.

— Может, медиум? Хотя нет, я бы почувствовала…

— Я бы тоже. Он стопроцентный человек, без всяких экстрасенсорных способностей. Но…

— Но?

— Он точно был знаком с кем-то мёртвым. Мёртвый выжег в его душе клеймо. И оно до сих пор запечатывает его сердце, его душу и его тело.

— Именно запечатывает? — спросил Адвокат равнодушно полируя ногти пилочкой. Это было то неизменное, что оставалось в любых его обликах — длинные чёрные ногти с бубенчиками на кончиках…

Женщина побледнела.

— Ты же не думаешь, что он…

— Давай проверим, а там подумаем, — голос Адвоката не изменился, пилочка всё так же скользила по ногтям.

Но в воздухе тревожно каркнул ворон и зашумели на миг деревья с побережья мёртвого озера…

Глава 7. Жизнь взаймы

Жизнь большая шутница в плане несбывшихся ожиданий. И совсем не обязательно, чтобы эти ожидания касались других людей. Просто в их отношении это проявляется наиболее ярко.

Ожидая найти сочувствие и поддержку у другого человека, не всегда выходит даже быть услышанным. Казалось бы, самое простое в жизни друзей и знакомых. Выслушать другого человека и услышать его. Даже не обязательно понять, просто услышать то, что он говорит.

Понимание стало дорогой валютой. Доверие осталось только на страницах книгах, а сбывшиеся ожидания давно перекочевали в сказки. Только там им место и осталось.

Впрочем, иногда действительность превосходит все самые нереальные ожидания.

Вернувшись из магазина с упаковкой пива, Кирилл ожидал, что его отправят обратно ещё за чем-нибудь. Что ему скажут, что эти двое пошутили.

Но и Адвокат, и располовиненная красавица обрадовались пиву, как дети радуются новому году! И потребовали от Кирилла немедленно распить с ними по бокалу. «Бокалом», как выяснилось спустя пару мгновений, они назвали кружку на три литра.

У мужчины ещё хватило времени на то, чтобы бросить изумлённый взгляд на упаковку, им принесённую, подумать о том, что этого не хватит и забыть.

Это был самый первый вечер, когда Кирилл ощутил себя живым. Его ни о чём не спрашивали, не читали ему нотаций, не заставляли вспоминать. Это была просто компания собравшихся вместе людей.

Адвокат молчаливо цедил пиво с кальмарами. Ворон расклёвывал фисташки. А привидение изучало Кирилла.

— Почему ты так на меня смотришь? — не выдержал Кирилл.

По губам женщины скользнула насмешливая улыбка.

— Ты неправильный, — сказала она негромко. — После того, как ты меня увидел «собранной», ты больше меня не боишься. Ты не думаешь о том, что я всё то же привидение, состоящее из двух половин, живу в телевизоре и недавно тебя перепугала. Ты не думаешь о том, что я мертвая. Ты пьёшь с нами пиво, обсуждаешь футбол и политику, и не видишь в этом ничего особенного. Ты человек?

— Был им. До знакомства с ним. Теперь уже не уверен.

Привидение заливисто расхохоталось.

— Ничего, — посулила она. — То ли ещё будет. Тебя ждёт много чего интересного, необычного и странного. Если только не откажешься от своей затеи.

— Это уже невозможно сделать. Мы подписали с Адвокатом контракт, — Кирилл, даром, что пил только пиво, неожиданно клюнул носом. Сознание начало мутиться. И красавица в алом платье вначале раздвоилась, а потом и вообще растроилась.

— Быстро его… — где-то далеко над головой зазвучал звонкий голос подростка.

— А что ты хочешь? Это мы с тобой можем пить сколько угодно этого самогона. А парня вынесло даже от маленькой стопки. Ладно, уж. Поднимай на плечо, да тащи его на кладбище.

— Может, его прикопать там сразу? Чего его мучить?

— Что я слышу! Тебе живой понравился?

— Ну, — набычился парниша. — И что здесь такого?

— Редкий случай, — женщина отступила. — Да ты не злись, не надо. Я разве говорю что злое, недоброе? Я просто удивлена. Ты с живыми перестал общаться, кажется, лет двести назад. А мёртвых и до этого не особо уважал.

— И в кого ты такая умная?

— В тебя, твоё же, можно сказать, порождение!

— Иногда я об этом жалею. Ты поможешь?

— Тебе, — уточнила привидение. — Нет, я помогать не буду.

— Лэйла!

— Я уже две тысячи лет Лэйла. Как родилась ночью, так и назвали. Скажи, этот человек, — привидение опустилось рядом с Кириллом, скользнуло ладонью по его волосам. — Ты отпустишь его душу?

— Да.

— И он проживёт отмеченный срок?

— Да, — подросток засунул руки в карманы, сгорбился. — Я не знаю, сколько уже лет жизни отобрал у него этот контракт. Но…

— Но? — заинтересовалась Лэйла.

— Я не буду его убивать сам. И не отправлю туда, где его могут убить. Это… не входит в сферу моих интересов.

— О… — в глазах женщины что-то появилось и исчезло. — Ты…

— Чёрное затмение близится к концу. Там… произошло что-то. Первая печать погасла. Я скоро вернусь домой. И не хочу, чтобы возможно последний живой, которого я встретил, остался мёртвым только потому, что пришёл ко мне.

— Я так и не научилась тебя понимать. Тебя понять вообще невозможно.

— Лэйла, хватит. Раз уж помогать не будешь, то…

— Я сказала, что я не буду помогать тебе. А мальчику помогу. Мне он нравится.

— Влюбилась на старости лет? — засмеялся Адвокат, поднимая Кирилла и придерживая его. — Ладно, сиди уж здесь. Мы пошли.

— Бедный мальчик…

— Это карается по закону!

Адвокат, покосившись на безвольное тело на плече, оскалился, отчего Лэйла шарахнулась, ударил ногой по полу, крикнув:

— Карас!

В комнате потемнело. Лампочка под потолком взорвалась, и женщина зажмурилась.

Когда же она открыла глаза, в квартире она была одна.

— Ну и ладно, — прошептал Лэйла тихонько. — Не больно-таки хотелось… Выпендрежник мелкий…

…Кирилл пришёл в себя на кладбище, около мягких холмиков. Земля ещё не уселась, поэтому была окружена только венками.

В нос ударил запах хвои, в глазах подозрительно запекло.

А потом мужчина заметил Адвоката. Уже в своём настоящем виде, с этим безумным бубенцовым маникюром и с огромными чёрными крыльями за спиной. Крыльями ворона.

— О, очнулся, — взгляд потустороннего создания был снова белым и пугающим. И снова было ощущение лоскутности, той самой, от которой сосало под ложечкой. — Вот скажи, чего тебе не жилось спокойно? Чего ты поехал в другой город? Умер бы со своими родственниками вместе, и не было бы никаких проблем. Не хочешь умереть прямо сейчас? Воссоединишься с семьёй. Я даже нарушу свои же правила и тебе посодействую.

— У меня сестра есть вообще-то, живая. И ей после операции и реабилитации нужна будет моя помощь. Она на работу не сможет выйти ещё полгода-год. Я должен ей помочь.

— А как же твоя работа?

— Моя работа хороша тем, что может переезжать со мной туда, куда я захочу. Давно уже прошло то время, когда я бы прикован к офисному столу.

— Ваш двадцать первый век, — поморщился Адвокат. — Вечно вы, людишки, что-то придумаете… Додумались устраивать офисы в своих домах, не ходить на работу. Что будет дальше?

— Электронный гроб и матрица, — усмехнулся Кирилл, потерев гудящий затылок. — Это у нас фантасты предсказали, ну

или накаркали, у нас никак общество не может сойтись во мнениях, что именно фантасты делают. Придумывают, а потом мир это воплощает. Или каким-то образом заглядывают в будущее.

— И часто такое происходит?

— Да я бы не сказал, что редко, — Кирилл, уже догадавшись за чем они пришли на кладбище, вытащил из кармана два холщовых мешочка. Зачерпнул землю с одной могилы, потом с другой, мысленно извинившись перед родителями. — Из самых ярких примеров: мобильный телефон, электронная книга, электронные газеты, мониторы, плоские экраны, видеокамера с возможность передачи изображения в режиме реального времени. Это то, что окружает нас повсеместно. А есть ещё сбывшиеся «предсказания» в физике, химии, биологии, медицине, космосе. Я не особо этим интересовался. Но если хочешь, познакомлю тебя с сестрой. Она в отличие от меня — своё увлечение со школьной скамьи не променяла на достаток и положение в человеческом обществе.

— Ты увлекался в детстве спортом? — предположил Адвокат, складывая крылья.

Кирилл отрицательно покачал головой.

— Мистикой. Был юным охотником на привидений. Шатался по заброшенным домам, во время развала советского союза у нас много таких местечек опасных образовалось. С не меньшим удовольствием лазил в катакомбы. В общем, искал приключения.

— Успешно?

— Ничего не сломал, хотя пару раз не знаю уж, кто уберёг от этого. Пару раз… — Кирилл неожиданно замкнулся в себе и замолчал. — В общем, нет. Если бы успешно, я бы уже сделал себе карьеру специалиста по паранормальным явлениям.

— У вас и такие есть?

— Мы же люди, — напомнил мужчина Адвокату его же слова. — У нас и не такие профессии есть.

— Вас понять невозможно.

— Чтобы нас понять, надо быть человеком. А ты им не являешься.

— Не являюсь, — согласился Адвокат негромко. — Я чудь.

— Кто?

— Потусторонняя тварь, как называют меня в родном мире.

— А почему в единственном числе?

— Потому что чудь один-единственный. Других нет. Мы не раса, как эльфы или драконы, или люди, или оборотни. Мы «чудь». Нас таких от силы десяток разбросано по разным местам.

— И вы никогда не встречаетесь вместе?

— Нет. Мы не можем встретиться друг с другом.

— Почему?

— Потому что не хотим убивать.

Кирилл, искренне недоумевая от неожиданного приступа разговорчивости, спросил:

— А как же пары?

— Никак. Нет времени и желания.

— Чем вы занимаетесь в своем мире?

— Тем же, чем и здесь. Получаем души на исполнение… определенных задач. Это не так уж и сложно, просто, — Адвокат замолчал. Ресницы опустились, пряча омут белых глаз, а потом на меня снова взглянуло нечто холодное и бесстрастное.

Кажется, приступ откровенности прошел.

— Иди сюда, человек.

Кирилл хмыкнул. Ну, раз уж Адвокат вернулся к своему этому «человек», значит, точно всё возвращается на круги своя.

Подойдя к чуди, надо же какое… определение, мужчина остановился в задумчивости, не зная, что делать дальше. Адвокат взирал на него свысока и ничего не говорил.

— И? — не выдержал Кирилл. — Я должен что-то сделать?

— Не знаю, — ухмыльнулся Адвокат. — Ты же, человек. Вы всё знаете, можешь что-то попробовать.

Мужчина закатил глаза. После того, как вот это белоглазое чудо-чучело заставило его искать привидение в бачке сливного бака, удивляться ему чему бы то ни было уже не хотелось. Но всё же… всё же было что-то едва уловимое, какое-то знакомое ощущение. Здесь на кладбище. Что-то из далекого детства всплывало подобно аромату кафе в дорогой кофейне.

— Человек?

Кирилл отступил, оглядываясь по сторонам. У этого сладкого запаха было свое название. Смерть. Так пахло давно случившимся убийством. Не запах разложения, не горечь от недавнего убийства, а только давнее, забытое, не отомщенное.

Кирилл не был экстрасенсом. И тем более он никогда никому не говорил, что может определить по запаху наступившую смерть. А ещё…

— Человек! — окрик Адвоката снова пропал втуне.

Мужчина огляделся по сторонам и шагнул на дорожку, ведущую к мраморному ангелу. Но не дошёл. Встревоженный чудь перехватил его сам. В белых глазах появились фиолетовые зрачки, и вид у создания был уже достаточно близкий к человеческому.

— Что ты чувствуешь, человек?

— Запах, — прошептал Кирилл. Говорить громче не хотелось,

словно слова могли разрушить покой спящего кладбища и тех, кому оно давало пристанище.

— Какой?

— Сладкий запах древней смерти, которая осталась неотомщенной.

— Ты… как называют вас люди — колдун?

— Нет, я… — мужчина поморщился и опять замкнулся в себе. — Неважно. Это случайность.

— Человек, кем ты работаешь?

— Я историк. Не в том плане профессор или тому подобное… Моя работа заключается в проведении генеалогических исследований. Обычно я копаюсь в истории какого-то рода, запрашиваю архивы, поднимаю документы. И извлекаю на поверхность пару-тройку грязных тайн, кучу сплетен и даже скелет в шкафу.

— Почему именно такое дело?

— Так получилось, — вновь последовал уклончивый ответ. — Мы куда-нибудь будем отправляться? Я не любитель гулять ночью на кладбище. У нас тут бывает встречаются сатанисты.

— Кто? — вот теперь Адвокат действительно удивился.

— Ты ещё не встречался с этой частью нашей действительности? — Кирилл махнул рукой. — Психи. В общем и целом они психи, но зато они очень любят приносить в жертву людей. И встречаться с ними ночью на темной дорожке — это последнее, что можно порой сделать в своей жизни.

— Я не понимаю вашего мира. Уже столько здесь живу, и до сих пор не понимаю. Иди сюда, человек. Мы вернёмся к Лэйле. Она займется своей работой, а мы… Ты ляжешь спать. Тебе нужен отдых, человек. Ты плохо выглядишь.

Кирилл промолчал. Молчал он и когда черные крылья сомкнулись у него над головой, окружая непроницаемым щитом. Спустя мгновение мир вокруг завертелся, закружился. Перед глазами мелькнул водоворот черных перьев, а когда дезориентированный Кирилл смог снова себя осознать — вокруг была уже чёрная-чёрная квартира.

— А, вы вернулись, — Лэйла, сидящая на краю шкафа, отсалютовала огромной бутылкой, в которой плавало что-то зелёное. — Вы вовремя, ребятки. У нас тут, знаете ли, проблемы…

Адвокат раздраженно воззрился на привидение, там ему улыбнулась и повела рукой в сторону комнаты.

— Эти меня не видят. Так что, разбирайтесь сами.

Спрыгнув со шкафа, Лэйла подошла вплотную к Кириллу, скользнула коготками по его щеке:

— Такой красивый мальчик, а на лице уже печать. Как мне тебя жаль. Как же жаль, что ты не жил в Египте моего детства. Это был прекрасный город. Тебе бы понравилось. Давай землю, мальчик. Я займусь теми, кто виноват в гибели твоих родителей. Они ждут воздаяния за свою смерть, и не надо заставлять их страдать больше, чем они уже пострадали.

— Лэйла…

— Адвокат назвал мое имя? Мальчик, что в тебе такого особенного? — привидение скользнуло вокруг Кирилла, обмоталось вокруг него подобно джинну, удобно устроив голову на плече мужчины. — Мальчик…

— У меня есть имя.

— Да, я знаю. У тебя замечательное, очень мужественное имя. Имя владыки. Но мертвые не должны называть живых по именам. Иначе, мы зовем к тебе смерть. Ты же не хочешь умереть так рано? А теперь, иди с Адвокатом. А я займусь делом. Возможно, мы еще увидимся с тобой, мальчик.

Кирилл кивнул и поморщился. Эта называет «мальчиком», тот «человеком». И он… возникает закономерный вопрос: да кто здесь вообще нормальный и есть ли такие? Адвокат мёртвых, привидение и человек, который с ними якшается. Нормальных нет…

Впрочем, среди людей с нормальным особями тоже были проблемы.

Войдя в комнату, указанную Лэйлу, Кирилл застал удивительную картину. В комнате было трое мужчин, пытавшихся отодрать от стены огромный плоский телевизор. Безусловно, даже у нечистого на руку скупщика за него можно было бы выручить около сотни тысяч, но всё же, кто так варварски обращается с техникой?

И кстати, что воры делают в чёрной квартире привидения и почему Лэйла их не напугала? Не могла? Это опять какая-то проверка?

Адвокат стоял у стены, опираясь на неё плечом и разглядывая людей. Люди — его игнорировали.

— Почему? — вырвалось невольно у Кирилла.

— Пофигисты, циники, реалисты. Они не верят ни во что, ни в Бога, ни в… Князя ада, ни в кого-то еще, — отозвался Адвокат раздраженно. — Они просто нас не видят! И нашу магию, кстати, тоже. Вот поэтому люди меня злят. Как вообще высшая сила допустила вашего появления?

— Кривой, Кривой, слышь, тут хозяин заявился.

Названный Кривым повернулся. Высокий, хорошо развитый молодой мужчина. Кирилл, стоящий рядом с Адвокатом,

мимолётно подумал о том, что такой контингент чаще можно встретить в спортивных залах, на тренажерах или на игровых площадках. Но никак не в чужой квартире, промышляющих воровством.

— Ты хозяин?

— Нет, — отозвался Кирилл флегматично. — Я сюда пришел по другому поводу.

— Тоже вор?

— Отнюдь. К тому же этот телевизор вы не снимете со стены. Он не настоящий.

— Что? — Кривой попятился, оступился на чем-то и рухнул на пол. Его подельники тут же бросились к боссу помогать ему подняться на ноги. И не смогли сделать ни шага.

Кирилл всё так же стоя у стены, задумчиво изучал руки, торчащие из пола. Это не были ухоженные ладони Лэйлы. Это были грубые лопатообразные чужие конечности. Две. Четыре. Шесть. Восемь…

Квартира наполнялась призраками. Они слетались на воров, как стая ворон на падаль.

Руки, самые разнообразные скользили по телам живых, жадными прикосновениями. И каждое касание приводило к тому, что незадачливые воришки серели на глазах, а руки светились. Словно частица чего-то из тел людей перетекала в руки призраков.

А ещё запах. Снова тот же запах…

— Не двигайся с места, человек. Им ты не поможешь, а сам можешь стать кормом для призраков.

— Они…

— Поглощают жизненную силу. Сюда приходят в двух случаях, человек, — в голосе Адвоката не слышалось ничего. Ни тени эмоций. Мертвый пустой голос, от которого по спине Кирилла пробежался табун мурашек. Он снова пугал, этот чудь.

— Когда ищут помощи? — предположил мужчина.

— Да, и в остальных случаях, когда находят свою смерть. Здесь не бывает по-другому. Либо Лэйла, либо они.

Адвокат коснулся рукой плеча Кирилла, и жадные руки призраков прошли сквозь тело мужчины.

— Ты здесь гость. И они не тронут тебя. Скоро уйдут.

— А… тела?

— Их заберут с собой призраки.

— Как насчет душ погибших, — с голосом Кирилл справился и смог похвалить себя за внешнюю беспристрастность. Но и внутри раскатывалась безжизненная выжженная пустыня.

— Их нет. Пришедшие сюда не могут надеяться на посмертие,

человек. Это не для воров и не для убийц.

— Ясно, — Кирилл отвернулся. — Мы еще долго здесь задержимся?

— Как только Лэйла закончит свою работу, мы займемся виноватыми. Осталось всего немного. Впрочем, нет, человек. На сегодня хватит с тебя.

Чёрное крыло снова поднялось в воздух, окутывая Кирилла. Резкий взмах. В грудь ударило потоком воздуха, мужчину завертело, закружило, а когда он открыл глаза, над ним уже был потолок его собственной спальни.

И на краю кровати была сгорбленная худенькая спина.

— Аня?

Девушка вздрогнула и повернулась.

Бледное лицо, чуть заметные сероватые разводы по коже и улыбка. Неуверенная, чуть дрожащая улыбка смертельно больного человека.

— Он не нашел ничего лучше, как дать мне взаймы жизнь на пару суток, представляешь, Кир?

Сердце остановилось. Воздух в груди весь куда-то делся. Мир вокруг исчез, осталась только девушка. Одна-единственная. С заполошной болью в этих шоколадных озерах. С искривленными нестерпимой мукой губами.

— Он запретил мне приближаться к сыну и мужу. Сказал, чтобы я даже не помышляла о том, чтобы его обмануть. И дал кусочек своей собственной жизни. Господи, Кир, что я наделала?!

Худенькое тело содрогалось от отчаянных рыданий. Кирилл, ощущая себя как никогда полным дураком, протянул руки, бережно прижав захлебывающуюся от слез Аню к себе.

— Глупая девочка, разве ты что-то натворила?

— Кир! Кир! Кир…

Сквозь бессвязный поток слов прорывалось только имя Кирилла. И больше ничего. В груди у Ани был кровоточащий комок боли, вместо сердца. Ей было холодно, горько. Ей хотелось выть от отчаяния, но вой не приносил облегчения. Слезы не давали спокойствия.

Только боль, только… пустота.

— Кирилл.

— Ну, вот, — мужчина осторожно стер влажные дорожки, взял лицо Ани в ладони, глядя на нее. — Так то лучше. Ты перестала разрывать мое сердце своими слезами. Я думал, что все забыл. Все эти года, все эти чувства. А потом этот Адвокат, и ты. И ты сейчас. Аня…

— Кир, не надо! Я…

— Я ни о чем не прошу, ни на чем не настаиваю. Просто, ты

такая теплая…

— Чужое тепло. Я воровала твою жизнь! — кулачки Ани ударили по плечам Кирилла, но он даже не заметил этого. — Слышишь ты! Умный парень! Я убивала тебя каждый день, что находилась рядом с тобой, а ты этого даже не понимал! Ты даже не поверил Адвокату! Ты чуть… Господи, Кир, ну зачем? Зачем ты влез во всю эту чертовщину? Ты бы сам… А, кого я обманываю. Никто ничего не смог бы здесь сделать сам. Ни ты. Ни я. Лишь тот, у кого гораздо больше власти и денег… Кир.

— Да?

— Не умирай.

— Что? — мужчина растерялся, с неверием глядя на бледное лицо Ани.

Закушенная губа с содранной кожицей уже немного кровоточила. На нежной коже выступили алые бисеринки.

Осторожно смахнув их большим пальцем, Кирилл взглянул на девушку.

— Аня. Послушай меня. Я взрослый мужчина. Мне ничего не грозит. С чего ты вдруг заговорила о смерти?

— Потому что вокруг тебя только мертвые, Кирилл. Ты не замечаешь этого почему-то, но ты не общаешься с живыми с того самого дня, как…

— Как мы похоронили родителей.

— Постоянно общаясь с мертвыми, ты умираешь сам. Каждый день кусочки твоей души растворяются в небытие. Ты не отдаешь ее, как делал этот со мной, но они…

— Аня, — в голосе Кирилла звякнул металл. — Никого не касается, как я живу. У меня есть дела, которые я должен выполнить любой ценой. Все остальное — мелочи, которые вполне можно оставить за кадром. И даже если я умру, это не самая высокая цена за исполненное желание. А теперь…

Протянув руку, Кирилл резко потянул Аню на себя и вместе с ней рухнул на кровать. Уткнулся носом в ее волосы, пахнущие его шампунем.

— Это будет мечта длиною в несколько часов. Спи. Раз уж у тебя теперь жизнь взаймы, то сон тебе необходим. Когда встанет — займемся другими делами.

— Кирилл!

— Как щенки в корзинке или котята. Ты всегда предпочитала именно это сравнение. Я не покушаюсь на твою честь, я помню, кому принадлежит твое сердце. Я осознаю, что ты временно… что ты след прошлой жизни, но позволь мне поверить в то, чего у меня никогда не было и не будет.

— Почему не будет?! — возмутилась Аня. — Ты найдешь

прекрасную девушку, — в груди что-то отдалось безумной болью. — Женишься на ней, — отчего-то стало ещё больнее. — У вас появится ре… — и голос сорвался.

— Глупая девочка, — прошептал Кирилл с смешком, прижав девушку к себе чуть крепче. — В моей жизни возможно только одна любовь. И это ты. Так что нарисованная тобой картина семейного счастья состоится с кем-то другим, но не со мной. А теперь спи, непокорная. Иначе, я вспомню, как сильно ты боялась щекотки…

— Не надо! Я уже сплю!

— Вот и хорошо. Вот и умница…

Слова оборвались спокойным дыханием. Кирилл вымотался и уснул, так и не договорив до конца. Его рука на талии ослабла. И Аня, чуть повернувшись, прижалась щекой к мужской груди. Над ухом ровно билось сердце.

Но уснула девушка в слезах. И еще долго в комнате металось ее отчаяние, выраженное всего в одной фразе:

— Ты же помнишь, что я мертвая?!

Глава 8. Прелюдия к трагедии

Трагедия. Свершивший факт чего-то, что невозможно уже исправить. Классики говорят, что бывают малые трагедии для маленьких людей. СМИ на всех углах кричат о больших трагедиях для всех наций. Планета не желает мириться с самодовольными людишками, показывая им, что они ничто — прах, пред её мощью.

А для обычных людей, далёких от средств массовой информации и разбора собственной души на винтики — трагедия это всегда потеря. Потеря, которая вырывает из груди сердца, разрывает на части душу, сводит с ума и буквально выкручивает наизнанку от одного единственного вопроса: «Почему»?

Почему именно он? Почему она? Почему не кто-то другой? Почему именно ребенка? Почему именно этого человека?

Самое страшное в трагедии — это непонимание механизма выбора. Почему погиб человек, который был самым важным, дорогим, близким?

Это была случайность? Чей-то злой умысел?

Говорят, уходят молодыми самые лучшие. Наверное, это должно быть успокоением. Наверное, должно быть. Но никогда не становится.

Никакие слова, ничья поддержка не заставит человека, пережившего трагедию, снова вернуться к прежнему себе. Невидимые шрамы от трагедии никогда не заживают и кровоточат изо дня в день.

Можно научиться улыбаться, можно научиться снова смеяться и даже полюбить. Но ни одна сила в мире — не изменит случившейся трагедии.

— У Адвоката, — Аня в белой водолазке и бежевой юбке суетилась около плиты, переворачивая лопаточкой сырники. — Есть свои возможности, чтобы понять, кто виноват в трагедии. В человеческом мире почему-то чаще всего бывает именно так, что в происходящем отовсюду торчат человеческие ноги. Авария на перекрестке, — легонько стукнула она Кирилла по руке, когда он потянулся к сковороде, — причина, виноватый, исходный и самый главный — пьяный водитель. Но ты уже успел узнать, что не всё так просто. И есть разные свидетели, разные сопричастные. Но ещё иногда в трагедиях бывает не один виноватый.

— Несколько? — уточнил Кирилл, вытаскивая из холодильника сметану и брусничное варенье. Затем из шкафа тарелки.

Аня кивнула.

— Да. Иногда это сговор. Должен помнить из курса юриспруденции. Не всё же ты забыл?

— Многим ещё и активно пользуюсь.

Девушка как-то криво усмехнулась. Работа Кирилла, его постоянные разъезды — ему не подходила. Но из города он уехал почти сразу же после того, как Аня выбрала другого мужчину…

— В любом случае, сговор с целью нанесения вреда — это уже из области уголовно наказуемых дел. Но иногда вина перекладывается на плечи другого намеренно. В смысле… — Аня накрыла сковороду крышкой и повернулась. — Как бы объяснить. Ну, например, когда за рулём ехал один, а потом обвинили другого, потому что они там местами поменялись. Или как у нас любили раньше в боевиках, один виноват, все улики указывают на другого — на него и вешают. У Адвоката таких осечек в определении виновных не бывает. У него свои способы определить тех, на ком лежит вина.

— Но бывают же и исключения? — предположил Кирилл, опуская голову, а когда поднял, на кухне произошли изменения.

Аня, побледнев, отступила к холодильнику.

А на подоконнике появился Адвокат. В воздухе тихо звякнули бубенчики, когда он поднял палец и словно ударил кого-то невидимым щелбаном. Тихо звякнула плита, и выключился газ под конфоркой.

— Сгорят. Сядь, — взглянул он косо на Аню.

Девушка послушно опустилась на стул. Кирилл, покачав головой, остался на месте. В белых глазах Адвоката были зрачки. Не чудь, лишь часть личности — не пугающая, хотя и по-своему впечатляющая.

— Иногда бывают исключения, ты прав, человек, — из-под фиолетовых зрачков на мгновение проглянула чистая белизна. — Но эти исключения значат лишь то, что в случившемся помимо живых — есть вина и на мертвых.

— Тех, кто умер? — предположил Кирилл с содроганием.

— О, нет. В этом вся суть, человек. В мире живых есть мертвые. Мы уже говорили, однажды, об этом. Иногда мертвые влияют на суть мира живых. Становятся виновными в ситуации.

— Как?

— Одержимость людьми. Техникой. Транспортом. Светофорами. Стеклами. Чем угодно, — Адвокат поморщился, и давящая атмосфера в кухне исчезла. Словно солнце проглянуло из-за туч и растопило куски льда.

Аня, встав из-за стола, вернулась к сковороде и сырникам. Парень с необычным бубенцовым маникюром сел на её место, разглядывая Кирилла.

— И в этой истории так же? — предположил тот.

— Точно. В истории есть мёртвый. Не такой, как она, — Адвокат лишь кивком головы изобразил направление. Но Кириллу и без того было хорошо понятно, о ком идёт речь. — Другой. Уже давно мёртвый, знающий об этом, не имеющий тела. Мёртвый, который был, возможно, свидетелем аварии, возможно, игрался с каким-то предметом, только освоив одержимость, и невольно стал виновником. А возможно… это было сделано намеренно.

— Теперь узнать и помочь родителям невозможно?

— Возможно, — Адвокат поёжился.

И мужчина с изумлением воззрился на его худенькие плечи и тонкие руки, которыми он обхватил себя за плечи. Опять очередная ранняя жертва смертности? Впрочем, естественно, спрашивать об этом Кирилл не стал, предпочёл заговорить о другом.

— Как? И… в этом есть что-то особенное?

— Да. Тебе придётся побывать в роли призрака будущего. Мы отправимся в прошлое, поедем в машине с твоими родителями. И…

— Умрём вместе с ними?

— Нет. Ты станешь свидетелем аварии с самого её начала и до конца. Ты не сможешь отвернуться. Ты не сможешь закрыть глаза.

Аня вздрогнула и круто повернулась:

— Нет! Не обязательно живым это видеть! Можно, я одна могу посмотреть!

— Помолчи, — досадливо отмахнулся от неё Адвокат, не сводя взгляда с Кирилла. — Ты. Сможешь? Увидеть смерть своих родителей? И быть не в силах ни предотвратить ее, ни помочь им.

Мужчина промолчал.

Он не мог ответить с ходу. На какой-то миг даже показалось, что это не с ним происходит. Психика сопротивлялась реальному миру, подсовывая какие-то кусочки фильмов, книг, голова закружилась. И всё прошло.

На висках лежали ледяные пальцы. Мертвенно-ледяные. И бубенцы щекотно касались кожи, едва слышно позвякивая.

Напротив были глаза без зрачков.

Близко, очень близко.

Если бы Кирилл мог, он бы отшатнулся. Но это было не в его власти. Чужая воля управляла его телом. Чужая сила удерживала его на одном месте, не давая никуда уйти, ничего сделать.

— Рассудок всё-таки пошатнулся, — пробормотал негромко Адвокат. Именно его глаза сейчас взирали на Кирилла. —

Слишком много всего навалилось, мало возможности для сна. Пожалуй, мы сделаем перерыв. Мы с Лэйлом пройдёмся по тем свидетелем, которых нашли человеческим методом, которые отказались от дачи показаний или кардинально их изменили. Посмотрим на ваш судебный человеческий аппарат, а ты, — холодные пальцы сползли с висков, — сходи к сестре. Может быть, посмотрев на неё поймёшь, что иногда мёртвые остаются мертвыми. И ничто на свете их не возвращает и не утешает.

— Не пойму. И не пойду. Я не смогу сейчас ей посмотреть в глаза. Я хочу видеть всё, что было. Если это позволит найти виновного мертвого, то я… смогу.

Адвокат покачал головой и отступил.

— Придётся Лэйлу просить о ещё одной услуге. Аня.

— Да?

— Ты останешься здесь.

— Хорошо.

— И готовься. Скоро…

— Да, — девушка зябко обняла себя за плечи. — Я понимаю.

Взгляд Чуди на мгновение обратился на неё, скользнул к дверям. Губы Адвоката шевельнулись, он что-то сказал, но Аня не поняла. Не успела прочитать смазанные движения. А потом Кирилл исчез, объятый всполохом вороньих крыльев…

Она осталась одна.

Тихо стучали напольные часы. Она сидела в комнате перед выключенным телевизором и не знала, куда себя деть. Было зябко. Немного мутило. Пустота в душе никуда не делась, но это была пустота обречённого на смерть человека.

Аня не знала, какую свою часть Адвокат ей отдал, но она даже не думала о том, чтобы сбежать. Скорее она ждала возвращения в свое привычное состояние с надеждой. Потому что она отдала долг и после этого — ее жизненный путь, путь ее души подойдет к концу.

Она не жалела о том, что подписала сделку с Адвокатом. Кирилл не знал, но мертвые не обязательно подписывали договор о мести. Были и другие причины, по которому приходили к нему мертвые. Впрочем, Аня попалась на крючок о мести за собственную душу.

Врачебная ошибка, которую скрыли.

Ее смерть стала просто последствием «случайности», хорошо срежиссерованной. Убить должны были другую женщину, которая была в роддоме вместе с Аней. Только две бригады поменялись, когда начались сложные роды…

И вышло всё так, как случилось.

Аня не могла уйти, потому что длинные цепи чужой вины

прибивали ее к земле. Она не могла ничего сделать, не могла ничего понять, у нее даже не получалось осознать, что ее больше нет. Поэтому слова Адвоката о том, что он сможет ей помочь, она встретила с искренней благодарностью. Хотя и понимала, что за эту помощь тоже надо платить. Только даже не подозревала о том, как скоро и какой ценой придется оплачивать эту помощь окружающим.

Звонок в дверь раздался чуть позже. Звонили настойчиво. Долго.

Видимо пропажу Кирилла и его странное поведение заметил кто-то ещё. Аня не тронулась с места. Кирилла не было дома. Его сестра прийти не могла. Она была в больнице, мёртвые рассказали об этом Ане. Да и скорее всего, дверь родного дома сестра Кирилла открыла бы ключами.

Наверное, были друзья. Возможно старые, возможно — новые. Аня не знала.

И, наверное, только наверное, ей было чуточку интересно.

За окном шумел ветер, начинал накрапывать тихий дождь. Кто в такую погоду будет поднимать голову наверх?

И она вышла на балкон. Сама не зная толком почему, зачем ей это. Что она хочет увидеть?

Просто ее поманило туда непреодолимой силой.

Внизу стояла машина, незнакомая, светло-серебристого цвета. Той самой марки, которую всегда хотел муж Ани. А к машине двигался зонтик. Яркий-яркий, на такой посмотришь, и на душе светлее становится.

Губы сами собой сложились в очень нежную улыбку. Она и забыла. Когда-то она покупала яркие зонтики и ссорилась с мужем и Кириллом, которые не хотели принимать её яркие подарки. Она горячилась, буквально подпрыгивая на одном месте и доказывала, доказывала, доказывала!

Так и не доказала.

А внизу кто-то идёт с таким зонтиком.

…Ее зонтиком…

Сердце дало сбой.

Там, где-то внутри появилась боль, тягучая, разрывающая на части. Пальцы, которыми она вцепилась в поручень балкона, побелели.

Она отчаянно хотела кричать, но губы не выдавили бы ни слова.

Внизу был ее муж.

Человек, которого она любила больше жизни. Ставший ее мужем, которому она вручила ключи и от своего сердца, и от своей души. Человек, ставший отцом их ребенка. Она мечтала

просыпаться с ним по утрам и засыпать по вечерам. Она возвращалась с работы быстрым шагом, чтобы успеть купить продукты и приготовить что-то особенное к ужину.

Они ездили по выходным на дачу. И там, сидя в одном кресле-качалке, мечтали о будущем. О машине, которую обязательно купят. О детях, обязательно двух! Мальчике и через пару лет девочке.

О собаке, наверное, золотистом ретривере. Или о попугайчиках, волнистых задорных крикунах. Или…

Мечты остались высказанными, но не исполнились. Аня сама стала частью трагедии. Чужой, но от того не менее разрушительной.

Порыв ветра, в котором замершей девушке почудился крик ворона, сорвал зонт, понес его в сторону.

Мужчина внизу попытался его поймать, но ветер не желал так быстро отдавать свою новую игрушку. Мальчик, сидящий у отца на руке, радостно захлопал в ладоши, а потом поднял руку наверх.

Аня не слышала, что он сказал. Она смотрела… ощущая как растворяется весь мир и как исчезает она сама. Он был так похож на них двоих, ее малыш. Ее маленькое продолжение. Ради него — и умереть не жалко. Жалко, что не получилось быть вместе с ними.

А внизу мужчина на миг замер, потом чуть качнул сынишку на руке и наставительно сказал.

— Я же говорил, мама всегда присматривает за нами и мы не должны ее разочаровать. Ну? Идем домой?

— Плям-плям!

— Значит, плям-плям…

Посадив сынишку в детское кресло и застегнув его, мужчина всё же поймал зонт, бросил ещё один взгляд на крышу, туда, откуда на миг на него взглянула девушка с белоснежными крыльями и сел в машину.

Басовито загудел мотор, и автомобиль выехал со двора.

Аня сидела на балконе, прижимаясь спиной к двери, и плакала и смеялась одновременно. В воздухе кружило чёрное воронье перо, сообщившее, что это был подарок…

За что, почему — девушку не волновало.

Она была счастлива настолько, насколько может быть счастлив человек, уже умерший и готовящийся умереть второй раз, подглядевший малый кусочек чужой жизни…

…До места предстояло добираться попутным транспортом. Кирилл, оставленный на улице перед домом, где жила Лэйла,

сидел на крыльце, глядя в небо. Мужчина от своих слов отступать не думал и раздумывал совсем не о том, что ему предстоит увидеть. Он отдавал себе отчёт в том, что виденное может стать для него той соломкой, что сломает его. Он понимал, что это опасно, что он может сойти с ума. Но думал о другом.

О том, что ощущение смерти на кладбище было подозрительно знакомым. Будто бы уже ощущаемым. Нет, не в том плане, что так пахли те тайны, которыми он занимался по работе. Совсем нет.

Ощущение было откуда-то из детства. Что-то было там. В темных катакомбах. На чердаках, где сквозь щели в дырявом потолке лился солнечный свет, и в воздухе танцевали пылинки.

Что-то было там, в то время, когда он играл в снежки с друзьями и на физкультуре ходил в походы на лыжах.

Что-то осталось там, припорошенное временем, ставшее подзабытым…

— Мальчик! — нежные руки обняли Кирилла за шею. — Я пришла!

— Лэйла.

Женщина рассмеялась, щекоча своим дыханием ухо мужчины.

— Адвокат со мной поделился подходящей сущностью.

— Подходящей для чего? — подозрительно осведомился Кирилл.

— Самому не страшно быть таким умным? — уточнила Лэйла. — Нет? А стоило бы, потому что некоторые вопросы лучше не задавать. Не потому, что на них не ответят. А потому, что ответы не сделают твою жизнь легче.

— Никогда ни о чем не спрашивал, руководствуясь этим принципом, — пробормотал Кирилл. — Так всё-таки?

— Тебе предстоит увидеть то, что не всякий рассудок выдержит. Ты человек, а значит, не умеешь контролировать свои эмоции, они могут ранить тебя. А я помогу тебе этого избежать.

— Как?

— Я же говорил, — чудь двигался от подъездных дверей, покручивая на пальце ключи. — Он слишком умный, Лэйла. Зазеваешься — скажешь больше чем надо. Идем, человек.

— Куда-то идем?

— Безусловно. Нам нужна машина.

— Машина?

— Да.

— Нормальная машина? — скептически спросил Кирилл.

Лэйла, так от него и не отлипшая, засмеялась.

Даже чудь раздвинул губы в улыбке.

— Нет. Естественно, это особая машина. Нам нужно пройти

на стоянку. Лэйла.

— Да, да, — отстранившись от мужчины, красотка-привидение немного подумала и перестроилась, взяв его под руку. — Мне так удобнее, — пояснила она на взгляд Адвоката. Тот даже не обратил внимания на ее демарш и двинулся вперёд.

Лэйла, идя следом, начала тихо говорить:

— В тихом маленьком городке, на уютной улице, где даже редко проезжали машины, в квартире жил маленький мальчик, по имени Кирилл. Однажды, его родители ушли, а мальчик остался дома один. Он сидел и смотрел большой плоский телевизор на стене. И тут, по телевизору пошли полосы. И чей-то голос сказал: «по городу ездит черный гроб на колесиках, ищет жертву. Закройте окна и двери и ни за что не выходите на улицу». Но мальчику было скучно, телевизор не работал, он взял ключи от дома и вышел на улицу. Мобильный телефон был в кармане, чтобы родители могли позвонить. Мальчик хотел купить мороженого, но все магазины были закрыты. На улице не осталось ни одного человека. Тогда мальчик подумал, что может быть, надо вернуться домой? Но его телефон зазвонил и тихий голос произнес: «мальчик, скорее вернись домой. Черный гроб выбрал тебя, и ищет твою улицу». Мальчик Кирилл был плохим ребенком и никогда не слушал того, что ему говорят. Не послушал и в этот раз. Решил, раз никого на улице нет, то на детской площадке будут свободными все его самые любимые качели. А значит и слушать нечего, что там говорят по телефону незнакомые дяди. Мальчик дошел до детской площадки, она действительно была пуста. Только все качели, словно сами собой, раскачивались. Мальчик хотел покататься на качелях, но не смог остановить их. Хотел запрыгнуть на карусель, но и это у него не получилось. Тогда он решил пойти домой. И снова у него зазвонил телефон. «Мальчик», — сказал тихий женский голос. — «Скорее беги домой и спрячься, черный нашел твою улицу и ищет твой дом». Но мальчик снова не послушался. И гулял по улицам до самого вечера. А когда пошел домой, около подъезда стоял черный лакированный гроб с ручками, на которых висели красные кисточки. Когда мальчик проходил мимо, гроб открылся и сожрал мальчика. Больше его никто никогда не видел. И говорят сейчас, если поздно вечером пройти мимо парковки, где раньше была детская площадка, можно услышать слова «черный гроб, катается по городу, черный гроб ищет свою жертву». А если присмотреться — то можно увидеть…

В лицо порыв ветра швырнул горсть листьев и какую-то чёрную не то пыль, не то пыльцу. Штаны стали слишком большими и норовили соскользнуть. Руки потерялись в рукавах

свитера, ставшего очень большим. И джинсовка прибивала к земле всем своим весом.

— Это что?! — возмущенный детский голос раскатился по площадке.

Но ему никто не ответил.

Зажмурившись до рези под веками, Кирилл снова открыл глаза.

И вокруг снова все осталось так как было, точнее — так, как изменилось сразу же после порыва ветра.

Они были на детской площадке. Они были детьми. И в центре площадки, старой, с рассохшимися качелями-перекладинами, проржавевшей насквозь карусели, со скрипящими от порыва ветра качелями — стояла табличка.

На табличке была надпись. Простая надпись, всего несколько слов, но каких!

«Стоянка черного гроба».

Поддерживая брюки, Кирилл повернулся. За его спиной стояла Лэйла, в своём призрачном виде и Адвокат, в своём виде нормальном.

— Почему изменился только я?!

— Потому что ты — живой. А живые быть на этой площадке могут только в одном случае, когда они дети.

— Как будто этот хлам может заинтересовать хоть одного ребёнка! — вызывающе буркнул Кирилл.

— Могут, — кивнула Лэйла, присев на корточки и задумчиво изучая одежду, ставшую на десяток размеров больше. — Можно тебя переодеть, но потом всё равно же вернёшься в свою нормальную форму. Адвокат, чего-нибудь сделать можно?

— Оставь как есть, — велел тот. — И посидите где-нибудь. Гроб опаздывает.

— Опаздывает?! — вскрикнул Кирилл, ощущая, как по телу раскатываются горстями колкие горошины страха. — Мы что?

— Точно, точно, — Лэйла обняла его за плечи. — Не удивляйся, ты сейчас ребёнок, тебе страшно. И вполне нормально, что это так. А площадку эти дети, которые здесь появляются видят совсем по-другому.

— Не так, как я?

— Ты видишь здесь всё старым, грязным, заржавевшим. Таким, какой эта площадка была бы, если бы ее не снесли к сегодняшнему дню. Но ее снесли, и получилось то, что ты видишь. Дети, когда попадают сюда, попадают под власть заклинаний, которые здесь по всем углам. И видят новую площадку, горки, качели, карусели. Говорят, кто-то даже на чертовом колесе здесь катался.

— Лэйла, а что видите вы?

— Я тоже, что и ты. Ведь это ты здесь ребёнок, и площадка здесь такая как ее можешь увидеть ты. Что же касается Адвоката… я лично не стану задавать ему такие вопросы. И не советую делать этого тебе. Он у нас…

— Я у вас? — продолжил у неё над головой чудь.

Привидение взвизгнуло и спряталось за спину Кирилла.

Адвокат так же как и она ранее, присел на корточки, разглядывая ребёнка, потом усмехнулся.

— Тебе идёт быть таким маленьким.

— Это ещё почему? — с вызовом спросил мальчишка.

— О, ты в таком возрасте грубил старшим?

— Я был плохим ребёнком!

Лэйла засмеялась, снова обнимая мальчишку.

— Какая прелесть, — промурлыкала она. — Кстати, Адвокат…

— Я слышу.

Кирилл же никак не мог понять, о чём они говорят. Голова кружилась. Вокруг пахло затхлостью и сыростью. Площадка вокруг что-то напоминала, что-то из забытого прошлого, что-то их тех времен, о которых даже думать запрещено было.

Запрещено?

Додумать, поймать ниточку мальчик не успел. Воздух наполнился грохотом и свистом, а следом перед ребёнком с визгом тормозов остановился гроб. Чёрный. На колесиках. И на ручках гроба покачивались алые кисточки.

Внутри гроба стояли несколько сидений, словно в пародии на человеческий автомобиль. И впереди, на месте «водителя» кто-то сидел. Так дети пробуют что-то нарисовать в самый первый раз. Несколько черточек, неуверенные овалы, еще дрожащие прямые линии.

Так вот ощущение было, что вот это — просто рисунок вырезался сам собой из бумаги и устроился в черном гробу.

Глаза Кирилла изумлённо распахнулись. Он протёр глаза, но видение от этого никуда не делось.

Лэйла за спиной тихо прошептала:

— Чёрный гроб открылся и поглотил мальчика, и больше никто его никогда не видел!

Кирилл и опомниться не успел, бок гроба раскрылся пополам, оттуда высунулся огромный шерстяной язык и слизнул их… Крышка гроба закрылась и наступила полная тишина.

А внутри было тихо, тепло. И сидение было очень уютным. И от сидящей рядом Лэйлы вкусно пахло духами, а от Адвоката впереди — каким-то алкоголем и немного цветами.

Повернувшись, чудь кивнул:

— Да, — шепнул он, — спи. Мы разбудим тебя, когда доедем на место.

Кирилл закрыл глаза, положив голову на плечо Лэйлы. Женщина грустно улыбнулась, обняв его рукой, словно закрывая от чего-то. И спустя мгновение Кирилл ровно задышал, уснув.

— Так будет лучше, — прошептала привидение, коснувшись губами встрепанной макушки. Потом подняла голову: — Ты уверен, что нам нужно взять его с собой?

— Он умен. Он может заметить то, что не заметим ты и я, — белые глаза смотрели бездушно, потом Адвокат все же смилостивился. — Но то, о чем мы договаривались, мы сделаем. Веди гроб в прошлое, Лэйла. Делай то, за чем ты здесь.

— Но он… — взглянула она не ребенка.

— Я послежу, чтобы он не проснулся.

Привидение вздохнула, грустно улыбнулась и кивнула.

Серебристый туман, в который она обратилась спустя мгновение, растёкся вначале по сидению, бережно придерживая мальчика, а потом впитался в гроб. Чёрное лакированное изделие вначале задрожало, потом завибрировало, словно внутри шла борьба между кем-то.

А затем, после резкого разворота, гроб помчался в другую сторону. В этот раз духам, которые питались маленькими детьми, пойманными черным гробом, предстояло остаться голодными…

Глава 9. Путешествие по памяти

Если бы…

Какая притягательная магия кроется в этих двух словах для людей. Магия несказанных слов, несовершенных поступков, несбывшихся надежд. Магия того, что сотканное полотно жизни можно изменить, распустить, переделать заново. Выбрать другие нити для этого полотна, выбрать другие дороги в жизни.

История не терпит сослагательного наклонения. Жизнь не терпит пустого бахвальства. И тот, кто кричит громче всех «я бы на его месте», однажды, попадает в такую же ситуацию. И неожиданно оказывается, что выстрелить во врага, отказаться от любимой девушки или поддержать любимого человека, попавшего в беду, не так то и просто. Что на это нужны силы, воля, решимость. Наконец, честь!

История не терпит возгласов «Ах, если бы!»

Но только иногда она приоткрывает свои самые сокровенные тайны для тех, кто может увидеть и услышать то, что было не сказано. То, что осталось за порогом увиденного. То, что прячется в другом мире.

У Лэйлы были очень холодные руки, когда она коснулась лица Кирилла.

— По-другому у нас не получится, — с сочувствием сказала она.

Мальчик, открыв глаза, пытался понять, что происходит. Тело было легким-легким, легче перышка, но при этом подняться было невозможно.

И люди вокруг. Кто они? Почему…

— Меня зовут Лэйла, — женщина с холодными руками покачала головой. — Адвокат, похоже, нам надо еще немного времени.

— Сколько?

— Минут десять, может быть, двадцать. У нас есть столько?

— Да. Делай свою работу.

— Мог бы и повежливее!

— Лэйла.

Звякнули бубенчики в черных когтях. Женщина покраснела и торопливо отвела взгляд в сторону. Мальчик, лежащий на скамье в осеннем парке, упорно пытался подняться. Но раз за разом терпел поражение.

Понадобилось почти семь минут, чтобы тело ребенка на скамейке подернулось черной дымкой и вернулось к своим

нормальным размерам. Лэйла уже начала нервничать, но Кирилл все же вовремя пришел в себя.

До того, как все началось.

— Где мы? — спросил он первым делом.

— Не поднимайся! — руки призрачной женщины легли Кириллу на плечи, удерживая его в положении лежа. — Встанешь, от головной боли ничего не сможешь соображать. Сейчас я тебя…

— Я сам. Нет времени.

От этого тихого голоса в который раз по позвоночнику прокатилась волна ледяного ужаса. По вискам скользнуло царапающее ощущение холодного металла. Бубенчики чуть царапнули стянутую кожу, и все.

— Вставай.

В белых глазах не было и тени эмоций. Снова, Адвокат снова не желал ничего слушать и выслушивать. Он приказывал, а остальным оставалось только подчиняться.

Против этого Кирилл ничего не имел. Он по-прежнему опасался этого типа, не имеющего ничего общего с человеческим родом.

— Лэйла.

— Да, — неожиданно притихшая женщина, закинула руки на шею Кирилла. В ее взгляде расползалась такая же белизна, как и у Адвоката. Голос изменился. Стал звучным, в нем зазвучала тоже сила. Показалось, что в воздухе запахло озоном. Где-то на краю горизонта полыхнули молнии.

По позвоночнику прокатилось новое судорожное ощущение.

Это уже было.

Кто-то другой вот так смотрел на Кирилла.

Кто-то другой что-то пытался сказать.

Кто-то…

— Кирилл, — голос Лэйлы стал мягче, хотя и понизился еще на несколько обертонов. — Прости, но это для твоей же пользы. Это не прошлое, в том мере, в котором можно подумать. Но это и не просто видение того, что было. Это мир, в котором что-то может измениться, если кто-то не сдержится. Поэтому…

— Поэтому? — переспросил Кирилл.

— Забираю твой голос, — шепнула привидение, — забираю его себе. Запечатываю твои эмоции, запечатываю твои мысли. Ты свидетель негласный, безмолвный. Слово мое крепко, ключ-камень тому свидетель.

У привидения оказались ледяные губы.

Холодные, твердые. Совсем не похожие на мягкие губы Ани.

От этого поцелуя внутри разрасталось ледяное оцепенение. Холодом сковало руки, ноги. Ледяным воротником обхватило

шею. Словно побывал на стоматологическом кресле, и заморозкой сковало челюсть.

А потом стало все равно.

Кирилла ничего не интересовало. Мозг превратился в огромную пишущую машинку, совмещенную с самым современным фотоаппаратом. Делал снимок с пояснением и почти сразу же стирал его, если не находил в нем необходимости.

Лэйла, незаметно смахнув слезинку из уголка глаз, криво улыбнулась:

— Для твоей же пользы, — повторила она и тихо шепнула, когда отвернулся Адвокат: — Прости.

Кирилл не понимал. Чужие слезы и огорчение его не затронули. Мозг не отметил в происходящем странностей.

Адвокат, повернувшись от дороги, на миг усмехнулся. Словно сделал какой-то вывод, который мог не понравиться Кириллу.

А затем около тротуара, на светофоре остановилась машина. И мужчине понадобилось почти полминуты, чтобы понять, почему она ему знакома. У тротуара, в шесть часов тридцать две минуты утра остановилась машина его родителей.

Когда она тронулась с места, в ней уже прибавилось пассажиров. Три невидимых, неслышимых и неощущаемых зайца устроились на заднем сидении…

За рулем был крепкий мужчина. В черных волосах даже не было нитей первой седины. Когда он бросил взгляд в зеркало, чтобы посмотреть назад, стало понятно, что они спокойного, карего цвета. Не слишком широкоплечий, мужчина был одет в деловой костюм. На соседнем сидении рядом с ним лежал портфель.

— Его зовут Дмитрий Игоревич, — шепнула Лэйла Адвокату. Тот взирал на проплывающие мимо дома, магазины, деревья, кажется, даже не глядя на то, где они находятся, даже не задумываясь, зачем они здесь.

И, как обычно, тип с белыми глазами на слова призрачной женщины не отреагировал. Привидение, чувствуя себя неуверенно, отвернулась к соседнему окну. Кирилл сидел между ними, смотрел вперед, толком не осознавая, что там.

Мимо проезжали машины. Загорались и гасли светофоры.

Дмитрий Игоревич время от времени разговаривал по телефону по гарнитуре, руки оставались свободными. Над бортовым компьютером подмигивал огоньком записи регистратор.

— Куда делся регистратор с записями? — спросил Адвокат.

Привидение пожала плечами.

— Когда машину отволокли на свалку — он был. Когда же

полицейские ее обыскивали, его уже не было. Найти?

— Пока не нужно. Присматривай за Кириллом.

— Зачем?

— Чтобы не слетело не вовремя заклинание. Мне не нравится запах, который сгущается над машиной.

— Я ничего не чувствую… — прошептала Лэйла.

Адвокат промолчал, разве что взглянул косо на Кирилла.

— Адвокат?

— Следи за дорогой, — устало откликнулось нечеловеческое создание. — Если я прав, мы об этом узнаем очень скоро. — И было бы лучше, если бы прав я не был.

— Адвокат?

Но второй раз откликаться тот и не подумал. Лэйле пришлось смотреть и за дорогой, и за тем, что происходит в машине и около нее.

День тек своим чередом. Пару раз возникало полное ощущение того, что Кирилл вот-вот скинет с себя чары привидения, и призрачной красотке приходилось переводить на него все свое внимание.

— Так не бывает! — сдали у нее нервы, когда Дмитрий Игоревич поднялся домой. Время уже было ближе к шести часам, и скоро должно было случиться то, из-за чего вся компания сидела в машине.

Адвокат, отвернувшись от окна, смерил нервничающую Лэйлу поощряющим взглядом.

— Он не должен пытаться сбросить мои чары! Он вообще их ощущать не должен! А он…

— Создается полное ощущение того, что отлично все понимает и еще каким-то образом пытается от этого освободиться? — уточнил Адвокат.

Лэйла кивнула.

— Наш юный друг не так-то прост, как кажется. И все-таки подождем еще немного, Лэйла. Возможно, что-то прояснится сегодня. И…

— Адвокат!

Поздно, было слишком поздно.

Отреагировать никто не успел. Тело Кирилла выгнуло, он закашлялся, а открыл глаза уже сам собой. Заклинание подчинение, заклинание умалчивание слетели с него, как луковая шелуха.

Лэйла, по праву гордящаяся своими заклинаниями, побледнела. Адвокат усмехнулся, в воздухе звякнули бубенчики, когда он протянул ладонь к вискам Кирилла, снова снимая головную боль. На этот раз от отката из-за заклинания.

— Знал бы, какой ты проблемный, не появился бы перед тобой, — прошелестел он. — Но что сделано, то сделано. Разбираться с твоими тайнами мы уже не будем, человек. Скоро моя работа закончится. И возможно, как только наш контракт будет выполнен с моей стороны, ты перестанешь видеть и меня, и Лэйлу.

Что удержало Кирилла от того, чтобы сказать, что Адвоката он увидел сразу, мужчина не знал. То ли чутье проснулось, то ли интуиция голос подала, но он промолчал. Белые глаза погипнотизировали еще немного, и Адвокат отвернулся, приказав:

— Вводи его в курс дела.

— Для начала, — Лэйла вздохнула. — Что ты помнишь?

— Гроб. Черный гроб на детской площадке.

— Хорошо. Это был своеобразный транспорт. Черный гроб является связующим звеном между миром живых и миром мертвых, между настоящим и прошлым. Если знать, как справиться с теми, кто управляет гробом, можно попасть в прошлое. Но не само… а своеобразное информационное поле, которое его окружает.

— Не понимаю.

— Слепок, — подсказал Адвокат сбоку. — Это слепок того, что случилось. Копия. Грубо говоря, имея доступ к этой копии, можно посмотреть все, что случилось в режиме почти реального времени.

— Зачем это надо? — спросил Кирилл глухо, до которого только сейчас дошло, что он увидит, как погибли его родители, увидит все, что случилось, но не сможет помочь.

— Есть некоторые несуразности, — наконец, ответил Адвокат. — Ты не понимаешь этого, человек, но даже с учетом всех людей, которые приложили вольно или невольно к этому руку, не должно было бы случиться такого. Это неправильно.

— Неправильно?

— Да. Есть кое-что… ещё, но тебе об этом пока знать рано. Возможно, я ошибся. Такое тоже бывает. Лэйла, повтори с ним…

— Не надо.

— Человек?

— Не надо ничего повторять, — отозвался Кирилл. — Я все выдержу.

— Сильные мужчины настоящая головная боль для женщин, — вздохнула рядом Лэйла, положив голову на плечо Кирилла. — Адвокат?

— Пусть его. Я не возражаю.

— Но это! — «очевидную глупость» Лэйла проглотила под

бездонным белым взглядом.

Адвокат снова отвернулся, и привидение сочла за лучшее замолчать.

Раздался тихий писк сигнализации, поползли вверх шпенечки блокираторов, и двери открылись.

Впереди сели двое.

Уже виденный компанией Дмитрий Игоревич и рядом с ним села женщина. Сходство с ней Кирилла просто бросилось в глаза. Те же черты лица, та же улыбка, те же гусиные лапки около глаз, та же нежная улыбка.

— Как вы похожи! — ахнула Лэйла.

Кирилл кивнул.

— Это все отмечают… отмечали, — поправился он с сжавшимся сердцем. — На папу больше похожа Женя, скоро вы ее увидите. А вот я похож на маму. У нас так и получилось. Я больше был маминым сыном, а Женька папиной дочкой.

— Почему? — спросила тихо привидение.

— Папа чистокровный математик, выпускник мехмата. А я к математике, физике вообще не проявлял интереса, больше ценил историю, литературу. Мама — Галина Анатольевна, была учительнице русского и литературу. Не скажу, что на уроках я был любимчиком ее, некоторые мои взгляды отличались от тех, что школьники должны выражать после прочтения произведений, установленных программой. Но у меня был хорошо подвешен язык, и отговориться я мог от любого. Ну, и наконец, история меня интересовала всегда. Мы с папой… не то чтобы были в плохих отношениях, но он больше любил Женьку. Ей следовало бы родиться парнем. Характер такой… волевой, задорный. Сила воли у нее… — голос Кирилла дрогнул и сломался. Женька, его сильная умная Женька, которая не плакала, когда разбивала коленки, падая с велосипеда или роликов. Смеющаяся Женька, обожающая рыбалку и машины, вся в отца — горько плакала. И по ее посеревшему от боли лицу катились соленые слезы. А Кирилл ничего не мог для нее сделать, просто держал за руку и уговаривал, что все будет хорошо.

— Кирилл? — Лэйла коснулась его плеча, чуть тряхнула.

— Почему ты можешь меня касаться? — спросил мужчина.

— Потому что мы не в реальном мире… Не совсем в реальном. Здесь другие законы. Поэтому я отчасти реальна.

— Люди такие хрупкие, — Адвокат покачал головой. — Человек, как вы до сих пор остались живы? Вы умираете в войнах и убиваете друг друга в мелких стычках. Звери сражаются друг с другом только из-за еды и самок, но никогда не убивают. А вы даже занимаетесь каннибализмом. Почему, человек?

— Называй меня по имени, — попросил Кирилл. — Раз уж мы здесь, в этом мире, то…

— Нет. Здесь действуют те же правила. Если ты не хочешь умереть.

— Я не уверен, что меня ждет долгая и счастливая жизнь, — усмехнулся мужчина.

— У тебя есть для этого повод?

На этот раз промолчал Кирилл. Как такового повода не было. Но не было ощущения того, что он сказал что-то неправильное. Скорее было ощущение, что невольно он озвучил то, что давно уже знали и Адвокат, и Лэйла.

— Посмотрим, — отозвался неожиданно Адвокат и снова отвернулся к окну.

Тихо играла магнитола.

Кирилл вслушивался в разговор родителей. Как обычно, обо всём и ни о чем. О завтраке, о заказанном столике в ресторане, о друзьях и поездке на море. О звонке самого Кирилла. О Женьке, которая встретилась с приятным молодым человеком, но отчаянно его прячет. О школьниках, которых в последнее время стало невозможно призвать к порядку. Об изменениях на работе папы.

— Куда они ехали в тот вечер? — спросила тихо Лэйла.

Кирилл взглянул на нее через плечо.

— Следователь сказал, что вечером они забрали Женьку. Судя по времени, они должны заехать еще куда-то.

— Был повод что-то отметить?

— Нет, это традиция семьи… Какой смысл зарабатывать деньги, если не тратить их на себя. Каждая вторая пятница была днем выхода. Театр, кино, ресторан, иногда цирк, опера. Родители забирали меня и Женьку с работы, и мы ехали развлекаться. Папа дарил маме цветы… Я, когда жил здесь, покупал цветы для Женьки. Родители прожили вместе тридцать пять лет. И если б не эта авария, в этом году было бы тридцать шесть.

— Так много? — ахнула Лэйла.

— Они любили друг друга, — взглянул мужчина на нее косо.

Привидение взглянуло вперед.

Машина стояла на светофоре. Дмитрий Игоревич покосился на смеющуюся жену, нашел ее руку и легко поцеловал костяшки.

Лэйла отвела взгляд. Это не то, что показывали посторонним.

— Они были счастливы? — спросила она.

Кирилл задумался.

— Не знаю, — сказал он, наконец. — Это трудно судить со стороны. У нас были и взлеты, и падения. В семье были трудные

времена, но все-таки они любили друг друга и нас. Наверняка, осталось то, что они хотели сделать, но не успели… Я не знаю, Лэйла, можно ли сказать, были они счастливы или нет. Наверное, да. А может быть, и нет.

— А если бы ты их спросил, как думаешь, чтобы они ответили?

— Счастливы. Потому что были вместе до самого конца. Потому что и в радости, и в горе, и в болезни, и в здравии, до самого смертного конца.

— У нас замечательные дети, — мягкий голос Галины Анатольевны зазвучал в машине, как раз в тот момент, когда замолчало радио.

— Что с тобой, Галочка. Что это ты так неожиданно? — взглянул на нее муж.

Женщина покачала головой.

— Просто неожиданно подумалось.

— Ты меня пугаешь, Галочка.

— Прости, Дим, прости, больше не буду. О! Смотри, Женькины любимые астры. Давай их?

— Мы же чайные розы собирались купить?

— Астры она любит больше. Говорит, они ей сразу древнегреческую легенду напоминают. Она когда маленькая была, вечно в саду по ночам торчала, пыталась услышать, как астры со своими сестрами-звездами разговаривают.

— Маленькая была, — хохотнул Дмитрий Игоревич.

— Точно, — улыбнулась Галина Анатольевна. — Так что, давай, порадуем девочку нашу.

Машина приостановилась у тротуара, Галина Анатольевна вышла к цветочному киоску, около которого стояли четыре вазона заполненные астрами. Вернулась она с двумя букетами.

— Один мне! — сообщила она на недоуменный взгляд мужа, зарываясь лицом в желто-алое разноцветье. — Люблю их запах. Тонкий, осенью пахнут и дождем.

— Галочка…

— Знаешь, давай еще заедем в супермаркет, купим муки. У нас закончилось, а мне что-то захотелось пирога, домашнего, малинового.

— Если ты этого хочешь, давай. Только сначала Женьку надо домой забросить, чтобы она переоделась. А мы с тобой как раз в это время в супермаркет съездим.

— Отличная идея. У меня самый замечательный и понимающий муж на свете. Как я тебя люблю, Димка!

— А я тебя, Галочка. Не представляю, как бы жил без тебя. Но это совсем не повод задирать нос!

Галина Анатольевна рассмеялась. Дмитрий Игоревич присоединился к ней.

Кирилл, прикусив губу, смотрел на родителей.

— Человек, — тихий голос Адвоката заставил мужчину чуть ли не подпрыгнуть на месте. — Твоя мать, она…

— Да, временами местами вела себя странно, словно предчувствовала что-то. Ни мне, ни Женьке этот талант не передался. А она и на экзаменах лучшие билеты вытаскивала, и иногда совершала совершенно необъяснимые поступки. Сворачивала не туда куда надо, ехала не тем маршрутом, который ей советовали. Дядя рассказывал, что один раз она отказалась садиться в машину такси, которую подали к дому. Расплакалась на ровном месте, пришлось отказываться от автомобиля, пока вокруг нее суетились. Машина отъехала метров пятьсот от нашего дома и врезалась в столб. Водитель, сидевший за рулем, оказался под кайфом.

— Она могла?

— Понять, что они не вернутся домой? — Кирилл кивнул. — Да. Но видимо, она поняла и что-то еще… Я не знаю.

— Прости, — Лэйла, положив ладонь на мужскую руку, ободряюще ее сжала. — Прости.

— Ничего, я не смирился с этим. Не думаю, что с этим вообще возможно когда-нибудь смириться. Но я понимаю, что изменить ничего не могу. Это ни в чьих силах. Все, что я сейчас могу, это с вашей помощью помочь им обрести спокойное посмертие. Вот и все…

— Кирилл…

— Правда, спасибо вам обоим. Если бы не вы…

Лэйла вздрогнула. Адвокат повернулся к Кириллу и покачал головой.

— Ты ничему так и не научился, человек. Мы не люди. Не благодари нас. Мы выполняем то, что принесет нам выгоду.

Мужчина на это никак не отреагировал. Он сказал то, что думал, а нечеловеческая природа собеседников его интересовала в самую последнюю очередь.

Через пятнадцать минут машина остановилась около небольшого офиса, откуда выскочила высокая подтянутая девушка, с сумкой через плечо.

Женька оказалась совершенно не похожа на своего старшего брата. А еще она была совершенно не женственной. Короткие черные волосы были подвернутые за не проколотые уши.

Аккуратная блузка, жилетка, брюки и неожиданно — кроссовки.

На шее фотоаппарат, на поясе то ли кобура от него, то ли еще

один фотоаппарат. Повернувшись к зданию, девушка махнула кому-то рукой и села в машину.

Семья отправилась дальше по своим планам.

И следующие четыре часа, пока семья Кирилла была в театре и в ресторане, компания путешественников в прошлое провела в тяжелом молчании.

На душе у Кирилла было тяжело. Он отлично понимал, что именно сейчас увидит. Но даже самые худшие его подозрения не описывали всего того, что случится дальше.

Сзади села Женька, по стечению обстоятельств — как раз туда, где сидел с хладнокровным видом Адвокат.

Лэйла, вцепившись в ладонь Кирилла, толком и не знала, пытается она успокоить его, или пытается зацепиться за реальность сама. Симпатичный ей человек переживал, а она не могла ему ничем помочь.

Что думал Адвокат, было известно только ему одному. По бездне в его глазах вряд ли кто-то смог бы понять хоть что-то. Лэйла, хоть и знакома была с ним давно, исключением из этого правила не была.

— Когда все случилось? — спросил он у Кирилла.

Мужчина задумался.

— Без четверти полночь.

— Сейчас на часах одиннадцать двадцать. Все случится через двадцать пять минут. Лэйла, повтори…

— Не надо, — заговорил было мужчина и замолчал.

— Лэйла, повтори свое заклинание. Человек, я верю, что ты сильный, что у тебя хорошая сила воли. Но рисковать твоим рассудком — это последнее, чего я хочу в этой работе. Невменяемый контрактник это головная боль, поэтому мы не будем рисковать.

На этот раз Кирилл более чем благоразумно промолчал.

Лэйла, взглянув на него искоса, на этот раз мужчину целовать не стала.

Машина ехала, не превышая допустимую в городе скорость. Пассажиры молчали, Женька дремала на заднем сидении, Галина Анатольевна сонно жмурилась на город за окном автомобиля. Дмитрий Игоревич смотрел на дорогу.

Яркие огни супермаркета всплыли по правую сторону. На автостоянке, несмотря на поздний час, было полно машин. Завлекательно подмигивали билборды, яркие вывески заманивали припозднившихся прохожих, обещая сваренный кофе, поп-корн и интересный фильм.

На перекрестке никого не было, но Дмитрий Игоревич остановился на красном свете светофора, взглянул на жену.

— Галочка, скоро уже дома будем. Может, Женю разбудим?

— Пусть спит. Бедолага, сегодня совсем намаялась. Разбудим, когда совсем к дому подъедем.

Машина тронулась с места, набирая ход, но далеко не уехала.

Вначале Кирилл услышал взволнованный голос мамы:

— Дим, глянь вперед, мне кажется, или на нашу полосу кто-то выехал?

Отреагировать Дмитрий Игоревич не успел. Огромный тяжелый джип, вначале вильнул в сторону, а затем и вовсе выскочил на встречу, слепя людей, сидящих в седане. Дмитрий Игоревич вильнул в сторону, ударив по тормозам, надеясь прижаться к обочине и разминуться с джипом, но удача была не на их стороне.

Огромный рыдван ударил машину лоб в лоб, сминая капот. А затем, не останавливаясь и не сбавляя ход, проехал по крыше седана. В свете ярких фонарей и вспышек вывесок супермаркета, Кирилл увидел за рулем того самого мужчину, которого успели оправдать на суде.

Одной рукой удерживая руль, он даже не смотрел куда едет. Запрокинув голову, преступник заливал в себя виски из горла…

Машина проехала мимо, скрылась за поворотом. Кирилл смотрел вперед и не видел.

Ни того, как из-под капота поднимается дымок. Ни того, как сплетены пальцы родителей. Ни того, что прямо над тем светофором, около которого должен был остановиться преступник, неярко светится что-то серо-серебристое.

Он смотрел вперед и понимал, что больше никогда не сможет этого забыть.

— Око за око, зуб за зуб, смерть за смерть, — тихий шепот Адвоката вырвал Кирилла из оцепенения. Над ухом звякнули бубенчики, на виски легли ледяные пальцы, и мужчина перестал себя осознавать…

Глава 10. Виновному кара, спасенному — рай

Что отделяет людей от не людей? Поступки, слова, может быть, мысли или характер? Склад ума или то побудительное начало, которое толкает их на действия.

Где лежит границами между теми, кого мы с гордостью называем «человеком» или тем, кого мы презрительно или испуганно называем «нелюдь»?

Где граница, что разделяет реальность и миф? Чем они вообще отличаются, если у них что-то общее? И что вообще можно использовать в качестве мерила реальности? Веру или чувства, слова или логику? Человек, выбирая свою реальность, опирается на уши, сердце, душу или тело. Но их можно обмануть, что чаще всего и происходит. Реальность сплетается с вымыслом, вымысел становится реальностью.

Так все-таки как их отделить друг от друга. Чем воспользоваться.

Верой? Но вера деспотична. Она требует отринуть всё и вся, отдать и мысли, и чувства на откуп ей. Даже если ты не ощущаешь, ты веришь. Даже если ты думаешь, что что-то не так — ты веришь в благополучный исход, и твоя вера однажды может стать реальностью.

Чувства легко подводят человека, они меняются под давлением внешних и внутренних обстоятельств, тесно сплетаются с другими чувствами и путают, путают человека. Ненависть перетекает в любовь, любовь — в ненависть, товарищество смешивается с завистью, и из этого не получается ничего хорошего.

Слова изменчивы, зачастую лживы, двуличны, они зависят от человека, от смысла, который в них вкладывается. Слова иногда бессмысленны, а поступки, подтверждающие их, опаздывают.

Логика не любит вмешиваться в человеческие дела. Она разделяет мир на единицы и ноли, правильное и неправильное. А мир может не только выбрать орла и решку, но и поставить монету на ребро или даже оставить ее висеть в воздухе.

Мир не логичен.

Тогда возникает вопрос, неужели в человеческом мире нет ничего, что можно было бы использовать в качестве измерения реальности?

Каждый ищет сам на это ответ, иногда находит, иногда нет.

Но есть одно чувство, которое так или иначе ведомо всем: и

людям, и не людям. Неважна раса, цвет кожи и волос, неважна национальность и положение в обществе. Это чувство едино и имя ему — месть.

Месть коварна, хладнокровна, изобретательна. Месть забирается в человеческие сердца и души, подстегивая к действиям. Она обещает отдать все, на деле только все забирая.

Месть — это чувство, которое уничтожает людей, которое однажды приведет к тому, что людей на земле не станет.

Месть никого не делает счастливым…

— Кирилл. — Тихий голос звучал над головой, пытаясь вернуть мужчину в реальность. А та от него ускользала. Кирилл цеплялся за нее руками, ногами, но реальность не желала поддаваться и сдаваться.

Женский голос над головой был знаком, и ощущение теплой руки на щеке было таким легким и таким важным, а еще запах мандарина и елок.

— Аня…

— Точно, — девушка села на кровать, убрав руку с лица Кирилла. — Я уже не знала, что с тобой делать. То ли звонить в скорую, то ли пытаться достучаться до Адвоката.

— Пытаться? Достучаться?

— Да. Расследование почти закончено. Вина последнего виновного определена. Он что-то еще подозревал, но я не знаю, оправдалось ли это или нет.

Говорить Кириллу было тяжело, как и держать глаза открытыми. Ощущение было такое, словно туда песка подсыпали. Но почему-то казалось важным узнать ответы на несколько вопросов:

— Аня, когда… все закончится?

— Сегодня, — честно сказала девушка. — Он должен прийти часа через три, может быть четыре. На вечер обещали плохую погоду, то что нужно для дел Адвоката.

— Почему? — спросил мужчина и почти тут же сам нашёл ответ на этот вопрос. — Свидетели. В такую погоду никто никуда не пойдет. Всех можно найти по домам.

— Верно. Адвокат сказал передать, что ты можешь никуда не идти, остаться дома.

— Нет, я должен закончить все, что начато, довести дело до конца. Только после этого я смогу успокоиться.

— Ясно, — Аня отстранилась. — Тогда я приготовлю тебе ужин. Ты проспал несколько часов.

— И две таблетки от головы! — крикнул Кирилл ей вслед.

Девушка, замерев на миг на пороге комнаты, склонила голову и скользнула в коридор.

Мужчина остался лежать на кровати.

Осколки путешествия в прошлое еще кололи сердце, ранили душу, но воспоминания словно подернулись дымкой, не дающей вспомнить все в подробностях.

И было что-то еще, что заставляло Кирилла нервничать. Что-то из того, что он увидел, но не осознал, не успел этого сделать. Что-то было там такое, что заставило удивиться даже Адвоката.

О чем он подозревал? Ответ на какой вопрос хотел найти этот не человек? Что именно он собирался увидеть в той поездке? Уж точно не того, кто сидел за рулем джипа.

Спросить об этом, впрочем, все равно бы не получилось. Не было рядом Адвоката и не было Лэйлы.

— Аня!

— Да? — поинтересовалась девушка, входя в комнату с комплектом сменной одежды и полотенцем.

— Женщина, с нами не было женщины?

— Было привидение, но она ушла вместе с Адвокатом. Караса тоже забрали с собой.

Кирилл нахмурился. Мысль о том, что от него что-то решили скрыть, только что получила косвенное подтверждение.

— Ладно, я встаю. Спасибо.

— Не за что, — Аня, пожав плечами, вместо того чтобы идти к двери в коридор, просто сквозь стену прошла в соседнюю комнату, вызвав у мужчины глухое чертыханье сквозь зубы.

— Ну, я же мертвая, — донеслось от нее с веселым смехом. — Разве я не могу воспользоваться парочкой своих новообретенных способностей в последний день.

— Последний?

Аня не ответила.

Настаивать Кирилл не стал.

Но все же, к вопросу его взволновавшему вернулся сразу же вовремя ужина.

— Так все-таки, Аня, что значит «последний день»?

— То и значит. Сегодня мой контракт будет закончен, я отправлюсь туда… где должна быть.

— То есть…

— Да, — ясная улыбка появилась на нежных девичьих губах. — Прости, Кирилл, но это все закончится. Исчезнет как кошмарный сон.

— Я все забуду?

— Это как ты обговоришь с Адвокатом, обычно люди предпочитают забывать. Так проще. Не так больно, не так страшно потом жить.

— Я не забуду.

— Что? — Аня, убирая тарелки в раковину, повернулась. — Но почему?

— Я хочу помнить. Помнить тебя, твою улыбку, твои слова. Я не хочу забывать то, что в те дни, когда я думал, что сойду с ума от боли и ужаса, неожиданно появилась ты. Я не хочу забывать те дни, которые были полны тобой, запахом твоих духов, твоими шагами.

— Кирилл!

— Я помню, — мужчина улыбнулся, протянув руку, ласково погладил Аню по щеке. — Я помню, но позволь, я сохраню в памяти тебя вот такую. Смущенную, теплую.

— Но я же… Как я могу быть теплой? Ты же помнишь…

— Я помню. Но ты забудь. Если уж у нас осталось несколько часов… я точно помню, что где-то тут были парики тетки. И одежда Женьки из того, что здесь осталось тебе подойдет.

— Кирилл.

— И мы идем на свидание. Если уж последний день твоей настоящей жизни выдался мрачный, то мы сделаем так, чтобы последний день твоей второй — мертвой жизни был светлым.

— Это невозможно, на улице дождь! Да и…

— Спокойно, — так просто сбить Кирилла с задуманного не получалось ни у кого и никогда. — Я знаю, где ты захочешь побывать.

— Кир!

— Да-да, внимательно тебя слушаю, — мужчина поднялся со своего стула. — Торжественно обещаю не приставать, глупостей не делать и даже не говорить, на других девушек не заглядываться и развлекать только тебя.

Аня засмеялась.

— Ну, стой же, вот сумасшедший!

— Я был им всегда и таким остаюсь. Еще когда в тебя влюбился.

— Кир. Не надо. Я не хочу шумных мероприятий, каких-то мест. Давай сварим глинтвейн, включим короля Артура и как когда-то окунемся в эпоху средневековья. Это будет самый лучший конец для этой… не жизни.

— Аня, — взгляд Кирилл на мгновение потемнел, впрочем, тут же взгляд синих глаз стал ясным и спокойным. — Ты уверена, что хочешь этого?

— Да.

— Хорошо. Глинтвейн на тебе, я почищу мандарины, и мы отправимся смотреть фильм и в очередной раз спорить над тем, что же имели в виду сценаристы и режиссеры, когда создавали тот или иной эпизод.

— Точно, точно!

Адвокат нашел обоих около плазменной панели в гостиной. На диване, там, где двое сидели, стояла тарелка с мандариновыми дольками. На низком журнальном столике были цветы из мандариновых шкурок, два высоких бокала с недопитым глинтвейном, и двое ненормальных ползали по полу, где была расстелена карта средневековой Европы с карандашами в руках.

— Люди не бывают нормальными даже после своей смерти, — констатировал Адвокат, появившись посреди комнаты.

И впервые за все время, что он работал с людьми, его начисто проигнорировали. Нелюдь даже рассердиться не смог, глядя на Кирилла и Аня с непониманием и отчасти даже неверием в глазах.

— Вы двое, вы собираетесь идти?

— Да, сейчас, — Кирилл выпрямился, наставительно поднял вверх карандаш, все это время торчавший у него за ухом. — Вот видишь! Я был прав.

— Да, да, — Аня засмеявшись, подняла голову к Адвокату. В ее глазах был коктейль эмоций, но как ни вглядывалась в них голодная белая бездна, она так и не смогла отыскать там страха.

Она еще сама не поняла, что именно сотворил Кирилл, даже сама не отдавала себе отчет в том, что больше не боится смерти. Аня готова была выполнить свою часть работы.

— Отлично, — Адвокат взглянул на мужчину. — Ты идешь или остаешься?

— Я хочу до самого конца быть… причастным к этому, это же моя месть, а ты — лишь орудие, которое придает ей форму и силу.

— Слишком умный человек, — покачал головой Адвокат. — Тогда идемте, вы оба.

Две ладони с экстремальным маникюром протянулись в сторону Кирилла и Ани. Звякнули бубенцы. Первой поверх ледяной ладони легла теплая широкая ладонь Кирилла, а следом за ним свою ладошку положила и Аня.

— Не отпускайте моих рук, — велел Адвокат. — Я не уверен, что хочу нянчиться с теми, кто не понимает всей серьёзности происходящего.

Дождавшись подтверждающих кивков, нелюдь тяжело вздохнул. А затем за его спиной распахнулись вороньи крылья. В воздухе запахло жжёной корицей и кофе, раздался перезвон колоколов, и в квартире никого не осталось.

Потом был серый туманный коридор, по которому они летели. У коридора были очень тонкие, практически мыльные стенки, и за их радужной пеленой корчили рожи какие-то твари с

огромными ушами, маленькими рожками и перепончатыми крыльями. Адвокат на них не реагировал, он увлекал Аню и Кирилла все дальше и дальше.

Пока на них не пахнуло запахом сырости, пока в лицо не ударило мелкой капелью дождевых брызг.

В стороне, по улице шли машины. Из открытого окна двухэтажного соседнего дома мощные басы играли что-то из немецкого металла.

За забором надрывались два огромных волкодава, с яростной злобой бросающихся на металлические прутья.

— Нас почуяли, какая досада! — против слов Адвоката досады в его голосе не слышалось, скорее доля азарта или интереса. — Ну, что ж, извинимся за вторжение прямо перед хозяином этого дома. Повторяю еще раз, не отпускайте моих рук.

Кирилл кивнул, Аня тоже.

Мимо охраны — двух бритоголовых мужчин в черных костюмах, под мышками которых очень характерно оттопыривались пиджаки, они прошли словно привидения. Их не услышали и не увидели.

Заморачиваться с поиском двери Адвокат не захотел. Оторвался от земли, и Кирилл с неким даже ужасом ощутил, что его тело стало легким и воспарило вверх, подчиняясь желанию нелюдя.

В дом они вошли через окно.

И только теперь Кирилл рассмотрел, что именно вело Адвоката к цели — на полу, словно выжженные, были следы. Мужские следы.

Взгляд у нелюдя стал непередаваемым, голодная бездна из глаз исчезла. Фиолетовые зрачки то сужались, то расширялись, хотя освещение вокруг оставалось неизменным. Серую хмарь за окном разгонял лишь одинокий фонарь на входе в особняк. В комнатах было темно.

Кирилл не столько удивился тому, что эта темнота для него не препятствие, сколько тому, что осознал, что именно происходит сейчас с его нечеловеческим знакомым. Вне всяких сомнений, Адвокат был охвачен азартом.

Спросить что-либо мужчина не успел. Дверь комнаты, к которой они подходили, распахнулась, и на пороге появился тот, из-за кого всё и началось. В правой руке у человека было христианское распятие, в левой — двустволка.

— Мне говорили, что вы придете, что однажды я обязательно нарвусь на того, кому хватит сил вызвать адвоката мертвых. Я не верил в ваше существование, мистер адвокат. Не хотел верить, но про вас, мистер, мне рассказал тот, которому я верю больше чем

самому себе. Он же рассказал и том, чем встретить вас. Вы сами никогда не пачкаете руки, вы посылаете мертвых. Девушка, думаю, живая, а вот парень слева очень похож на семейку тех придурков, которые попали под колеса моего джипа. У меня один заряд, но думаю, его будет достаточно!

Выстрел в спящих комнатах прозвучал глухим раскатом. За спиной Кирилла разбилась огромная ваза.

— Династия Минь, несколько миллионов долларов на последнем аукционе, — прошелестел Адвокат, выпуская Анину ладонь. — И не жалко? Забери его.

Девушка кивнула и шагнула к человеку, разрушившему жизнь Кирилла и его семьи, на ходу наговаривая:

— Око — за око.

Ничего не случилось, вокруг нее не вспыхнули крылья, не появилось нигде арки и никакого портала. Она просто шла.

Выхватив из кармана револьвер, хозяин дома выпустил в Аню шесть пуль. Но ни одна не причинила ей вреда.

Кирилла, бросившегося ей на помощь, перехватил Адвокат, схватив буквально за шиворот.

— Мертвая она, дурак, — рявкнул он ему на ухо. — Мертвая!

— Зуб — за зуб, — шепнула Аня, подходя ближе.

Объятие мертвой девушки были ледяными, но вырваться живому из них было невозможно. Она обнимала хозяина дома, как другие обнимают детей, мягко, нежно. В ее тихом голосе звучало даже, пожалуй, что и сочувствие:

— Его зовут Эдвард. Сорок пять лет назад он появился на свет в семье богатых людей. Не любимый, никому не нужный. Рожденный ради статуса. Няни менялись каждые несколько месяцев, он даже ни к кому не успевал привыкнуть. В школе для богатых таких была половина, поэтому он нашел товарищей. Друзья в их круге были не приняты. Потом была первая любовь, и девочка, которую интересовали сладости, которые он приносил с собой. В университете девушку, которой он приложил руку и сердце, интересовал только его кошелек. Две любовницы, забеременев, легли на аборт, якобы по медицинским причинам. На самом деле потому, что считали, что он им мало платит. Вторая жена оказалась охоча до мужчин. И к тому моменту, как Эдвард узнал о ее изменах, успела изменить ему с половиной всех его подчиненных. В ту ночь, напившись, он сел за руль. И ехал за город, в надежде, что приехавшая из Европы третья жена скажет, что результат, полученный детективом, неправда, и она ждет ребенка все-таки от него. Вот такая история…

Рука Ани легла на голову Эдварда, легко погладила. Мужчина, прислонившись лбом к её плечу, закрыл глаза, не в

силах сопротивляться ледяному холоду, который разбегался от мягких рук.

— Мама, — вырвалось у него.

— Да, да, — шепнула Аня тихо. — Я твоя мама, я заберу тебя с собой, мой мальчик, и больше мы никогда не расстанемся. Адвокат. Он еще нужен?

— Нет. Забирай.

— Кирилл, — девушка нашла взглядом молчащего мужчину и улыбнулась. — Спасибо тебе.

Мужчина не нашелся что ответить. Просто смотрел на то, как девушка его мечты, обнимая «клиента» четко сказала:

— Смерть за смерть, — и провалилась вместе с ним в появившийся черный круг.

И только после этого Адвокат пробормотал, не отпуская Кирилла:

— Сплошные проблемы от тебя, человек. Сплошные проблемы. Ладно, не будем терять время. Я доставлю тебя домой.

— Я хочу… — Кирилл попытался повернуться, но нелюдь не дал, удержал на месте.

А потом вздохнул:

— Человек, я понимаю твое желание. Но для начала тебе надо вернуться домой и лечь спать. На границу между царством живых и царством мертвых лучше проходить во сне. Для людей безопаснее. Живые могут пройти на границу, только через транспорт. А тебе со Смертью снова лучше не встречаться.

— Почему? Та пуля никак не навредила мне.

— Тебе — человеку, безусловно, — Адвокат щелкнул пальцами, распахивая за спиной вороньи крылья. — Но твоей душе это было не совсем полезно. Тебе надо отдохнуть, тебе стоит все забыть, человек.

Вновь то короткое скольжение сквозь тоннель в никуда и в нигде. На этот раз тоннель был пуст. Не было никого по ту сторону помутневшей пленки. Была только серость, распустившая свои щупальца в разные стороны. Пустота кружилась вокруг, пытаясь забраться в сердце и вытащить на поверхность что-то, спрятанное там.

А потом в глазах всего на миг помутнело и все закончилось.

Кирилл осознал, что сидит на кухне в своей квартире. На столе — пара бутербродов, черный хлеб со шпротами и граненый стакан с водкой.

В раковине гора грязных тарелок. В кастрюле, опрокинутой на бок, по стенкам цвела зеленая плесень. Корка черного хлеба в старой хлебнице.

Свернутая скатка ковра у входной двери.

Подняться было невозможно, ноги не шли.

Водка в стакане поблескивала.

— Зачем? — голос Кирилла раздался в опустевшей комнате.

Но никто ему не ответил.

В этой квартире давно уже не было никого кроме него самого.

Ни гостей, ни друзей, ни семьи.

— А… точно… — воспоминания ворочались неохотно, не желали возвращаться, но все же мало-помалу собрались воедино. Сорок дней.

Сегодня было сорок дней по родителям.

Состояние Женьки опять ухудшилось, и ее увезли в Москву на другую операцию.

Кирилл закрылся в квартире, не в силах никого видеть и слышать.

Кажется, у него в какой-то момент поднялась температура. В лихорадочном бреду он видел кого-то. Не человека, наверное… Память отказалась хранить в себе полуночный бред и стерла его, как карандашный абрис любимой женщины с листка бумаги.

Городской телефон был выключен, мобильный тоже.

Дверь, ведущая на балкон, была открыта. Качались занавески на легком ветерке, в гостиной, единственной комнате в трехкомнатной квартире было свежо. А еще едва уловимо в воздухе пахло мандаринами.

Чушь. Кирилл, опершись на перила балкона, смотрел вниз на улицу. Стакан был в руке. Пить не хотелось, мужчина всегда равнодушно относился к алкоголю.

Стакан полетел вниз, одновременно с вспышкой резкого головокружения. Пришлось опереться на стену дома, чтобы не упасть. Фикус на подоконнике, который так любила мама, опасно покачнулся, и Кирилл бросился его ловить.

Закономерно ударился головой о стекло, шарахнулся назад и в сторону. Новое соприкосновение вышло со шкафом, и тоже неудачным.

Сверху на голову и за шиворот хозяину дома посыпался мусор, последним прямо под ноги ему выпал цветок из мандариновой кожуры.

Очень знакомой формы.

— Так не бывает, — пробормотал Кирилл, присев на корточки и поднимая цветок. — Это было бредом. Натуральным бредом. Чтобы я… Хотя нет, проще принять, что это было не бредом, чем то, что я две недели беспробудно пил… Но ничего же не помню…

Последние слова прозвучали раздраженно. Не человек. Мертвая Аня. Месть, око за око.

Какая все-таки чушь!

Что только не пригрезится, если столько пить.

Чтобы привести себя в порядок, Кириллу потребовалось пара часов. Пить он больше не собирался. Хотя и найти одну пустую или полную бутылку ему так и не удалось. Зато в шкафу оказались свежие рубашки. А любимый свитер приобрел пару вязаных заплаток.

В джинсах, которые Кирилл не надевал уже года три, оказался проездной билет на трамвай, пробитый и со стилизованным изображением смерти в правом углу.

Возникло неодолимое желание остановиться прямо в коридоре и постучаться головой об стену.

Непонятно было, где реальность, а где вымысел. Все смешалось воедино, спуталось, перепуталось, заставляя Кирилла нервничать.

А потом в затемненной прихожей словно кто-то включил свет. Неяркую лампочку, чей серебристый оттенок подсветил мебель в комнате. Черное перо, лежащее у входа, забытую кем-то куртку, отпечаток губ на зеркале… и под этим светом проявились двое.

Мужчина и женщина.

На то, чтобы узнать, ушло всего лишь несколько мгновений.

Глаза Кирилла распахнулись, а ноги отказали. И он бессильно осел на пол, слыша смеющийся, отлично поставленный голос:

— Видишь, Димка, у нас замечательные дети. Кирилл, позаботься о Женьке, хорошо? Жалко, что мы покидаем вас так рано и не увидели внуков, но так уж получилось.

Наклонившись, женщина обняла Кирилла за плечи, легко поцеловала его в щеку и выпрямилась, стирая слезы из уголков глаз.

— Прости, мальчик, мы взвалили на тебя такую ношу. И… спасибо тебе. Теперь мы отправимся туда, где нас ждут, где мы должны быть.

— Мама…

— Да, — Галина Анатольевна легко улыбнулась. — Такой замечательный сын. Я даже не заметила, как ты вырос. Правда, Дим?

Дмитрий Игоревич подошел ближе, неожиданно крепко пожал сыну руку:

— Ты отлично поработал в этот раз, Кир. Ты присмотришь за Женькой, а я за мамой. Правильно, Галочка?

— Да. Так будет правильно. Мы любим вас, сын. Очень…

Лампочка мигнула раз, второй, и выключилась.

В прихожей воцарилась тишина. Кирилл сидел у стены, откинув голову на стену.

Мир вокруг сошел с ума. Но, пожалуй, такое сумасшествие ему даже нравилось.

Часть II. Если друг оказался вдруг…

Глава 11. Сделаем мечту — реальностью

Что такое человеческая память?

Как ни странно для кого это прозвучит, но больше всего она напоминает тайну. Тайну, которую каждый человек описывает по своему, трактует в своем собственном ключе, и даже более того, у каждого человека она своя собственная.

У кого-то память — это ларец, огромная шкатулка, в которой хранятся подобно драгоценным камням самые важные, самые лучшие воспоминания.

У кого-то — дырявое решето, все мелочи, проскользнув сквозь дырочки, растворяются в клетках памяти, а потом стираются.

У кого-то память — это памятный фотоальбом, хранящий и хорошие, и плохие моменты. Моментальная вспышка запечатлела и первый поцелуй, и лицо бывшего лучшего друга, кричащего в лицо злые слова. И смешную ящерку, выползшую погреться на крупный камень. И мертвое лицо человека.

Память не поддаётся логической трактовке. Кто отвечает за то, какие воспоминания сохраняются, а какие исчезают? Почему кто-то наделен проклятьем вечной памяти, а кто-то не может вспомнить то, что было еще десять минут назад?

Впрочем, для обычного человека — память это «вещь в себе», которую не получается ни понять, ни объяснить, ни научиться управлять.

Говорят, что время — лечит, нет, просто время стирает из памяти границы, людей, события, слова…

…Потерев виски, Кирилл перевернул страницу газеты. Не то, не то, не то.

Идея устроиться на работу уже не казалась такой замечательной. Да, по правде говоря, она уже стала казаться совершенно безумной. И мужчина, как ни старался, не мог вспомнить, с чего вдруг ему это пришло в голову.

Одиночество? Оно уже давно не страшило Кирилла и не пугало. К тому же, после операции Женю, его сестру, должны были вернуть обратно домой. Реабилитацию и все, что с ней связано, она должна была проходить здесь, в местном санатории-профилактории.

Деньги? После того, как Кирилл продал свою квартиру в городе, входящем в пятерку крупнейших городов России, об этом пока можно было не беспокоиться.

Скука? Нет. Дело было в чем-то другом. В ощущении

перемен, в некоем предчувствии того, что скоро случится что-то, что поменяет его жизнь в корне. И работа в таком случае станет тем единственным якорем, который позволит удержаться на границе… реальности?

Если рассуждать логично, то в небольшом родном городке, Кирилла ничего не держало. Приезжать по выходным к сестре он мог и вернувшись в город, где работал. Ничего бы не изменилось. Он даже пробовал покинуть город. Убрался в квартире, потратив на это три дня. Бросил в багажник сумку с вещами, сел в свою машину.

Он проехал три квартала, но пересечь границу города так и не смог.

Что-то не пускало.

Возможно, ему только так казалось. Но выезжать за пределы города Кирилл все же не рискнул. Рассерженно плюнул, развернулся и поехал обратно домой, разве что, вспомнив о том, что в холодильнике скоро повесится не только мышь, но еще и сам холодильник, заехал в магазин.

Сейчас в холодильнике еда была. Кирилл даже нашел в себе силы заняться готовкой, а не питаться полуфабрикатами. Первое у него особо не получалось, но не надо было быть великим поваром, чтобы отварить макароны, сосиски, пожарить яичницу или картошку.

Перевернув еще один лист, Кирилл почесал кончик носа ручкой, не замечая, что оставляет на коже следы чернил и вернулся к первому листу.

В газете было четыре подходящих ему объявления.

Искали юриста, искали помощника начальника, в магазин нужен был технический консультант и, наконец, в небольшую фирму хотели водителя на личной машине. Все четыре варианта были выполнимы.

Требовалось только выбрать, куда звонить в первую очередь.

Вакансия технического консультанта оказалась занята. Юриста уже тоже нашли. Водителем становиться тоже не очень хотелось, поэтому вначале Кирилл решил позвонить по телефону, где искали помощника для начальника.

Долго слушать его не стали. Как только прозвучало, что позвонившего интересует вакансия помощника, Кирилла сразу же пригласили на собеседование.

И вместо того, чтобы задуматься, чему это так на том конце обрадовались, Кирилл, прихватив барсетку с ключами и бумажником, двинулся по указанном адресу.

Место ему понравилось с первого взгляда. Несмотря на то, что размещался офис почти в центре, здание оказалось не

новостройкой — старым двухэтажным домом. Недавно видимо здесь была реставрация, и дом радовал взгляд строгими линиями и чистыми красками.

Около входа был разбит палисадник, стояли две лавочки и рядом урна на изогнутых лапах.

Пройти мимо Кирилл не смог, присел на корточки, пытаясь понять.

— Не львиные, не думайте, — раздался тихий голос от входа, и мужчина поднял голову.

В какой-то миг ему показалось, что он вернулся в прошлое, потом что девушка, возникшая на пороге — сама переместилась из прошлого. А уже потом до него дошло, что она чертовски красива. Не красотой фотомодели, не такой жгучей красотой, как была красива Лэйла, но… Тонкие одухотворенные черты лица, серые глаза, полные жизни, нежные, хоть и тонкие губы, очаровательная ямочка на левой щеке. Тонкие брови и красивый профиль.

Она была одета в длинное белое платье, навскидку, как предположил Кирилл, девятнадцатого века. На плечах была длинная шаль. Но незнакомка совершенно не была похожа на привидение. Скорее на чудесное видение.

Русые волосы были уложены на затылке и закреплены жемчужной сеткой, только один завиток был выпущен около уха.

В глаза бросилось то, что ушки у девушки проколоты не были.

Пока она поправляла свои длинные перчатки, Кирилл наконец-то вспомнил, в какой семье видел подобное платье и улыбнулся:

— Период Ампира, французская мода?

— Точно, — девушка кивнула, подходя ближе. — Разбирайтесь в этом?

— Не то, чтобы очень хорошо, просто несколько раз встречался с теми, кто хорошо разбирается в моде тех веков.

— И смогли опознать платье по одному взгляду? — не поверила незнакомка.

— Такое платье было на одной леди, которую я разыскивал. А платье запало в душу.

— Но почему?

— Потому что она была княжной, ее первый бал прошел во Франции. И это платье было единственным следом, которое позволило мне ее найти, — пояснил Кирилл с улыбкой.

— Вот как, никогда бы не подумала. Да, простите, совсем забыла о гостеприимстве. Вы сюда?

— Пока еще не понял. Я на собеседование, помощник

руководителя.

— Ох, — девушка тихо засмеялась. — Тогда идите. На второй этаж и направо. Дверь не перепутаете. Князь Олег у нас один.

— Князь?

— Да, да. Идите, молодой человек. Идите.

— Но хотя бы… — Кирилл не договорил. Прекрасное видение шагнуло назад, в темноту коридора и растаяло.

Пришлось идти следом.

Коридор был роскошен, лепнина, дерево, позолота. В холле был фонтан, около которого, если бы было время, мужчина даже бы с удовольствием задержался, а так пришлось идти дальше. По беломраморной лестнице, по алому ковру, мимо статуй, в которых Кирилл узнал древнегреческих богов.

Пройти мимо двери начальства не удалось бы точно.

Дверь была деревянной, обитой тепло-золотистыми полосками.

Ручка была в виде чьей-то оскалившейся пасти.

А в середине двери было написано: «Князь Олег».

Постучав, Кирилл дождался окрика «проходите» и вошел в комнату.

Первое ощущение было «покои».

Второе ощущение — «я попал в дурдом».

Красный ковер вел вперед, дальше, к огромному трону, на котором сидел мужик, больше напоминающий медведя. Огромный, светловолосый, с длинной бородой и… Кирилл с трудом удержался от того, чтобы не потереть глаза — в алом кафтане и с мехом через плечо.

Хорошо хоть короны не было…

— Я по-прежнему на земле? — спросил он сухо, проходя и усаживаясь на стул перед троном.

Хозяин кабинета гулко расхохотался. Живот закачался в такт движениями.

— Мужик! — оценил он Кирилла, потом кивнул: — Хорошо. Редко бывает, чтобы глаза от нашего богатства не разбегались.

— Это же все ненастоящее вокруг?

— Точно, ненастоящее. Отличное исполнение задания декорационной группой. Ты же на собеседование? Давай начнем с начала, меня зовут Олег Васильевич, Князев. Князь Олег в этой богадельне. Мы — выездная группа «Исполним мечты». Нам платят очень большие деньги за выполнение чужих желаний. Если кто-то хочет побывать спящей принцессой, не проблема. Организуем пробуждение в прекрасном замке от поцелуя прекрасного принцесса. Кто-то хочет динозавров и парк юрского периода? Организуем в кратчайшие сроки. Бояре, аристократы,

нечисть и нежить. Мы выполняем все, что хочет клиент. К нам едут со всех концов России.

— Никогда о вас не слышал, — пробормотал Кирилл.

— Ну, — князь Олег развел руками, потом ухмыльнулся: — У нас хорошие маги, парень.

— Маги? — скептически уточнил мужчина.

— Вот-вот! Вот нужная реакция. Отлично, парень. У нас тут куча мечтателей, актеров, сценаристов. Но нам не хватает здравомыслящего человека, который может напомнить заигравшимся актерам, что они люди, исполняющие роль. Соответственно, просматривать финансовые отчетности. Проверять расстояние, контракты, контакты. Нам нужен хладнокровный человек, который заметит несуразности на ровном месте. То есть, если там за крылья феи готовы расплачиваться золотом и алмазами, тащите этого плательщика ко мне на ковер. Мы платим только рублями и ничем другим.

Кирилл хмыкнул:

— Заигрываются?

— Точно. А под шумок, мы тут все… немного странноватые… в филиал дурдома, иногда превращаемся, у нас тут некоторые умудряются чудные аферы творить. Вот недавно троих уволил. Заигрались в рыцарей, украли принцессу и ее приданое из пещеры дракона. Три ящика с золотом, и это на своих двоих унесли! Пришлось все троих уволить. Короче. Парень, психика крепкая? У нас тут некоторые как заиграются, чудить начинают, а вместе с ними… и декорационная служба иногда жару поддает. За ночь обстановка меняется, облик дома, его обитатели, чудики в странных костюмах бегают. Короче, весело.

— Очень, — вежливо согласился Кирилл, чем вызвал у «князя» новый приступ хохота.

— Ты мне нравишься, — громогласно постановил он в итоге. — Если захочешь, пошли, покажу нашу вотчину. Понравится — с завтрашнего дня выходишь на работу.

Мужчина думал почти пару минут, потом подумав о том, что с психами, настоящими психами! Ему общаться не впервой, кивнул:

— Я согласен.

— Тогда пошли.

Несмотря на всю свою грузность, двигался князь Олег легко и даже мягко, по-кошачьи. Инструктировать Кирилла он начал уже на ходу, ткнув пальцем в кабинет направо:

— Улей. В смысле, секретарский отдел. Их у нас три, секратарши. Все три исключительных феечки. Блондинка, брюнетка и рыжая.

— Вера, Надежда, Любовь? — хмыкнул Кирилл.

Тяжелая рука похлопала его по плечу так, что если бы не хорошая реакция, лежать бы соискателю работы на полу.

— Понимаешь, — одобрительно сказал князь. — Девочек мы запускаем к клиентам-мужчинам.

— А если женщина приходит? — уточнил Кирилл.

— Тогда, — палец повернулся к двери напротив. — В работу вступает отдел эльфов. Два мальчика-зайчика.

— По аналогии… шатен и крашеный цвета серебра?

— Точно, — согласился князь. — Молодец, парень. Мы исполняем чужие мечты. И если для этого надо кому-то поработать хостом…

— Хостом?

— Что-то вроде наемного сопровождающего и возлюбленного, потом посмотри сам в энциклопедии, — отмахнулся от вопроса Кирилла Олег, потом пошел по коридору дальше. — Это у нас отдел буквоежек. Здесь у нас работают две девочки. Их задача сразу же после того, как появился заказ — найти информацию, всю, что они смогут. Если это сюжет сказочный — значит, сказки, мультики, рисунки, все. Они — наш базис. От них работа идет дальше, в отдел сценаристов, наших работников пера и чернил. Затем в отдел работников топора и молотка — это наш отдел декораций, в отдел нитки и ножниц — сам понимаешь, отдел портных. И уже те декораторы и портные принесут тебе на утверждение планы-сметы, что им надо. Если, например, сказка о… золотой рыбке, а они хотят в смете золотую антилопу, смело вычеркивай. Сказка должна быть правильной. Если сценарий оригинальный, взгляни вначале на него, но если тебе что-то кажется лишнее — выкидывай, пусть они докажут необходимость этого. В подвальном этаже у нас располагаются декораторы, дизайнер, портные и флористы. На первом этаже — гримерные, зал для репетиций и столовая. На втором этаже есть еще актовый зал, где мы все собираемся, когда устраиваем мозговой штурм, и чуть левее отсюда отдел будущего, где сидят наши компьютерщики и, наконец, отдел мани-мани, где работают бухгалтера. Твой кабинет, если согласишься, будет слева от меня. Между двух красоток — Афины и Венеры. Если согласен, то тянуть не будем, пошли к дизайнерам, скажешь, что тебе нравится — они тебе подберут окружение и костюм. Да, сам понимаешь — это условие работы здесь. Кабинет и твой вид должны соответствовать друг другу. То есть, — князь Олег остановился около одного кабинета и поманил Кирилла к себе. — Вот так…

Дверца приоткрылась, демонстрируя огромные стеллажи

уходящие куда-то высоко-высоко. В центре этой невозможной библиотеки стояли два стола с креслами, под светом широких бежевых абажуров сидели две девушки. Одна из которых Кириллу была знакома.

И да, он понял, о чем говорил его возможный начальник. Было ощущение, что открылась дверь в прошлом. И две девушки из богатой семьи сидели в своей библиотеке, наслаждаясь свободными минутами.

— Феи у нас на зеленой поляне, — пояснил коротко князь, двинувшись к лестнице. — Наши портные в паучьем логове, техники в рубке космического корабля. Наша бухгалтер любительница Азии, так…О, смотри, ведьма же, вот как есть ведьма, только вспомни, и она на метле вырисовывается.

На метле миниатюрная женщина-брюнетка, поднявшаяся по лестнице, не летела, она мелко семенила на жуткой обуви, закутанная в кимоно. Сзади прическу украшали две палочки с яркими бабочками на концах. Бабочки были и щедро рассыпаны по ее кимоно.

Остановившись напротив начальника, она чуть заметно поклонилась, потом воззрилась на Кирилла. Черные жгучие глаза могли бы прожечь в нем дыру, но… мужчине искренне импонировали такие женщины, знающие, чего хотят от жизни, поэтому, чуть поклонившись, он сообщил:

— Приятно познакомиться. Меня зовут Кирилл. И я возможно буду помощником князя Олега.

— А, новенький, — голос у бухгалтерши был под стать ее облику, тихим и мелодичным. — Хорошо. Новые здравомыслящие люди нам не помешают. Заходите на чашечку чая, молодой человек. Угощу вас тайяки[1], только сегодня привезли, с шоколадной начинкой.

— Благодарю вас…

«Японка» мелко просеменила дальше к своему кабинету. Олег рядом снова хлопнул Кирилла по плечу:

— Молодец, ты ей понравился. Тайяки она кому попало не предлагает. Пошли дальше.

Экскурсия растянулась на два часа, на исходе которых Кирилл получил: ключи от собственного кабинета, от сейфа, от кабинета начальства, от денежного сейфа в кабинете бухгалтера, вместе с ключами от самого кабинета. Отдельный гардероб. Портные ссорились друг с другом почти полчаса, прежде чем выбрали для новенького образ. Кириллу предстояло перевоплотиться в вампира.

Просто подходящего типажа не было, а вот он — как раз.

Спорить у мужчины сил не осталось, поэтому сообщив, что

всегда хотел попробоваться в роли вампира, он поехал домой. По дороге заехав все в тот же торговый центр, Кирилл купил салат, готовую пиццу и кофе.

Прихватив на кассе еще и газету и оплатив покупку, в дверях он разминулся с давними знакомыми, вежливо улыбнувшись, уклонился от беседы и двинулся домой. После бедлама в офисе «СМР — Сделаем мечту реальностью» хотелось именно что тишины.

Желание Кирилла сбылось. Вечер протекал тихо-мирно. По телевидению не показывали ничего особенного, новости в этот раз не вызывали ужаса, старые фильмы мужчину не интересовали, а новые не вызвали интереса.

К газете он вернулся незадолго до полуночи. Ничего интересного, разве что только…

Страница в руке мужчины смялась, он даже не обратил на это внимания.

Маленькая статья в нижнем «подвале» страницы сообщала о том, что на Литейном пустыре начинаются строительные работы…

* * *

…Лэйла, прогнувшись в спине, покосилась на собственные ноги, лежащие на диване, и взглянула на Адвоката.

— Ну, и? Тебе полегчало? Память ты у него отобрал, но задание выполнил. Как на этот счет отреагировал контракт?

Тот, к кому она обращался, не отреагировал, режа на кусочки и скармливая огромному ворону сырое мясо.

Привидению такое игнорирование не понравилось.

— Если ты не обратишь на меня внимания и не ответишь на мой вопрос, — сообщила Лэйла. — Я начну петь.

— Избавь меня от такого мучения. В прошлый раз я не смог выдержать даже минуты.

— Я тебя уверяю, в тот раз тебе еще очень повезло с репертуаром. Обычно я пою еще хуже.

— Как тебе это удается? — вздохнул Адвокат, поняв, что отвязаться от занозы не получится. — Тебе дали совершенное образование, тебя учили петь.

— Правильно. И очень хорошо обучили, поэтому я пою так, как мне выгодно в данный момент времени. Мне выгодно, чтобы меня не попросили продолжать, поэтому… не вынуждай меня прибегать к крайним мерам. И просто ответь на вопрос, что с контрактом этого очаровательного мальчика, который мне так

понравился?

— Он не выполнен.

Слов у Лэйлы не нашлось. Она открывала, закрывала рот, не в силах понять, как такое возможно. Ведь, ведь, ведь…

— Обманываешь!

— Нисколько. Контракт закрыт, в той части, которая касалась родителей человека. Но не выполнен.

— Почему?!

— Был еще один виноватый.

— Ты знаешь? — с неуверенностью в голосе уточнила Лэйла, и… только застонав уткнулась лицом в ладони, когда Адвокат с неудовольствием покачал отрицательно головой.

Он не знал.

Несколько дней назад, когда они оставили человека одного в его квартире, он вернулся обратно на пустырь, чтобы проводить родителей человека туда, где их уже давно ждали.

Смерть, почему-то одобрительно в этот раз взглянув на Адвоката, взяла пожилую пару под свою опеку. Их к сверкающим воротам потустороннего мира унёс чёрный лимузин.

А Адвокат только через несколько часов после этого открыл контракт и не поверил своим глазам, видя, что он до сих пор не выполнен. Кто-то остался не наказанным. Кто-то.

И этим кто-то не мог быть человек.

Как он и предполагал в самом начале, когда Аня только изучала дело, что не все в нем так просто, и контракт подтвердил это. В деле было нечто, некто? Не живой. Не мертвый. Помимо живых, в трагедию вмешался тот, кто должен был пересечь черту границу между мирами, но так этого и не сделал.

Адвокат вполне мог оставить дело как есть. Кирилл бы просто прожил отмеренную ему человеческую жизнь, а потом отправился на свое посмертие. Возможно, тогда, после черты смерти, Адвокат бы вызвал его один раз, но…

Ворон, которого он отправил присмотреть за человеком, вернулся с тревожной вестью. Около квартиры, где жил Кирилл, скапливалась энергия, которую невозможно назвать иначе, как энергией мертвых.

Тот, кто еще был виноват в том, что случилась эта авария, не собирался оставить человека в покое. Адвокат мог сказать, что ему до этого нет никакого дела, что его вообще не интересует человечество, но он бы соврал. Здравомыслящий человек был ему интересен настолько, что оставить его одного, он не мог.

Именно поэтому Адвокат сейчас страдал от того, что человек вернул ему тень прежних эмоций, напомнил о том, как весело было притворяться живым. Как весело было, когда вокруг было

много людей, и их эманации жизни позволяли и Адвокату остро ощущать себя живым и настоящим.

Этого ему сейчас не хватало.

Он мог справиться и со своими эмоциями, и со своими желаниями, но понимание того, что если он не поможет — Кирилла убьет какой-то мстительный дух, вызвало у него противоречие в той части души, которая у него была единая…

Вздохнув, Адвокат поднялся. Лэйла проводила его изумленным взглядом:

— Ты…

— Да.

Приподняв отсутствующую шляпу, страшное создание бездны растянул губы в улыбке, а потом натянутая улыбка сменилась на естественную. Белизна из глаз ушла, остановив фиолетово-золотой зрачок, тихо звякнули бубенчики в ногтях, когда он заправил за ухо прядь волос и подмигнул Лэйле:

— Увидимся, милая леди. А пока мне надо увидеть человека. До того, как не случилось то, о чем я могу пожалеть.

Провожал Адвоката, уходящего из квартиры, звонкий смех привидения. Ирония ситуации паршивке нравилась!

Кирилл отложил газету, покачал головой.

Вытащил из шкафа свежую рубашку и джинсы. Переодеваться в «театральный» костюм ему следовало завтра. Надо было приехать на работу за полчаса до рабочего времени и получить первые костюмы. Уже потом, прямо в них Кириллу предстояло ездить на работу. Сдавать костюмы в прачечную, а она была там своя, предстояло каждую неделю, рубашки свежие выдавались на неделю разом, вместе с носками, галстуками, запонками и прочими аксессуарами.

У тех, у кого костюм обязывал, как у фей, служба обеспечения маскарада — так назывались все отделы вместе, занималась даже бельем.

Кириллу в этом смысле еще повезло.

Проверив телефон и убедившись, что пропущенных звонков не было, мужчина опустился в кресло. Снова бросил взгляд на смятую газету.

Пустырь на Литейной был местом, где он познакомился с Адвокатом. Кирилл возвращался туда, несколько раз. И в полдень, и в полночь. Все было бесполезно. Нелюдь показаться не пожелал. Стол, который мужчина продолжал видеть — был пуст. Не было на месте и ворона. В квартиру, в которой жила Лэйла, он попасть не смог. В двери не было замка, не было ручки, не было звонка…

Потусторонний мир не желал принимать человека, пусть даже он и хотел сказать «спасибо». Чужая благодарность его не интересовала.

— Почему интересно? — спросил Кирилл у потолка.

Отвечать тот не стал.

Впрочем, если бы потолок неожиданно заговорил, пожалуй, мужчина добровольно сдался бы в психушку.

Длинная трель дверного звонка, вырвала его из размышлений. Поднявшись, и даже не подумав, кто мог прийти так поздно, Кирилл подошел к двери, повернул замок, откинул цепочку и распахнул дверь.

На пороге стоял худой высокий парень, с черными волосами, в которых запутались фиолетовые перышки. В его глазах с золотым зрачком и фиолетовой радужкой стояло насмешливое выражение. Разъехавшиеся в шальной улыбке губы обнажали игольчатый оскал.

Одет он был в потертые джинсы с дырками, в чисто-белый свитер. На плече, перебирая в нетерпении лапками, сидел огромный ворон.

У правой ноги парня стоял огромный чемодан на колесиках.

И когда взгляд Кирилла поднялся от чемодана обратно к лицу гостя, замершие на мгновение часы добили двенадцати часов, а он сообщил безмятежно:

— Привет, я Адвокат мертвых. И с сегодняшнего дня я буду здесь жить.

Глава 12. Клиенты Адвоката мертвых

Размышления — очень интересная черта, присущая только людям. И как все, что оценивается с человеческой точки зрения, она имеет две стороны. В жизни вообще почти все имеет хорошую сторону и плохую. Совсем не обязательно, чтобы это было согласно объективному подходу. Совсем нет. В откровенно плохом событии оптимист сможет найти луч света, в замечательном событии пессимист отыщет ложку дегтя.

Так и размышления. Кто-то скажет, что это замечательная человеческая черта, поскольку она уберегает людей от напрасных, опасных, а подчас и безрассудных поступков. Кто-то скажет, что размышления — это прямой путь к упущенным возможностям. На свой лад правы будут и те, и другие, и даже те, кто скажет, что размышления — это просто инструмент человеческой действительности. И любой результат не более чем совокупность использованных инструментов.

В любом случае, верным будет одно. Любая ситуация требует от человека решения. Это решение может быть мгновенным, интуитивным или даже безвольным, а может быть решение волевое, принятое после размышлений.

…Кирилл, глядя на Адвоката, стоящего на пороге его квартиры, не знал, что ему делать: то ли закрыть дверь перед этим созданием, то ли наоборот отойти подальше.

Вопросов у мужчины было пугающее количество, а источник возможных ответов был единственный, сам пришел. И Кирилл решился, отошел в сторону, давая дорогу:

— Заходи.

— Спасибо, — сообщил гость, переступая порог. Маленький чемоданчик за спиной Адвоката, отрастил лапки и за порог перешел самостоятельно.

— Итак, — закрывая дверь на замок, чтобы не смотреть на гостя, Кирилл с интересом уточнил: — Теперь ты запомнишь мое имя или так и будешь величать меня «человек»?

Повернулся мужчина вовремя, чтобы увидеть как мелькнула тень изумления в темных мертвых глазах — единственном, что, кстати, до сих пор оставалось в облике Адвоката действительно пугающим.

— Ты все помнишь, — не то спросил, не то констатировал он.

Хоть и не видел Кирилл смысла в этом, но он коротко кивнул.

— Странно, ты не должен ничего помнить.

— Помню все, хотя, да, когда проснулся, в моей голове была пустота, а потом она очень быстро заполнилась вернувшимися на место воспоминаниями.

— С одной стороны, это хорошо, меньше придется объяснять. А вот с другой, многие знания — многие печали, человек.

— Не человек! Меня зовут Кирилл! — искренне вспылил мужчина.

Адвокат хмыкнул, потер переносицу каким-то смущенным жестом, а потом протянул ладонь для рукопожатия:

— Хорошо, Кирилл, а меня зовут Каин. Когда я в первый раз попал сюда, человек, который был моим клиентом, первый живой, дал мне это имя, на ваш библейский манер. Почему-то без имени общаться со мной ему не нравилось. А уже потом, значительно позднее, мне дали имя Адвоката.

Пожав протянутую руку без раздумий, невольно Кирилл все же подумал о том, что подобное — не к добру.

Каин, для которого мысли человека тайной не стали, насмешливо фыркнул.

— Я к добру в жизни вообще не появляюсь, ибо я постоянный гость царства мертвых, а к живым никакого отношениях не имею. Так что, чело… Кирилл, ты напрасно переживаешь. Самое худшее в моем лице с тобой уже случилось. Хуже быть не может.

— Ну, раз не может, пойдем, я тебе покажу комнату, уже поздно, а завтра ставать на работу, так что…

— На работу? — заинтересовался Каин. — Я выпустил тебя из виду всего на несколько часов, а ты уже успел найти работу?

— Да.

— И? Куда устроился?

— Пока не могу понять. Они «СМР» — обещают сделать мечту реальностью.

— А… эти чудики, пересекался с парой ребят оттуда. Весьма своеобразные товарищи. И все поголовно не местные.

— В смысле? — озадачился Кирилл.

— Они существуют в один момент времени в нескольких городах. Около сотни дверей у них что ли.

— Дверей? — еще больше удивился мужчина.

Адвокат вздохнул:

— Так. У тебя пиво есть?

— Есть.

— Тогда пошли на кухню. Я буду пить пиво и заодно расскажу, куда тебя угораздило устроиться на работу. Впрочем, не спеши раньше времени задумываться о целесообразности, там хорошие ребята работают, даром, что людей там почти нету.

— Нет людей?!

Последняя фраза Кирилла подкосила. До кухни он дошел, но на стул не сел — рухнул.

— Как?

— На Землю часто заглядывают гости из других миров. Кто по недомыслию ваших магов-недоучек, кто в гости, кто в ссылку, кто спасая свою жизнь. И чаще всего думают, что это временное решение, а остаются здесь навсегда. Да ты не бойся, чело… Кирилл. Они научились притворяться людьми, и у них это хорошо получается.

— Нет! Стоп. Не надо больше про них сегодня. Еще одна капля информации, и я завтра не смогу туда пойти.

— Ты не трус.

— Нет. Но у меня хорошо развито чувство самосохранения, — огрызнулся мужчина, поворачиваясь на стуле и вытаскивая из холодильника две банки с пивом. — Орешки соленые в ящике позади тебя, сам достань.

Каин согласно кивнул и повернулся, когда же он вновь посмотрел на Кирилла, на лице человека царило выражение не испуга, а чего-то более глубинного, темного и пропитанного вместе с тем злобой.

Когда сам Каин повернулся, чтобы посмотреть туда, куда был устремлён взгляд Кирилла, он увидел невысокого мужчину. На вид тому было лет тридцать. Прямой нос с горбинкой, острый подбородок, низко посаженные глаза. Растрепанный вихор каштановых волос был покрыт алым. Светлая кожа приобрела землисто-серый оттенок. Грязь была везде: на штанинах фирменных брюк, на манжетах дорогой рубашки, на синем галстуке. Кое-где коричневые разводы грязи сливались с зелёными полосами, словно в этом виде мужчину тащили по траве.

А еще, до Кирилла не сразу это дошло, алым был не кетчуп, как в первый момент ему показалось. Алым была кровь, и она помимо головы запачкала левую щеку.

Подняв голову, гость вперился взглядом в Адвоката мертвых:

— Мне сказали, вы можете помочь. Помогите мне. Помогите. Пожалуйста. Мне очень нужна помощь.

— А я-то надеялся на небольшой отпуск, — вздохнул Каин, а потом в кухне сгустилось напряжение. Кирилл ощутил, как волосы встали дыбом, а по коже побежали мелкие мурашки.

Он не видел лица Адвоката, зато ощущения были ему знакомы. Сейчас из обычного парнишки, мало чем примечательного, проглядывала суть того, чему в человеческом языке не было названия. Проглядывало нечто.

От вибрирующего голоса, переполненного силой, зазвенело

угрожающе стекло подвесных полок, закачалась люстра, и смялась как под прессом жестяная пивная банка.

— Я Адвокат мертвых. Я тот, к кому взывают мертвые голоса, не найдя у живых помощи. О чем ты просишь? И знаешь ли, какую цену я спрошу с тебя?

Но пришлый и незваный гость его словно не услышал.

— Помогите, помогите, — продолжил он твердить.

— Что это с ним? — спросил Кирилл тихо.

— Не просто мертвый. Призрак. Без должного упокоения, — ответил Каин, а потом повелел: — Сядь. Я помогу тебе.

Призрак медленно опустился на стул, поднимая глаза. Некое подобие разумности возвращалось к нему очень медленно.

Но все же минут через пятнадцать, когда у Кирилла уже замлела спина от долгого стояния, и он пересел на подоконник, призрак заговорил:

— Я умер.

— Да. Судя по зеленым пятнам и по тому, что от тебя пахнет травой, еще летом.

— Да. Я помню поляну. Лес. Я помню, мы там были все вместе. Я не хотел умирать. Я просил остановиться. Говорил, что это не игра. Но меня все равно убили.

— Кто тебя убил?

— Я не помню. Я знал… но я не помню. В моей голове очень много белых пятен.

— Ты помнишь свое имя?

— Нет, — мертвый гость покачал головой. — Я не помню. Я ничего не помню…

— Свой возраст? — не успокоился Каин. — Семья? Работа? Друзья?

— Нет. Я помню… — взгляд привидения обратился на Кирилла. — Да. Он может помочь. Он что-то знает! Я уверен в этом!

— Не очень много, — нахмурился Кирилл. — После того, как, будучи человеком, он меня подставил, мы выпали из видимости друг друга.

— Значит, вы были знакомы?

— Многого я рассказать не смогу, но да, раньше мы знали друг друга.

— Тогда, ты, — взглянул Адвокат на гостя, — можешь немного поспать. Вначале, мы найдем твое тело, а уже потом, когда ты вспомнишь немного больше, мы поговорим с тобой об остальном.

Гость кивнул и растаял. В воздухе остался висеть только стойкий запах болота.

Каин медленно повернулся к Кириллу.

— Итак?

И мужчина, подумав с некоторой злостью о том, что слово вылетит, и его не поймаешь, начал рассказывать:

— Впервые мы познакомились в восьмом классе школы. Он приехал в гости к бабушке на весенние каникулы. Сам понимаешь, наш городок маленький, и когда он называл его «глухоманью», наша дворовая сбитая компания даже не возражала. Правда глаза нам тогда по малости лет не колола.

— Имя? Как его зовут? — пояснил Каин негромко.

— Астахов Велислав Петрович. Нам он представился как Славка. Свое полное имя не любил жутко. Пробыл он у нас до конца весенних каникул, успев перессорить двух закадычных друзей. Впрочем, тогда мы были молодые, ребята глупые, поэтому нам даже в голову не пришло, что двое из нашей компании рассорились не просто так, а потому что у них на это была причина, подстроенная ловкими ручками Велислава. В начале лета родители снова привезли Славку к нам. А моего лучшего друга тогда отправили в деревню к дедушке, и так получилось, что мы стали друзьями. Закадычными. Не разлей вода. Родители тогда были заняты собой и попытками спасти брак, а я пропадал на улице. Я даже не замечал, что с каждым разом все «шалости» и «проделки», на которые меня подбивал Слава, становились все хуже, все тяжелее, все… опаснее. От мелкого «давай будем пинать камушек», до «там такой гад живет, давай проколем ему шины или украдем из машины бумажник».

— Он был малолетним преступником? — не стал церемониться Адвокат.

Кирилл горько усмехнулся.

— Мы. Мы были малолетними преступниками. Слава валил на меня все свои грехи, а я даже не замечал этого. Не понял, что он планомерно рассорил меня почти со всеми друзьями, наговорив им обо мне кучу гадостей. А в виду того, что критического мышления в те года ни у кого почти нет, у него это получилось. К концу лета, когда Славке было уезжать, у меня не осталось ни одного друга. Он уехал двадцать восьмого августа, поздно вечером, а двадцать девятого я обнаружил, когда вышел во двор, что со мной никто не хочет играть. Мне понадобился почти год, чтобы восстановить доверительные отношения с ребятами. А потом на следующий год снова приехал Славка. И ко мне даже не подошел. Своей жертвой он выбрал нового мальчишку, и я, даже глядя на происходящее со стороны, так ничего и не понял. Дело закончилось крупным воровством и скандалом. Мальчишку, который попался по глупости, поставили

на учет в комиссию по делам несовершеннолетних, а родители начали таскать по психиатрам, психологам, врачам. В результате, прессинга родных он не выдержал и покончил с собой.

Каин, встретивший новое упоминание человеческой глупости, которая не менялась даже с веками, покачал головой.

— Дальше?

— Естественно, на следующий год Славка не появился. И на следующий. Хотя в нашей компании его никто не упрекал ни в чем. Про него просто забыли. На первом курсе университета, осенью, в конце сентября он снова появился. Как ни в чем не бывало пришел в наш двор с пивом. После этого все снова завертелось. Но у меня уже были друзья, место которых занять у Славки не получилось. Его это задело. Я даже не понимал, как называется это чувство, ущемленное самолюбие? Ревность к тому, что кого-то посчитали лучше, чем он сам? Он делал все, чтобы я рассорился со своими друзьями и переметнулся к нему. Говорил, что раскаялся, мы даже ходили на могилу Паши, того самого, который покончил с собой. Он оставил на ограде цветы, плакал. И я решил, что он действительно исправился. Прошло полтора года. Мы не стали закадычными друзьями, о чем-то в жизни Славки я не знал. Но он познакомился с моей университетской компанией. В частности, с Аней и Владом. Один раз, слишком много выпив, я проговорился Славке, что влюблен в Аню.

— Это ты сделал зря, судя по всему?

— Точно. Сколько потом я не думал, я так и не понял, чем руководствовался Славка, когда решил разбить пару Ани и Влада, но он составил план, дотошный, учитывающий миллион мелочей, и начал планомерно приводить его в жизнь. Он начал с того, что чаще всего разбивает пары, неуверенные друг в друге. Ревность и измены. Влад в этом смысле показался ему более перспективным — в него были влюблены половина свободных девчонок всего нашего курса. Высокий, спортивный, в перспективе с наследством. Сценарий измены был продуман до пугающих мелочей. Слава не просто постарался топорно довести до Ани, с кем именно ей изменил Влад. Нет, он сплел паутину. Об этом шептались подружки в курилке. Об этом говорили парни из баскетбольной секции, куда она ходила два раза в неделю, чтобы поиграть с мячом. А потом ей написала та самая, с которой Влад «переспал», с целью якобы избавиться от соперницы.

— Аня не показалась мне человеком, доверчивым к подобного рода ситуациям, — осторожно заметил Каин, вспоминая измученную душу.

Кирилл кивнул:

— На ревность и измену в отношении Влада бить было

бесполезно. Но Славка сразу не сдался. Пока Ане на нервы планомерно капала та самая «любовница», он зашел с другой стороны. От Влада. Теперь уже ему нашептывали в уши, что его любимая, его умная и красивая недотрога, на самом деле спать только с ним не хочет, а сама по углам с кем попало обжимается. И более того, Слава подговорил троих ребят с более старшего курса, чтобы Аню действительно зажали в угол. Расчет был на то, что Влад это увидит, Аня, раздраженная всем случившимся и потерявшая к нему доверие, разговаривать и объяснять ему ничего не захочет. Пара распадётся, что и требовалось получить.

— У него получилось? — спросил Адвокат сочувствующе.

— Нет, — Кирилл покачал головой. — Нет. Славка гаденыш… Впрочем, о мертвых или хорошо, или ничего. Он был осторожен, как лис, как крыса. Его очень долго не то что не могли поймать на горячем, очень долго мы даже не знали, кто именно обеспечил нам такие беды… — Мужчина замолчал, потом промочил горло пивом, глядя в темное окно и продолжил. — Те трое, кого он подговорил, были неосторожны, на суде потом они утверждали, что намеренно, но, скорее всего, просто из общего раздолбайства проговорились. Их услышали и донесли слова до Влада. И когда он увидел, что какой-то парень зажимает Аню в углу, а она пытается вырваться… Нескольких зубов один из троицы не досчитался, а когда все трое постарались просто получить свою порцию удовольствия за счет Ани, они нарвались на всю баскетбольную команду.

— Ты в нее входил?

— Да, как ни странно. Я когда в универ поступил, спортивный кружок был строго обязателен. Акция у нас такая была «Мы за здоровый образ жизни». У нас даже преподаватели по секциями разбрелись. Гонять мяч я не особо люблю, поэтому футбол отпадал. Волейбол и теннис — не хотелось, бассейна у нас тогда не было. Оставался баскетбол, на него я и пошел.

— Что было дальше? — спросил Каин, вытащив толстый гроссбух и начав делать попутно какие-то заметки.

— Славка не смирился. Второй этап можно озаглавить общим языком «здоровье». Он осторожно распространил слухи, что у Влада — СПИД. От парня отвернулись почти все знакомые. Даже близкие знакомые, с которыми он часто общался, начали его сторониться. Сама «жертва» слухов ни о чем не знала. Точно так же как ни о чем не знали и мы, его лучшие друзья. Влад нервничал, Аня от расстройства заболела. В результате, о том, что всему виной слухи, да еще такие тяжелые, мы узнали значительно позднее. Когда одна из поклонниц Влада решилась использовать этот шанс. Она пришла к нему и сказала, что хочет

быть с ним и хочет родить ему даже ребенка. Она понимает, что СПИД — это смертельно опасное заболевание, но она его так любит, так любит! В ту ночь мы напились, так сильно, что пошли буянить, дело закончилось вытрезвителем и приводом в СИЗО. Родители Вада хотели замять скандал, готовы были отдать любые деньги, а он уперся рогом и ни в какую. Журналистка, которая брала у него интервью «Как вы докатились до жизни такой», дошла во время собственного расследования и о слухе про СПИД. Именно она сидела с Владом в коридоре больницы, пока готовился экспресс-анализ. Она же потом и сказала, что в газете напишет о том, что никакого иммунного дефицита у него нет, и никогда не было. Но, и это очень важно, все это не случайно, кто-то намеренно распускает слухи.

— Вы не поверили?

— Точно. Молодые, глупые, были свято уверены, что это глупая случайность. Кто-то ляпнул, кто-то что-то не понял, а закончилось все такими последствиями, — Кирилл покрутил снова банку в руках. Вспоминать те дни было тяжело.

— Что придумал следующий злой гений Велислава?

— Он захотел результатов побыстрее и придумал наркотики. Слухи о том, что Аня их не то принимает, не то торгует ими, разлетелись почти мгновенно. Вот здесь началась беда. Разнообразная шваль начала лезть к ней, преподаватели на парах придираться, ей стали делать странные намеки окружающие. Друзья не поверили, слишком уж последовательность действий была настораживающая. И пока остальные кривили носы или дополняли слухи своими размышлениями, мы искали того, кому это было выгодно. Славка «искал» вместе с нами. Он сочувствовал Ане, поддерживал ее вместе со всеми, выяснял попутно ее слабые места и бил в них. С жестокостью, которую в нем никто не смог бы заподозрить.

— Как в итоге вы его вычислили? — заинтересовался Каин.

— Он попался сам. Сглупил. Влад и Аня сказали, что решили пожениться, и он начал спешить. В конце концов, подкинул наркотики ей в сумку. На этом его и поймали. Очень долго мы не верили в то, что это он все задумал, спланировал, привел в действие. Но… свидетели, мало-помалу мы нашли всех, кто был причастен к этому делу. А в итоге было заведено не только дело по статье 228 уголовного кодекса, за распространение наркотиков, но и по 110 за доведение человека до самоубийства.

— А наркотики-то причем?

— Выяснилось в итоге, что он был крупным дилером в нашем городишке. И из своей столицы смылся именно потому, что не только правоохранительные органы плотно сели ему на хвост, но

еще и конкуренты начали недобро посматривать в его сторону. Так он очутился здесь.

— Это все?

Взгляд Кирилла, обращенный на Адвоката, стал недоумевающим.

— О чем ты?

— Должно быть что-то еще, за что ты его ненавидишь. Не отпирайся, челов… Кирилл, — поправился Каин. — Это было заметно. В тот момент, когда ты еще не осознал, что пришедший сюда призрак — это убитый человек, ты смотрел на него с темной ненавистью. То, что он пытался разбить пару твоих друзей — не повод. Что случилось еще?

— Это важно?

— Может статься, да. Может статься, нет. Но я буду благодарен тебе за рассказ. Каждое твое слово — это слой образа моего клиента, которому я не могу отказать, уже согласившись взять его заказ.

Кирилл молчал очень долго. Адвокат даже успел испытать некоторое чувство дискомфорта, когда мужчина наконец-то снова заговорил.

— Это было на пятом курсе. Незадолго до того, как все раскрылось. Я тогда еще увлекался мистикой, с интересом забирался в заброшенные дома, лазил по катакомбам, тут неподалеку есть сеть старых ходов, оставшихся от замка, который здесь когда-то стоял. Не сказать, что я был прям маньяком до всей этой мистики, привидений, призраков, мертвых духов и так далее. Хотя некоторая оторванность от реальности присутствовала. Тогда я уже довольно близко подобрался к тому, кто устроил «веселую» жизнь Ане и Владу, сказал даже, что у меня есть улики. Ребята верили в меня куда больше, чем я сам. В тот же вечер с бутылками пива ко мне пришел Славка. Сказал, что узнал кое-что, что нам поможет вычислить недоброжелателя. Точнее, он поправился тогда, что он нашел девушку, которая что-то знает. С Владом она отказывается разговаривать, а на меня согласна, — пальцы Кирилла сжались вокруг банки, сминая ее. — Я ему поверил. Мы доверяли ему. Он был нашим хорошим другом…

— Ты ему поверил и?

— Мы выпили по банке пива. Потом я почувствовал себя нехорошо. Головокружение, дурнота, сонливость. Я помню, что столешница стола, — мужчина сглотнул, — приближалась очень быстро. В глазах помутнело, я не то отрубился, не то уснул. Когда я пришел в себя через несколько часов, было темно за окном. И холодно, очень холодно. Я не сразу понял, что вижу полную луну

через маленькое окошечко, забранная толстой чугунной решеткой. Не сразу понял, что лежу на камне, покрытом плесенью, и в воздухе пахнет кислым. Совершенно очевидно, что рядом никого не было. Мне понадобилось почти сорок минут, чтобы собрать достаточно сил и хотя бы сесть. Дверь была открыта. И, решив, что она ведет на свободу, я пополз к ней. У человека неодурманенного, скорее всего, хватило бы реакции, чтобы остановиться. Я не успел. Там, как раз под дверью, был провал, и я свалился вниз. В катакомбы. Я провел там почти неделю. В темноте, без еды. Воду я собирал со стен, выступившие капли росы. Меня искали, но никому не пришло в голову, что я могу быть в таком месте. Я не помню, что было тогда, в те дни, в моей памяти пугающая пустота. Зато знаю точно, что когда меня спасли ребята-школьники, устроившие себе экзамен на храбрость, любовь к мистике у меня как отрезало.

— Возможно, в этом что-то есть, — пробормотал Каин.

— Что-то? О чем ты сейчас?

— Договор. Договор, который мы заключили — до сих пор не выполнен. Там в прошлом, помимо живых, была вина еще и мертвого. И именно поэтому я здесь, чтобы найти этого мертвого, чтобы понять, что он хочет сказать. И это надо сделать как можно быстрее, потому что в противном случае — ты умрешь. Мертвые, не нашедшие помощи среди живых, забирают того живого, к которому имеют отношение. А Лэйла увидела на тебе метку мертвого, метку, которой они помечают свою жертву. Так что, помимо работы с этим парнем Велиславом, ты мне поможешь, я продолжу заниматься твоим контрактом. На этот раз — уже лично.

И Кирилл, глядя на Адвоката, осознал только то, что его жизнь в очередной раз сделала головоломный кульбит.

Но главное, несмотря на то, что он даже не успел задать все вопросы, которые ему хотелось, общаться с Каином на сегодня больше не было сил.

И мысленно махнув рукой на все и вся, Кирилл двинулся в кровать, сказав Каину, чтобы тот чувствовал себя как дома.

А в голове вертелось назойливо:

Если бывший друг
Нашёлся мёртвым вдруг,
Найди его убийцу,
Что подло веселится.
А если не найдешь —
Ты тоже пропадешь…

Глава 13. Тень безумия

Сумасшествие бывает разным: естественным и не очень, вызванным стрессом и изменениями на генотипе ещё во время беременности. Сумасшествие, бывает, передаётся от отца к сыну, от матери к дочери, обрекая несчастного на долгие годы борьбы с собой. Оно бывает опасным как для самого больного, так и окружающих его людей.

В первом случае тихие психи могли закончить свою жизнь самоубийством или покалечиться. Во втором… во втором случае они сами бросались на людей, используя или естественное человеческое оружие: зубы и когти, или используя более подходящее для смертельных деяний подручные средства. Всё-таки и топоры, ножи и пистолеты куда как удобнее в деле убивания ближнего своего.

Сумасшествие может быть тихим и совсем незаметным для окружающих. Может быть, просто названием в общем счёте отражающим отклонение от общепринятых норм и несоблюдение общеморальных ценностей.

Есть говорить сразу о народах, то в мировых кулуарах самым сумасшедшим народом, и речь сейчас не о медицинских показаниях, давно уже считаются русские. Народ с горячей головой, огромным сердцем, порой чудовищно дурной, да шальной, и абсолютно сумасшедший. Слухи, мифы, анекдоты — всё это прочно застилает ближайшим соседям правду о том, какой же этот народ на самом деле.

А ведь история знает массу примером самого нелогичного на взгляд остальных сумасшедшего поведения, которое почему-то «прокатывало» и успешно приносили дивиденды. Изобретения, которые не могли работать, открытия, которые не могли существовать!

Русские — чудные. Они дают совершенно бессмысленные названия своей военной технике, называют «Черёмухой» слезоточивый газ, один из самых страшных ракетных межконтинентальных комплексов они называют «Тополем», а под нежным названием «Василёк» прячется автоматический миномёт. И таких примеров масса!

Русские нелогичны. В то время, как во Франции ходит поговорка «Чего хочет женщина, того хочет Бог», русские предпочитают пользоваться ей противоположной: «послушай, что говорит женщина, и сделай наоборот».

Жизненные уклады, отношение к правительству, к науке, к собственному здоровью, церкви — всё это настолько нелогично,

что окружающие народы давно и прочно записали русских в когорту сумасшедших. Ведь мы боимся того, чего не можем понять! А присвоив ярлык, мы как бы приближаемся к пониманию ситуации.

Но именно из-за этого амплуа, сложившегося на международной арене, русские точно знают, что народная мудрость «сумасшествие — заразно», неправа.

Заразным может быть азарт, может быть заразным порыв другого человека, а может быть и эгоистическое поведение, когда человек ведёт себя как вещь в себе, не интересуясь ничем и никем.

Сумасшествие по ряду причин Кириллу знакомо было разное: и настоящее, и надуманное. Но впервые он сам задумался о том, а не пора ли сдаться в надёжные руки крепких санитаров, когда выйдя на кухню утром следующего дня, он увидел:

А. Адвоката.

Б. В белой футболке и черных брюках.

В. В фартуке, завязанном на поясе пышным бантом.

Г. С деревянной лопаточкой в руках…

Д. Жарящего блины, как ни в чём не бывало.

Стопка тонких ароматных блинов уже стояла на столе.

Но ещё большее потрясение было впереди. Из-под кухонного стола, накрытого длинной скатертью, неслись истерические звуки чьего-то смеха и хриплого карканья ворона, стучащего крыльями.

Каин отсалютовав лопаточкой, стряхнул последний блин на тарелку и выключил плиту.

— С добрым утром.

— А… а… ага, с добрым, — ошалело кивнул Кирилл, наклоняясь к столу и осторожно приподнимая угол скатёрки.

По полу каталась верхняя половина Лэйлы. Нижней не было. Женщина настолько была погружена в свой хохот, что на Кирилла даже не отреагировала.

Поднявшись, и осторожно опустив скатерть обратно, мужчина спросил:

— А где?

Каин ткнул пальцем в потолок.

Ну, да. Наверху нашлась пропавшая нижняя половина. Привидение колотила по потолку пятками, находясь в истерическом припадке от чего-то случившегося.

Кирилл, поблагодарив неожиданного повара, взялся за завтрак. Очень хотелось спросить, что вот это всё такое значит, но… мужчина элементарно побоялся услышать что-нибудь ещё сильнее выходящее за рамки разумности. Поэтому выпив чашку кофе и съев два блина, он не столько вышел, сколько сбежал из

собственной квартиры.

К тому же и повод формальный был — он опаздывал на работу.

Каин же с удовольствием рассматривал то, чего убегающему Кириллу видно не было. Смех Лэйлы, расходясь волной золотой силы с искрящимися пузырьками, отгонял от квартиры мёртвую энергию…

Народная примета гласит — как новый год встретишь, так его и проведёшь. Закон подлости из этой приметы выносит тезис, с чего день начался, тем он и продолжится.

Утро Кирилла началось с безумия. И им же продолжилось.

Когда он сел в машину, на руле появился огромный глаз, вслед за ним =- щербатый рот, растянутый в улыбке.

Сердце ёкнуло и заколотилось где-то в горле. Спазм ледяной удавкой пережал горло, перекрывая дорогу кислороду.

Щербатый рот радостно сказал «гы-гы» и исчез. И Кирилл как-то очень быстро осознал, что это все — финиш. Он всё-таки сошёл с ума.

В тело вернулись кости, на душу снизошло спартанское спокойствие, и что бы вокруг ни происходило, Кирилл не реагировал. Ни на странные тени, ни на руки на дороге, ни на ноги в стенах, ни на подмигивающие светофоры, ни… Одним словом, всё вокруг он списал на выходки собственного сознания и выключил их восприятие.

В гримёрной из него сделали чертовски достоверного вампира, и мужчина отправился в свой кабинет. Начать день он собирался с просмотра финансовой отчётности за прошлые мероприятия. Мужчина отдавал себе отчёт в том, что именно в бумагах он может найти то, что ему нужно, то, что в словах ни начальник, ни лица, к нему приближенные ему сформулировать не смогли.

Кирилл искал общую логику построения сценариев, что именно в агентстве делали для своих клиентов, и как именно организовывали свои сценарные постановки.

Уже где-то после третьего отчёта, Кирилл смог осознать и то, по какой причине местному Князю Олегу понадобился человек, с холодным рациональным мышлением. За некоторые предметы в СМР переплачивали в три, четыре, пять раз, словно не зная реальной стоимости вещей.

Причём, некоторые предметы в списках были с точки зрения Кирилла, абсолютно безрассудными. Отчёты по утилизации, которые также были приколоты к отчётам, указывали на то, что думал так далеко не он один.

В голове всплыл голос Каина: «Они хоть и не люди, но ребята отличные».

То ли эти ребята слишком увлекались процессом покупок, то ли их обманывал кто-то из тех, кто знал об их нечеловеческой природе.

Это предстояло уточнить в самое ближайшее время.

И единственный вопрос, который Кирилла волновал в этом аспекте, был о том — стоит ли сознаваться в собственной странности в лице домашнего Адвоката смерти? Или лучше придержать именно эту информацию в качестве козыря? Или наоборот, лучше сразу походить с этой картой, чтобы сотрудники успокоились, и при Кирилле не соблюдали лицо?

Дилемма, не дилемма, но что-то с этим пунктом решать надо было. Аргументы были как в пункт «за», так и в пункт «против», и так и не решив, как именно поступить, Кирилл вернулся к бумагам, с огорчением, разочарованием, а порой и злобой находя явные уходы денег на сторону.

Когда дверь открылась в его кабинет без стука, на вошедших глянул вампир, с налитыми кровью глазами.

Сверкнули белоснежные клыки, когда он злобно прошипел:

— Вон, пока всю кровь не выпил!

Женщина, заглянувшая в кабине вместе с Князем, икнула и шарахнулась прочь.

Хозяин СМР показал Кириллу одобрительно большой палец и выкатился в коридор, утешать испуганную гостью.

А мужчина только после этого сообразил, что настолько вошёл в роль, что даже пользоваться приготовленной заблаговременно шпаргалкой ему не понадобилось.

До обеда оставалось где-то с полчаса, когда Кирилла вызвали на производственное совещание.

И пока он двигался к кабинету начальства, невольно дивился тому, как сильно за ночь изменился особняк агентства.

Когда он пришёл сюда в первый раз — это была роскошь древней Греции: дерево, лепнина, позолота, фонтаны и статуи древнегреческих богов.

Сейчас, в точности, как и говорил князь Олег, особняк изменился. Под ногами, при каждом движении скрипел рассохшийся пол. Кое-где в прогнившем дереве были провалы.

К счастью, кабинет князя Олега не изменился — это так и был тот образчик древнерусской культуры, с добротной обстановкой и не кричащими красками.

Впрочем, увидь Кирилл здесь гробы с лавками, он бы самым преступным образом заржал.

Декораторы перестарались.

Страшно не было — но вот смешно было однозначно.

— А, вот и наш вампир! — загрохотал басом Олег. — Проходи. Проходи.

Помимо князя в кабинете находились к этому моменту бухгалтер, та самая девушка-буквоежка, впустившая Кирилла в его первый день, и незнакомый тип, крутящий в пальцах какую-то электронную игрушку.

Диспозиция за столом была интересна. Буквоежка и незнакомец, очень похожий по своей отстранённости на компьютерщика (а ещё «фольговый» шуршащий костюм как бы обязывал), переглядывались друг с другом с одинаково недовольным видом. Не сказать, чтобы они явно друг друга ненавидели, но вот взаимной любовью там точно не пахло. Что было неудивительно. Книжные черви и любители электроники на ножах были с того самого момента, как компьютеры в жизни людей только появились. С тем учётом, что эти двое могли людьми и не быть, ситуация становилась только запутаннее.

По правую руку от Олега было свободное место, оставленное, видимо для Кирилла, а по левую руку от него сидела «японка».

— Итак, — князь Олег дождался, пока Кирилл займёт место и воодушевлённо потёр ладони. — Чудесно! Давай я тебе представлю всех, кто сейчас здесь собрался. Мы — четверо, с тобой теперь пятеро — это совещательный комитет. Мы те, с кого начинается любой заказ. Ребята, кто не знает, это Кирилл, наш охлаждающий элемент и тормоз. В его задачи входит обеспечение твёрдого рассудка у наших играющих. Но куда более важно, что он подключится к работе над финансовыми сметами, чтобы уберечь отдел от напрасных трат. Кирилл, теперь представляю тебе наш костяк. Слева от меня Сумирэ.

«Японка» сегодня была в кимоно цвета серебристых облаков, и палочки в волосах были совершенно обычные — деревянные, зато выглядела она сама отчасти мечтательно, отчасти сонно.

— Справа от тебя Хельга, она буквоежка. Напротив Хельги это — Артур, наш техник. И…

— Он знает, — Артур, отложив в сторону электронную игрушку, воззрился на Кирилла с голодным интересом. Зрачок с коричневой радужкой вдруг вытянулся, став расплавленным кошачьим взглядом. — Ума не приложу, откуда и как такое возможно, но у нашего вампира есть знание о том, что мы здесь не люди. Сам он этого не видит. Ему кто-то сказал. И что более интересно, ему до этого нет никакого дела.

Князь Олег захохотал. Сумирэ пару раз хлопнула в ладошки, но из её тела ушло мгновенно возникшее напряжение. Зато Хельге наоборот, происходящее и сказанное Артуром почему-то

не понравилось. Между черных дуг бровей залегла тревожная складочка.

— Я не буду ничего спрашивать, — признался Кирилл откровенно. — Я не хочу знать лишнего. И отлично понимаю, что именно входит в мои задачи. Вы не всегда рационально подходите к сметам, переплачиваете, покупаете лишнее, нерационально выбираете поставщиков и место покупок.

— Точно, — кивнул Олег. — Некоторые предметы, плохо понимая, мы покупаем и переплачиваем. Узнаем, находим нового поставщика… и снова переплачиваем. Мы уже пытались найти помощника руководителя, дважды. Но… не сработались. Ты наша третья и последняя попытка. Итак, теперь продолжим знакомство. Хельга у нас работает в отделе буквоежек, что это значит, я тебе объяснял. Хельга, специально для тебя, твоя работа с появлением Кирилла никоим образом не меняется.

Буквоежка буквально обмякла на стуле, переведя дыхание.

«Она боялась, что я буду вмешиваться в её работу?» — озадачился Кирилл.

— Артур. Ты и твой отдел, декораторы, сценаристы, флористы — все приносят сметы сначала Кириллу. А уже потом он со своей визой передаёт сметы Сумирэ, а она выделяет деньги на это. Если на смете, Сумирэ, нет визы Кирилла — ты её не принимаешь. Вопросы?

— По работе никаких, — отозвался лениво Артур, устраиваясь на стуле с удобствами.

— У меня по заказу, — вскинула ладошку Хельга. — Что у нас на этот раз?

— Дом с привидениями. Хозяйка хочет побояться сама и попугать других. Она жена миллионера, тот на неё почти не обращает внимания. Детей нет, вот с подружками за тридцать она решила собраться на девичник и устроить себе острых выходные. Так что, первую половину бала она хочет в традиционном стиле. Как и положено, фуршет, банкет, всё чудесно и великолепно. А после полуночи оживший кошмар.

— Желание дамы закон, — свернул Артур обаятельной улыбкой.

Сумирэ взглянула на него сурово. Буквоежка фыркнула и демонстративно отвернулась.

— Как поступаем? — спросил Олег. — Как обычно? Мы снимаем особнячок, перебираем верх и…

— Минутку, — Кирилл покачал головой. — Плохая идея. Страшно не будет.

— Прости? — Сумирэ подалась вперёд, изумлённо разглядывая новоиспечённого коллегу.

Тот, хоть и не собирался вот так с места вмешиваться в работу агентства, вздохнул и начал пояснять свою мысль:

— Чтобы было страшно, всё должно быть естественно. Вы сказали, за тридцать, да? Значит, это люди, которые уже с каким-никаким жизненным опытом за плечами. Они уже что-то знали, что-то пробовали. И голливудская театральщина не произведёт на них никакого эффекта. Нужен совсем другой подход. Нужна естественность. Нужен огромный заброшенный особняк, заросший садом. Сад нужно чуть-чуть привести в порядок, украсить для того, чтобы туда можно было выйти посекретничать, но чтобы не было желания идти дальше. Тут это уже вопрос к декораторам, как так сделать. В особняке обязательно должна быть бальная зала, приведённая в порядок люстра, возможно начищенные балюстрады, и обязательно зеркала, которые не до конца очищены. Там, паутинки, трещинки, затенённости, странные маски, которые скользят в зеркалах.

Собравшиеся в зале переглянулись.

— Дальше, — кивнул князь.

— В старинном особняке, где скрипят паркеты, где гуляют сквозняки, где раз в пять, десять минут мигают портреты или исчезают со своих холстов — гости начнут пугать себя сами, им нужно будет для этого мелочь, которая в любом другом месте покажется просто смешной. И никакой пошлости типа скелетов, завывающих каминных труб и прочего.

Князь Олег откинулся на спинку стула, гулко заржал, хлопая себя по коленкам.

Хельга посмеивалась, деликатно прикрыв губы веером.

— Очень интересно, — пробормотала Сумирэ. — И неожиданно.

— Я увлекался мистикой, и как-то получилось натренироваться на осознание, что страшно, а что нет. К тому же, богатых девочек и женщин я тоже знал. И кстати! Ну, неужели у вас нет человеческого психолога?!

Князь помрачнел.

И на этот раз ответила с тихим смешком Хельга:

— Они считают нас ненормальными, Кирилл. И прикалывают свои профессиональные навыки именно к нам. До работы с клиентами ни один не дошёл. А у наших народов психика устроена по-другому. И даже соответствующее образование, которое мы получаем, не помогает нам понять нюансы человеческого поведения.

— Ясно, вы не испытываете этого сами, поэтому и не понимаете того, что видите только на бумаге, — подытожил мужчина.

Остальные промолчали, но… согласие буквально витало в воздухе.

— Хорошо, — стукнул князь ладонями по столу. — Хельга. Идеи?

— Кое-что есть. Но для начала мне нужно знать размеры особняка, чтобы подогнать план, и передать его сценаристам. На этот раз нам нужна пара вампиров, привидения, безусловно, скелеты на вторую половину ночи. Причём, винтажные! Обязательно камзолы, обязательно шляпы. Улучшенная анимация!

— Мы запаримся искать некроманта, — пробормотала Сумирэ. — А затребует он сумму при этом такую, что…

— Дама всё хочет по первому разряду. Артур, я тебе сочувствую. Но в этот раз ты будешь играть не ведущую партию, а будешь на помощниках. Тебе придётся обеспечить звучание тех, кого анимирует некромант.

— Вам обязательно нужна зеленоглазая чёрная кошка, — вставил свои пять копеек Кирилл.

И снова пауза с непонимающими взглядами.

Просияла минуты через полторы Хельга:

— Чёрная кошка традиционная спутница нечистых сил! А ещё говорят, что это спутница ведьмы, что она глаза и уши ведьмы, а ещё один источник говорит, что чёрная кошка — это дурное предзнаменование, и даже она бывает вестницей смерти!

— Всё гораздо проще, — покачал головой Кирилл. — У нас есть примета. Говорят, что не повезёт, если чёрный кот дорогу перейдёт. И вообще, в деле запугивания лучше оставить возможность додумать и просто предоставить людям страшные мелочи, которые добавляют происходящему реальности. Два-три раза погас свет, рациональные люди, безусловно, подумают, что не помешало бы вызвать электрика, и это что-то с пробками. А вот сделать, что затрепещут свечи, колыхнётся скатерть на столе, что-то тихо-тихо раздастся на грани слышимости. И всё. Вуаля! Дело сделано. Единственное, надо подготовить людей к восприятию сказки. То есть, или устроить экскурсию по особняку и рассказать о том, что в нём случалось… разное. Ну, или в машинах позаботиться об этом.

Олег кивнул.

— Артур?

— Смогу устроить.

— Хорошо, — пробормотал князь. — Ещё идеи?

— Только из ранга выяснения обстоятельств. Необходимо узнать, была ли дама хоть раз в домах ужаса, за границей, у нас. Как насчёт её ближайшего окружения. Если она постоянный там

завсегдатай, то нам придётся очень постараться, чтобы их напугать.

— Да. Артур, ты у нас бог информации, тебе и карты в руки. Дама проживает в Питере, поэтому район поиска — именно Ленинградский. Хельга, вы с Анжелой приступайте к работе, чтобы могли и сценаристы вступить в дело. Маги-декораторы пусть выбирают образцы и изучают готические замки. Готовят цепочки для заклинаний смены окружения. Сумирэ-чан, жду тебя после обеда, будем закрывать отработанный заказ. По — новому, ты в любом случае пока ждёшь. Кирилл, присмотрись к своему кабинету, всё ли тебе лично хватает, удобно или что-то необходимо поменять, добавить, убрать.

Кирилл кивнул.

— Вопрос нет? Ну, и молодцы. Тогда идите на обед, и начинаем работу.

Из кабинета князя Кирилл вышел с Хельгой.

— Так всё-таки почему буквоежка? — спросил он деликатно. — Если не хочешь, не отвечай, но если честно — интересно.

— Я запоминаю каждую прочитанную мной книгу, — отозвалась девушка тихо. — А моя напарница запоминает и с фотографической точностью может воспроизвести любую графику. Мы обе — копикаторы, имитаторы. Мы ничего не можем создать сами, зато воспроизвести сколько угодно.

— Как интересно! — восхитился искренне Кирилл.

Бооммм!

Раскатился по коридору тягучий звон напольных часов.

Мужчина с трудом удержался от соблазна схватиться за сердце.

— Обед, — улыбнулась Хельга, пройдя немного вперёд и остановившись у дверей библиотеки. — Наш кафетерий внизу, присоединишься к нам с Анжелой?

— Со всем своим удовольствием, леди.

Хельга засмеялась, стукнула в дверь, зовя подругу, и уже втроём они продолжили движение вниз.

Народа в кафетерии было много. И если бы не Хельга, Кирилл, может быть, даже и растерялся. Сразу сообразить, куда тут идти, чтобы купить обед, и где можно устроиться, было сложновато.

А благодаря буквоежке же случилось и кое-что ещё.

Они уже допивали чай, когда в помещение прошла зарёванная девушка. Анжела отставила недопитый чай, метнулась из столовой прочь, а следом её примеру последовали и остальные сотрудники СМР.

В результате, Кирилл опомниться не успел, как в кафетерии остался он сам, Хельга и эта незнакомка.

Допив чай, буквоежка отставила в сторону чашку, взглянула на Кирилла и хмыкнула:

— Точно. Ты же не знаешь. Тогда пошли, поможешь. Она — баньши. И если сейчас разревётся, в лучшем случае у всех разболеются зубы. В худшем — снова придётся вставлять окна. Князь её не увольняет, поскольку дизайнер она от Бога… Хотя я бы поставила на противоположную канцелярию. То она такая кроткая, милая и чудесная, но стоит чему-то пойти не по её желанию — наступает карманный Армагеддон.

— Отчего она плачет?

— А? — Хельга повернулась, в растерянности и с непониманием глядя на Кирилла.

— Отчего она постоянно плачет? Ты же сказала «снова» — значит, она уже плакала, значит, окна уже бились. Так почему?

— Ну, да… Два дня назад окна меняли… Но… Я… как бы…

— Никому не пришлось в голову узнать? Вместо того чтобы бороться со следствием, неужели не лучше узнать причину?

— Н… нет, — запнулась буквоежка. — А что надо было так?

Кирилл потерял дар речи.

Ну, вот и как после этого их называть людьми?!

Очевидные же вещи не понимают и, судя по всему, даже не ощущают!

— Неужели лучше постоянно ее утешать? Знакомь нас.

— Вот что значит человеческая голова. Только, тогда, это… я пойду работать, хорошо?

— Хорошо.

Процесс знакомства надолго не растянулся. Сообщив:

— Кирилл — Оля. Оля — Кирилл, — буквоежка торопливо сбежала, увидев только ей одной знакомые какие-то признаки.

Кирилл, помянув барышню тихим незлым словом, вручил Оле свой носовой платок и приказал:

— Рассказывай. Быстро. Чётко. Что случилось.

— Он пропал! — Оленька вскинула дивные зелёные глаза, но не разревелась, комкая принятый носовой платок. — Он ушёл и не вернулся!

— Давно?

— Уже почти четыре месяца.

— Ваш? Наш?

— Человек. Техником здесь работал, — всхлипнула девушка.

— Имя его знаешь?

— Оно ненастоящее! — расплакалась тихо и беззащитно баньши.

В висках застучали молоточки, зубы заныли всё и разом.

Но сейчас Кирилл был в своей стихии. Положив руку на плечо девушки, он чуть встряхнул её.

— Оленька. Рассказывай всё. Быстро, про него, и очень подробно. Давай, Оленька, давай.

Баньши широко распахнула глаза.

— Вы… вы мне поможете?!

— Я попробую.

Слёзы утихли. Оля сжала кулаки, сделала глубокий вдох и начала рассказывать.

История была простая и незамысловатая.

В агентстве помимо профессиональных должностей, которые занимали маги, были ещё и обычные, чисто человеческие должности. Причём люди ни о чем не догадывались, поскольку работали в «статических» отделах. «Перемещался» сквозь пространство к дверям только основной особняк.

С нелюдьми люди не пересекались.

А вот Оле в тот день стало плохо, она вышла на улицу, где курил у лавочки молодой человек.

Он ей помог, придержал, прикрыл плечи своей курткой. Между делом, шутил, улыбался, а она влюбилась!

Как идиотка, как человеческая дурочка! Бегала к нему украдкой, в нарушение правил пускала в свой кабинет.

А… потом что-то случилось.

Он стал холодным, злым, огрызался, ничего ей не говорил, а потом, в конце концов, пропал.

А она, не может! Она без него больше не может.

Он нужен ей как воздух.

Он стал для неё наркотиком! Поэтому, пожалуйста, как-нибудь, хоть как-нибудь!!!

Кирилл кивнул, взял бумагу и занялся уже более предметным опросом в стиле «Тысяча и одно «А что, как и где?»» К концу обеда в активе у него было всё, что могла рассказать Оля.

И пообещав ещё раз приложить все усилия, Кирилл двинулся к князю Олегу, прояснять ситуацию.

Успокоенная Оля вернулась на рабочее место. Сотрудники СМР, быстрыми тенями шмыгающие к стойке и обратно, разбежались по кабинетам с кульками.

Глава агентства Кирилла не понял, но возражать не стал. Вручил личные дела всех техников и устроился с Сумирэ за дальним концом стола.

А Кирилл начал пересматривать личные дела.

Интуиция молчала как могильная плита при раскопках.

А когда он открыл титульный лист предпоследней папки, с

личной фотографии в деле на него глянул повзрослевший, но до сих пор хорошо узнаваемый Славка…

Глава 14. Cherchez la femme. [2]

Кто придумал, что во всех бедах, всегда и везде виновата женщина? Началась война? Дело в женщине. Кто-то кого-то убил? Дело в женщине. Несчастный случай? Опять дело в женщине.

Из века век повторяется одно и то же. Из уст в уста передаётся это злобное и совсем неверное «Cherchez la femme». Страницы истории залиты пролитой кровью, а в некоторых местах истина залита денежными знаками. Меняются цивилизации, формы государственности, устои общественного строя, моральный свод жизненных правил. Женщина остаётся виноватой.

Афинская война? Женщина!

Македонские войны? И тут женщина отметилась!

Месть за отказ прекрасного пола, месть за гибель возлюбленной. Во имя прекрасной дамы совершали подвиги и сражались с ветряными мельницами. И даже сейчас, в продвинутом XXI веке, веке компьютерной информации — случилось убийство, и миллиардный раз всплыло «Cherchez la femme»…

Впрочем, началось всё даже не с появления Кирилла.

Интересный разговор состоялся на его кухне, до того, как домой вернулся хозяин дома.

Было открыто окно. На подоконнике сидела и сосредоточенно курила Лэйла.

Каин стоял у плиты, разглядывая продукты, из которого предстояло делать ужин. Готовка оказалась абсолютно безумным занятием. После стольких лет пустоты и ничегонеделания — ведь Адвокату пища была совсем не нужна, он учился готовить.

Хоть и не совсем сам, тело и сознание раздвоились. Тело было отдано на откуп душе, которая в своё время была шеф-поваром миленького ресторанчика, а сам Адвокат пытался разобраться с тем, что творилось вокруг Кирилла.

Выходило, с какой стороны ни подходи, какую теорию не прикладывай — чепуха.

Даже если бы Кирилла хотели убить, то с этим давно уже справились.

Так, что же нужно было этому мёртвому, который рядом ошивался, а на глаза предусмотрительно не показывался?

Ещё и работа эта новая не вовремя влезла.

И даже не это самое важное, второй заказ подряд — и снова тесно завязан на Кирилла, так подождать, того и гляди, третьим заказчиком сам мёртвый Кирилл станет!

— Лэйла, хватит дымить. Ещё одну пачку заколдовывать тебе я не буду.

— Слушай, — привидение, словно и не слыша его, пальцем зажгла ещё одну сигарету, затянулась. — А если цель того мёртвого была совсем не в смерти Кирилла?

— А в чём?

— Не знаю. Но как говорил мой второй покойный муж, дело пахнет порохом. Грядёт взрыв, и над морем снова будет звучать «каррамба». Так, о чём бишь я? А, ага. Помнишь, он про пятый курс рассказывал?

— Шпионила?

— А как же. Ну, так вот. Как насчёт того, чтобы прокатиться туда? В те подземелья. Чую я, что там мы можем найти что-то интересное. Хотя и не факт, что это нам понравится.

— Что-то конкретное?

— Нет… пока нет… Просто… Надо.

Каин, отложив в сторону нож, вздохнул и покачал головой. Ощущение было такое, словно в груди пустота начала затягиваться, заполняясь жизнью. Чужой жизнью, возвращённой в нужное место.

— Хорошо. Решим так. В субботу, когда у Кирилла будет выходной, поедем с ним вместе туда, в те катакомбы.

Лэйла кивнула, потушила сигарету и, спрятав оставшиеся полпачки за корсажем платья, полетела к двери, встречать Кирилла, чья машина только что остановилась у подъезда.

Вошедший хозяин дома был бледен, а когда он рассказал о том, что случилось днём, идею посещения того самого места пришлось отложить в сторонку.

Каин внимательно слушал о том, к чему привело устройство Кирилла в офис СМР и желание помочь баньши.

Лэйла, забравшись наполовину под шкаф, наполовину в шкаф, на мужчин дулась и разговаривать отказалась с обоими разом, так сильно её задело извечное «ищите женщину».

— В принципе, — продолжил Каин свои размышления уже вслух, — дело может быть как простым, так и не очень. Зависит от того, насколько твой бывший друг за прошедшее время изменился.

— Вряд ли настолько, чтобы это имело значение. Такие, как Славка, не меняются ни с годами, ни с десятилетиями.

— Ты не веришь, что человек может измениться? — ехидно спросил Адвокат.

Кирилл вздохнул. Люди в этом вопросе были извечны, они предпочитали делать, что хотят, не думая о других, об окружающем мире. Было только «здесь, сейчас» и «хочу». Славка

относился именно в эту категорию, его ничего не интересовало, кроме собственной персоны. Он хотел всё, сразу, побольше, а ещё так, чтобы не пришлось трудиться.

— Нет. Он не тот человек, кто мог бы измениться. Скорее, поверю, что в нашем мире существуют ангелы и демоны, и последними он был одержим, чем поверю в то, что этот парень мог измениться в лучшую сторону.

— Почему такое мнение?

— Он катился по наклонной вниз, — мужчина вытащил спички, покрутил в руках и отложил в сторону, сам не зная зачем, просто хотелось чем-то занять руки. — Но даже катясь вниз, можно выбраться, надо приложить к этому усилия. Очень много усилий. Славка же был душевно ленивым, работать над собой денно и нощно? Такое ему не пришло бы в голову никогда и ни за что.

— Духовная лень, значит, — Каин побарабанил пальцами по столу. Длинная чёлка скрыла его взгляд, отставляя Кирилла безуспешно гадать, о чём сейчас думает его невозможный собеседник.

К каким выводам он пришёл, Адвокат озвучил немного позже сам:

— Вариантов у нас не так чтобы очень много. Лэйла, не пыхти так громко, женщина всё же может быть виновата. Например, в том случае, если наш клиент встречался сразу с двумя, а что придёт в голову обиженной женщине, не всегда могут сказать даже демиурги и боги. Но этот вариант, будем честны, маловероятен. Есть кое-что ещё. Будучи хоть и статистом, но всё же работником офиса, Велислав мог стать свидетелем того, что посторонние видеть не должны. Вот в таком ракурсе всё становится куда как сложнее, интереснее и опаснее. На первый план выходит другой вариант — шантаж. Если человек узнал о нечеловеческой природе кого-то из СМР, он мог пойти и на такой способ отъёма лёгких денег. Любой из СМР один раз заплатил бы любую сумму и удвоил свою бдительность. Вот только, насколько я успел узнать, люди очень любят лёгкую поживу. Да и то, что ты рассказал про этого Славу, укладывается в картину. Поэтому, можно допустить, что он решил одну и ту же информацию продать дважды, а то и трижды. А вот этого иномирные жители не понимают и наказывают зарвавшегося шантажиста. Чаще всего — смертью.

— Почему тогда первый раз платят? — не понял Кирилл.

— Потому что считают, что раз попался, значит, был не осторожен, сам виноват, сам дурак. А за глупость надо расплачиваться.

— Интересный подход.

— Какой есть. В любом случае, сейчас о Велиславе больше всех знает баньши. Мёртвых к ней пускать бесполезно, надо идти самостоятельно. Кирилл. Назначь ей на завтра встречу. Скажешь, что у тебя есть информация, но….

— Я не могу завтра, — перебил мужчина Адвоката.

— Это ещё почему? — изумился тот.

— Завтра хочу навестить сестру. Пока метался по всему городу вместе с Аней, — в голосе Кирилла звякнули колкие льдинки боли, — я ни с кем не разговаривал. Даже с Женькой. И когда её в Москву отправляли, меня рядом не было.

— А вот это уже плохо. С баньши надо встретиться быстрее, пока происходящим не заинтересовались в отделе безопасности СМР.

— А она есть?

— Есть, — Каин поморщился. — Эти звери при желании и мне палки в колёса вставить могут.

На этих словах дар речи Кирилла сбежал куда-то преступным образом и возвращаться обратно категорически отказался.

— Дивишься? — усмехнулся Адвокат, на миг полыхнул белой бездной голодного взгляда. — Это на своей территории я всесилен. Но ни один маг в здравом уме даже близко не подойдёт к входу на мои земли. Другое дело, что меня можно убивать бесчисленное множество раз, и я всё равно вернусь через несколько секунд.

— Как?

— У меня… — Каин замялся. То ли тема была из разряда не для всех, то ли говорить ему об этом не хотелось. — Моё настоящее тело не могло пройти на землю. Никак и ни при каких условиях. Здесь находится лишь мой дух. По праву повелевающего душами после того, как человеческая жизнь закончена, я могу занять любое освободившееся тело. Какое только захочу. Женское или мужское, тело старика или ребёнка — не важно. Изначально мы вообще не имеем «тела», для нас такого понятия даже не существует. Мы учимся, живём вместе с людьми. А после количества всех тех жизней и смертей, что мы проживаем и переживаем, потом очень легко подстроиться под любое воплощение.

— А… ага, — кивнул Кирилл. Особо понятнее впрочем ему не стало.

— Добавь сюда, что в вашем мире каждую секунду умирает минимум три человека. И поймёшь, что у меня очень богатый выбор. Иногда, впрочем, и его делать не хочется. Но, вернёмся всё же к делу. С баньши что-то нужно делать, встретиться с ней и

побыстрее, но если ты завтра к сестре…

— Ты должен сделать это, — высунувшись из-за дверцы шкафа, Лэйла улыбнулась.

Только Кириллу не понравилось выражение холодной злобы и некоего недоброго предвкушения в её глазах.

— Это? Не слишком разумная идея.

— Почему? С делами нам надо разобраться побыстрее. Желательно за субботу, чтобы уже в воскресенье мы попали в то самое место. И да, я буду на этом настаивать, пока мы туда не попадём. Я уверена, что там мы сможем найти хоть какую-то зацепку! Даже если не почувствую я, ты сможешь воспользоваться своей силой.

— Прошу прощения, что перебиваю вашу отвлечённую беседу о высоких материях, — нахмурился Кирилл, — но кто-то будет любезен и пояснит, о чем идёт речь? И почему у меня такое ощущение, что минимум половина из этого касается меня? И уж точно мне совершенно не понравится.

— Ты очень разумный человек, — засмеялась Лэйла, покидая шкаф. Подобравшись к Кириллу со спины, она обхватила его руками за плечи, не давая двинуться с места. На долю мгновения, привидение обрело физическую силу, возможность воздействовать на реальный мир.

— Ну, же, Каин!

— Ты опять чего-то насмотрелась, — догадался Адвокат. — Это чёрный телевизор показал тебе очередную чушь!

— И ничего не чушь!

— Но показал.

— Ну, да…

— И? — скептически спросил Каин. — Что ты увидела в этот раз?

— Вампиров!

— Ясно. Поэтому тебе и пришла в голову идея о двойнике, что схоже с этим.

— Да, да, да! — обрадовалась привидение. — Ну, чего ты ждёшь?! Кусай!

— Лэйла.

— Кусай! Не тяни время! Это лучший вариант в нашей ситуации, когда можно быть одновременно в двух местах!

Каин сдался, махнул рукой и зашёл нервничающему Кириллу за спину. Похолодало. Мужчина ощутил, как поток воздуха скользнул по телу, прокатился россыпью ледяных иголок по позвоночнику.

Рядом зазвенело стекло, покрывающаяся ледяным налётом. Застыли, покрывшись льдом, чашки с кофе.

Холод раскатился по комнате, забрался в углы, оскалился и приготовился напасть. Страшно было, но страх был отчасти смешан с предвкушением. Почему-то…

Лэйла за спиной радостно что-то говорила. Кирилл не слышал. Голова закружилась, в ушах возник тонкий писк, словно комариный. Ощущение укола в шею и… Пошатнувшись, мужчина начал завалиться лицом вперёд. Почти тут же на его плечах сжались сильные руки. Некто невидимый помог усидеть на стуле, потом раздались шаги и… Свет в глазах на мгновение поблёк. Кирилл смотрел на себя самого в одежде, которая была на Адвокате.

— Т… ты… ка… как же так?!

— Заклинание двойника, — пояснил второй Кирилл, оглядывая себя. — Действует сутки. Для тебя возможны небольшие побочные эффекты в виде головокружения, сухости во рту, необъяснимого холода в теле. Волноваться на этот счёт не надо, неприятно, но всё нормально. Дальше, — Каин остановился, почесал висок, а потом поменял направление и двинулся к холодильнику со словами: — Что-то я есть хочу. И ты не сиди так, а ужинай. И Лэйла.

— Да? — улыбнулась провокационно женщина, всё так же не отходя от Кирилла, разве что больше его не удерживая.

— Поедешь завтра в Москву.

— Что за чушь ты несёшь?! Какая ещё Москва?! Ты же сам делал то заклятие! И понимаешь, что я не могу удаляться от объекта привязки больше чем на полкилометра с твоего разрешения. А без него — максимум три метра. Предлагаешь Кириллу тащить с собой телевизор?

— Действительно, — Адвокат задумался, потом немного невнятно — рот был уже занят, сообщил. — Я пофуфаю фто мофно фо фофем этим ффелать.

— Каин!

— Фа-фа?!

— Ты оживаешь.

— Дурной знак, — кивнул Адвокат, дожевав кусок сыра. — Это ну, в смысле для моей работы знак дурной, а для меня просто замечательный, означающий, что теперь у меня появился наконец-то шанс вернуться домой.

— А раньше его не было? — спросил Кирилл, проходя к плите и включая газ под сковородкой.

— Могло и не быть. На мой родной мир опустилось Чёрное затмение. Пугалка самого масштабного уровня даже для Демиургов.

— Нет. Спасибо. Дальше ничего знать я не хочу. Избавь меня

от подробностей.

Каин ехидно хмыкнул и занялся сооружением для себя огромного бутерброда, Кирилл разогревом уже готового, но остывшего ужина.

По комнатам они разошлись тихо-мирно и не говоря друг другу ни слова, а наутро…

Каин и Кирилл столкнулись в коридоре.

Кирилл сонно щурился, шёл на кухню, чтобы сварить кофе и успеть к самолёту. Ранние подъёмы никогда особо легко ему не давались, и шесть утра для мужчины было несусветной ранью. Но до аэропорта ещё надо было доехать.

Непроснувшийся разум толком не обрабатывал информацию, и поэтому, даже увидев приближение Каина, шарахнуться в сторону Кириллу и в голову не пришло. Он попросту не ждал столкновения с Каином. А вот Адвокату только того и надо было.

Не понимающая происходящего жертва не сопротивляется.

Рука Каина упёрлась в грудь Кирилла. Мужчина сдавленно охнул, ощущая, как прогибаются от давления нечеловеческой силы рёбра. Боль была отдалённой и напоминала скорее огненную вспышку ожога. Но вот последовавшее за этим ощущение выламывающихся костей было куда как более ощутимым и ошеломляющим.

— Вот и всё, — возвестил Каин, передвигая Кирилла в сторонку и прислоняя его к стене как игрушку. — Операция закончена, спасибо за терпение пациенту.

И с невозмутимой рожей двинулся по коридору обратно в комнату, оставив Кирилла гадать, что это такое было! Ведь на коже не осталось ни малейшего следа чего бы то ни было.

— Эй, Каин! Это вообще что и зачем было?! — спохватился Кирилл.

Адвокат передёрнул плечами, насмешливо махнул рукой и исчез. Вообще.

Смотрелось это в исполнении тела Кирилла и смешно, и пугающе, и отчего-то грустно.

Но раздумывать над происходящим времени не было. Надо было просыпаться и собираться в дорогу.

До Нижнего Новгорода Кирилл добрался за полчаса, оставил свой автомобиль на платной автостоянке, сел в самолёт, чтобы уже через час двадцать быть в аэропорту Москвы. Закончив с формальностями Кирилл на аэроэкспрессе добрался до вокзала, там вышел на привокзальную площадь и остановился. Шумная столица подмигивала ему с разноцветных витрин, вокруг мчались по своим делам люди. Шум машин сливался с рекламными роликами, покачивались на ветру листы на билбордах,

мельтешили плазменные экраны. Одним словом, всё как обычно.

Как делал уже десятки раз, Кирилл поменял симки в телефоне, поморщился от количества оповещающих смс и двинулся к стоянке такси. До больницы он планировал заехать ещё в несколько мест.

В частности надо было получить расчёт с работы и вернуть ключи от съёмной квартиры, тем более что свои вещи Кирилл забрал сразу же, как только узнал о случившейся в родном городе трагедии.

Остались разве что мелочи, которые уже собрала хозяйка.

Кириллу нужно было просто подняться на четвёртый этаж и забрать коробку.

Надо заметить, что благодаря работе или вопреки ей, но любую дорогу мужчина обычно переносил легко. А вот в этот раз у него возникли призрачные проблемы. Призрачные в том смысле, что их источником был призрак.

Кирилл сам получил ответ, что именно сделал Каин, всего через пару секунд после того как Адвокат смылся, чтобы не участвовать в скандале. Ибо Лэйла, оказавшаяся привязанная к Кириллу, этим фактом была очень недовольна и за дорогу она умудрилась истрепать ему все нервы.

Привидение бегало около окон. Она залетала на крыши. Она летела на крыле самолёта. На привокзальной площади наперегонки с детьми бегала за голубями. Засматривалась на окрестные дома, памятники архитектуры, вилась мухой около витрин магазинов и БОЛТАЛА.

Рот Лэйлы не закрывался ни на миг, и когда впереди уже показалась больница, Кирилл готов был просить гражданства в загробном мире, только чтобы как можно быстрее и Лэйлы там не было!

Естественно по сторонам в таком состоянии он не смотрел. Естественно он не заметил чёрный шлейф, тянущийся к нему из всех щелей и подворотен. Кирилл закрыл глаза, и тихо мечтал о том, чтобы ад этой поездки побыстрее закончился.

Воспринимать слова Лэйлы и окружающий потусторонний мир он был попросту не в состоянии. Чего очаровательная призрачная женщина, в общем-то, и добивалась.

Отпустив у больницы машину и прихватив с собой корзину фруктов, Кирилл двинулся по коридору к палате, где лежала его сестра. Лэйла, молча, хватала богам, летела вслед за ним. Причины у такого молчаливого поведения были очень просты. Во-первых, шлейфа падальщиков здесь не было, а во-вторых, это обычные люди Лэйлу не видели. А вот у больниц водились не только духи, но и голодные призраки, чьё внимание привлекать

ей было категорически запрещено.

В палате Женьки не было. Ближайшая медсестра, взглянув на Кирилла задумчиво, всё же подсказала, где ему искать сестру. И это оказалось для мужчины неожиданным ударом.

Гиперактивная Женя не представляла себе жизни без новых знакомых и интересных разговоров. Ей всегда было дело до всего нового и интересного. Она обожала разговаривать с людьми. Но сейчас она была одна. Сидела в закутке у окна, в конце коридора, глядя на далёкое небо. На коленях Женьки не было ни тетради с ручкой, ни планшета, ни телефона. Цепляясь побелевшими пальцами в подлокотники инвалидного кресла, девушка сейчас напоминала восковую мёртвую куклу.

— Женя.

Услышав родной голос брата, девушка вскинула голову, повернулась, не веря, не отдавая себе отчёта, что это действительно он настоящий, здесь, сейчас, рядом.

Переспросила изумлённо, ещё гадая настоящий или грезится:

— Кирилл?

— Привет, моя маленькая.

— Кирилл!!! — протянув к нему руки, Женька бессильно расплакалась.

Ей было больно, болели руки, очень сильно болели ноги и спина. Она не могла спать по ночам, потому что больно было от макушки и до пяток. Но ещё хуже было то, что ей было очень, очень страшно.

Что её никто не заберёт из больницы, что она больше не нужна даже единственному родному человеку на земле — брату.

Обняв девушку, Кирилл укачивал свою младшую сестру как в детстве.

Уже давно она не плакала так отчаянно.

Даже первая несчастная любовь не заставила её корёжиться от боли в захлёбывающихся рыданиях и хвататься за рубашку брата.

Успокоилась Женька хоть и нескоро, но всё же взять себя в руки смогла. Стёрла дорожки слёз, улыбнуться не смогла, но смотрела уже спокойно.

— Рассказывай, — велела она скупо. — Рассказывай всё с самого начала. Но перед этим, так я и знала, что без женщины здесь не обошлось! Представь меня что ли той, с которой ты пришёл.

Взгляд Лэйлы остекленел. Кирилл с надеждой обернулся, может в коридоре просто ещё кто-то появился? Но, увы, в этом закутке третьей была только Лэйла, которую живые не должны были увидеть, даже взгромоздись она кому на колени (а дело

такое было в такси).

— Вы чего? — испугалась Женька, мгновенно уловив повисшее в воздухе напряжение. — Что-то не так? Я должна была делать вид, что я её не вижу?

— Да нет, — призрачная женщина покачала головой и медленно, словно пойманная в фокус Женькиного фотоаппарата, воспарила к потолку. — Ты меня вообще даже увидеть не должна была! — мрачно сообщила Лэйла.

Посмотрев на это огромными глазами, в которых плескался жуткий страх, Женька обмякла в своём кресле, теряя сознание.

* * *

На встречу с «Кириллом» баньши не пришла. Каин от имени Кирилла назначивший «свидание» в кафе, напрасно просидел за столиком почти два часа. Вначале он делал скидку на неожиданность звонка, потом на то, что девушке надо время, чтобы собраться. Потом уже стало понятно, что она больше никуда не придёт.

Оставив в меню оплату за заказ, мужчина для вида набросил на плечи куртку, хотя даже находясь в копии тела Кирилла, холода или жары Адвокат не ощущал.

И стоило только ему выйти на улицу, как он тут же ощутил к себе пристальное внимание. Чужой взгляд колким прикосновением огладил виски. Кто бы ни следил за Кириллом здесь и сейчас, среди них было очень сильный ментальный маг и не один. И кому-то было очень интересно, что же в этом месте делает недавно принятый на работу сотрудник. В городе, находящемся почти за четыреста километров от его родного.

Мгновенно запахнув сознание, не хватало ещё сжечь мозги сунувшимся идиотам, Каин поправил воротник куртки и двинулся к остановке автобуса.

И уже даже не удивился тому, что наблюдатели двинулись вслед за ним.

«Ну-ну, пытайтесь, пытайтесь».

Пройдя мимо очереди ждущих автобус, Каин вошёл в остановку, прижался на миг к стенке и исчез, оставив наблюдателей с носом.

Времени у него в запасе было всего несколько минут, до того момента, как преследователи сообразят, куда же пропал «Кирилл». Ведь вполне логично предположить, что, не дождавшись леди — человек отправится её искать. А то, что Кирилла у кафе здесь ждали намеренно, было очевидно.

Невозможно в городе с населением в пару сотен тысяч человек случайно найти одного-единственного. Кто-то слышал разговор с баньши, поэтому и прибыл на это место, не сразу, людям нужно было на это время.

А вот Адвокат человеком не был, поэтому у него в запасе было несколько способов не только быстро скрыться, но и быстро переместиться в любом направлении на любое расстояние. И пока его преследователям предстояло добраться до квартиры баньши или сообщить об этом кому-то, он уже приступил к поверхностному обыску.

Первое, что бросилось Каину в глаза, была чистота. Совершенно ненормальная, потому что квартира была выдраена до блеска. Нигде, ни в одном месте не было ни следа. Что-то пытались скрыть?

В кухне был стол, накрытый стол на одного человека. Романтическое настроение?

Бокал на хрустальной ножке был опрокинут, залив скатерть вином, давно погасли свечи, оплыв некрасивыми потёками.

В чистой ванной пахло розмарином и шоколадом. На полу лежал белоснежный кружевной пеньюар.

Сама Оля нашлась в спальне.

В тонкой сорочке с умиротворённым выражением лица.

Посинели кончики пальцев, посинели губы, залегли чёрные тени под глазами.

Протянув руку над телом, Каин воззвал к душе баньши, но она не отозвалась. Яркий росчерк света скользнул по комнате, метнулся от одной стены до другой и застыл над столом.

Бросив взгляд вокруг, Адвокат подошёл туда, не касаясь, перевернул лист бумаги, нежно-розовый, с бабочками и в пятнах крови.

Почерк был мягким, ровным, но между строками был широкий интервал, каждая строка была опущена вниз.

«Простите. Я слишком его люблю.

Я не могу жить без него!

Я знаю, что он больше не вернётся. Никогда. Ни ко мне, ни к кому-то другому. Поэтому я ухожу за ним».

Самоубийство? Нет. Убийство.

Пройдя по комнате ещё раз, Каин вызвал из небытия своего ворона и отправил его к Кириллу, сам переместился на Литейную.

Там его никто, конечно, не ждал, да и со дня на день должно было начаться строительство, которое очень быстро назовут проклятым и остановят его. Какой идиот строит у врат мира мёртвых? Только люди.

Но всё же даже Адвокату нужно было место, где можно посидеть в одиночестве, в стороне от шумных людей и подумать.

Баньши убили, причём убивал её маг, знающий о такой ветви силы как некромантия и позаботившийся о том, чтобы призвать душу в мир живых было невозможно.

Созданная картинка была достаточной для человеческих свидетелей, чтобы вынести решение о самоубийстве.

Служба магической безопасности после таких «ремарок» никогда не вмешивалась, поэтому искать убийцу никто не станет.

Настораживало Каина то, что случилось это убийство сразу же после того, как Кирилл занялся вопросом баньши. Или, если перевернуть ситуацию другим боком, сразу же после того, как ему в руки попало досье Велислава.

Чего боятся в СМР? Почему? Кирилл влез во что-то опасное? Или просто это нагромождение случайностей?

Сделав мысленную заметку проследить за тем, кто найдёт труп баньши, Каин занялся сбором силы с пустыря. Лэйле надо было дать больше власти над реальным миром, потому что следующий жертвой, как закономерно полагал Адвокат, мог стать уже сам Кирилл.

Глава 15. Снятая печать

Тайна, секрет, загадка, мистерия, необъяснимое, что-то непознаваемое: боги, домовые духи, воплощённые стихии, НЛО, параллельные миры, провалы во времени, нечисть, нежить, ангелы, демоны, привидения, призраки, полтергейсты, одержимые, бесы…

Чтобы разнообразить свою серую скучную жизнь, люди создали для себя тайный мир. Мир непознаваемых загадок, мир изумительных открытий, и сами отказались в него верить. Это так по-человечески. Придумать себе воображаемого друга, найти для себя потайной мир и нарисовать на стене дверь, чтобы туда попасть, не ходить, а летать — и в это потом перестать верить.

В человеческой жизни от веры зависит очень многое. Она мерило того тайного, что присутствует в жизни людей. И при этом своеобразный маячок отклонений.

И звучит в человеческой жизни, что каждому воздастся по мере веры его. Каждому, кто уверует, тайный мир распахнёт свои двери.

Так ли это нужно людям? Вопрос спорный.

Не раз бывало такое, что люди просили о мистическом явлении в своей жизни, а потом, получив желаемое, сходили с ума.

Знакомо? Безусловно, многим, кому-то на своём опыте, кому-то на опыте знакомых. Кто-то в детстве вызывал гномиков, конфетного короля, пиковую даму, кто-то уже во взрослом опыте призывал на помощь духов и играл в медиума, кто-то действительно повстречался с чем-то необъяснимым, и после этого его жизнь уже больше никогда не была прежней.

Люди невежественны. Они создали мир, населили его и бросили.

Но теперь… тайный мир существует и без веры людей. Скорее, это ему уже не нужны люди, они для него — лишние, ненужные, помехи!

Лишь вначале, на заре веков, зарождающему тайному нужна была помощь шаманов. Но шли дни, и тайный мир окреп. Получил своих жителей, у которых не было своего дома, получил границы и окончательно перестал зависеть от людей.

Конечно, вера человеческая по-прежнему была ключом, позволяющим открыть эти границы и шагнуть в них. Но после того, как тайный мир перестал существовать только в душах и подсознаниях людей, появился ещё один способ увидеть этот тайный мир — нужно было очень тесно соприкоснуться с его

обитателями. Так или иначе.

Выпрямившись от кровати, куда Кирилл переложил Женьку, Лэйла покачала головой:

— Всё, что я могу сказать, так это то, что она столкнулась с кем-то из потустороннего мира. Я бы даже сказала, что сама Смерть прошла рядом, но после такого не выживают. Невозможно, чтобы живой человек увидел нашу очаровательную уставшую леди и остался после этого в царстве живых. Это просто… нонсенс! Это бред!

— Лэйла, но я же её видел. Лично видел это твою уставшую леди собственными глазами, и как видишь — вполне себе жив.

— Ты другое. Нет правил без исключений, и ты относишься к одному из исключений. Когда ты призвал Адвоката, ты вошёл в границы тайного мира, да так и застрял между. Ты до сих пор стоишь на границе между стороной живых и стороной мёртвых. А вот твоя сестра другое дело. Ну, не могла она, не должна была меня увидеть. Это правило! Но тут… я просто теряюсь в догадках. Каину бы её показать, он понимает в этих делах куда лучше, но он сейчас занят. И…

— Кто-то меня звал? — в воздухе пахнуло кофе, запахом ванили и свежих булочек. На границе взгляда мелькнули перья. Чёрные, крупные, они падали из ниоткуда в никуда, не оставляя после себя даже следа. Мгновенье затишья, когда Кирилл не мог отвести от них взгляда, и всё пропало. Только на подоконнике появился тот, о ком шла речь — Каин собственной персоной.

Очень, очень, очень злой Каин, выглядящий так, словно готов кого-нибудь отправить в своё царство без суда и следствия.

— Каин! — обрадовалась Лэйла. — Как ты вовремя! У нас тут… большая проблема!

— У меня там, — передразнил её Адвокат, — тоже. Так что давай без патетики сразу к конкретике.

Говорить в таком тоне с Лэйлой не стоило. Привидение тут же обиделась и естественно замолчала. Объяснять, что случилось, пришлось Кириллу.

Интересно Каину стало сразу, а вот тревожно сразу же после диагностики до сих пор не пришедшей в себя Женьки. Чтобы пациентка не открыла глаза не вовремя, Каин первым делом перевёл её бессознательное состояние в крепкий сон.

Тонкие фиолетовые линии плясали над телом девушки, касались её рук, головы лёгкими мазками. Сворачивались то в изломанные гистограммы, то в мотающиеся из стороны в сторону вихри, то в какие-то значки.

И всё это Каин читал как в открытой книге привычные для взгляда буквы.

— Множественные следы застарелых ран. Сломанное ребро, вывих плеча, вывих левой ноги, почти тут же вывих правой. Через полгода трещина, и опять нога? Снова ребро. Потом серьёзная болезнь лёгких. Бедовая у тебя сестрёнка была первое время! Потом остепенилась. Всего лишь лёгкий ушиб колена, неудачное падание? И эта авария… страшная авария… — Каин замолчал, потом покачал головой. — Следов, которой я здесь вообще не вижу. Лэйла.

— Да?

— Иди за документами. Нам надо знать, что записано в её карточке. С чем именно она поступила в больницу.

— Ты думаешь?!

— Я полагаю, что мы можем это очень быстро выяснить. Как только ты принесёшь нам её больничные записи.

— Я поняла! — Лэйла метнулась к дверям и застыла, услышав тихое, ей в спину:

— Будь осторожна.

— Есть повод так говорить? — спросил Кирилл, когда призрачная женщина, так и не повернувшись, исчезла в стене.

Каин скупо пожал плечами.

— Я хотел бы сказать, что нет. Но это место мне не нравится.

— Ну, хоть я не одинока в своих ощущениях, — пробормотала Лэйла, выплывая в коридор целиком. Возможность немного погреть уши была не самой безопасной с учётом того, что Адвокат очень не любил, когда при выполнении его заданий кто-то задерживался.

Тихо кружился сумеречный снег, стены были покрашены тёплой оранжевой краской. Кое-где у кабинетов стояли низенькие мягкие банкетки.

На стенах помимо информационных стендов были ещё и горшки с цветами.

Лэйла узнала горную фиалку, берёзку, что-то ещё из вьюнковых, вроде бы даже комнатные ландыши и… Лэйла не поверила своим глазами — «фиделис». Цветок, который мог отгонять призраков и приведений. Правда, работал он исключительно по ночам. Днём людей защищала или их вера, или неверие. Тяжёлых больных, которые были без сознания, не защищало ничего.

Стало неуютно. Дурные мысли навалились, дружески обняли за плечи, нашёптывая на ухо, что однажды для привидений тоже всё заканчивается. Некоторые люди умирают здесь, в окружении родных и близких, а если умирает привидение, то рядом никого никогда не будет.

Никогда!

Серый снег в коридор, не ощутимый, неуловимый для живых усилился, перешёл в позёмку, а там и в метель. Лэйла не успела опомниться, не успела взять себя в руки, как эта снежная пелена окрутила её со всех сторон, ударила в спину, уронила на колени, а потом и подхватила, поволокла за собой. И как привидение не сопротивлялось, сила этой метели была намного, намного больше.

Приземление где-то «там» вышло болезненным. По глазам стегнул порыв ветра. На инстинктах, которые вроде бы уже должны были быть и подзабыты, женщина рванулась в сторону, прикрывая лицо. А когда снег стих, и вернулось зрение, Лэйла смогла понять, почему не смогла справиться с сумеречным снегом. Метель была не естественной, она была результатом коллективного труда.

Освещение было плохим, но когда это мешало привидениям?! И Лэйла оглядывалась по сторонам, понимая неожиданно отчётливо, что впервые за последние, наверное, лет сто, попала в настоящую беду.

Коридор, в котором она очутилась, был грязным. Серо-зелёные стены были покрыты копотью и кровью. Кровь была на потолке, как?! Кровавые лужи и разводы были на полу, вперемешку с грязными отпечатками солдатских сапог.

Пахло гарью и кислым порохом.

Воздух ещё стонал отзвуком человеческой боли.

Правое окно, которое хорошо было видно Лэйле, покрылось сеточкой мелких трещин. Соседнее окно было заклеено крест-накрест.

Война.

Вокруг было не прошлое, но его кусочек.

Тот бесчисленно малый промежуток времени, когда умерли три солдата.

Это место ещё хранило их крик о помощи, их боль и отчаяние, они даже не осознали, что умерли.

А тяга к жизни, тяга отомстить врагам, выдворить их прочь! Выгнать с родной земли была столь сильна, что люди не смогли пересечь границу окончательной смерти. Все трое остались в тайном мире рядом с миром живых — привидениями.

Мужчины были в форме. У одного кровь так навеки и осталась на животе. Второй умер от попадания в голову осколка. Третий на вид был не ранен, но со спины стало видно и причина его смерти.

Это трио двигалось вокруг Лэйлы, сжимая круг.

— Кто б мог подумать, — заговорил один хрипло, — в нашей больнице и вдруг такая красотка! Малышка, потерялась?

Заблудилась? Недавно умерла? Или сама пришла кого-то навестить здесь?

— Сопровождаю хозяина, — ответила Лэйла, чуть отступая к стене и стараясь не выпускать всю тройку из вида.

Она была слишком давно в призрачной форме, чтобы не знать, что это всё такое значит. Чтобы остаться в мире живых в иной форме — было два варианта. Или человек, умерев, не успев осознать, что умер, мчался делать свои дела дальше. Или человека поднимал некромант. Ну или кто-то с силой, как у Каина.

Во втором случае, такой хозяин снабжал привидение необходимой силой. А вот в первом случае, всё было немного сложнее. Привидение оставалось в мире живых до тех пор, пока хотело жить, даже после того, как понимало, что уже всё, человек умер, есть только нечто, что не видят живые, что они не хотят видеть!

Когда у привидения пропадала воля к жизни, а чаще всего это наступало в тот самый момент, когда происходило осознание момента смерти, его силы начинали таять. Кто-то в эти моменты смирялся и готовился к переходу в другой мир, а кто-то не желал покидать мир живых. И сопротивлялся этому до последнего. Чтобы получить нужную энергию, привидения могли поселиться в больницах, и добирать нужное у больных. Но был и ещё один вариант.

Чтобы остановить неизбежный распад, привидения могли поглощать призраков и других себе подобных привидений. В этом случае запаса силы хватало надолго.

— Значит ты человеческая подстилка! — обрадовались призрачные гиены, учуяв возможность поживы. — Зря ты сюда пришла, очень зря. Обратно ты уже не вернёшься, и сейчас мы тобой попируем! С таким аппетитным телом тебя надолго хватит!

— Нет, ты о чём? Женщина же! А мы так давно не вкушали женского тела. Вначале мы с ней позабавимся. А когда она будет умолять нас убить её, мы выполним её последнюю просьбу!

Лэйла попятилась ещё немного, нашарила рукой шов между двумя стыками коридоров, попыталась вернуться обратно, на границу живого мира и… у неё ничего не получилось.

Из трёх лужёных глоток донёсся издевательский смех.

— Думала сбежать?

— Думала получится?

— Глупая курица!

— Ты сама не сможешь пройти в то пространство живых, а никто никогда не сможет войти сюда. Даже если твой хозяин забеспокоится, куда делась его подстилка!

Если бы у Лэйлы была хоть часть её сил, она бы справилась с этой тройкой без особого труда. Хоть по одному, хоть со всеми разом.

Но Адвокат запечатал её силы ещё тогда, в дни горящих костров инквизиции, как только она, не понимая с кем связалась, попробовала помешать его делам. Даже не ему самому, а просто одному из тех мёртвых, что был выдернут из посмертия обратно в мир живых.

Если бы она провалилась, Каин и внимания на неё бы не обратил.

Но Лэйла, к огорчению своему, была в тот момент очень успешна. Можно даже сказать — излишне удачлива и сильна. Она, призрачная ведьма, могла сделать куда большее, чем просто уничтожить привязки мёртвого тела к мёртвой душе. Тогда ей было очень интересно, что будет.

Потом интересно не было.

Только очень хотелось плакать и попросить прощения. Но Адвокат никогда и никого не прощал. И теперь Лэйле предстояло отвечать за свои грехи. Причём, до смерти ей предстояли ещё и мучения.

— Умереть от рук других привидений, какая ирония… — пробормотала женщина, прижимаясь спиной к стене. Отступать дальше было некуда.

Кажется, именно в тот момент, когда она смирилась с тем, что сейчас умрёт, что-то изменилось. Воздух очистился, перестал пахнуть гарью, вместо этого появилась нотка свежести и… корицы? Звякнули бубенчики, а вслед за ними зазвучал мужской недовольный голос:

— Лэйла. Я разве посылал тебя за смертью?

Привидения Солдатов были быстры, серая позёмка взвихрилась в воздухе и с жалобным «крак» разбилась лампочка под потолком, до этого мигающая натужным светом.

Сумеречный снег стих.

Рядом с Лэйлой стоял Каин. Стоял спиной к трём привидениям, разглядывая свою не то подопечную, не то заключённую.

— Ну, рано или поздно это должно было случиться, да и вновь запечатать тебя я успею. А так больше шансов, что ты сможешь защитить этого человека…

— Каин? — голос женщины дрогнул. О чём говорит это страшное порождение бездны? На что он намекает?!

Адвокат, ничего не говоря и не отвечая, просто погрузил руку по локоть в тело Лэйлы.

Если бы привидения могли испытывать боль, то, наверное,

это было бы больно. Но всё, что Лэйла испытывала сейчас — было недоумение. Искреннее, незамутнённое, переливающееся через край её души.

А потом всё пропало.

Всё, вообще. И Каин в том числе.

Лэйла осталась одна всё с том же коридоре. За окнами выли самолёты, слышны были разрывы бомб. Над всем этим звучала тревожная сирена.

И три привидения, голодно глядели на свою жертву, от которой, по их мнению, только что отказался хозяин.

А Лэйла, подняв руки к груди, с ужасом поняла, что печати, которая сдерживала её силы, больше нет.

— Господи, — вывели женские губы, — Каин, что же ты наделал?!

…Сидя в палате с Женькой, Каин листал её личное дело, Лэйла сидела на шкафу и опять обижалась. Причин для этого Кирилл не видел, но спрашивать не стал. Во избежание, так сказать. Привидение, ведущее себя то как девочка-подросток, то как кокетка и роковая соблазнительница, его нервировала. Особенно, после сегодняшнего выступления, повторения которого мужчина совершенно не желал. Безопаснее было молчать, что он собственно говоря и делал.

— Так и думал, — пробормотал Каин, закрывая документы. — Когда Женя поступила в больницу, на поверхность были вытащены её застарелые раны. Те самые переломы, ушибы, вывихи. Плюс кожа была иссечена осколками, всё тело стало одним большим ушибом. Добавим сюда шок. Естественно, врачи были уверены, что всё плохо. Но на самом деле, с телом Жени всё в порядке. А вот с её психикой нам придётся разбираться. Забираем, — подытожил Адвокат.

— Что? — озадачился Кирилл.

— Мы забираем твою сестру домой. Здесь ей не помогут, а вот навредить смогут без особого труда. Не намеренно, конечно, просто с таким явлением люди не сталкивались. Это прерогатива тайного мира.

— Смеёшься что ли?

— Я абсолютно серьёзен, человек.

— Не похоже. Как мы заберём её из больницы?! — продолжал недоумевать мужчина.

— Просто. Устроим явление двух врачей из частной клиники. Будешь старшим. Иностранный язык знаешь?

— Английский, французский в совершенстве, немного говорю по-немецки.

— Отлично. Говорить будешь строго на французском. Остальное возьму на себя я. Лэйла, охраняй… Нет. На девушку я поставлю свою защиту. Да и в ближайшие месяцы на территории больницы никто из призрачной братии явиться не посмеет. Мы сделаем по-другому, найди чёрного извозчика. Карета скорой помощи должна стоять у входа через десять минут. Даю тебе своё разрешение на удаление от объекта привязки.

Привидение послушно кивнула и пропала.

— Быстро она, — пробормотал Кирилл.

— Даже чересчур, — согласился с ним Каин. — Так. А, ещё, пока не ушли. Кирилл, у тебя телефон уже минуты три надрывается. Ты кому-то очень нужен.

— Он не может надрываться, я его выключил! В конце концов, мы в больнице!

— Ничего-ничего, — хмыкнул Адвокат. — Ты ответь. Никому здесь и сейчас твой телефон не навредит однозначно.

— Хорошо… — не понимая, что происходит, мужчина вытащил телефон из кармана брюк. Звонка не была, экран был чёрным. Но Каин продолжал выжидать смотреть, и всё что осталось Кириллу — это нажать на кнопку «принять вызов». Поднеся телефон к уху, он мрачно сказал:

— Кирилл слушает.

Сквозь щелчки и помехи донёсся чей-то командный голос, и связь выстроилась просто великолепная.

— Ну, наконец-то, Кирилл!

— Князь? — искренне изумился мужчина, опознав собеседника по гулкому басу.

— Я. Думал застать тебя дома, а ты уже куда-то делся.

— Да меня дома и не было, — растерялся Кирилл. — Я на первом же самолёте улетел в Москву. Не знаю, в курсе ли вы, но у меня сестра в аварию попала. Врачи сказали, что выжила она чудом. И пару дней назад для реабилитации её перевели в Москву. Вот, пока выходной, я решил доехать до неё, узнать как её состояние.

— То есть, как это первым самолётом в Москву?!

— Ну, чтобы быть здесь к началу приёмных часов, в девять я уже был в Москве. А в одиннадцать — в больнице.

— В девять в Москве?!

— Ну, да.

— Не может быть… — вырвалось у озадаченного Олега, а потом он спохватился. — Извини, видимо обознался… А… Ты дома когда будешь?

— Часов через десять, полагаю. Отсюда я на машине возвращаться планировал. Нужен раньше?

— Н… Нет. Сегодня нет. А вот завтра было бы желательно, чтобы ты принял участие в выборе особняка для проведения мероприятия. Много времени это не займёт, пару часов уделить сможешь?

— Конечно.

— Тогда подходи к агентству к десяти.

— Как скажете, Князь.

— Ну… до завтра, Кирилл…

Подождав гудков, Кирилл положил телефон в карман, воззрился на довольного Каина.

— Ну, и? Что всё это значит?

— Поговорили?

— Да.

— Тогда остальное объясню позже. И удивление твоего начальства. И что случилось. А пока… Да, пока не забыл. Олю убили. А за «тобой» следили. Так что, оглядывайся по сторонам, следующим на очереди можешь быть ты, если мы растревожили осиное гнездо.

Пугаться Кирилл не стал, кивнул, принимая к сведению.

— А теперь тогда начнём наш небольшой спектакль, — потёр руки Адвокат.

— Parlez-vous francais? — взглянул на него мужчина краем глаза.

— Я говорю на всех языках мира, — тут же отозвался Каин.

Кирилл совсем не вежливо присвистнул и первым двинулся по коридору, даже не догадываясь, что с каждым шагом его фигура усыхает, сжимается, клонясь к земле. От палаты отошёл статный мужчина, а к кабинету главврача подошёл уже сухонький старичок в белом накрахмаленном халате. Рядом с ним шла очаровательная шатенка с голубыми глазами, в деловом костюме и портфелем.

Звякнули серёжки-бубенчики в её ушах, когда она открыла дверь перед своим старшим коллегой.

Главврач даже не успел опомниться, как на него насели в два голоса. Французская речь лилась легко и плавно. Шатенка, переводчик на русский язык, была убедительна.

И через полчаса Женьку под капельницей уже спустили вниз, в ожидающую её карету скорой помощи.

Взревел мотор, и машина осторожно выехала со двора.

За ней никто не следил, поэтому никто и не узнал, что карета скорой помощи, заехав в один из тупичков старого района Москвы, вокруг которого стояли заколоченные дома, пропала в никуда…

* * *

Олег откинулся на своём княжеском «троне» с тоской глядя в сторону. На краю его огромного стола сидела Сумирэ.

Сбоку на стуле Артур, рядом с ним сонная Хельга. Уснувшую задолго после рассвета буквоежку подняли срочным звонком и в принудительно-добровольном порядке обязали прибыть в офис.

На повестке дня был срочный вопрос: «Кто такой Кирилл»?

— Он стопроцентный человек, — уже в десятый раз повторила Хельга, желающего только одного, чтобы её оставили в покое и дали возможность вернуться домой досыпать. — Ну, на него даже мой хрустальный шар не отреагировал! Не знаю, как объяснить всё случившееся и тем более, даже отдалённо не знаю, почему он так спокойно воспринял нас всех, но он, ещё раз повторяю! Человек.

— Подтверждаю, — кивнул Артур. — И первое, и второе. Когда мы познакомились, я его немного просканировал, и он вне всяких сомнений — человек. Так же, князь, он сказал правду. Его показания подтверждаются. Утром наш вампир на машине доехал до аэропорта и улетел в Москву, уже в одиннадцать часов он был в больнице. Он сказал правду про сестру, разве что не добавил, что та чудовищная авария была не случайной, и в ней погибли ещё и их родители. Девушку зовут Евгения, она фотограф местной центральной газеты. Отличный, между прочим, фотограф. Нам бы такого! А то как фотографии проявим, хоть за голову хватайся. Отвлёкся, простите.

Так вот, согласно последнему отчёту врачей, улучшений в состоянии Евгении не наблюдается. Девушка передвигается на инвалидной коляске. Полчаса назад по распоряжению ближайшего родственника Женю забрали в частную клинику. Что касается самого Кирилла, он после университета отработал год по специальности — историком в местном маленьком музее. Располагается в центре его городка. Потом правительство перестало выделять дотации, и музей сократил двух работников. Кирилл был одним из них.

Но в городке после этого он не остался. Прихватив диплом, переехал в Москву и на волне моды открыл собственное маленькое агентство по составлению родословных. После пары лёгких заданий, Кирилл получил заказ от Марии Гольской. Через полгода, Мария узнала о том, что у неё есть богатая тётка во Франции, и уехала к ней. Кирилл получил гонорар и известность в определённых кругах. После этого от клиентов у него не было отбоя, и он то и дело срывается из Москвы.

Он проехал всю Францию, Германию, Великобританию,

Австрию. Был не раз в Испании и Италии, Португалии, Америке. Дважды вылетал в Африку и в Австралию. До того как с его семьёй случилась эта трагедия, он работал на какую-то иностранку, она хотела найти родственников в России, пропавших во время второй мировой войны. Сегодня он ликвидировал офис и своё предпринимательство, подал всюду соответствующие объявления. Ответил на телефонные звонки, сдал квартиру хозяйке и отправил последний багаж транспортной компанией. Одним словом, — подытожил Артур, — выглядит всё так, словно в Москву возвращаться он не собирается.

— Хорошо, будет легче его проверить. В квартире Ольги кордон не снимать. Пусть ждут гостя. Любого гостя. И подключите службу СМР, мы должны знать, кто её убил. Это раз. Второе, Хельга, судя по всему, ты Кириллу понравилась, и твоя задача — втереться к нему в доверие. Узнай всё, что сможешь. Артур, кто такой Велислав, из-за которого Кирилл начал опрашивать Ольгу, и где этот тип сейчас? Сумирэ, твоя задача — проверить парня. Может, он действительно маг и втёрся к нам в доверие с какой-то целью.

— Князь, — Хельга посмотрела на главу агентства. — Вы сейчас сломаете свою любимую ручку.

— Вот дерьмо! — отшвырнув в сторону ни в чём не повинный канцелярский предмет, Олег грозно поднялся с места, шагнул нервно к окну. — Не верю! Не верю я в то, что так ошибся в человеке!

За его спиной раздался тонкий вскрик Хельги, ахнула Сумирэ. Когда Олег повернулся, на столе сидел крупный чёрный ворон. Дождавшись, когда внимание князя обратится на него, ворон хлопнул крыльями и уронил на стол чёрную визитку с фиолетовыми буквами. Звякнули бубенчики, ворон пропал.

На обратной стороне визитки Адвоката мёртвых было всего три слова: «Это мой человек».

Глава 16. Нет тела — нет дела

Люди удивительные создания. Они искусны в миллионах, миллиардах вещах. Они рисуют удивительные картины, создают восхитительную музыку, готовят упоительно вкусные блюда, выводят новые виды растений и животных, преодолевают себя, собственные тела. Люди лечат тех, кто нуждаются в помощи: не только тело, но и душу. Впрочем, честным будет упомянуть и то, что с таким же успехом люди калечат себе подобных.

Вне всяких сомнений, есть то, в чем искусен человек. Кто-то может за ночь приготовить трёхэтажный торт, кто-то выткет покрывало, которым не побрезгует самый привередливый человек в мире. Кому-то под силу за ночь написать программу, а кто-то прочитает пять-шесть книг и запомнит каждое слово. И это тоже на свой лад талант.

Но есть одно, в чём талантлив каждый человек на земле — это ложь. Люди лгут виртуозно: одним фактом своего существования, своими словами, движениями тела, рук, ног, головы. Люди лгут в глаза, за глаза, они смеются и придумывают себе оправдания. Сколько всего сказано про ложь и древними, и классиками? Много, очень много, но количество лжи от этого не уменьшается.

Люди лгут другим и называют это «маленькая невинная ложь». Как может быть ложь быть невинной?! И тем более, маленькой? Безусловно, как-то может, но вот хорошо ли это? Впрочем, вопросы морали каждый решает сам для себя.

Но есть ещё одна категория лжи, которая куда более интересная, не только для окружающих, но ещё и для врачей, для психиатров, например, или психологов. Когда человек лжёт себе самому. Об этой лжи окружающие могут даже не догадываться, да и сама ложь может быть очень маленькой, почти незаметной. Кто-то просто придумает себе историю, девушки любят придумывать себе парней, а парни — девушек.

Идеальный мир, несуществующие друзья, поездки, книги, фильмы… Ложь себе — виртуозна, но иногда она защищает человеческую психику. Надо ли это как-то решать? Надо ли разрушать человеческую уверенность в этой лжи? Зависит от ситуации, но очень редко ложь идёт во благо человека…

— Проснулась? — первое, что услышала Женя, когда поняла, что мир вокруг остановился и больше не качается, был мужской голос, лишенный каких-либо эмоций. Так мог бы звучать голос робота, сухо, плоско.

Глаза открываться не хотели, но когда это желания

собственного организма её останавливали?

Мир вокруг был тёмным, и девушке пришлось несколько минут слепо таращиться в эту темноту, показавшуюся на мгновение недружелюбной, чтоб осознать, что вокруг совсем не больничная палата, а знакомые с детства очертания родительской квартиры.

— Где я?

— Дома, — отозвался всё тот же голос. — Привыкла? Я немного открою шторы.

Женя кивнула, но её ответ здесь и сейчас, кажется, был мало кому интересен. Сквозь раскрытые шторы в комнату пали лучи света, не яркого — за окном было пасмурно. И судя по тому, как ныло ушибленное в детстве колено, будет дождь.

— Кирилл дома?

— Нет, человек ушёл. На работу. Вертелся вокруг тебя, переживал, но, в конце концов, мне удалось его отправить. Зонтик он взял, — в голосе незнакомца звякнули льдинки смеха.

— Вы знаете, что будет дождь?

— Я знаю намного больше, чем просто прогноз погоды.

Глаза снова привыкли к смене освещения, и Женька с жадным интересом начала рассматривать обладателя голоса. По виду — молод, лет двадцать, двадцать два, не больше. Но судя по глазам… Такие глаза могли бы принадлежать сфинксу. Журналист внутри взвыл, делая стойку, но щёлкнув внутреннему голосу по носу, девушка напомнила себе, что она больше не журналист. Поэтому нечего тут думать о глупостях.

Белый свитер, чёрные джинсы на бёдрах — вполне молодёжный вид. Косая ассиметричная чёлка, удивительные глаза с яркой радужкой и… очумительный маникюр. Длинные ногти (как у девушки, даже длиннее!) были покрашены в чёрный цвет, и каждый оканчивался маленьким бубенчиком.

— Вы кто? — спросила Женя тихо. Тыкать вот этому человеку ей не хотелось совершенно.

— Можешь называть меня Адвокат. Или как твой брат — Каин. И я не человек.

Впадать в истерику девушка не стала, покачала головой.

— Так не бывает. В мире есть только люди. Даже зелёные человечки, эти инопланетные гости — чушь и журналистские байки.

— О, да, ваша братия — весьма неприятная для знакомства категория. Итак, Женя, отложим философию. Чем быстрее ты поймёшь не головой, а сердцем, — длинный коготь коснулся до девичьего лба, тихо звякнули бубенчики. — Что я не человек, тем легче нам с тобой будет говорить.

— Говорить? О чём?

— О твоём здоровье и о твоём брате. Я бы предпочёл обратный порядок, но не получится.

— А что не так с моим здоровьем? — нахмурилась Женя, только сейчас осознав, что боли — не было. Всё было на месте, тело ныло, остатки синяков мешали нормально лежать, но при этом та выламывающая боль, которая её мучила, пропала. Совершенно! В никуда. Как же так?

— С ним всё так. С тобой не так. Но давай разбираться по порядку, чтобы к тому моменту, как твой брат вернётся домой, каждый из нас получил то, что нужно. Ты — обратно встала на ноги, ну а я получил ту информацию, которая меня интересует.

— Информация… о Кирилле?

— Да.

— Зачем?

— Нужно.

Женя задумалась, изучая Адвоката. Что-то в нём… было такое, что заставляло её верить ему на слово о его нечеловеческой природе. Что-то… едва уловимое, какой-то запах нечеловеческого мира, который ей был знаком.

— Ты пахнешь.

— Что? — изумился Каин.

— Ты пахнешь знакомо. Кирилл также пах, когда… когда потерял память.

— Кирилл терял память?! — вот теперь изумление было не лёгким, едва уловимым, а в голосе Адвоката было что-то более весомое и даже отчасти… злое?

— Да. На пятом курсе, — Женя села на кровати, даже не отметила это, привычно поправила под спиной подушку и взглянула на собеседника. — На пятом курсе была вся эта заварушка с его девушкой, которую он любил, её мужем будущим и ещё одним парнем. Славой. Тип мерзкий до безобразия, он, когда к нам пару раз приходил, я из кожи вон лезла, чтобы ему на глаза не попасться. Маме он тоже очень не нравился, но в нашей семье не принято запрещать кому-либо что-то делать или с кем-то видеться.

— Ты про то, что ходили слухи? А Кирилл с друзьями искали, кто их распускает?

— Да. Тогда Кирилл узнал лишнее, и Славка подстроил его падение.

— Так. Это слышал. Но про потерю памяти человек не сказал ни слова.

— Из памяти у него выпали те дни, что он провёл там, внизу, в катакомбах. Но более того, было кое-что ещё. Он забыл детство.

Не всё. Но… — Женя помялась. — Несколько дней, определённых дней у него из памяти исчезли.

— Что за дни?

— Я не знаю точно. Я могу судить только по одному дню. Это было день рождение мамы, Кирилл с утра исчез, а вернулся с огромным букетом белых тюльпанов, которые нигде рядом у нас не растут. Сказал, что нашёл их в лесу. Но рядом, в ближайшем окружении — нет никакого леса, вообще. На все вопросы Кирилл отказался отвечать, просто улыбался. После этого он слёг с высокой температурой. Во сне он кого-то звал, говорил, что ему обязательно надо с кем-то встретиться. Таблетки не помогали. Мы не знали, что делать. А потом… — Женя замолчала. О том дне говорить было трудно. Потому что несколько раз казалось, что брат умрёт, что… ничего не поможет. — Мы вызвали скорую, но в те дни была эпидемия. Кириллу вкололи что-то жаропонижающее и оставили дома. Укол не помог. Он начал бредить. Мы уже не знали, что делать, мама плакала на кухне, папа пытался её успокоить, я сидела в своей комнате. За окном началась гроза. Ветер становился всё сильнее и сильнее, а потом в какой-то момент молния попала в берёзу, растущую у нас под окнами. Огромное дерево мгновенно и беззвучно завалилось и прямо на наши окна. Разбились стекла, мы бегали около окон, пытаясь их прикрыть, а в соседней комнате, там, где был Кирилл, что-то случилось. Когда мы прибежали в ту комнату, мы нашли лёд. Если ты мне не поверишь, то… я даже не удивлюсь. Мы никому никогда об этом не рассказывали. Кто бы нам поверил…

— Не отвлекайся, — сухо велел Каин.

Женя послушно кивнула, сделала глубокий вдох и продолжила:

— Лёд был везде, на окнах, на стенах, зеркале, на шкафу, потолке, полу… Ощущение складывалось такое, словно на одно мгновение комната была покрыта водой, а потом вода отхлынула, но на границах замёрзла. Это было страшно…

— Что с Кириллом было?

— Температура упала. Через два дня он уже здоровый бегал по двору с другими ребятами. Об этом случае он ничего не помнит.

— Таааак, — Каин поднялся со стула, начал расхаживать по комнате. Значит, он не помнит что-то о своём детстве.

— Да.

— Ещё? Странности в его поведении? Возможно, какие-то сны, видения?

— Кирилл никогда этого не рассказывал, — отрицательно покачала головой Женя. — Он всегда был достаточно скрытным

ребёнком. Это я всегда и обо всём рассказывала родителям, в особенности папе. А вот Кир — нет. Так что, даже если что-то и было, это знает только он.

— Понятнее не стало, — вздохнул Каин. — А я надеялся с твоей помощью понять, почему человек увидел меня. Хотя согласно всем правилам, этого он не должен был видеть… А он увидел. Точнее то, вначале он увидел душу маленькой девочки, а уже потом пришёл ко мне, но всё равно, это ненормально. Совершенно. Так… Значит, без визита в те катакомбы, после которых он потерял свою память, обойтись не получится. Тогда давай займёмся тобой.

— А что мной заниматься? — испугалась Женя.

— Вот сейчас встанешь, и заниматься тобой не надо будет, — хмыкнул Каин, поднимая девушку на руки как пушинку и двинувшись с ней в соседнюю комнату, где было больше всего места.

— Самое главное, не бойся. Если будешь падать, я тебя поддержу, но болезни никакой нет. Всё что с тобой случилось, сидит у тебя только в голове занозой. На самом деле в той аварии ты совсем не пострадала, кто-то тебя защитил.

— Защитил меня? — удивилась Женя.

Каин кивнул, ставя девушку на ковёр и отходя сторону.

— Да. Кто-то из призрачного мира. Именно поэтому ты увидела Лэйлу, хотя и не должна была.

— Она…

— Привидение. Такое часто встречается в вашем мире, только привидений обычные люди не видят.

— А я увидела.

— Да, — кивнул Каин, садясь в кресло и наблюдая за Женей. Девушка осторожно оглядывалась по сторонам, неуверенно чувствуя себя на своих ногах. Сделала шаг в одну сторону, в другую и засмеялась.

Адвокат одобрительно кивнул. Его магия была почти незаметна, и его вмешательство в психику девушки не должно было потом ей аукнуться, но в любом случае жизнь обычного человека была ей теперь закрыта. Но…

И что-то подсказало Каину, что она от этого совсем не расстроится…

* * *

Кирилл двигался к офису СМР размашистым шагом. Лэйла в чёрном деловом костюме и солнечных очках двигалась вслед за

ним, мурлыкая себе под нос что-то из попсовых мотивов не то восьмидесятых, не то девяностых годов. Выглядела женщина не только спокойно, но и была при этом доброжелательно-молчалива. С вопросами не лезла и молчала, что позволило Кириллу сделать вывод, что вчерашняя московская болтовня была не более чем средством отвлечения от чего-то.

Тащить Лэйлу с собой ему пришлось. Каин, на просьбу оставить её дома, ответил нет и показал на дверь.

Пришлось смириться, хотя мужчина не понимал, как он будет объяснять такое явление в офисе Князю. Впрочем, стоило задать вначале себе вопрос, а надо ли кому-то это?

У офиса было тихо, Хельга, кутаясь в шаль, увидела Кирилла первой, помахала ему рукой и улыбнулась.

— Доброе утро, господин вампир.

— Доброе утро, леди буквоежка, — улыбнулся мужчина в ответ. — А что вы на улице?

— Да, — махнула девушка, — спать хочу. Когда начинается работа, мы с Анжелой заняты по уши, поэтому некогда даже поспать. Вчера поспать не дали, вызвали в офис уточнять какую-то мелочёвку по сценарию. Сегодня вот особняки эти, и не поехать нельзя же!

— А почему?

— Ну… — Хельга замялась. — Мы когда сценарий окончательно подгоняем для артистов и выступающих, мы размечаем всё, все мелочи, чтобы им было удобнее ориентироваться. Плюс, надо точно знать, сколько комнат, в какой комнате что делать, какой тип обстановки есть, что надо доделывать, что надо…

— Я понял, — вскинул руки Кирилл. — Чужая работа всегда кажется проще собственной.

— Отчасти, — кивнула девушка. Её взгляд скользнул сквозь Лэйлу, как будто по пустому месту. — Ну, пойдёмте? С тем учётом, что там Артур, долго Князю и Сумирэ поругаться не получится, думаю, возвращаться уже безопасно.

— Безопасно? — уточнил мужчина.

Хельга со смешком кивнула, пока Кирилл открыл перед ней дверь.

— Они когда в раж входят, в зале могут летать стулья, книги, канцелярские предметы. Самое страшное, когда сердится Сумирэ. В этом случае летают уже сюрикены. Она, конечно, владеет ими в совершенств, но чем она злее — тем ближе к телу они летают, может и поцарапать. А если в запале рука дёрнется, вообще беда может быть. Поэтому, запоминай, если эти двое начали ругаться, под любым предлогом — уходи.

— А Артуру это не страшно?

— М… Арту? Нет, — Хельга улыбнулась. — Он как раз таки настоящий вампир, на нём всё заживает на глазах. Да и чтобы в него попасть надо постараться. За три года с ним совместной жизни, я в него ни разу не попала, хотя пыталась.

— Вы встречались?

— Я была замужем за ним. Ну… как замужем… не по нашим магическим законам, а по законам вашего мира. Как-то так… Потом разводились, долго, — Хельга засмеялась. — Вот уж не думала, что это может быть так весело.

— Разводиться?

— Да!

— И чем же это весело? — уточнил Кирилл, начиная понимать, что что-то вокруг не так.

— Законами! Ваши человеческие законы зачастую это такой бред! Вот, например, чего стоит только «нет тела — нет дела». Тот парень, в которого влюблена Оля… ну, которого ты искал в личных делах. Так вот, оказывается, он пропал, и никто до сих пор в полиции не завёл дела. Выяснилось, что его родным отказали как раз с этой самой формулировкой.

— Зачем вы это выясняли? — спросил мужчина, стараясь не показывать злости.

— Потому что Князь велел. Олю-то убили. Когда начали выяснять, кто… первым делом подумали как раз на этого Велислава. Теперь Артур будет его искать.

— Не найдёт.

Спросить, с чего это Кирилл так уверен в своих словах, Хельга не успела. Дверь открылась, и в коридор вышел Артур, прислонился к двери, покачал головой.

— Они не желают меня слушать. Здравствуй, Кирилл.

— Здравствуй, — согласился мужчина. — «Они»?

— Олег и Сумирэ, сцепились по какому-то дурацкому поводу, повод уже забыт, а они продолжают собачиться. Мы сегодня вообще куда-нибудь поедем? — крикнул он, — мне ещё работать!

Дверь открылась, в открытый проём полетели: ножницы, в количестве двух штук, следом толстый гроссбух, за ним две тетради, пара линеек, россыпь ручек и карандашей, и финальным аккордом — туфель на высокой шпильке.

Артур, как ни в чём не бывало, наклонил голову. Хельга прижалась к стене. Кирилла пригнуться вовремя вынудила Лэйла, тихо что-то шепнув про косоруких неучей.

А следом в коридоре появились уже Олег и Сумирэ. Причём, очаровательная «японка» была перекинута через плечо могучего Князя.

— Куда работать? — мрачно спросил он у дремлющего вполглаза Артура.

— Искать того парня, забыли уже что ли?

— Не надо его искать, — вздохнул Кирилл, не понимая, что происходит вокруг него.

Лэйла нахмурилась и придвинулась ближе к мужчине, закрывая его. Сотрудники СМР стояли вокруг Кирилла по квадрату. И ей, подкованной в магических искусствах, было понятно, что если все трое маги — то они могут атаковать из этой позиции. И…

— Почему? — удивился Князь.

— Потому что он мёртв, — пожал плечами Кирилл. — Его убили несколько месяцев назад, как раз тогда, когда он и пропал.

— А ты откуда это знаешь? — спросил Артур.

Лэйла досадливо что-то пробормотала сквозь зубы, разглядев тонкие серебристые нити в его руках. Кирилла проверяли. А этого велено было не допускать.

И сдёрнув полосу отведения глаз с себя, привидение шагнуло вперёд, закутывая шлейфом своей силы уже Кирилла. Порвались нити в руках Артура, ойкнула Хельга, роняя свою часть, которая начала жечься. Вздохнула разочаровано Сумирэ, когда её нити сгорели.

— Он пришёл к моему хозяину. Мёртвый. И попросил найти того, кто его убил. Мы даже до сих пор не знаем, где именно его тело. И да, я Лэйла, я защищаю Кирилла, на человеческий манер можно сказать, что я его телохранитель. Ещё раз примените какую-то магию по отношению к нему, и я получу возможность убивать. Вопросы?

Сотрудники СМР переглянулись. Кирилл нахмурился. Этого Каин не говорил. В честь чего это вдруг такие сложности. Ради чего? Ему что-то грозит? Вряд ли, скорее Каину опять что-то пришло в голову.

И попросив мысленно у небес терпения, Кирилл спросил:

— Вы меня зачем вызывали, Князь? Если проверить, то давайте любые проверки отложим до понедельника, мне надо вернуться домой. Если же по работе — то давайте к работе и перейдём?

Ответом ему было немое молчание, переполненное даже не непониманием, а отторжением. В реальности Князя, Сумирэ, Хельги, Артура люди так спокойно не воспринимали: ни их, ни происходящее, ни угрозы.

«Почему этот тип настолько спокоен?!» — буквально билось у каждого в голове, и, в конце концов, пока Кирилл расслабленно стоял в коридоре, Хельга не выдержала.

— Почему ты так спокоен?

— Спокоен? — не понял мужчина, о чём идёт речь. — А какая должна быть реакция?

— Ну, хоть что-то! В конце концов, мы же не люди!

Кирилл пожал плечами:

— После Адвоката — любое проявление нечеловечности теряет свои краски, а пугаться кого-то после того, как познакомился со Смертью, мне кажется абсолютно глупым.

— Со Смертью? — прошептала перепугано Сумирэ.

Кирилл кивнул:

— Да. Получилось так.

— Вопрос снимается, любые вопросы снимаются! — бледная как смерть японка, прижалась губами к уху Олега, что-то быстро ему шепча, а Кирилл повернулся к Лэйле, куда более заинтересованный ей, чем тому, о чём там шепчутся его коллеги.

— Разве привидения могут пользоваться магией? Или чем ты воспользовалась?

— Обычные привидения естественно не могут, об этом не может даже идти речь. Но я не обычное привидение.

— Кто бы сомневался, — улыбнулся мужчина.

Лэйла расплылась в ответной улыбке.

— Меня зовут Лэйла Солнечная, и я призрачная ведьма. Одна из тех, кто может пользоваться магией и после собственной смерти. Если быть точнее, я никогда не была человеком, и я не то чтобы умерла, я перешла в эту форму намеренно. Сейчас моё тело такое же молодое лежит в гробнице и ждёт меня. Если мне станет скучно однажды в мире живых, или я захочу умереть, то я смогу вернуться в своё тело, прожить последнюю человеческую жизнь и тихо-мирно перейти в новый мир посмертия.

— Почему же тогда ты не смогла справиться с теми людьми, что ввалились в твою квартиру?

— Потому что Адвокат, после того, как я однажды перешла ему дорогу, запечатал меня. Я глупая была, была уверена, что самая крутая и страшная в мире, за что и поплатилась. Когда мы были в больнице твоей сестры, он снял печати с моей силы. Конечно, никуда я деться не могу от него, а от тебя не особо и хочу… Так вот, теперь я снова могу ими пользоваться. Конечно, пока я вспомню все свои заклинания, пройдёт некоторое время, точнее даже не вспомню, а снова натренируюсь их использовать. Это вернее.

— Хорошо, — Кирилл кивнул. — Тогда, рассчитываю на тебя, моя прекрасная охранница.

Лэйла расплылась в счастливой улыбке и растаяла, снова прячась из мира видимого в мир невидимый. Там у неё было

больше сил, и там она могла быстрее отреагировать на любую опасность.

— Приносим свои извинения, — Олег, подойдя к задумчивому Кириллу, стукнул его по плечу. — Явление человека, который нас не испугался, абсолютно хладнокровно всё воспринял, да ещё и потом явление ворона Адвоката нас окончательно подкосило.

— Спросили бы, — хмыкнул Кирилл. — Я бы сказал, что это всё случайность. И когда я устраивался на должность, мне и в голову бы не пришло, что вокруг меня будут не люди, а… представители других рас. Так… мы что-то делаем?

— Делаем, — кивнул успокоенный Олег. — Сегодня нам надо осмотреть шесть домов. Когда мы выбрали их, то ориентировались на пожелания клиентки. Так что, это её область, хорошая подъездная дорога, относительно хорошая, и наконец расположение этих домов очень уединённое. Вот их мы сегодня и осматриваем.

— Ясно, всё… Кроме одного, как мы будем туда добираться?

— А это, — хмыкнул Князь. — Как раз самое простое. Идём, Кирилл.

И мужчине ничего не осталось, как пойти.

А перенос оказался действительно очень простым. Взяв из рук Сумирэ пачку бумаги, Олег размашистым почерком написал на первой адрес, вставил карточку в специальный держатель у двери и распахнул дверь.

Стоило сделать шаг, и вокруг уже появилось совсем другое место…

Стремились высоко в небо сосны, дорожки были присыпаны песком, огромные железные ворота были замотаны на цепь и чуть покосились. Железная ограда с пиками была цела, а дом за спиной Кирилла был…

— Мимо, — сообщил мужчина сразу же, как только рядом с ним появились Князь и Хельга. Артур и Сумирэ остались в агентстве. С тем учётом, что Кирилла проверять больше не надо было, оба могли возвращаться к своим делам.

— Почему? — изумилась Хельга, разглядывая двухэтажный аккуратный особняк с белыми колонами.

— Вы никого здесь не напугаете. Вообще никого, чтобы ни случилось. Он слишком… аккуратный, совсем не страшный. Я бы даже сказал, что в таком месте хорошо снимать фильм о довоенной романтике, но для фильмов ужаса не годится ни это место, ни его окружение.

Князь и Хельга переглянулись, пожали плечами, и Олег открыл вторую дверь.

Второй дом Кириллу понравился ещё меньше чем первый, трёхэтажный в меру заброшенный особняк был выполнен в стиле высокого классицизма. Строил его какой-то богатый аристократ, и всё вокруг хоть и было заброшено и нуждалось в реставрации, всё равно было удивительно и прекрасно.

— Если бы нужно было организовать первый бал для какой-нибудь девушки — это был бы идеальный вариант, — подытожил Кирилл. — Но для того, чтобы кого-то напугать? Нет, однозначно не подходит.

Третий вариант Кириллу даже не пришлось отвергать. Уловив общую тенденцию, Князь и Хельга только горестно вздохнули, оценив двухэтажный ухоженный особнячок с широкими мансардами и крытой верандой. Вокруг были розы, клумбы с цветами, чудесные качели, декоративный пруд — одним словом, не то.

Четвёртый вариант был куда лучше. Трёхэтажное мрачное здание выглядело пугающе и величественно. Сад вокруг был запущен, врата покосились и чуть скрипели на ветру. Лес в стороне был простой, лиственный, да и в саду стоящие скульптуры не особо подходили, но все же из всего просмотренного, этот особняк был единственным, который рождал ощущение тревожности.

— Много работы, — вздохнул Кирилл. — Оставим это в качестве запасного варианта, посмотрим пятый и шестой.

— Зачем?! — изумились и Князь, и Хельга. — Если этот нам подходит, то надо его и брать!

— С таки подходом к работе, как вы стали успешны? — покачал головой Кирилл и велел. — Напрасные траты я не одобрю! Так что, смотрим дальше. Конечно, этот дом пойдёт, но это не лучший вариант. Нам нужно что-то ещё лучше. Более атмосферное, тёмное, живое, настоящее!

Пятого варианта больше не было. Вместо него были только жуткие руины.

— Пожар, — вздохнул Князь. — Месяца полтора назад. Возможно, даже был намеренный поджог. Кирилл, ты уверен, что нам надо смотреть шестой дом?

— Вы меня зачем наняли? Чтобы уберечь агентство от напрасных трат, вот и не мешайте мне выполнять работу, — хмыкнул Кир в ответ. — Шестой вариант, пожалуйста.

В этот раз перемещение было не к самому дому, а к подъездной дорожке.

И Кирилл с трудом удержался от того, чтобы нервно поежиться. Место было идеально. Тёмный лес вокруг качал еловыми лапами, словно угрожающе скалился, наступая, нависая

над дорогой.

Врата впереди были заключены между двумя столпами, на вершинах которых сидели каменные горгульи. Оскаленные морды были в чем-то алом, будто… в крови.

— Чудесно, — прошептал Кирилл. — Это то что нужно. Ключ у вас есть, чтобы открыть ворота? — спросил он, повернувшись к Олегу и Хельге и удивлённо замер. Оба были страшно бледны. — Вы чего?

— Это не тот дом, где мы должны были оказаться, — отозвалась Хельга, дрожа. — Это вообще не то место!

— Жаль, подходит идеально. И эти врата, бесподобные, и особняк! Особняк же!

Особняк был двухэтажным, что-то вроде буквы «н» со смещенной перекладиной. Маленькие башенки по краям, опасная даже на вид ограда, пожелтевший плющ на железных штырях.

— Кирилл, — Лэйла появилась рядом, взяла мужчину за руку. — Нам не стоит туда идти. Князь, — взглянула она на Олега. — Вызывайте службу безопасности, не СМР, а общую. Оттуда пахнет магией. И трупами. Я не знаю, что здесь случилось и когда, но там очень много трупов.

Князь кивнул, отступил. Хельга вместе с ним.

Кирилл же смотрел на особняк, не отводя глаз. Это место было ему абсолютно не знакомо, но всё же что-то было, что-то похожее он уже ощущал. Не то запах, не то аура, не то какое-то подспудное ощущение. Чувство было неуловимым, но его очень нужно было разгадать! Но у Кирилла это не получилось. Он уже был близок к тому, чтобы вплотную подобраться к тайне собственной памяти, когда врата содрогнулись, словно с той стороны в них что-то ударило. Раз, второй, а потом листы металла начали гнуться под чужой человеческой рукой, бледной, как у мертвеца и аномально сильной.

Вспыхнуло что-то серо-серебряное, отгоняя прочь от врат кого-то, раздался злобный вой, и уже на прутья ограды бросилось нечто, оскаленное, состоящее из нескольких рук и ног, и из пары десятков челюстей. Это нечто было очень голодным, и ему очень хотелось добраться до вкусно пахнущего живого мяса!

Глава 17. Где ходит тело

Безнадёжность и отчаяние. Чувства, которые приходят сразу же, как человек оказывается в ситуации, из которой не видит выхода.

Когда мы чего-то не знаем, когда движение по шаблонам не может привести нас к победе или к удачному разрешению, опускаются руки. Но когда человек ничего вообще не может сделать в ситуации, угрожающей его жизни, приходят безнадёжность и отчаяние.

Откуда появляются эти чувства? Почему кто-то им подвержен, а кто-то нет? Это зависит от характера, склада человеческого ума? Силы воли?

Кто-то в отчаянной ситуации на всплеске адреналина умудряется перепрыгнуть трёхметровый забор или сдвинуть огромную фуру, так почему же у кого-то в такие моменты наоборот отнимаются ноги, и он не в силах сделать даже шага.

Кириллу никогда бы и в голову не пришло, что в ситуации, которую он не может объяснить разумом, но отлично осознает всю опасность происходящего, он не испытает страха. Вообще, страх куда-то делся. За спиной тихо скулила от ужаса Хельга, рядом что-то пытался сделать Олег, но толку не было. Никакого.

В этом месте не брала телефонная связь — вне зоны покрытия.

В этом месте не соединялась ни одна магическая линия — стояли, по словам Лэйлы, блокираторы.

Зато были трупы, живые трупы в точности как в фильмах ужаса, разгуливали по ту сторону ограды, то и дело косясь на группу живых людей. То самое нечто многорукое, многоногое, с множеством челюстей, ещё пару раз кидалось на ограду, но получив ещё пару ударов молнии затихло.

— Лэйла? — понимая, что командовать Князь здесь и сейчас не будет, Кирилл взял управление ситуацией на себя, хотя и ощущал слабое недоумение на этот счёт. Почему маги так отреагировали? Они же должны были не раз сталкиваться с тем, что страшнее! Но всё-таки они дрожат, чуть ли не бьются в истерике… И… Глупость какая, в их глазах читается та самая явная безнадёжность.

— Да? — спросила призрачная женщина, проявляясь над плечом Кирилла.

— Если кто-то из тех вылезет сюда, справиться сможешь?

— Увы. Пас. Они созданы творением некромагии, а я что-то… не знаю, как объяснить, вот представь себе, что каждый вид магии

— это волна на определённой частоте. Вот если два мага работают на одной частоте, то столкнувшаяся магия или отразится, или поглотится, или нейтрализуется, или схлопнется. В других мирах по-другому, но на Земле свои законы, весьма интересные. А ещё они иногда меняются из-за людей! И это для магов самое неприятное. Вернёмся к моему случаю, некромагия и призрачная магия — это разные частоты, но при этом они как бы… с одним коэффициентом воздействия. Ну… — Лэйла замялась, никак не в силах подобрать слова. — Как бы так сказать то! О! Вот! Мы невидимы друг для друга. Спектр излучения некромагии имеет одно исключение — и это призрачные ведьмы. А у призрачных ведьм соответственно единственное исключение — это некромагия!

— Мило. С К… С Адвокатом связаться можешь?

— Уже. Сказал, что в какой-то зоне аномалии, и он всё понимает, но… если мы хотим, чтобы он появился побыстрее — самый простой вариант, кого-то убить. Варианты — кто-то из этих двоих, но…

— Лэйла, ты их пугаешь.

— Они и без того уже запуганы до такой степени, что ещё немного и надо будет в стирку. И кстати! Почему ты так спокоен?

— Не страшно, — отозвался Кирилл равнодушно.

Страшно действительно не было, не было ощущения безнадёжности, не было ощущения отчаяния. Ну, да. Был огромный особняк, по территории которого ходили мёртвые тела, сами ходили. С белыми пустыми глазами, не всегда тела были в хорошем состоянии. Но ходили на своих ногах. Чего пугаться? Да и…

— Учитесь, — сообщил мужчина, чуть повернув голову. — Вот эта одна из эффективных стратегий запугивания. Когда что-то страшное находится за чертой, которая кажется очень хлипкой. Конкретно к нашему варианту, это тоже можно использовать. Например, саму хозяйку запугать именно таким способом. То есть, взять кровать, вокруг кровати рисуем круг мелом. Причём, важная часть этой стратегии — это когда круг рисуется при самой хозяйке. После этого посреди ночи её будим и начинаем запугивать. Не обязательно зомби. Дурной вкус. Гораздо интереснее, если у вас получится узнать о её страхах, но не фобиях! Человеку хочется испугаться, а не сойти с ума. Например, если, как и многие дамы, она боится крыс, то можно взять мёртвых крыс. Для старых заброшенных особняков это именно то, что надо. Но если у неё фобия — то крыс в особняке быть вообще не должно ни при каких условиях.

— Слушай, — Хельга, оторвавшая иголку от ближайшей

лапы, мрачно её жевала. — Ну, скажи мне, ты по профессии историк. Откуда такие познания в психологии?

Кирилл хмыкнул.

— Умные журналы читал. Ещё когда только открыл своё дело, люди со мной не всегда хотели разговаривать. Так вот, чтобы кого-то разговорить, можно использовать или кнут, или пряник, или оба способа разом. Так что, особенно я уделял внимание тому, как разговорить человека, как его… задобрить или подольстить, скажем так. Ну и наконец, то, что было наиболее эффективным — как человека напугать.

— А ларчик просто открывался… — пробормотал Олег. — Мы-то гадали, что это и откуда, а всё так просто!

— Могли бы спросить. Мне скрывать нечего, я бы и ответил. Но вернёмся к текущей ситуации. Почему нет хозяина. И… — ощущение было такого, словно кто-то с размаха ударил мужчину в живот. Он хватанул воздух, захлебнулся им и закашлялся, согнувшись.

— Кирилл! — испуганно кинулась к нему Лэйла.

В ответ мужчина покачал головой и ткнул пальцем в тех, кто шёл по поляне к ограде. Количество мёртвых прибывало, но испугало Кира совсем не это. Среди мёртвых шёл… точнее, шло тело Велислава. С рваной раной на лбу. В разрезе порванной рубашки был хорошо виден косой удар, нанесенный чем-то острым. Каким-то… холодным оружием.

— Возможно, этого будет достаточно, чтобы Адвокат смог к нам пробиться, — повернулся к Лэйле Кирилл. — Зови его.

Привидение покачало головой, раз, второй, потом быстро-быстро.

— Я не могу! — испуганно сказала она. — Только не сейчас, когда он идёт к нам по земле мёртвых. Иначе меня туда же затянет.

— Я смогу с ним связаться?

— Нет! Нельзя. Нам… нам надо ждать. Он будет… минут через десять, вряд ли ему понадобится больше времени! К тому же, он хорошо знает твою ауру! И будет ориентироваться на тебя, так что…

— Боюсь, у нас нет столько времени, — хмыкнул Кирилл, ловя Лэйлу за плечо и поворачивая к ограде. — Смотри, вон туда! Видишь, сколько этих ребят уже собралось? Они, думаю, сейчас полезут сюда. Судя по всему, хозяин по какой-то причине показаться сюда не желает, видимо, ему не понравилась наша скромная компания. Зато, что более интересно, рассчитана ли ограда на масштабный побег? Это уже вопрос куда более шкурно-интересный.

— А… А… А… А?! — Лэйла дёрнулась, рванулась было в сторону, но мужские пальцы лежащие у неё на плече просто чуть сжались.

— Лэйла?

— Ты меня трогаешь!!!

У Кирилла не нашлось слов для ответа, разжав руку, он с искренним удивлением воззрился на привидение, потом хмыкнул:

— Женщины! Что в призрачном варианте, что в обычном, вы никогда не устаёте удивлять. Отпустил я тебя, отпустил.

— Ты не понял, дурак! Я привидение! — разъярилась Лэйла, начиная наступать на Кирилла.

— Я это знаю.

— Я бесплотна.

— Догадываюсь.

— До меня можно было дотронуться только в чёрной квартире и только один раз! Как ты сейчас до меня коснулся?!

— Это трактовать «как ты посмел» или «как у тебя получилось»? — не смог удержать в узде искренний интерес мужчина.

Олег и Хельга переглянулись, друг другу кивнули и осторожно, шажочек за шажком попятились, желая оказаться подальше от явно ненормального новопринятого сотрудника, который — и теперь это было совершенно очевидно, однозначно может прижиться в СМР. Главное, чтобы сам не сбежал!

— Это понимать, как что ты дурак!

— Логика, — согласился Кирилл со смехом, поймал занесённый кулак Лэйлы и удержал в своей руке. Взглянул внимательно через забор и покачал головой. Дурные предчувствия только усилились. Видимо, тот, кто жил здесь, должен был в таких случаях появляться и отгонять своё мёртвое стадо прочь, но сейчас что-то пошло не так. Что-то…

Хотя, если допустить, что случайности были чьих-то рук делом, то место, где они очутились, на самом деле принадлежало убийце и Велислава, и Ольги. Оставалось вспомнить слова Каина о шантаже, сложить две части головоломки воедино — и получался ответ. Здесь жил человек, работающий в СМР. Именно поэтому он не мог появиться, чтобы не показаться на глаза Князю и Хельги.

Ограда же явно была рассчитана на разовый «отгон», а когда на неё начала наваливаться толпа…

— Дело пахнет керосином. Лэйла, взлети повыше, найди дуб, возможно тополь, в любом случае, что-то развесистое, чтобы мы могли забраться.

Привидение послушно кивнуло, оттолкнулось от земли и взлетело высоко-высоко, Кирилл, проводив её задумчивым взглядом, повернулся:

— Хельга, у тебя на ногах что?

— Кроссовки, — отозвалась девушка.

— Хорошо. Это внушает надежду. Готовьтесь, сейчас нам придётся бежать. Очень быстро, так быстро, как если бы за нами гонится смерть. Безусловно, эти мёртвые ребята и девушки не могут двигаться так быстро, как мы, но зато они куда более упорные, не ведают усталости. И ещё меня напрягает та челюсть… в обрамлении рук и ног… Князь.

— Да?

— Может, вы знаете, что это такое?

— Недоделка. Кто-то… косорукий, экспериментировал с материалом, получилось вот это.

— Косорукий?

— Некроманты не сразу становятся мастерами. К тому же, я не вижу здесь ни личей, ни костяных драконов. Не самый опытный некромант. Хотя, чтобы нас прихлопнуть, ему будет достаточно и этих поделок.

— Это если мы предоставим некроманту такую возможность. Не знаю, как вы, а мне ещё рановато умирать. Я ещё… — Кирилл замер, потом неуверенно сказал. — Не выполнил чьё-то желание?

Вспышка острой боли прострелила от правого уха до левого. Мужчина ругнулся, буквально шарахнулся в сторону, ослеплённый, споткнулся и… влетел головой в чьё-то тело.

Тело не возражало. Звякнули бубенчики, когда на лоб легла прохладная ладонь, снявшая головную боль.

— Лэйла? — спросил с интересом Каин, запрокидывая голову и продолжая придерживать Кирилла. — Скажи мне, что ты там делаешь?

Несмотря на то, что голос его был очень тих, Лэйла всё равно услышала его и ответила.

— Ищу дерево!

— Умничка, нашла?

— Да!

— Отлично, вы двое, — взглянул он на Олега и Хельгу. — Посторонним тут не место. Лэйла, веди их к дереву. Конечно, я сделаю всё возможное, чтобы эти твари далеко не разбежались, но подстраховаться не лишнее дело.

— Это называется нечего совать нос не в свои дела, — подсказал Кирилл.

Каин взглянул на него с удивлением. Человеку опять удалось его поразить. Вокруг такая ситуация, что впору даже магу

хвататься за голову. А этому хоть бы хны! Возможно, то, что с него питалось привидение, навредило гораздо больше, чем казалось самому Адвокату? И эта вспышка головной боли…

— Возможно и так, — согласился он. — Ты остаёшься здесь. Мне нужна будет твоя помощь.

— Моя… помощь? Ты сейчас ни с кем меня не перепутал. Я человек. Какую помощь я тебе могу оказать?!

— Разную. Очень разную, но важную в том числе, — сообщил лениво Каин. — Лэйла, быстрее.

— Поняла! — спустившись ниже, привидение показала на тропинку направо. — Нам вот сюда, и давайте перебирайте ногами шустренько!

Хельга вряд ли, а вот Князь возможно бы ещё и не согласился с тем, что его так бесцеремонно отправляют восвояси. Но на этот раз удача была без сомнений на стороне Каина и Кирилла.

Ограда, вот уже несколько минут непрерывно потрескивающая под массой живых мертвецов, на неё напирающих, всё-таки сломалась.

Раздался вначале вой, потом визг, а потом радостный крик, не имеющий ничего общего с человеческим.

Первым за ограду выкатилось страшное голодное нечто, и, отчаянно вскрикнув, Хельга бросилась прочь. В другую сторону от той, которую показывала Лэйла. К счастью, Олег успел перехватить буквоежку за шиворот и броситься вслед за привидение. Дальше Кирилл за ними не смотрел, появился более интересный объект для наблюдения. Каин.

До этого мужчине как-то и в голову не приходило задумываться, что в мире, в том самом, на другой стороне от границы живых, есть магия, есть другие правила, свои какие-то ограничения и прочее. А сейчас глядя на спокойного Каина, ему пришло в голову, что возможно и напрасно он не спросил об этом?

— Размышляешь о том, что не знаешь, какая у меня магия? — усмехнулся Адвокат, скосив взгляд.

Убедившись, что показательный урок сработал так как надо, он открытой ладонью сделал резкое движение, словно хватает кого-то. Голодненькое нечто, поприветствовавшее компанию из СМР, зависло в воздухе, а потом тоненько завизжало, летя в стену дома. И уже было понятно, что это не случайность, что Каин сделал движение, будто что-то выбрасывает из пустой ладони что-то ненужное.

— Я не маг. В понимании этого мира, да и в понимании любого другого мира, — сообщил равнодушно Адвокат. — Из того, что умеют здесь, я могу повторить почти всё, но своими

методами. С тем учётом, сколько времени на Земле я провёл, то можно сказать, что в дополнение ко всему тому, что я знаю и умею, я получил профессию некроманта. Можно назвать это… профессиональной вредностью.

— Странные последствия.

— Не представляешь насколько, — согласился Каин. — Обычно чуди… я тебе говорил, что так называется наш народ, никогда настолько не сосредотачиваются на одной магии, на одном теле, на одном образе жизни. Иначе мы можем застрять в нём навсегда.

— Это плохо?

— Нет. Это выбор каждого. Например, я просто хочу вернуться домой. Там… — уголки губ Адвоката тронула спокойная улыбка. — Интересно. Земля по большому счёту закрытый мир. Здесь всё самое интересное происходит в подсознании людей. В остальном же — грязь и политика, политика и грязь. Кто больше денег нагребёт и за это ничего не получит. В других мирах… есть и первое, и второе, но при этом что-то вроде баланса наблюдается. Интересные жители переживают не менее интересные приключения, рождаются новые книги, ставятся спектакли, маги создают новые заклинания. И из-за того, что там мир магический, там больше возможностей влиять на происходящее у более могущественных, чем люди, созданий. Есть свои каратели, свои службы контроля. Например, те, с кем я столкнулся совсем незадолго до отбытия на Землю, сейчас сражаются за свои жизни, даже не догадываясь, кого благодарить за то, что они снова в центре происходящего.

— Ты знаешь?

— Нет, — Каин вздохнул, сжал руки в кулаки и резко разжал, словно толкнул огромное пространство. Впрочем, так оно и было. Вся толпа мёртвых скаталась в огромный шар и зашвырнулась обратно за заваленную ограду. Осталось только одно тело, шатающееся, словно оглядывающееся в недоумении по сторонам — тело Велислава.

— Всё, что я мог — это немного подсказать им о том, что будет с ними и в то же время с другими там, где они попадут. Но… и то, это была благодарность за то, что развлекли… — что-то прошипев себе под нос, Адвокат заставил из-под земли проявляться тонкие фиолетовые корни. И насколько было известно Кириллу, такими корнями не могло «похвастаться» ни одно растений с земли. Следом за этим снова появилось ощущение присутствия бездны. Холод и страх. В этот момент Кирилл даже обрадовался этому страху как старому знакомому, ведь это значило, что возможность бояться никуда не пропала. До

сих пор была с ним. А значит, он сам по-прежнему был человеком, а не начал превращаться во что-то, чего Кир и боялся больше всего.

— Каин, — позвал он Адвоката, бродящего вокруг тела Велислава.

— Да? — мирно спросило порождение бездны, не отвлекаясь от своего дела. Каину пришло в голову найти нити, которые скрепили тело с его моторными умениями, если быть точнее, Адвокат пытался найти некроманта по тем следам, которые всегда остаются в творениях магического мира.

— Сколько тебе лет?

— У тебя интересные вопросы.

— Просто сейчас ты кажешься, — Кирилл огляделся и сел на траву, разглядывая Каина и пытаясь подобрать слова. — Далёким. Чуждым. Вечным. И похожим на сфинкса.

Руки Адвоката дрогнули.

— Не сравнивай меня с этим драным кошаком! — потребовал он, повернувшись. В глазах вместо белой холодной бездны полыхнула такая ярость, что Кирилл счёл за лучшее извиниться:

— Прости. Не буду. Но я имел в виду…

— Мне сто двадцать две тысячи лет, — бросил Адвокат, вновь возвращаясь к телу Велислава, уменьшая его и пряча в карман. Нитей не было, возможности прибегать к страшной магии — тоже, зато была вероятность, что захочет помочь кое-кто, если предложить ему достойную плату. — А теперь человек, помолчи немного. У меня есть разговор с одной леди. Лучше бы было тебе и близко не приближаться, оказаться подальше, но и так сойдёт.

Сверкающее бесплотное кольцо упало вокруг Кирилла и сжалось, охватывая его по плечам, на мгновение задвоилось и тут же пропало. Но зато мужчина обнаружил, что двинуться никуда не может, и более того — не только двигаться. Отказали мускулы во всём теле — соответственно, он не мог даже говорить.

Возмущаться не хотелось, потому что где-то в глубине души, Кирилл знал, кого именно Каин назвал «одной леди».

Став на одно колено, Адвокат нарисовал на земле круг, отступил в сторону, разглядывая своё художество, хмыкнул и соединил руки перед грудью, а потом начал медленно разводить ладони в разные стороны. Вначале это было похоже на искру, маленькую, колючую, фиолетового цвета — такого же, как радужка Каина.

Из искры родились несколько длинных закрученных лент такого же цвета, и каждая из них жила своей жизнью. Одна закрутилась, стала тонким стеблем. Вторая лента расширилась, стала тонкой и вокруг стебля закрепилась лепестком. Ещё две

ленты сложились в чашечку королевской примулы. Цветка смерти.

Опустившись из рук Адвоката на землю, цветок впитался в неё, как вода в песок. Но на этом чудеса не закончились. По земле пошла рябь. Не было ни ощущения землетрясения, и уж точно нигде не работала строительная техника. Просто рябь. Сравнимая… нет, не с водой — сравнимая с трещинами на стекле, пробитыми пулей. Словно кто-то поймал этот момент в стоп-кадре, а потом прокрутил.

Затишье.

Полное.

Мир вокруг стих испуганно, прижался к земле, пытаясь найти укрытие, спасение, найти способ сбежать, уклониться от встречи. Тонкие веточки, лишённые покрова листвы, падали на землю, толстые — угрожающе трещали.

Новое затишье.

И… всё закончилось.

Задул снова ветер, танцуя в еловых лапах. Где-то в стороне заходилась натужным воем собака. Трещали в пожухлой грязной траве кузнечики, хотя для них был далеко не сезон. А в круге стоял стул. Самый обычный, коричневый стул с прямыми ножками.

На стуле, опираясь на узловатую клюку, сидела старуха.

— Здравствуй, милок, — улыбнулась она Кириллу. — И тебе, не чихать, моя головная боль.

Каин покаянно вздохнул.

— Не любите вы меня, госпожа моего сердца.

— А ты не паясничал бы, болезненный, может и лучше бы к тебе относилась. Вот, посмотри, милок. Умный, с сердцем широким, с холодный головой. То, что нужно.

— А скажите, — улыбнулся Адвокат широко, — если этот парень мне на смену придёт, работать с ним будете?

— Вот ещё! — отвернулась старуха. — Когда это я со смертными общие дела имела? Ну, совет там, дать смогу… по-дружески. Только ты, — погрозила она Каину пальцем. — И думать про это не смей. Рано этому парню в мою вотчину идти. Он ещё свою голову не нашёл, всё ходит неприкаянный. К тому же, ещё деток не завёл. Вот когда будет седым и стареньким, я над твоим вопросом подумаю, болезный.

— Нет у меня столько времени, госпожа моя, — Каин понурился. — Нету. Но Кирилла не трону. Обещаю. Жить будет столько, сколько ему положено на роду. А положено ему… Вот не смотрел же ни разу, что это я так…

За спиной порождения бездны хихикала Смерть, Адвокат

привычно активировал один из своих даров и открыл рот.

Над головой Кирилла срок жизни стоял… цифры там были, наверное, даже большие, наверное, слишком для суетливого человечества. Сто сорок пять. Главная беда была в маленьком знаке до цифр. Перед ними стоял минус.

— Сто сорок пять лет назад он уже умер? — открыл рот Адвокат. — Да быть того не может.

— Не может, — согласилась за его спиной Смерть. — Прав ты. Но как так получается, тебе и искать. Что же о том, чья душа к тебе помощи пришла искать… Не искал бы ты… Не подписывал с ним контракта. Не нужно вам общего дела с ним иметь, даже после смерти душа эта осталась гнилой.

Каин вздохнул. Но вот уточнить что-то уже не успел.

Смерть поощрительно улыбнулась.

Огромное двухэтажное здание, за которое перед этим Каин закинул ком из мертвецов, на глазах рассыпалось песком. Просто в никуда ушло и исчезло.

Увидеть же, что стало с тем огромным комом и почему леди Смерть заинтересовало то место, Кириллу не довелось. Звякнули над ухом бубенчики, и рука с потрясающим маникюром, закрыла Киру глаза.

— Я вот думаю, — вздохнул Каин. — Почему ты не такой как все, человек? И почему мне не повезло с тобой столкнуться?

— Почему не повезло? — вместо Кирилла, всё так же обречённого на молчание возразила леди Смерть. — Может статься, что это твоё самое главное везение, пришлый адвокат мёртвых.

Голос леди зазвучал резонирующе и успокоился, снова став спокойным, чуть дрожащим голосом старушки.

— А за эти души, болезный, спасибо. Некромант их забрал себе, я уж и не чаяла снова их увидеть, по ту сторону врат, куда им идти положено, отправить. Ну, будьте здравы. Ещё свидимся, главное только чтобы не слишком вы торопились ко мне на встречу. И… ещё. Твоя сестра, милок. Что-то я с ней так и не встретилась в ту ночь, когда твои родители погибли, чай мы с ней разминулись где-то? Или скрыл кто её от взгляда моего?

Провал страшных пустых глаз Смерти встретился с голодной бездной в глазах Адвоката. Уступать никто не хотел, но детская игра в гляделки была не просто игрой. Смерть предупредила, Адвокат показал, что понял. Вокруг Кирилла и его семьи продолжали твориться какие-то странности, и единственным вариантом, который оставался — это всё-таки навестить те катакомбы, в которых Кирилл «гулял» на пятом курсе, ведь именно там же всё началось?

— Кирилл! — Лэйла, спорхнув с неба, обняла мужчину за шею, от кого-то прячась. С тонким звяканьем разбилось заклинание удерживающих пут вокруг него. — Они с ума сошли! Пытались меня заточить!

— Они? — удивился мужчина, получивший снова возможность говорить.

— Служба безопасности прибыла, — сообщил Каин, засунув руки в карманы. — Пошли за твоими коллегами, присмотрю, чтобы служба эта Лэйлу и тебя не обидела. А там и домой.

— Никаких «там домой»! — возмутился Кирилл. — Мы ещё шестой особняк не посмотрели! Работа должна быть выполнена, и точка!

Адвокат пожал плечами — это его не касалось и было абсолютно не интересно. Гораздо интереснее было попытаться понять, почему это леди Смерть неожиданно не только дала совет, но ещё и в её голосе звучало что-то очень похожее на угрозу.

Лэйла довольно летела у плеча Кирилла, снова вернувшись к его защите, её устраивало абсолютно всё.

Князь Олег и Хельга попытались спорить, но остановить Кирилла, когда он что-то решил, было попросту невозможно.

И попрощавшись со службой безопасности, которой предстояло разгребать последствия всего случившегося, компания сотрудников СМР переместилась к шестому особняку. На этот раз осечек не было, а особняк оказался идеальным с точки зрения того сценария, который предстояло разыграть.

Хельга, мгновенно включившаяся в работу, и думать забыла о пережитом страхе уже через пару минут. Князь, которому предстояло открыть десятки дверей, чтобы декораторы, художники и реставраторы начали свою работу, вымотался настолько, что и в его душе места для страха не осталось.

Каин, оседлав толстую ветку, спал. Лэйла, снова став невидимой, дрейфовала вокруг Кирилла. А мужчина пытался понять, откуда такое ощущение пристального взгляда, полного ненависти, обещающего ему страшную и мучительную смерть.

Глава 18. Мятежная душа

О чём думают люди перед смертью? В тот самый момент, короткий миг, когда понятно, что никакого чуда не случится, не прилетит добрый волшебник, не явится ангел, и команда агентов Щ.И.Т. а тоже проскочит мимо. Так вот, о чём?

О несделанных делах? О последних напрасных словах? О мечте, которая ускользнула? О любви, которая так и не пришла или ушла, не дождавшись?

Говорят, что перед смертью человека перед его глазами пролетает вся жизнь. Но для того, чтобы увидеть и осознать всё одного мгновения будет очень мало, так какие моменты человек видит? Ясные, светлые, которые спасают душу? Или всю грязь, в которую человек падал или сам причинял?

Человек — это очень интересная загадка. Учёные до сих пор спорят, что есть душа, а покопаться в этих самых последних моментах не прочь процентов так восемьдесят из всех. Всё во имя науки. Всё ради того, чтобы потешить собственное любопытство, всезнайство…

И всё-таки, последние секунды перед смертью, когда человек осознаёт, что сейчас его не станет. И больше никогда, никогда не будет — это дар или проклятье?

Лучше тихо умереть во сне, даже не осознавая, что прощаешься с бренным миром?

Или лучше умереть с широко открытыми глазами, понимая, что больше никогда не увидишь рассвет, больше никогда не возьмёшь за руку любимого человека, больше никогда… Очень много никогда.

Так что лучше? Что больнее?

Философы подобные вопросы не жалуют. Ведь в мире и помимо смертности человека и драматичных размышлений, есть много, много более интересного! А это, ну, интересно паре консерваторов, возможно… ещё тем, кто сам чувствует приближение смерти, но не более.

Но всё-таки, о чём думают люди перед смертью?

— Смотря кто, — Каин, откинувшись на спинку стула, раскачивался на двух ножках. — Есть праведники, те понимают, что сейчас придут на встречу со своим Богом. Кого-то хватает на позднее раскаяние или запоздалое прости. Кто-то умирает окруженный родственниками и близкими, и этот кто-то радуется тому, что может им сказать, как сильно он их любит. Я не очень понимаю людей. Хоть и провёл здесь очень много времени. Вы остаётесь загадкой. Так подумать, есть психология, психиатрия,

философия — у вас есть науки, которые препарируют человеческую душу. Вы делите её на кусочки, на осколки, каждый из которых изучаете. А сложить всё вместе — и паззл не складывается. У вас тонны пословиц и поговорок, которые противоречат друг другу, у вас семь пятниц на неделе, но при этом в некоторых вопросах вы упертее ослов. Вас просто невозможно понять. Если ещё другие народы имеют определённые стереотипы и архетипы, в которых их можно впихнуть, то русский народ в этом отношении куда более страшная картина. Вас невозможно типировать. Вообще. Ни по какому принципу, ни по какому поводу. Когда я только прибыл сюда, у меня было много времени, чтобы выбрать себе новый дом. Я был в Европе, в Америке, был в Австралии, побывал на островах. Как говорят ваши тинейджеры: «Cool!» Всё было именно так, но только русские стали для меня… поводом остаться.

Кирилл кивнул, кидая в кипящую кастрюлю вареники с творогом. Женька, которая их и налепила, сидела за столом, лепя вторую порцию — на этот раз себе и в качестве начинки с вишнями. Кирилл не понимал, как такое вообще можно есть, и даже смотреть на ЭТО не мог.

— Итак, а что может рассказать душа, которая получила своё мёртвое тело? — вспомнил он, с чего начался разговор.

— Ну, я надеюсь, что она сможет сказать, кто убийца, — задумался Адвокат. — В принципе, неплохо будет узнать, действительно ли он кого-то шантажировал, помнит ли кого именно. Как попал в то место, где его убили.

— А он на твои вопросы ответит? Славка… прижимистый был. Никогда ничего не делал без своей выгоды. Вряд ли после смерти он изменился.

— Вряд ли, — согласился Каин. — Поэтому вначале мы подпишем с ним контракт. После этого он будет отвечать на все мои вопросы, вне зависимости от собственного желания.

— Это особенности какого-то контракта? Или это во всех так?

— Во всех контрактах, которые я заключаю с мёртвыми.

— Жень, — Кирилл положил руку на ладонь сестры, — оставь несчастный вареник в покое, ты так сильно его сжимаешь, что ещё немного, и будет алый фонтан крови невинно убиенных вишен.

— У вас… страшные разговоры.

— Это дело. А другие разговоры… — Адвокат с насмешкой покосился на девушку. — Я вести не умею. Я, знаешь ли, такое… ожившее чудовище.

— Каин, не пугай её, — вздохнул Кирилл. — Вареники будешь? И пока не поедим, никаких душ в квартире!

— Да, да. А! Нет, есть не буду.

— Мои вареники очень вкусные! — оскорбилась Женька.

— Не спорю.

— Значит, попробуй!

— Жень, отстань от человека.

— Он не человек, — тряхнула головой девушка. — Значит, не отстану!

Кирилл хмыкнул. Вот теперь сестру узнать можно было. Упрямая, гордая и ранимая. Его Женька.

— Я понял, — мирно кивнул Адвокат. — Буду пробовать.

— Вот и ладушки, — расцвела в улыбке Женька. — О, кстати! Вы двое, на моё резюме заявка пришла, приглашают в офис работодателя поболтать.

— Офис? Работодателя?

— Ну, да, — согласилась девушка. — Раз уж моя болезнь только у меня в голове была, чего я тянуть буду? Ты же знаешь, что сидеть у тебя на шее я не буду, Кир.

— Жень, мы обсуждали это десятки раз.

— Именно. И моё мнение до сих пор не изменилось. Так что, со следующей недели я хочу выйти на работу. Выложила резюме и вот уже получила первый вызов на собеседование. Агентство «СМР». Вот. Оно вам не знакомо случаем?

— Знакомо, твой брат там и работает, — сообщил Каин, покосившись на тарелку с варениками, и неохотно цепляя вилкой самый маленький с краю.

— А… это…

— Людей там нет, привыкай к этой мысли сейчас, — продолжил он, откусывая от вареника, облизнулся, задумался. — Но из-за того, что с тобой случилось, обычная жизнь тебе не светит, да и обычная работа ничего хорошего не принесёт, так что… Как раз это будет для тебя хорошим местом работы. Фотографировать придётся чудиков, косплеющих самих себя, как-то так.

— Где ты таких слов нахватался? — хмыкнул Кирилл, пододвигая к Каину поближе сметану и блюдо с варениками.

— Хороший вопрос, но это было давно и уже не правда, — отмахнулся Адвокат, выбирая на этот раз вареник побольше.

— Да, да…

Поздний ужин затянулся надолго. Ленивые вареники с творогом закончились быстро, и Женя минут пять не могла сообразить, куда пропадают с блюда её вареники с вишней!

Потом была убрана посуда. Женька была отправлена спать, Лэйла оккупировала подоконник, Кирилл устроился на диване, а за столом — Каин. На самом столе сидела маленькая живая

«кукла» — тело Велислава.

— Говори со мной, душа, потерявшая тело. Своей волей призываю тебя, приказываю тебе вернуться в своё тело! — нараспев заговорил Каин.

«Удивительно жизнеутверждающе», — против воли подумал Кирилл.

Адвокат хмыкнул.

«Ну, некромантские обряды никогда не были хорошим делом».

«Вот! Опять! Ты мои мысли что ли читаешь?»

«Ну, да. Когда они очень громкие, тогда и читаю. Ну, и когда ты их адресуешь как бы «мне». То есть не просто сам себе думаешь, а тебе интересно, чтобы я ответил. Вот в этом случае я их слышу».

«А это нормально?»

«Абсолютно — нет. Но для человека с отрицательным сроком жизни, это уже даже не вызывает изумления. Думаю, лимит потрясение всё-таки ты уже исчерпал».

«Хотелось бы верить».

«М… Нет», — Адвокат, простерев руку над дёргающим тельцем, взглянул на Кирилла с затаённой улыбкой. — «Мне понравилось. Так что, если ещё найдётся повод, удивляй и дальше».

Кирилл покачал головой.

И это страшное порождение бездны? С тонкой иронией и такой улыбкой? Нет. Ну не бывает такого. Не бывает. И, наверное, до сих пор он просто спит и видит сны. О далёком…

Мысли свернули куда-то не туда. О далёком чём? Прошлом? Или будущем?

За окном завывал ветер, дождь-хулиган барабанил по крышам. На столе кривлялась куколка, не желающая идти под власть Адвоката. Душа корёжилась рядом с куколкой, не то что не входя в своё тело, но даже и не идя на контакт с Адвокатом.

— Ну, так не бывает, — вздохнул Каин. — Получается… Что ничего у меня не получается. Душа не идёт на контракт и не идёт на контакт.

— Можно я попробую?

— Кирилл?

Куколка дёрнулась, вслушиваясь в зазвучавший голос, а потом… душа втянулась в застывшее тело. Встала, огляделась. Совсем по-человечески стукнула по брюкам, оттряхивая невидимую пыль, и ухмыльнулась.

— Кирка.

— Давно не виделись, Слава.

— Ха-ха-ха! Кирка, ты не меняешься, только в твоих словах, отдающих дань вежливости, можно услышать «Что ж ты не сдох, немочь поганая». А, точно. Я сдох! Да-да! По-глупому. По тупому даже. Но ты всегда говорил, что меня жадность погубит, она и погубила. Но кто бы мог подумать, что та девка на самом деле некромантка? Я узнал её тайну. И потребовал, чтобы она заплатила. Она и заплатила, глупая курица! А второй раз, когда я пришёл на встречу, где она должна была меня ждать с новой порцией денег, меня та-да-дам! Взяли и убили. Какая досада, какая боль! И даже не знаю, кто ж убил то! В спину ударили, да с такой злобой, что просто бррр!

— Как её звали, Слав?

— Кого?

— Ту, кого ты шантажировал.

— Не скажу, ты не достоин откровенности моей! — пафос чуть ли не из ушей полился.

Кирилл вздохнул.

— Этого стоило ожидать. Он нам ничего не скажет.

— Не скажу, — согласился Велислав. — Я вас, людей, ненавижу! Была бы возможность. Десятками бы вас резал, чтобы вы все подохли, наконец!

— Я могу дать тебе такую возможность, — предложил Адвокат.

Маленькая куколка дёрнулась, нашарила его взглядом и расплылась в страшном оскале.

— А, лукавый! Про тебя мне говорили. Что речи твои сладки, обещания манящи, и ты даже держишь слово, только потом плата высокая. Не хочу. Не буду я с тобой ничего подписывать. И договариваться ни о чём не буду! Вот! Накося! Выкуси! — сообщила с хохотом душа и высунула синий распухший язык.

— Ну, что ж. Я пытался по-хорошему. Правда, пытался. Но раз уж так получилось… Лэйла.

— Да?

— С нами не хотят делиться подробностями. Почему эта… пародия на человека считает, что я буду с ним церемониться. Покажи ему, моя красивая, что он ошибается.

— Ха-ха-ха! Ложь! У Адвоката нет воздействия на души этого мира, потому что он чужой! Чужой! Ха! На понт взять меня хотели! Обломитесь, твари! Сдохните! Сдохните!

— Истерика впечатляет, — одобрил Каин. — Особенно, словарный запас большой. Лэйла.

— Что мне с ним сделать?

— Что хочешь. Главное, чтобы это было быстро.

Поторговаться Лэйле хотелось до безумия, не столько для

того, чтобы что-то получить, сколько для того, чтобы убедиться в том, что её ценят. Но Каин сказал «быстро», а значит времени на то, чтобы играться не было.

Посмотрев на свои руки, со вздохом мученика, Лэйла их сжала, и «куколка» взвыла, а потом не смогла и этого. Велислав цеплялся за горло, отчаянно его царапая, но добраться до той силы, что его душила, было не в его силах.

— Будешь говорить? — спросила женщина с прохладцей в голосе. — Я буду только рада, если ты не согласишься. Моя пыточная вот уже четыре века никого не видела. А пытать души это куда интереснее, чем пытать людишек, которые совсем не умеют переносить боль и так и норовят подохнуть! А вот чтобы убить душу, надо приложить куда больше усилий. У талантливых мастеров пытки души живут долго, очень долго. Так что, скажи, что ты ни с кем говорить не будешь, и мой хозяин отдаст тебя мне навсегда. На вечность, на очень долгую вечность!

Боли Славка боялся ещё когда был живым. И даже переход в другое качество это не изменило. Скорее, это только усугубило ситуацию. Потому что, когда хрипы стихли, «куколка» закивала, готовая на всё, только чтобы не было больно.

— Вот и договорились, — одобрил Адвокат. — Итак, кто ты?

— Тебя не касается!

— Мимо! Ответ не правильный, — Лэйла сжала кулак, куколка завизжала.

— Я скажу! Я скажу! Я скажу!

— Три неправильных ответа, и ты вылетаешь прямиком в мою пыточную, — сообщила призрачная ведьма. За её спиной прямо в воздухе появились яркие огни инквизиции. И полыхал флаг. У Лэйла была не просто долгая и насыщенная жизнь, она была ещё и очень грязной. Потому что услуги призрачной ведьмы куда чаще были нужны тем, кто убивал других. А ей, уставшей от одиночества, хотелось, чтобы хоть кто-то сказал о том, что она — нужна, важна. Что её ценят.

Кирилл вздохнул.

— Слав, не дури. Сия прекрасная леди — призрачная ведьма, работавшая на инквизицию в самые страшные времена. Как ты думаешь, сколько ей понадобится времени, чтобы ты запел? Так что, избавь себя от боли, а нас от лишней траты времени и рассказывай. Всё. Что ты помнишь. После того момента. Как ты умер.

Адвокат присвистнул. В голосе его подопечного, ведь контракт-то не был до сих пор закрыт! звучала власть.

«И кто же ты такой, человек?» — спросил он мысленно.

И… Кирилл услышал, повернулся.

«Я же просил тебя называть меня по имени. И я просто человек».

«Очень просто, очень по-человечески. Да», — голодная бездна распахнулась в глазах Каина, потянулась навстречу, желая поглотить, порвать строптивую мятежную душу на кусочки, но…

«Я человек», — повторил Кирилл.

И бездна отпрянула. Адвокат криво усмехнулся.

«По крайней мере, до того момента, как я отправлюсь в свой родной мир… скучать мне не придётся».

А там мысленный разговор пришлось закончить. Сидя как сломанная кукла, Велислав заговорил.

— Я умер. Я разъединился. Моё тело шло на верёвочке за кем-то, кто был окружен чёрной тьмой. Тьмой некроманта. Моя душа не могла отправиться следом. Что-то мешало. Моё тело скрылось из вида, а я понял, что хочу спать. Вокруг было лето, солнце светило слишком ярко. Где-то выл пёс. Горько, захлёбываясь, отчаянно. Потом я уснул. Во сне мне было холодно. Этот холод звал меня. Но снова что-то меня не пустило. Потом началась осень. Я иногда открывал глаза, смотрел вверх и снова засыпал. Иногда я видел своё тело, как моё тело ходит по двору и кидается на ограду. Как моё тело с кем-то дерётся. Я видел особняк. Но я не помню его. Знаю только, что там живёт тот, кто меня убил. От этого особняка пахло также. Потом… я проснулся. Около меня кто-то стоял. Этот кто-то велел идти к Адвокату мёртвых и просить у него о помощи. Кто-то сказал, что Адвокат — это Лукавый, и он будет меня соблазнять. Но он не сможет мне навредить, потому что Адвокат — чуждый этому миру. И если я добровольно не соглашусь на контракт, никто не сможет меня заставить это сделать. После того, как Адвокат найдёт моё тело и вернёт его мне, я буду свободен. Всё. Я больше… больше… — взгляд Велислава остекленел. Куколка застыла, словно для неё остановилось время, а потом начала трескаться. От тельца отваливались огромные куски глины и рассыпались в пыль. Не прошло и нескольких секунд, как от бывшего тела Велислава ничего не осталось.

В воздухе пахнуло запахом морозной свежести, около души, повисшей над столом с растерянным видом, появилась рука в чёрной перчатке и со словами:

— Ты то мне голубчик и нужен, — утащила воющую душу в никуда.

— Вот так… — пробормотал Адвокат. — Лэйла.

— Да? — призрачная ведьма, сидящая на кухонной полке, расчёсывала волосы, уговаривая себя успокоиться и перестать так фонить бешенством и неудовлетворённой яростью.

— Посмотри на Кирилла.

— Зачем?

— Посмотри на него своим настоящим взглядом. И скажи, сколько лет жизни ему осталось.

— А?! — призрачная женщина слетела вниз, нависла в раздражении над Каином. — Ты с ума сошёл?! Кто такие вещи говорит в присутствии людей? Кто вообще заикается о такой возможности в присутствии смертного?

— Лэйла. — Командный голос порождения бездны был полон ледяного холода. — Сделай. То. Что. Я. Сказал.

Женщина фыркнула.

— Лэйла, всё в порядке, он уже сам смотрел, — сообщил Кирилл, включая чайник и смахивая со стола глиняную пыль. — Он просто хочет убедиться, что его… этот глазомер не подвёл, и он действительно видел то, что видел.

— Вот теперь мне уже страшно!

— Прости, прости, — Кирилл, проходя мимо, к мусорному ведру, потрепал Лэйлу по волосам, как бывало не раз в детстве с Женькой.

— А… А… А?! Он опять! Опять это сделал! Каин, — наябедничала женщина. — Каин он меня коснулся!!!

— Да? — Адвокат усмехнулся, — а я и не заметил. Лэйла, — посерьёзнел он. — Просто посмотри, сколько лет жизни Кириллу осталось.

— Хорошо, хорошо! — вздохнула Лэйла. — Я поняла. Правда. Только… я не… можно я скажу тебе на ушко ответ?

— О, ты хочешь посекретничать?

— Каин!

— Давай так, если там будет цифра больше сорока, то ты просто скажешь это вслух, а мне на ухо скажешь точную цифру. Если же в том, что ты увидишь, будет хоть какое-то отклонение, ты скажешь это в голос. Договорились, Лэйла?

— Да… Не понимаю, зачем это, но я поняла.

Кирилл вернулся через пару минут:

— Я дал вам достаточно времени? Вы всё успели обсудить?

— Да, — кивнула женщина, вздохнула, покривила губы, потом особым образом скрестила пальцы. Посмотрела на цифры, пляшущие на уровне сердца Кирилла, ойкнула и села на пол. — Как?! Как! Как?! Это невозможно!!!

— Ага, — выключив кипящий чайник, Кирилл потянулся за банкой кофе. — Отрицательную цифру увидела и ты. Варианты какие-нибудь, что это значит?

— Это невозможно! — отрезала Лэйла. — Это невозможно ни при каких раскладах, вот и всё! Отрицательные цифры могут быть

только у привидений и у мёртвых тел. Но у нас нет тела, а у тел нет души, ты же владеешь и тем, и другим, так что однозначно это абсолютно невозможно!

— Ну, вот, — вздохнул Кирилл. — А мы так на тебя рассчитывали. Ну, раз вы оба расписались в собственном бессилии, может быть, теперь вы от меня отстанете? И лучше скажите, что мы делаем дальше? Какие у нас планы?

— С тем учётом, что твой бывший друг Велислав знал обо мне слишком много, гораздо больше, чем любая другая душа, единственный вариант, который приходит мне в голову — это то, что ему кто-то сказал, — Каин с благодарностью принял кружку с кофе, вторую кружку Кирилл поставил перед Лэйлой. И пока привидение пыталось понять, это особая форма издёвки или как, сам Кирилл уже вернулся за стол.

— Давай соединим всё, что нам известно, — предложила призрачная ведьма, по инерции начав крутить чашку в руках. — Итак. Кто-то рассказывает о тебе, Каин, душе, которая потом к тебе же и приходит.

— У кого-то достаточно силы, чтобы разорвать сцепку некроманта, — добавил Адвокат.

— Сцепку? — не понял Кирилл.

— Когда человек умирает, его душа должна отправиться в другое место. Некроманту нужна душа для того, чтобы управлять удобнее телом. Не совсем душа и не совсем управлять, но это наиболее близкие по смыслу фразы. Для того, чтобы этого добиться, он использует сцепку — душа привязывается к мёртвому телу. Не в нём, но где-то болтается рядом.

— Так. Значит, у кого-то, кто вмешался было достаточно сил, чтобы эту самую сцепку разорвать?

— Именно.

— Не самое приятное.

— Возможно, — Адвокат кивнул. — Затем, кто-то наложил на Велислава заклинание, что если он расскажет лишнее — его тело рассыплется, что и случилось у нас на глазах. При этом знал он действительно не много.

— Каин, — Лэйла вздохнула. — Я думаю, что нам всё-таки надо посетить то место. Те катакомбы, где всё и началось.

— Кирилл?

— Не очень хочется туда возвращаться, — честно сказал Кирилл. — Особенно если учесть, что я вообще не помню, что там было. Но если вы оба считаете, что это нужно сделать, я не возражаю. Одно «но» — Женя в это не должна вмешиваться.

— Не проблема, — согласился Адвокат. — К тому же, по незакрытому контракту, защищаю я только тебя. Её защитить в

случае проблем, могу и не успеть.

Кирилл помрачнев кивнул.

— Говоря о том контракте, он не выполнен, значит, принцип возмездности не исполнен до конца. Был кто-то ещё. А теперь вопрос, могло ли то… тот, кто вмешался в происшествие с моими родителями, вмешаться и в этот раз?

— Зачем кому-то могло бы это потребоваться? — изумилась Лэйла.

— Не знаю, — покачал головой Кирилл. — В голову ничего не лезет подходящего. Может быть кому-то просто скучно? Или интересно. Или он хочет отомстить за что-то Адвокату. Или просто хочет умереть.

— Возможны все варианты, — Каин кивнул. — Но у нас слишком мало данных, чтобы делать какие-либо выводы.

Вздохнув, он взглянул на свои руки и прищурился. Пальцы дрожали… Мелкой неприятной дрожью, которая могла свести с ума.

— Каин? — встревожился Кирилл.

— Это… граница. Грань, после которой тело становится негодным и не может использоваться дальше. Этого стоило ожидать, уже семьдесят лет прошло, как я в этом теле.

— Тебе же подходит любое?

— Ты можешь носить любую одежду. Но, например, цвета «вырви глаз» тебе не комфортны, — пояснил Каин негромко. — То же самое, например, шотландский килт. Ты можешь его надеть, но в нём тебе будет некомфортно. Это касается и смены тела. Я могу взять любое абсолютно тело, но чем более оно несовместимо со мной, тем хуже для тела. Оно будет очень быстро рассыпаться. Это тело подходило идеально. Мальчишка-сатанист мечтал о том, чтобы вызвать из-за черты кого-то, а попался на глаза мне. Умер от страха там же, где исполнилось его желание, а я взял его тело.

— И что теперь?

— Присмотрюсь, — пожал плечами Адвокат. — Тел много. Возможно, придётся пару дней пропадать, чтобы присмотреть себе хорошее тело. Я же не могу, например, выбрать тело человека, который умер в окружении родственников? К счастью, в мире пропадает в никуда достаточное количество людей, чтобы за пару дней я смог бы себе подобрать хоть что-то толковое. Что же касается…

— Каин, ты слишком разговорчивый.

— Тело отказывает, — пояснил Каин со вздохом. — А значит, ближайшие два дня будет небольшой апокалипсис в моём исполнении. Так, вы двое, я на Литейную. Кирилл, с тобой будет

постоянно Карас. Ты его не увидишь, не старайся. Лэйла, вверяю человека твоим заботам.

— Хорошо… — прошептала потрясённая Лэйла, и Каин исчез.

Так и не отдавая себя отчёта в том, что сейчас случилось что-то вообще, вообще невозможное!!! Лэйла поднесла кружку к губам. Она забыла о том, что не может пить, может только притворяться. Забыла о том, что привидения не ощущают вкуса и не различают тепловых оттенков. Она просто хотела за чем-то спрятать дрожащие руки, а чашка с кофе для этого подходила отлично.

Успокоив дыхание, Лэйла сделала глоток неожиданно сладкого кофе и обожглась…

Глава 19. Близкое знакомство с некромантом

.

Говорят, что миром правят деньги, они всему голова. Деньги стали средством давления и запугивания, лести и подкупа. За деньги покупается и продаётся практически всё: любовь, внимание, подхалимство, высокие должности, спокойная жизнь или просто жизнь. Тот, у кого нет денег, не может позволить себе того, что хочется, того, о чём мечтается, того, что ему необходимо. Нет денег — и приходится идти прочь, понуро поджав хвост.

Правильно ли это? Вопрос, на который каждому лучше найти ответ самостоятельно. При этом, если посмотреть на тех, кто хорошо знает, как отнять деньги у других и спросить у них: «правят ли деньги миром», то такие люди ответят вряд ли положительно. Если бы деньги правили миром, то разве можно было бы так легко избавить некоторых от них? Нет, миром правит совсем другое: страхи и слабости.

Страх разоблачения? И шантажист получает деньги, очень много денег.

Слабость перед алкоголем — и вот уже в дорогом баре звенит прибыль.

Страх перед смертью? И вот уже в дорогом центре некая дама делает подтяжки и пластические операции одну за другой, чередуя их с курсами массажа и реабилитации.

Слабость перед женщинами — и падкий до красоток спускает все свои деньги, чтобы охотница за чужими кошельками лишь взглянула на него.

Смешно? Грустно. И страшно.

Потому что у каждого человека есть свой страх, своя слабость, есть своя чёрная сторона. Не зря говорят, что куда опаснее зверь, загнанный в угол. Не зря говорят, что не стоит слишком сильно давить, кто-то может и сломается, а кто-то возвратным движением уничтожит того, кто ещё недавно пытался растоптать его самого.

Мир дивен и прекрасен, в нём столько непознаваемого, в нём столько прекрасного… ровно столько же и ужасного, и отвратительного.

И те, кто наживается на чужих страхах, никогда не чураются вытащить их на волю, никогда не стесняются бить по больным

местам, никогда не отпускают свою жертву. И отлично знают, что куда более важный страх — это страх за близких. Забери близкого, пообещай, что его не тронут, и жертва сделает всё, что угодно.

Кирилл положил руку на двери, ведущие в катакомбы, сделал глубокий вдох и шагнул внутрь. Дверь закрылась за ним с протяжным скрипом. Место, куда он никогда не хотел приходить, ждало его прихода уже очень долго.

За спиной что-то мелькнуло, мужчина попытался повернуться, но не успел. На голову что-то рухнуло, и вокруг опустилась тьма.

Сознание поблекло, и всё о чём успел Кирилл подумать, что этого всего не должно было случиться. Ведь началось всё не просто хорошо — а даже отлично!

* * *

…Кирилл, стоя у дверей, тяжело вздохнул:

— Это что, — спросил он устало. — Женская натура? Жень, я понимаю, что ты уже очень давно никуда не выходила, но сколько можно прихорашиваться?! Да, глядя на тебя, даже Лэйла заразилась! Сколько можно крутиться у зеркала?

— Сколько нужно!

— Ах так? Ну, так вот! Сообщаю вам, прекрасные дамы, если мы не выйдем в течение двух минут, то гарантирую, что мы опоздаем! А опаздывать это верх неприличия.

— Ой! Ой! — Женька, взглянув на часы, спохватилась и помчалась к дверям. — Время! Кир, почему ты не сказал, что уже столько времени?

— Потому что ты меня не слышала? — скепсис так и звучал в голосе Кирилла. — В любом случае, ноги в руки и бегом до машины. Лэйла, отдельное приглашение?

— Да, пожалуйста! — кивнула женщина, поправляя у зеркала свой костюм.

Мужчина только устало рукой махнул. Точно, это что-то связанное исключительно с женской натурой. Как вчера, например, когда Лэйла не допив кофе, взвыла и помчалась прочь, с воплем «Каииин», до утра её не было, а вернувшись, она призналась, что Адвоката так и не нашла, хотя обыскала всё на Литейной.

Спрашивать, почему она так далеко умчалась, Кирилл тогда не стал, хотя, наверное, стоило.

— Прекрасная леди, — открыл он дверь. — Проследуете ли

вы со мной на работу? Без вас мне никак не справиться!

— Ах! — Лэйла прижала руки к груди и спланировала вниз, опустилась около Кирилла, окинув его придирчивым взглядом, потом поправила складочку на рубашке и одобрительно кивнула: — Да. Так намного лучше. Мы идём!

И завертелось.

В особняке на этот раз было полно народа. По коридору бегали люди в самых разных костюмах, хотя точнее было бы сказать, по коридору бегали не люди, прикрытые словами о постоянном маскараде на территории офиса СМР.

Женька, окинув красочное безобразие придирчивым взглядом, полезла за фотоаппаратом.

— Женя?

Девушка дёрнула плечом.

— Ты иди на работу, иди, — махнула она рукой. — У меня ещё есть две минуты. Посмотрю, как эти ребята будут смотреться в объективе моей камеры. К тому же, какие фактуры и какой контраст!

— Лэйла, — Кирилл взглянул на женщину, проявившуюся рядом с его плечом. — Останься с ней, пожалуйста. В агентстве мне ничего точно не грозит. К тому же все точки над і мы расставили ещё вчера, так что… А за Женьку мне боязно что-то.

— Хорошо, — послушно улыбнулась Лэйла. — Только дай разрешение.

— Даю тебе своё разрешение удалиться от объекта привязки.

— Спасибо, — потянувшись, привидение оставило отпечаток светло-серебристой помады на щеке Кирилла, и двинулась к Женьке. Мужчина мазнул пальцами по щеке, озадаченно посмотрел на сухие кончики и двинулся на рабочее место.

В его кабинете стояла бутылка коньяка и записка от Олега.

«Только с утра дошло, что именно ты сделал. От меня «спасибо» и жди премию, а за Хельгу — коньяк».

Спрятав бутылку в сейф, Кирилл открыл первые папки, которые появились у него на столе. Декораторы уже успели составить свой собственный список, который был им нужен из материалов имеющих физическую составляющую.

К пятнадцатому наименованию в списке, мужчина только вздохнул, покосился на телефон и позвонил Сумирэ.

— Муши-муши? — тут же донеслось из трубки.

— Сумирэ-сан, это Кирилл.

— А, вампир-доно, — засмеялась женщина. — Что-то случилось?

— Нужен совет, Сумирэ-сан. Мне первый список положили на стол, в нём есть позиции, которые… не обоснованы с точки

зрения текущих обстоятельств. Мне это просто вычеркнуть, или можно поговорить с кем-то из их отдела, чтобы отделить котлеты от мух?

— Как это? — озадачилась собеседница.

— Поговорка русская. Смысл в том, что в этом списке может оказаться нужное, что просто используется не по назначению. Ну, для меня.

— Это вот ты сейчас в качестве исключения спрашиваешь? И собираешься работать вплотную с отделом, или у тебя такая политика в общем?

— В общем, естественно.

— А… А… Ага. Хорошо, — после заминки на том конце, на мгновение словно пропала связь, потом вернулась. — Так, записывай, Кирилл-доно, внутренний номер семь — это отдел дизайнеров. Четыре — отдел компьютерщиков, им тоже бывает что-то нужно, и их заказы также теперь пойдут через тебя.

— Это ещё и компьютерную грамотность повышать надо? — загрустил Кирилл. — Ладно. В принципе, что-то я знаю, что-то помогут.

— Отдел двенадцать — фотографы.

— А такой отдел был?

— Да, есть и был. Но наши фотографы — это кошмар и караул, сейчас новую девочку взяли, Олег вокруг неё чуть ли не на цыпочках бегать готов. Говорит — талантище.

— Женя зовут?

— Точно. И фамилии у вас одинаковые, однофамильцы я подумала.

— Моя сестра.

Новая заминка, и по телефонному проводу словно растеклось изумление.

— А она-то почему?

— Тоже с Адвокатом познакомилась, — свалил всё Кирилл без зазрения совести на Каина. Он уже успел понять, что фигура Адвоката здесь крайняя, в том смысле, что говорить можно всё что угодно, всё равно поверят всему без исключения.

— Как?

— Он живёт у меня в квартире, — отмахнулся мужчина. — Так, дальше Сумирэ-сан? Ещё флористы, декораторы, портные, музыкальный отдел.

В трубке по-прежнему царило молчание.

— Сумирэ-сан? Сумирэ-сан! С вами всё в порядке?

— А… А… да… Насколько это возможно, когда вот так мимолётно сообщают нечто такое, от чего мороз по коже и под кожей продирает. В твоём доме живёт Адвокат мёртвых, а ты так

спокойно об этом говоришь?!

— А что тут такого?

— Люди! — ахнула Сумирэ. — Никогда не устану вам удивляться.

— Вам?

— Я тоже не человек, вампир-доно. Но обо мне мы можем поговорить в другой раз. Декораторы — это двойка… Знаешь, я тебе свой список скопирую и скину по внутреннему факсу. Разбирайся пока с декораторами. Из них самый вменяемый… Макс, пожалуй. Вот звони ему, он пусть к тебе придёт.

— Хорошо. Спасибо, Сумирэ-сан.

— Обращайся, Кирилл-доно, в любое время.

Положив трубку, Кирилл снова скосил взгляд на список. Золотая парча, алый бархат, куча геля — зачем? Ни слова про декоративную паутину, ни слова про грим, изображающий кровь и прочее. Декораторы точно знают, что нужно делать? Или это из первой части — бала?

Прижав телефон плечом, Кирилл набрал номер и уже через пару минут в его кабинете появился один из декораторов — Макс. Стараясь не обращать внимание на короткие витые рожки, мужчина сосредоточился на списке и работа пошла.

А уже к концу рабочего дня прозвище «вампир» окончательно закрепилось за Киром. Кровь не пьёт — зато все нервы вытреплет.

На часах было уже шесть часов, и Кирилл думал, что в кабинете появится Женька, готовая возвращаться домой, или Лэйла с тем же сообщением, но вместо этого затрезвонил телефон Кирилла.

Голос, звучавший из трубки, был искажён, поэтому узнать его было невозможно. А потом, когда мужчина понял, что именно там говорят, он покрылся ледяным потом.

— Если хочешь увидеть свою сестру живой, приходи в старый город. Я буду ждать тебя в заброшенной крепости. Если скажешь кому-то — она умрёт, опоздаешь — она умрёт. У тебя два часа, чтобы сюда добраться. Советую поспешить и не искать ни у кого помощи. Не хотелось бы, чтобы кто-то вмешался в мою маленькую вендетту.

Кирилл никому не сказал ни слова. Хотя и отдавал себе отчёт в том, что это глупо, недальновидно. Но всё о чём он мог думать, так это о том, что Женьку кто-то похитил.

Машина мчалась по городу, нарушая все правила дорожного движения. Вслед сигналили, приложили пару раз матом, Кирилл не слушал, только торопил время: быстрее! Быстрее!

Развалины старой крепости словно выпрыгнули из-за поворота, устало смотрели на мир пустыми глазницами-

бойницами. Из некогда цельной стены были выбиты куски алого кирпича, обвалились башенки и целые куски стен.

Под самой крепостью были огромные катакомбы. В годы великой отечественной войны именно они стали хорошим укрытием для партизан. До сих пор в этих подземных казематах находили то обрывки тканей, бумаг, то оставленные «подарки» ушедшей войны — оружие и взрывчатку. Да и в общем, пользовалась крепость очень дурной славой…

Идти туда Кириллу не хотелось. Но нужно было. На него надеялась Женька.

Железная дверь лишилась своего замка, да и засовы были сбыты, чтобы наверняка. Створки пронзительно заскрипели, когда мужчина потянул ручку на себя. По ту сторону была темнота, где-то из угла виден был серый свет — скорее всего, падающий из маленьких окошечек почти под потолком подвала.

Капала вода. Мерный стук водных капель действовал на нервы. Подсветив себе вокруг походным фонарём, который никогда не вытаскивал из багажника, мужчина двинулся внутрь. Шаги эхом доносились от стен, но нигде не было признака того, что здесь когда-то были люди.

И только присмотревшись Кирилл заметил, что в пыли есть след ботинок. Мужских… И в тот момент, когда он это осознал, позади мелькнула тень, резкая боль, и сознание мужчину покинуло.

В себя Кир приходил тяжело, несколько раз пытался вынырнуть из тяжелого беспамятства и снова в него проваливался.

Где-то был слышен голос, что-то декламирующий. Но то ли голос был очень тихий, то ли этого было недостаточно, но очнуться у мужчины не получалось.

В себя он пришёл, когда на него сверху вылили ведро ледяной воды.

Ветра не было, но в подземелье было влажно, и тело тут же охватила мерзкая дрожь.

А над головой улыбался, хотя точнее будет сказать, что скалился — … Артур.

— Ты? — изумился Кирилл, даже переставая дрожать.

— Я, — согласился тот. — Сколько ты мне крови выпил, вампир-недоделка! Надо же, явился в офис, практически с улицы, случайный человек, можно сказать! А вреда от тебя оказалось больше, чем даже от агента службы безопасности, внедрённого в офис. Ну, кто бы мог подумать, что человек! Затычка для галочки! Окажется настолько умным, въедливым и… никак не могу решить, то, что вы нашли тело того мерзкого шантажиста — это

удача или всё-таки нет? Для вас, наверное, удача. А вот для меня — полная неудача. Вы разнесли мой дом, мой особняк! И более того, вы отдали мои души Смерти! Я от этой… костлявой вот уже полтора века скрывался сам, скрывал их, а тут явился ты и… всё, вуаля. Все в шоколаде, один бедный Артурчик остался по уши в дерьме! Вот что ты припёрся туда? Тебя звали? Тебя, я спрашиваю, звали?!

— Кто бы мог подумать, — Кирилл закрыл глаза. — Я уже голову себе сломал, пытаясь понять, кто убийца… А оказывается — ты.

— Оказывается, я, — передразнил Артур, усаживаясь на тот длинный камень, на котором был привязан Кирилл. — Ты не дёргайся. Сейчас я с тобой поговорю, а потом уйду. А ты останешься. Я долго думал, что с тобой сделать. Убить? Но это так просто и так скучно! Ты не испытаешь даже десятой доли моих мучений!

— А это обязательная часть программы?

— Безусловно, — в глазах Артура стыло безумие. Когда и откуда он вытащил нож, Кирилл даже не понял. — Обязательно!

— А Женька была только поводом меня выманить?

— Нет. В противном случае, откуда бы я узнал, что она твоя сестра? Хотя, лгу. Я знал, что она твоя сестра до этого. Сумирэ-чан сказала.

— С чего бы вдруг ей это тебе говорить?

— Я был в её кабинете, когда ты позвонил. Я часто к ней захаживаю.

— Я думал, что у неё отношения… с Князем.

— О, да, увы. С Князем, — Артур кивнул. — Именно с ним. Но я не оставляю надежды, что смогу её отбить! Она чудесная женщина.

— Но ведь не человек.

— Так и я тоже только по рождению!

Кирилл закрыл глаза. Голову пекло, в груди кололо. Но зато ещё одна загадка сложилась успешно.

— Славка шантажировал Сумирэ. А ты об этом узнал и позаботился о нём на свой лад. И ты соврал. Ты не мог быть в кабинете, когда я звонил. В противном случае ты бы сразу предложил отправить факс, а у Сумирэ проблемы с техникой. То-то мне показалось, что в телефоне что-то щёлкнуло. Ты не просто компьютерщик, ты электронщик, я бы даже сказал, гениальный электронщик. Тебе не составило особого труда поставить в мой телефон подслушивающее устройство. И все разговоры ты слышал из своего кабинета. Из этого разговора ты узнал, что Женя моя сестра. Дальнейшее ты не стал слушать, ты сразу

занялся тем, чтобы перехватить мою сестру. При этом… Как ты отогнал от неё привидение?

— А, это, — Артур, польщённый тем, что ему сделали комплимент, заулыбался. — есть некроманты, которые могут воздействовать на привидений. Двигаться эта призрачная штучка сможет ещё не скоро. Жаль только, что убить её у меня не получилось. Я попробовал, но моих умений всё же недостаточно.

— Их было достаточно, чтобы подслушать звонок шантажиста, потом выманить его и убить. После этого, чтобы никто не нашёл следов, ты забрал тело Славки.

— Верно.

— Но ты знал, что Ольга — баньши, нарушила правила ради него и до сих пор его ищет.

— Я безумно перепугался, что эта дура может что-то заподозрить. Пришлось по-быстрому её устранять. Но я сработал достаточно чисто, чтобы никто меня в СМР не заподозрил, но достаточно грязно, чтобы ты продолжил что-то вынюхивать. Да ещё и это раздвоение, ты знаешь, что ты — главный подозреваемый в деле этого убийства? Только потом тебя-второго поймать не смогли, и до сих пор ищут.

— Долго искать будут, — вздохнул Кирилл. — Итак. Что дальше? Где моя Женя? И… что ты планируешь сделать со мной?

— Хах, если бы ты не спросил последнее, я бы ни за что не сказал тебе, где твоя сестра. Но раз ты спросил, раз тебе интересна твоя судьба, я скажу тебе, где она. В этих катакомбах есть замечательное местечко — в сердце катакомб. Там много чего интересного можно увидеть, но жертву на алтаре никто не тронет. Вот твоя Женя там, на этом алтаре. Нет, не переживай. Ты пришёл — и я не буду её убивать, я сделаю её своей слугой. Давно хотел получить подходящий материал для того, чтобы сделать лича! И тут такой подарок!

— Ты говорил, что отпустишь её.

— Зачем бы мне это делать? Она видела моё лицо. Более того, она успела меня сфотографировать. А удалить я не смог. Фотоаппарат спрятало привидение в своём теле. Право слово, вы такие… занозы, вы трое.

— Почему трое?

— А что, есть кто-то ещё, кто может появиться рыцарем на белом коне и спасти тебя? — Артур забился в истерике от смеха. Его эмоциональное состояние было нестабильным настолько, что это вызывало страх. С разумным человеком можно договориться, можно запугать, улестить, но если человек сошёл с ума, то разумные доводы здесь не помогут.

И единственное, что пришло в голову Кириллу — это то, что

нужно тянуть время.

Возможно, Лэйла сможет очнуться и позвать на помощь Каина. Возможно, она сможет отнести фотоаппарат Князю. Возможно…

Пока тикают часы, пока идёт время, есть возможность спастись самому и вытащить Женьку, уберечь её от той мерзкой судьбы, которую ей уготовил некромант.

— Ты подсылал к нам душу Велислава?

— А? — Артур, как большой кот бродящий вокруг алтаря, на котором был распят сам Кирилл, остановился. — Душу? Послал?

— Значит, не ты.

— Что не я?

— Всё не ты.

— Всё не я? — некромант наклонил голову. — Не я, но всё? Всё, но не для меня? Гы. Ты настолько наглый человек, что тебя убивать даже жалко, такой расход драгоценного материала. Но оставлять тебя в живых нельзя, никак нельзя. Ты слишком умный, — похоже было, что Артур уговаривает сам себя. — Хотя если ты пообещаешь, что никогда-никогда никому-никому лишнего не скажешь… Нет, не получится. Мне же тогда придётся отказаться от твоей сестры, а она личность даже интереснее, чем ты сам. Что же делать…

— Расскажи пока, что ты для меня приготовил, — предложил Кирилл, пробуя на прочность путы.

— А! Да! Это… нет, если это сделать сюрпризом, это будет совсем не интересно, тебе не будет страшно!

— Ты хочешь, чтобы мне было страшно?

— Да, да, да! — глаза психа полыхнули ненормальным светом, не человеческим. Алые фитили в его глазах были очень похожи на настоящий костёр. Страшно.

— Это совсем не городская легенда, это куда интереснее и страшнее! Потому что в этой крепости вот уже четыреста лет пропадают люди. Не каждый день, поэтому никто и не обращает на это внимания. Раз в год, раз в два года. Здесь! — Артур вздёрнул руки вверх. — В этом месте живут духи! Старые духи! Великолепные, каждый из которых готов пожрать тебя! Сожрать тебя и твою душу! Эти духи не слышат человеческого голоса!

Свет в глазах потемнел, о чём там распинался Артур, Кирилл перестал слышать. Это было похоже на то, что кто-то приоткрыл дверь из тёмной комнаты в светлый коридор. Узкая полоса света легла на пол.

…Ладонь ощущает склизкие стены. Губы пересохли. Нельзя останавливаться. Нельзя. Надо вперёд, быстрее. Потому что та тварь за спиной — она не слышит ни слова. И надо прочь, скорее,

пока ещё можно, пока не поздно!

Ступенька под ногой осыпается, и он падает. А потом его оплетают узлами, длинными верёвками и тащат, тащат куда-то…

— Ты меня не слушаешь! — на Кирилла вылилось новое ведро воды, и он открыл глаза.

Артур усмехнулся, наклонился, проводя ножом полоску от подбородка до живота Кирилла, разрезая на нём рубашку.

— Или это просто тебе стало страшно?

— Я здесь уже был.

— Что? — некромант отступил, не понимая, вглядываясь в мужчину, потом покачал головой. — Не хочется тебя огорчать, но если бы ты был здесь, то ты бы сдох. Никто не может спастись от духов, которые здесь живут. Они голодны, у них мало сил, но они никогда не отпускают свою жертву. Если бы ты был здесь, то ты бы не был таким живым. Духи, питаясь со своей жертвой, выпивают её жизнь. Представляешь, как весело жить с отрицательным сроком жизни!

— Ах, — в подвале зазвучал звонкий смех… женщины. — А я всю голову сломала в попытке понять, что это значит. Привет! — помахала она пальчиками ошарашенному Кириллу.

В не меньшем изумлении был и Артур, изучая непонятно откуда появившуюся женщину, которой точно здесь быть не должно было.

Белые волосы, завитые в крупные букли, спускались немногим ниже лопаток. Глаза крупные, небесно-голубые были опушены длинными ресницами. Губы — бантиком, не природные, но результат работы очень хороших пластических хирургов.

Мелькнул длинный розовый ноготь в стразиках, когда красоточка помахала пальцем перед носом Артура:

— Ни-ни-ни, нельзя так делать, мальчик. Будешь плохо себя вести, появится какая-нибудь страшная, страшная тётя и сделает тебе а-та-та! — звякнули бубенчики в ушах, когда женщина, откинув голову снова рассмеялась. Звонко, мелодично, поставленным голосом.

— Ты… ты… кто?! Откуда ты взялась?

— Я-то? — женщина потыкала ногтём в щеку Артура и засмеялась, — а какая тебе разница, мальчик? У тебя есть возможность, убраться отсюда, пока я добрая. Долго доброй я не буду! Так что… Слушаю твоё «извините, я больше так не буду», и можешь катиться отсюда!

— Дрянь! Дрянь! Ты пришла на помощь ему!

— Ему? — женщина скосила взгляд на Кирилла и кивнула. — Да, хотя он даже не думал, что я приду, правда, милый?

Дар речи у мужчины пропал. Он смотрел на бубенчики в

ушах незнакомки и ощущал, что сознание снова куда-то плывет.

— Ого, вот что нужно было, чтобы тебя напугать, как следует, — ухмыльнулась женщина, разрешая проявиться в глазах голодной бездне, потом повернулась к Артуру. — Я жду.

— Да пошла ты! В ад! — крикнул он.

— Да, я как бы и так оттуда, — пожала плечами появившаяся спасительница, и только захохотала, когда с рук Артура сорвались чёрные стрелы убивающего проклятья.

Женщине они были абсолютно не опасны, но… целью заклинания была совсем не она. Проклятье неслось прямиком к Кириллу.

— Вот и сдохни, — обрадовался Артур, и всё вокруг потонуло во вспышке разрыва некромантической силы.

Заплясали на стенах чёрные, зелёные огни, мелькнуло что-то в углах, и с довольным урчанием:

— Еда! — в комнату двинулись те, кого Артур пока не ждал. Духи, привлечённые запахом свежей крови и свежей силы, стремились присоединиться к пиршеству, на которое их любезно пригласили…

Глава 20. Украденная память

Что может ранить человека? С какой стороны ни посмотри — многое: слово, дело, бездействие, мысль, память. Человеческая память — это уникальный механизм, имеющий свои способы регуляции. Если обратиться к психологии, то она с удовольствием сообщит, что память предназначена для того, чтобы сохранять, накапливать и воспроизводить информацию.

Если какая-то информация становится ненужной — она выбрасывается из памяти.

Теряется также и некоторая информация, которая причиняет человеку боль. Именно поэтому говорят «время лечит». Память не может вечно сохранять информацию, поэтому проходят годы, десятилетия, и там где была открытая рана, остаётся только лишь шрам, дёргающий при сходных условиях.

Врачам, да и, пожалуй, всем известно понятие амнезии — таким образом психика защищает человека от его прошлого. Некоторые воспоминания человек сам инстинктивно закрывает за огромной дверью и выбрасывает ключи от неё, чтобы больше никогда не вспоминать. Такая память приходит иногда после сеансов гипноза или в кошмарах.

Но если допустить, что в мире помимо людей существует тайный мир, то неужели нельзя допустить вероятность того, что некто может эту самую память украсть? Можно.

И вот тут начинается самое сложное: надо ли возвращать эту память? Или пусть её, какая разница, что хранится там, в её глубине? Может быть, там ничего важного и нет? Может быть, в том прошлом было что-то такое, что можно выбросить? Или нет? Или да?

Нет или да?

Да или нет?

Сознание не хотело возвращаться обратно, оно плавало в темноте, расцвеченной огоньками призрачных огней. Огни были везде. Они парили в этом «воздухе», они были под уровнем этого «пола» — хотя скорее, ощущение было, что Кирилл парит над водой. И всё это только отражение отражения, и нет ничего и нигде.

Попробовав поймать хоть один шарик, Кирилл промахнулся, и в руке ничего не осталось.

А потом он открыл глаза.

Всё так же он лежал на каменном алтаре, под головой было мягко — женские колени. Мокрая одежда была высушена, и сверху Кирилл был прикрыт женским пиджаком. Явившаяся

красотка осталась в одном коротеньком платье и с интересом смотрела куда-то в сторону.

— На что смотришь?

— Не рой другому яму, — философски отозвалась женщина. — Сам в неё попадёшь. Этот парень собирался принести тебя в жертву местным духам, в а результате сам пошёл им на корм.

— А помочь ему?

— Уже нельзя. Ты был в отключке почти час. За это время духи от него не оставили ничего… Даже его безумие сожрали.

— Итак, что ты здесь делаешь? — спросил Кирилл.

— Ммм… Понимаю, что мы вляпались по самое не могу.

— Всё настолько плохо?

— Откровенно говоря, всё даже хуже.

— Где моя сестра, Каин?

— Женя? — женщина вздохнула. — Так я и знала, что первое, о чём ты спросишь — будет она. Какой твой второй вопрос? Все ли в порядке с Лэйлой?

— Читаешь просто мои мысли. Как ты сюда попал?

— Попалà, пожалуйста. Я не случайно тебе говорила о том, что мы не имеем понятия собственного тела, мы не имеем такого понятия, как «гендерность». Мы — это мы. То есть мы не делимся на мужчин или женщин, это ваши человеческие представления. Поэтому, когда я — мужчина, я Каин. Когда я женщина — я…

— Только не Ева.

— Вот ещё! — фыркнула женщина, — второе имя мне дал совсем другой человек. Он назвал меня… — Адвокат не договорила, повернулась, чутко вслушиваясь в крики за пределом алтаря. — Это надолго. Нет, не переживай. Поскольку спасать тебя так срочно не надо было, первым делом я занялась твоей сестренкой. Когда она была в безопасности, я сдала её на руки Князю и Сумирэ-чан, которые примчались сюда. Хельга хотела войти сюда, но… офицеры их службы безопасности, да ещё и с такими способностями здесь — это просто приглашение на пир. Пришлось её усыпить и отдать также Князю. Лэйла тоже в порядке, правда, злится. Говорит, что теперь у неё конкурентка в моём лице, и это ей не нравится. Впрочем, не буду врать, это тело долго не продержится…

— Ты не сказал… Ты не сказала, как тебя зовут, если ты в женском теле.

Женщина улыбнулась.

— Ангелина. Ангел.

Кирилл промолчал. Что он мог на это сказать.

Ангелина тем временем взглянула с алтаря вокруг.

— Духи, да… Когда духи питаются человека, счётчик его жизни начинает отматываться назад. Знаешь, как бы это так сказать. В душе не должно быть пустоты, но она может там существовать… Нет. Не так. Как бы объяснить-то… есть Пустота и пустота… Нет. Понятнее особо не станет.

— Опустим это, — улыбнулся мужчина. — Давай дальше. Духи питаются с человека, и что становится с ним?

— Вначале отматывается счётчик. Это как бы знак того, что духи пожирают будущую жизнь человека, потом они поедают его память, потом здоровье, потом черты характера, ум. На этом моменте жертва похожа на овощ, и уже ничто не может помочь.

— С тем учётом, что в детстве я болел очень мало, да и памяти у меня пропали чистые крохи, по какой-то причине духи не стали с меня питаться?

— Это вопрос, — согласилась Ангелина. — Не зря Смерть так предвкушающе улыбалась. Какая-то подлость здесь есть, безусловно. У тебя минус сто сорок пять лет, такое ощущение, что с тебя питались одновременно духов десять и дней так… тридцать. Но такое время не выдержал бы ни один человек! В общем, ты — загадка. Для меня, для Лэйлы. Что-то знает леди Смерть, но костлявая никому никогда не скажет. Ей нравится смотреть, как мы, неместные, оказываемся в тупике.

— А… местные?

— Никогда её не видят. Ну, это правило. Исключения, как ты знаешь, есть. Но с такими исключениями тоже лучше не встречаться, — побарабанив пальцами по щеке, Ангелина кивнула решительно, потянулась и взяла руки Кирилла в свои. — Ты хочешь попробовать вернуть свою память?

— Только попробовать?

— Да. Прошло уже много времени, и я не знаю, удастся ли её восстановить, разобрать из всего, что нажрали эти твари. Но мы можем попробовать!

— И что для этого нужно сделать?

Ангелина сделала невинное выражение лица и махнула рукой в сторону зала, охватив его весь.

— Тебе надо спуститься туда!

— Но духи же нападут.

— Именно! К сожалению, на меня они нападать не хотят. Знают, на кого нельзя ни в коем случае задираться. Но если они нападут на тебя, я смогу уже их прибить!

— Ты слишком рада этому.

— Давно не выпадало случая, как следует размяться. В этом мире нет вообще никого. Только огнестрел дурацкий! А я хочу клинка! — Ангелина улыбнулась, сложила ладони в

умилительном жесте, прижала сомкнутые ладошки к щеке, закрыла глаза. А когда открыла и опустила руки, ситуация изменилась — вместо нежного жеста, была профессиональная хватка на тонком изогнутом клинке. — Вот, раньше умели делать оружие. Это, — лизнула она лезвие, — ятаган.

— У тебя кровь!

— А, да… — кивнула женщина, позволяя капле серебристой крови растечься по клинку. — Так надо.

По изогнутому лезвию пошли волны, изгибающие клинок совсем не тривиальным образом, Ангелина смотрела на происходящее с удовольствием, потом кивнула.

— Так пойдёт, — и метаморфозы закончились.

— Сколько времени у меня на принятие решения, — спросил Кирилл тихо. Интуиция кричала, что нельзя, ни в коем случае нельзя соглашаться. Что это будет хуже, чем всё, что он успел пережить до этого.

— Пара минут, — отозвалась Ангелина. — Это тело прослужит ещё пару часов и рассыплется глиной. Так что…

— Извини. Можешь дать мне эти пару минут?

Женщина кивнула, отодвинула от разгоряченного тела платье, подула на кожу. Для Адвоката в переходном состоянии здесь было жарко. И очень, очень, очень хотелось кого-то убить.

Человека-подопечного убивать, естественно, было нельзя. И не хотелось. А вот духов — можно было, и Ангелине очень хотелось, чтобы Кирилл на эту авантюру согласился.

— Вариант — это плохая идея можно сразу откинуть? — уточнил он.

Ангелина пожала плечами.

— Нет. Можешь его озвучить, тогда я дам тебе защиту от духов, и ты просто покинешь это место.

— А потом тут снова кого-то убьют?

— Я этого не говорила, — вскинула руки женщина. — Не надо делать из меня чудовище, пользующееся моральным давлением. Какая тебе разница-то? Ну, убьют. Так тут каждый год кого-то убивают, что теперь, устраивать поминки?

— Хорошо. Мы сделаем это.

— Сделаем что?

— То, что ты хочешь. Я выманю этих духов, ты — будешь их убивать.

— Ты уверен?

— Вполне.

— Ну, хорошо, — по губам Ангелины скользнула насмешливая ухмылка, и снова Кирилл ощутил, что находится очень близко от западни. — Тогда перед тем, как ты займёшься

этим делом, я наложу на тебя защиту. А, да… можешь закрыть глаза, и просто представить на моём месте кого-то ещё.

— Чт…

У Ангелины были холодные губы, и не властные, как почему-то казалось Кириллу, а очень нежные.

Она была олицетворением идеала, который когда-то себе в подростковом возрасте себе придумал Кирилл. Красивая, порывистая, болтливая в меру, знающая, когда можно помолчать, а когда лучше пустыми разговорами заполнить паузу. Язвительная и драчливая, сильная и спокойная. Состоящая из противоречий и в то же время единственно возможная.

— Не увлекаться, — потребовала Ангелина, оторвавшись и уперев ладонь в грудь Кирилла. На её щеках цвёл румянец, и дышала она часто-часто. — У нас на это нет времени.

— Никогда не бывает времени, — пробормотал мужчина, удивляясь сам себе, потом тряхнул головой, но наваждение никуда не делось. Она была рядом, почему-то казалась повзрослевшей, хотя вроде бы…

Вроде бы.

— Кирилл! — окрик Ангелины вывел мужчину из транса.

Спрыгнув с алтаря, он шагнул в зал, одним своим видом приманивая духов. Но в мыслях неспешно плыло, что что-то вокруг… не то, не так, как было уже когда-то. Тогда духи действительно напали на него. Но что было дальше?

Кто-то его спас? Но разве это возможно спасти от духов её жертву, если ты не Адвокат мёртвых?

И говоря об Адвокате.

Кирилл поднял голову вовремя, чтобы увидеть сверкающий росчерк волнистого клинка. В воздухе остался след, в точности как в компьютерных играх, когда герой выполняет какое-то комбо. Так и здесь — четыре резких удара, вокруг духа сжался квадрат из чёрно-фиолетовых огней. Финальным аккордом звякнули бубенчики, когда прыгнув с места, Ангелина разрубила духа на куски.

На грязный пол, покрытый пылью, упали несколько кусков драгоценных камней и минералов. Кириллу эти кусочки ни о чём не сказали, а вот женщина уверенно опознала:

— Малахит, лазурит, розовый хрусталь — раз, два, а ещё кусок изумруда. Ну и масса гальки и глины.

— Это что? — спросил мужчина растеряно.

— Чужая память. Я просто придала ей форму. Так, — собрав всё в маленькую сумочку, Ангелина подумала, потом повесила на шею Кириллу.

— Точно, так будет лучше.

— Грузчик, манок… что дальше?

— Не знаю, — пожала плечами Адвокат. — Я подумаю. И придумаю. А! Да, имей в виду, это человеческая память, с которой я работать не умею. Готовься к тому, что тебе самому придётся эти все камни пересмотреть.

— Я не маг.

— А магом тут быть и не надо, — пропела Ангелина. — Активнее приманивай, активнее!

— Как скажешь, — вздохнул Кирилл. — Ловись рыбка большая, ловись рыбка маленькая. Ловись рыбка большая, ловись рыбка маленькая. Ловись рыбка маленькая…

В то что дело в его дурацкой сказочной присказке, Кир не верил, но в течение следующих трёх минут, в зал прилетели ещё восемь духов. Гора глины и песка образовала что-то очень похожее на череп со скрещёнными костями, а коллекция памяти разрослась точно до пары килограммов. Среди окатышей было столько всего, что глаза разбегались, а под ложечкой сосало от понимания того, что это всё придётся пересмотреть Кириллу.

— Да не всё так плохо, — засмеялась Ангелина. — Ты не думай. Вот, смотри, это из последнего улова, видишь, два сапфира абсолютно одинакового цвета. А если вооот так сложить, то станет понятно — что это часть одного целого, если ты прав — то части потом так и останутся склеенными. Конечно, кусок памяти на просмотр будет больше, но и смотреть целиком его совершенно не обязательно!

— Радует. Мало того, что мне предстоит ощутить себя подглядывающим за чужой жизнью, так ещё вдобавок ко всему, меня ждут паззлы.

— Вот! Я знала, что ты найдёшь положительные стороны во всём!

— Да, да…

— Так, повторяй ту свою скороговорку, только в конце говори, пусть приплывёт рыбка большая. Вся эта шушера слишком мелкая, с тем учётом, что эти катакомбы людей жрали несколько веков. Тут должен быть кто-то ещё.

— Очень вдохновляюще.

— Как есть! Зови… Хотя нет, подойди ближе к алтарю, и когда договоришь — сразу же забирайся на него.

— А ты?

— А что он мне сделает то?

Кирилл пожал плечами.

То, что ему казалось авантюрой с невозможным удачным исходом, принесло свои успехи. Вот только на душе становилось всё тяжелее, казалось, что истина лежит прямо под носом, но!

Пресловутое «но» вылезало всегда не вовремя. Что-то было не так. И складывалось бы вроде всё удачно. Но! Но…

— Ангелина.

— Да?

— Достаточно. Если мне повезёт, моя память будет в тех кусочках, что мы нашли. Не стоит вызывать того, кто считает себя здесь по праву хозяином, — на одну чудовищно растянутую секунду Кириллу показалось, что губы онемели, и его голосом говорил кто-то другой.

— Да ладно! — отмахнулась Ангелина, — всё будет нормально. Не тяни.

— Не тянуть говоришь. Ты слишком…

Женщина не слышала, она стягивала с себя платье. Звякнули бубенчики в ушах. На спине помимо разноцветных разводов синяков, были куски яркой глины и керамики. Тело не выдерживало, поэтому…

Чем больше Кирилл тянул время, тем хуже могло закончиться всё это для него. К тому же, кто знает, кто в следующий раз мог бы прийти в эту крепость и попасться на удочку живущих здесь монстров. Смог бы он жить, если бы здесь умер кто-то знакомый?

— Ловись рыбка большая, ловись маленькая, большая и маленькая. Ловись рыбка большая! — договорив, Кирилл отступил назад — к алтарю. Но не успел к нему прикоснуться, как камень взорвался…

Безопасного места больше нигде не было.

— А вот об этом я не подумал, — раздался ломающийся мужской голос.

— А следовало, — насмешливо сообщил ему в ответ женский.

— Да, замолчите! — возмутился мужской бас. — Человека сейчас перепугаете!

— Человека пугать не дело, — согласилась женщина. — Не поворачивайся, Кирилл. Чтобы не случилось, крепко держи сумку и не поворачивайся. Лучше будет, если ты закроешь глаза или заткнёшь уши.

— Да, да, и вообще пусть сделает это одновременно, что у него не четыре руки что ли? Крыша у тебя от всех этих смен тел поехала, Гелька?

— Каин, сделай доброе дело, заткнись! Это твоя вина!

— Да, да, — согласился насмешливо Адвокат. — Во всём и всегда, я виноват, а ты так — сбоку припёка.

— А вот и неправда, у меня свои сильные стороны, у тебя свои. И вообще, заткнись! И без того будем долго соображать в родном мире, мы есть кто.

— Мы есть чудь, — сообщил Каин насмешливо. — Кирилл,

осторожно!

Уклониться от удара у Кирилла было столько же шансов, сколько у человека, привязанного на рельсах, уклониться от переезда составом, то есть — ноль.

Огромная призрачная тварь просто вылетела с безумной скоростью из того места, где был алтарь. Кириллу достался всего лишь удар хвостом, но и этого было достаточно, чтобы его словно размазало по стене. И, кто знает, чья была эта усмешка, но он оказался за спиной Адвоката, с отличным обозрением на происходящее, потому что руки были заняты сумочкой с драгоценными камнями.

Над рассыпающимся на куски телом Адвоката — был рой… рой маленьких людей. Кирилл рассмотрел старушку, старика, ребёнка и девушку, подростков, высокого рыцаря, верткого человека, которого с первого взгляда можно было смело записывать в категорию «воров». И над самым телом спорили двое — Каин, которого привык видеть мужчина в своём доме, и Ангелина — та самая, которая появилась и спасла его от некроманта.

И это…

— Как это? — спросил Кирилл.

Ангелина и Каин перестали спорить и воззрились на мужчину.

— Упс…

— Ты что, видишь нас обоих разом?

— Вообще-то, — ткнул он пальцем в рой над головой обоих. — Я вижу и их тоже.

— Так, детки, — выбрался из толпы огромный бритоголовый мужик с громадным копьём. — Пока выясняете свои отношения, дайте-ка я.

— Стой! Ригард!!! Тело это не выдержит твоего присутствия.

— Придётся ему постараться.

Как на старом приёмнике вертят ручку, чтобы убавить громкость, так и здесь. Тело занял по-хозяйски совсем другой… дух? Образ? — а остальных было слышно то хуже, то наоборот лучше.

— Ригард, вернись!

— Вернись, тебе говорят!

— Ребятки, заткнитесь, — велел мужик, сквозь тело блондинки просвечивало его настоящее, громадное. И копьё в его руке было настоящим, а не призрачным. — Надо же, я думал таких тварей нигде не осталось. Человек, будь там, где есть.

— У меня имя есть!

— Я знаю, но…

— Я Кирилл, — рыкнул мужчина. — И вы меня со своим «человек» достали до печенок!

— Прости-прости, Кирилл. Но будет лучше, если ты оттуда никуда не пойдёшь. Эта тварь исключительно быстрая, вёрткая.

— Что это?

— Ммм… Я бы назвала это пожирателем, — высунулась над левым плечом Ригарда Ангелина.

— Гелька заткнись! И смойся оттуда, — вызверился Каин, появляясь справа. — Вот сколько раз тебе говорить фильтровать информацию? Не умеешь этого — учись у Леи. «Всё знаю — никому ничего не скажу».

— Каин, завянь. В отличие от её мужчин, ты не настолько терпелив, и если бы я пару раз рискнула так замять информацию, ты бы прибил меня и не посмотрел на то, что мы отражения единой сути.

— Я уже ничего не понимаю, — вздохнул Кирилл.

Каин хмыкнул:

— Ничего, мы, когда сами собой становимся, тоже особо не въезжаем в ситуацию.

— Я объясню, — подмигнула Ангелина, послав воздушный поцелуй, — подожди ещё немного!

— Как будто у меня есть выбор, — отозвался Кирилл.

— Выбор есть всегда, — наставительно заметил общий рой хором, и мужчина счёл за лучшее вообще замолчать, просто посмотреть на происходящее. А посмотреть было на что!

Кто знает, кем был этот самый Ригард в своём родном мире, откуда и когда он попал в сети Адвоката и были ли эти самые сети, но ощущение создавалось такое, что этот мужик был на корриде, только вместо быка был кто-то гораздо крупнее. Дракон, например?

— Ха-ха, — захохотал мужик. — Мне нравится твой подход к делу, Кирилл! Да, ты угадал, я драконоборец. И эта мерзкая призрачная тварь имеет с драконами кое-что общее: она огромная, быстрая и исключительно подлая!

Камень под ногами Кирилла взорвался, и в появившемся круглом проёме проявилась огромная пасть.

«Как вкусно пахнет! Ах, какой привлекательный запах. Да! Я знаю его, я помню твой вкус, человек!» — громкий гулкий голос заставил застыть всех. Застыл Ригард, не в силах сделать шаг. У Кирилла было ощущение, что кто-то заморозил время. Тварь всё появлялась и появлялась из дыры, обматывая его кольцами своей призрачной сущности. — «Тогда мне помешали тебя пожрать. Я успел только попробовать тебя. Я забрал у тебя сущие крупицы, но это было так вкусно. Ты сам не знаешь собственного

потенциала. Ах… Как я хочу проглотить тебя сразу! Или лучше посмаковать. Что бы забрать у тебя сейчас? Хочешь», — раздвоенный язык лизнул Кирилла по щеке, — «я начну с того, что заберу у тебя воспоминания о мёртвой, которая ходила вокруг тебя, как будто она снова стала живой. И надо будет понять, как это сделано, я не откажусь создать для себя армию тех, кто будет приносить мне подношения каждый день. Я голоден, я очень голоден», — пожаловался монстр. — «А ты кажешься таким, таким заманчивым. Ты же не возражаешь?»

«Возражаю», — голос Кирилла был его, но вот слова… Сознание Кира плыло, как на волнах той самой черноты, он был полностью раздавлен мощью той твари, что нависала над ним, так откуда же взялось это «возражаю»?

«Ну, согласись», — заканючила тварь, — «пожалуйста! Я избавлю тебя от страданий. Тебе больше никогда не будет больно. Ты никого не потеряешь. Ты будешь моим. Вечно! Ты будешь спать в моих кольцах, и я буду качать тебя».

«Изыди!» — показалось или что-то белое вскипело вокруг тела мужчины?

Тварь зашипела, дёрнулась, роняя Кирилла, выпуская его из своих страшных объятий. Мимо взгляда метнулось огромное копье, прошивая тварь насквозь.

И… по голове ударил первый драгоценный камень, за ним второй, третий, потом этот «дождь» превратился в водопад. Мужчина не осознал, но уже спустя минуту он был засыпан этим по колено. Шагнул и свалился.

Умереть под градом драгоценных камней? Достойное окончание того безумия, что началось в тот момент, когда в квартиру Кирилла вошёл на своих ногах чемоданчик, а вслед за ним появился мёртвый Славка.

А потом Кирилл взмыл в воздух, поднятый неведомой силой. Сила была соткана из ужаса и безысходности. Только страшно не было, не в такой концентрации, но Кир знал это ощущение. Рядом был Адвокат.

— Не открывай глаза, — это был приказ, и это было куда сложнее для осознания, чем всё, что случилось до этого, потому что голос звучал одновременно, как женский и мужской.

Сколько его несли, Кирилл не смог бы сказать, но через какое-то время его опустили на скамейку.

— Чудесный человек, — прошелестело то нечто, что было рядом.

Мужчина ощущал, его правое плечо одобряющим жестом сжимает рука мужчины, а на левой щеке была женская ладонь с аккуратным маникюром.

— Кто… ты?

— Мы есть чудь. Мы есть то, чему нет описания в человеческом языке, мы не едины, но мы многообразны. У каждого из нас есть дело своей жизни и своя сущность. Не задумывайся об этом человек, это слишком для психики людей. Попробуешь осознать — и сойдёшь с ума.

— Хорошо. Эта тварь?

— Его больше нет. В таких тварей превращаются такие как Лэйла. Если призрачная ведьма нарушает тот самый главный завет, который она даёт перед тем, как потерять своё человеческое тело, то она превращается в пожирателя всего, что делает человека человеком.

— А…

— Твоя память где-то среди тех камней, что выпали из него. Их доставят все сегодня к тебе домой.

— А ты?

— Я пока уйду, человек.

Кирилл поморщился, но почему-то этому говорить, что лучше бы он назвал его по имени, не хотелось.

— Но ты вернёшься?

— Каин. Он присмотрит за тобой, пока загадка твоего контракта не будет решена. Считай до десяти, человек, и после этого открывай глаза.

— Хорошо. Раз… Два…

Тихий шёпот тысяч голосов, тихий шорох движения тысячи ног…

— Три… Четыре…

Мягкий бриз коснулся лица Кирилла, стирая сажу и кровь.

— Пять.

Почему-то пахло мятой. И новые руки, которые коснулись тела, были очень маленькие, будто руки ребёнка…

— Шесть.

Боли больше не было. Но пропал и запах мяты… Вместо него был запах шоколада и ощущение мягких губ. Это было прощание, от той, что появилась сегодня среди всех осколков личности Каина, чтобы сразу же исчезнуть. Но о ком подумал Кирилл, когда только её увидел?

— Семь. Восемь.

Снова мягкий бриз, и тишина. Мягкая, уютная. Скрипела дверь, ведущая теперь в обычные катакомбы.

— Девять. Десять, — досчитал Кирилл до конца и открыл глаза.

Он был один, сидел на лавочке около развалленной крепости. На дороге, ведущей к катакомбам стоял его джип, от которого

махали руками смеющаяся Лэйла и плачущая Женька.

Кирилл усмехнулся и встал. Налетевшие на него две живые торпеды, чуть не сбили, закрутили, затормошили.

— Всё, всё дома, — растрепал он волосы одновременно и Женьке, и Лэйле. — Карета подана, так что по коням!

Спорить никто не стал.

Кирилл уже садился в машину, когда в проёме, ведущем в катакомбы, кто-то появился. Что-то белое взметнулось в воздух. И…

Щеке стало мокро, налетевший ветер тут же слизнул солёную дорожку, и когда мужчина снова поднял голову — около крепости никого не было.

Да и был ли кто-то?

… Джип ехал по сонному городу. На заднем сидении спала Женька, спала Лэйла. Кирилл смотрел на дорогу, думая о том, когда и в каком виде на этот раз явится Адвокат мёртвых. В сумочке у него были драгоценные камни чужой памяти и души. Его собственная память валялась где-то в замке, рядом с другими камнями, олицетворяющими чужую душу, память, чужую человечность.

Около входа в катакомбы, сжавшись, чтобы стало хоть немного теплее, кто-то горько и отчаянно выл…

Часть III. Девочка из прошлого

Глава 21. Драгоценные камни

Есть вещи, которые невозможно перевести в сравнительные единицы. Они не имеют веса, их нельзя померить метражом или перевести в литры, нельзя сказать, сколько они занимают кубометров объема или хотя бы насколько они ценны.

Вещи, не имеющие материального воплощения, которые невозможно передать другому и невозможно солгать себе об их наличии.

Это то, от чего может быть больно до крика; это то, от чего на губах влюбленных сама собой расползается дурацкая счастливая улыбка от уха до уха; это то, от чего по ночам кричат и просыпаются от кошмаров.

Это то, от чего невозможно избавиться, ибо они едкие и въедливые.

Это то, что нельзя купить и нельзя вернуть, если они пропадают.

Это воспоминания.

Каждое из них живёт в сердце человека. Какому-то воспоминанию отмерен совсем коротенький срок — пара дней, недель, месяцев — не больше. Бытовые моменты, случайные касания, мимолётные улыбки — это откладывается в душе, а потом постепенно тает, не оставляя после себя ничего.

Каким-то воспоминаниям отмечен долгий срок. Горькие, как осина, сладкие, как мёд — они живут в сердце годами, прорастая в каждую его клетку. Первая любовь, первый поцелуй, свадьба, рождение ребёнка, свои дни рождения, смерть — воспоминания могут быть разными.

Но объединяет любое из них одно — человеку они не подвластны.

Это микровселенная в его душе, о которой мы можем сказать только то, что она есть. И ничего с ней сделать невозможно. Мы не знаем, какие силы на неё воздействуют, разве что, кроме времени. Время лечит, время залечивает любые раны и стирает воспоминания. Возможно, когда они исчезают из памяти, они остаются где-то в душе — галькой с острыми краями, потухшими драгоценностями, из которых исчезли живительные искры, тишиной, которая не отзывается на крик.

Но Кириллу никогда бы и в голову не пришло, что воспоминания действительно могут быть драгоценными камнями. В самом что ни на есть физическом выражении.

Сейчас эти камни лежали огромной грудой перед ним, и он, сидя на ковре, смотрел на них и не знал, что ему делать.

Лэйла сочувствующе посмотрела на груду драгоценных камней, которые ждали Кирилла уже дома, сообщила, что это не по её части тоже и предпочла сбежать. А он сидел, разделяя камни по цветам, по минералам, по крайней мере те, которые мог узнать. И уговаривал себя, что это необходимо. Что где-то среди этой груды есть его память. Что-то, без чего ему нельзя прожить…

Окно за спиной стукнуло, взмахнули мощные крылья, и на подоконнике появился огромный чёрный ворон.

— Вот скажи, — Кирилл повернул голову. — Я всё равно не могу понять, что вы… такое.

Ворон совсем по-человечески вздохнул, попрыгал и перелетел на плечо к мужчине, больно клюнул в ухо.

— Человек, ты слишком умный!

— Я тебе уже десятки раз говорил, что меня зовут Кирилл! Если уж я до сих пор живой, несмотря на то, что у меня отрицательный срок жизни, значит — хуже уже быть просто не может.

— Да, да, — ворон кивнул-кивнул и опять вздохнул. — Умный ты больно!

— Это плохо?

— Это неудобно. Работать с умниками. Они вечно что-то мутят, крутят. «Я то не рассказал, потому что это неважно». «Он не может быть врагом, потому что он мой друг!» Ненавижу умников.

— Слышно личное.

Каин усмехнулся.

— Кирилл, тебе самому то не тесно в твоей реальности?

— Когда было тесно, занимался эзотерикой. Потом научился жить в той реальности, что вокруг меня.

— Ну-ну. Умник.

— Каин, ты злишься.

— А значит я не прав? Так вы любите говорить это?

— Нет. Ты злишься, а значит что-то случилось или что-то не получается, — Кирилл, оставив камни в покое, двинулся крадучись на кухню.

Впрочем, мог бы и не таиться — Женька спала так, что пушкой не разбудить. А Лэйла сидела за компьютером в гостиной, ожесточенно щелкая мышкой. Кажется, здесь и сейчас привидение в реальности отсутствовало с концами.

— Кофе будешь?

— Как ты предлагаешь его пить? — удивился ворон.

— Ну, должно же быть у тебя какое-то временное тело. Ворон же опять. Он же настоящий и ненастоящий одновременно.

Каин помолчал. Хлопнули крылья, и спустя мгновение на

стул напротив Кирилла сел уже знакомый ему парнишка. Всё та же ассиметричная чёлка, тот же пустой взгляд, худые плечи, длинные ноги и руки.

— Вот… А, — Каин только рукой махнул.

— Улей.

— Что?

— Я всё пытался напоминать, кого вы мне напоминаете — получается, что улей, а каждая сота — это отдельная личность. При этом как есть королева — у вас есть некий общий стержень характера или чего-то ещё.

— И да, и инет. Вы люди, любите вешать ярлыки, а я — чудь, в человеческом языке нет такого понятия, чтобы нас описать.

— Ладно, — Кирилл отмахнулся, — проехали. Ты лечил меня?

— Одна из нас. Маленькая девочка — лекарь-травница. Как почувствовал?

— По запаху мяты.

— Хм.

— Каин, когда вы ищите тело, вы его выбираете под себя. Настолько, чтобы изменения, которые в него будут внесены, когда оно будет подстраиваться под тело, были бы минимальны?

— Что-то вроде.

— Ясно… — Кирилл помолчал, заварил кофе, поставил перед Каином, мимолётно задев его руку. — Хотя нет, не ясно. Но зато, зная больше информации, ты становишься чуть ближе и понятнее.

— Зачем тебе это?

— Не так страшно.

— А ты умеешь испытывать страх?

— Страх — это сдерживающий фактор человека, также как воспоминания — толкают иногда вперед или подталкивают на какие-то поступки. А, раз уж речь зашла о них, скажи мне, пожалуйста, что это такое за камни лежат в моей комнате. Как такое вообще возможно?

— Человеческими силами — никак. Но ведь мы и не люди. Более того, — Каин покрутил перед собой чашку. — По сути дела, Адвокат мёртвых — это паразит, на человеческой душе. Мы можем воздействовать на ваши души также как на любую другую материю. В том числе и придавать некоторым частицам вещественную форму. Вроде того, чтобы превратить память в драгоценную память.

— Это могут не все?

— Маги из моего родного мира… да и из многих других впрочем тоже, могут сделать подобное. Только они пишут на драгоценные камни, прокручивая воспоминания у себя в голове.

Ну, а нам подобное не надо — мы просто обращаем воспоминания в камни. А уже потом тот, у кого есть нужные способности, может их прочитать.

— Не хочу этого делать.

— Почему?

— Потому что… — Кирилл отвел взгляд. — Это… неправильно. Все эти камни. Я подгляжу в чужую жизнь. И… ведь я узнаю то, о чём эти люди думали перед смертью? Их последнее желание.

— А… Вот что тебя беспокоит.

— Они о ком-то думали, все эти люди. И если я правильно понимаю, они все стали цепями для кого-то, для других душ?

— Что-то вроде.

— Я не хочу становиться их свидетелем, если не смогу потом ничего сделать. А я не смогу. Я человек…

— Я бы в этом не был так уверен. Ну, хорошо, — Каин развёл руками. — Давай мы сделаем так, адвокат мёртвых временно поработает на тебя.

— За бесплатно? — иронично спросил Кирилл.

— Не-е-ет, — протянул адвокат. — Бесплатно работать никто не хочет и не будет.

— Значит, ты чего-то хочешь?

— Переподписать контракт. Я уйду. Очень скоро вернусь домой. Я хочу, чтобы ты стал новым адвокатом мертвых.

— Но я жив.

— Пятьдесят лет побудет планета без нового адвоката мертвых или еще семьдесят — неважно. Проживешь свою человеческую жизнь, а потом станешь адвокатом. К тому же… Никто не говорил, что чтобы стать адвокатом нужно быть мёртвым. Духов ты видишь и так, Смерть к тебе лояльна. А на первое время… Гелька!

— А? — призрачная красотка высунулась из-за спины Кирилла, показала Каину языку и обняла мужчину за шею. — Отдай меня ему, а?

— Нет.

— Ну, Каин!

— Ты хочешь, чтобы я хорошему человеку подложил свинью в твоём лице? Тебе не кажется, что это даже для какой-нибудь мрази слишком страшное наказание?

— Каин!

Адвокат развёл руками и молча воззрился на абсолютно спокойного Кирилла.

Люди не должны быть такими спокойными.

Что сказал всего пару часов пожиратель? Что человек не

знает собственного потенциала. Пожиратель помнил его запах и его вкус. А в прошлый раз его помешали съесть. Помешали со стороны. Но почему?

— Так, в любом случае, — Каин, сердясь на себя за то, что его это волнует, взглянул на Кирилла. — Таковы мои условия.

— А как же первый договор?

— Он не выполнен. А поскольку в нем есть стандартная строчка, что в случае невыполнения договора в течение сорока дней, он автоматически расторгается, завтра он будет закончен. Так что…

— Это значит, — сообщила Ангелина, усаживаясь на край стола, с неохотой оторвавшись от Кирилла, — что ты можешь абсолютно спокойно ни с чем не соглашаться и не будешь обязан. Никому и ничем.

— Стать новым адвокатом, — поверх ее головы взглянул Кирилл на Каина. — И ты поможешь мне разобраться со всеми этими камнями? Выполнить последние желания, отрезать те цепи? И так далее.

— Да. Моё слово.

— Тогда неси контракт.

— Кирилл, не надо!

— Гель, исчезни.

— Не нужно ему этого делать, — отозвалась серьезно Ангелина. — Ты не понимаешь!

— Я не понимаю, — согласился Каин.

— И я кстати тоже, — добавил в разговор свои пять копеек Кирилл. — Или ты знаешь что-то, чего не знаем мы?

— Ты человек! Кирилл, ты — человек. Если ты станешь адвокатом мертвых, ты человеком быть перестанешь.

— Как это будет проявляться?

— Что?

— Как будет проявляться вот это «перестанешь быть человеком»? Я не смогу ощущать какие-то эмоции? Обрету сверхспособности? Научусь летать?

— Н… нет, — Ангелина ясно улыбнулась, а потом засмеялась. — Ты неправильный!

— Я человек, нам всегда было интересно что-то, до чего мы не можем дотянуться. К тому же, вот скажи — тебе плохо, что ты такая?

— Нисколько.

— Каин, а тебе?

Адвокат, покачивающий в воздухе пером, рисовал новый контракт невидимыми чернилами по невидимому для Кирилла пергаменту.

— Я не знаю другой жизни. Я всегда был таким.

— Есть желание попробовать другую жизнь?

— Нет.

— И никогда не возникало?

— Нет, — Каин вытащил из воздуха пожелевтеший от времени пергамент с договором, сложил из воздуха самолётик и отправил пергамент куда-то в сторону, в окно.

— Это что? Зачем? — Геля попробовала перехватить самолётик, но не успела. — У кого ты собрался завизировать договор?!

— У Смерти. Кому как не ей выбирать преемника для меня? — Каин махнул рукой. — Кышни, Гелька. Дай поговорить спокойно.

— Я тоже хочу.

— Придёшь потом.

— Ты злой! — обиделась Ангелина и пропала.

Кирилл посмотрел в тёмное окно. Далёкие фонари разгоняли тьму в нескольких местах около дома, и кажется мелькнуло что-то белое, но… тут же пропало.

— Ну, что? Начнём с драгоценных камней? — предложил Каин негромко.

Кирилл молча поднялся и двинулся обратно в свою комнату. Адвокат, оставив на столе нетронутую кружку, пошёл за ним.

Гора драгоценных камней за это время словно бы стала ещё больше.

Изумруды, рубины, сапфиры, аметисты, янтарь, агаты, гранаты, селениты, топазы, алмазы, бирюза, александрит, обычная галька, кварц, куски базальта и гранита, друзы хрусталя — здесь был такой большой выбор, что глаза разбегались.

— Что станет с теми камнями, с которых мы считаем воспоминания?

— Разрушатся, станут глиной, прахом, — отозвался Адвокат негромко. — Так, нам нужно что-то, чтобы их разделить немного. У тебя есть материал? Шторы ненужные? Может быть, постельное? Можно без всяких проблем ненужные коробки.

— Магия может их рассортировать?

— Может, — согласился Каин. — Даже немного больше, чем просто рассортировать. Магия позволит соединить то, что было разделено. Разделить по полу, по возрасту тех, кому принадлежат камни, а ещё по веку. Лучше будет начать с тех камней, которые пожиратель получил последними, то есть его самые последние убийства. Где-то среди этих камней будет камень с твоим воспоминанием. Только, Кирилл, зачем это тебе? Помогать кому-то еще, не прося ничего взамен. Это… не в духе людей. Вы

черствые, злые, корыстные. Какие угодно. Но не в ваших правилах оказывать помощь и вы давно разучились благодарить за нее. Так ради чего это нужно тебе?

— Когда-то мне помогли, — Кирилл двинулся к платяному шкафу, на ходу стаскивая свитер. — Я до сих пор не знаю кто и почему. Я этого не помню. И вполне возможно, что когда моя память — мой драгоценный камень вернётся, я узнаю кто мне помог и почему. В общем-то… Считай, что я отдаю долги.

— Тому, кто их не спрашивает?

— Своей совести.

— Мне как-то казалось, — Каин поймал кинутый в него комплект постельного белья, расстелил его по полу, укоризненно посмотрел, и ткань распалась, нарезанная на мелкие кусочки. Такую же участь посетила и упаковку компьютерной бумаги. Ручки, карандаши, пара восковых мелков, все закружилось вокруг шьющихся на глазах мешочков, на которые тут же крепились ярлычки из бумаги. — Что у людей этот орган за ненадобностью давно атрофировался.

— Не у всех.

— Значит, ты слишком правильный.

— Отнюдь. Мне таким выгодно быть.

От неожиданного ответа Каин сбился. Симфония бытовой магии на мгновение стихла. Все повисло в воздухе: прожилки ниток, иголки, карандаши, чернила — они застыли, пойманные в беспощадный стоп-кадр.

— Вы люди умеете удивлять. Когда кажется, что уже вас узнал, что почувствовал вашу душу, нашел, как ей можно управлять — вы поворачиваетесь другой стороной своей сущности, и мы — пришлые, ощущаем себя дураками. Вот уж действительно, величайшее непознаваемое творение…

Кирилл на этот раз предпочёл промолчать. Ввязываться в теологический спор или узнать что-то из истинного создания вселенной он был не готов.

А Каин хоть людей и не особо понимал, всё же за эти века научился осознавать, когда стоит дать человеку ускользнуть от продолжения разговора.

Разнообразные, разнокалиберные мешочки взлетели в воздух, разлетелись по всей комнате и начался второй акт бытовой магии.

На этот раз Адвокат предпочёл сесть. В условиях бедной на магические поля Земли энергозатратное колдовство давалось тяжело. Естественно, то что сейчас он был в магической собственной проекции, а не в занятом человеческом теле, давало определённые преимущества, но этого было недостаточно, чтобы

чародейство прошло с такой же лёгкостью, как и в мирах, богатых магическими структурами.

— Это будет долго, человек. Ложись спать, — посоветовал Каин негромко. — Вернешься после работы и будешь разбираться.

Кирилл покачал головой.

— Я думаю, первые результаты появятся куда быстрее, чем ты говоришь. Они же не одномоментно все разделятся? А будут постепенно?

— Да, человек.

— Я тогда начну просмотр первых камней. Заодно буду записывать последние желания или то, что нужно сделать, чтобы душа успокоилась в своём посмертии. А уже после этого…

— Делай как пожелаешь… — Каин махнул рукой и на кровать упали несколько мешочков, датированные последними годами.

Где-то среди них были воспоминания Кирилла.

В этих двадцати камнях…

Первый камень, что попался ему в руки — был матовый окатыш в светло-голубых тонах.

— Белый опал, — Каин повернулся в кресле так, чтобы закинуть ноги на одну спинку, а на другую опираться спиной. Сейчас он не сводил глаз с Кирилла. Человек мог преподнести сюрприз, и за этим лучше было бы пронаблюдать.

Камень в руке был очень гладким.

Кирилл смотрел на него, и ему всё казалось, что внутри, под матовой поверхностью кроется что-то. Задорные искорки метались от одного края камня до другого, складывались в узоры, перетекали из одного узора в другой, а потом…

Это не было книгой. Откуда могла в камне взяться книга или вообще какие-то записи. Это не было картинкой, в том смысле, который Кирилл вкладывать в это слово. Это было нечто совершенно непонятное, незнакомое, чуждое его реальности, но в то же время понятное.

Её звали Оля. Ольга, Оленька. Девчушку шестнадцати лет, которая поссорилась со своим парнем и чтобы доказать ему, что не трусиха отправилась в древние катакомбы. Отправилась днем, с рюкзаком и фонариком, у нее с собой была кошка и веревка, был мобильный телефон и одеяло. Она была тренированной девчонкой, занимающейся в секции легкой атлетики.

Ей не испугали скрипящие на ветру двери, провалы окон, где давно не было стекла, бойницы, в которых кто-то выл. Её не испугали алые огоньки и огромная змея, разматывающие свои кольца.

Она пожалела только о том, что так ни разу и не надела того

кольца, которое ей подарил её мальчик… Оно было детское, глупое, с каким-то цветочком… Ей было стыдно его носить, но это было единственным о чём она пожалела. А потом умерла.

Через пару недель её нашли, замерзшую насмерть, сидящую у стены с перепуганным насмерть видом и седой головой. Историю замяли, Олю — похоронили.

— Кольцо, — пробормотал Кирилл, вскидывая голову. — Нам нужно кольцо. Положить кольцо на её могилу.

К своему стыду Каин даже не сразу понял, что происходит и о чём человек сейчас говорит, а потом — осознал.

— Ты что-то видел?

— Не память… Как будто бы читал книгу с основными вехами. Я мог задержаться на отдельных страницах, посмотреть всё, вплоть до того, какого цвета были пеленки в тот день, когда её забирали из роддома. Или что она за платье хотела надеть на свой выпускной. Она горько пожалела о том, что не надела ни разу колечко…

— Хорошо, — кивнул Адвокат. — Сейчас я отправлю ворона.

Карас на руке Каина появился из ниоткуда. Посмотрев снисходительно на Кирилла (даже у Адвоката так не получалось) огромная птица взмахнула крыльями и вылетела через окно.

Опал как был в руке Кирилла — так и остался, мягко переливаясь молочным туманом с искрами.

А потом как порвалась цепь, привязывающая душу к миру реальности, услышал не только Каин, но и сам Кирилл. И в ту же минуту распался на кусочки опал. Истаял молочным всплеском, погладив по руке.

Всё было почти в рамках реальности. Люди по-разному «читали» драгоценные камни воспоминаний. Были те, кто видел перед внутренним взором «фотоальбом», были те, что проматывали киноплёнку, читали книги, могли видеть только некоторые кадры или страницы, или воспринимали всё целиком.

Всё было почти в нормальных границах, всё-таки и на Земле появлялись свои маги, колдуны и экстрасенсы. Но Кирилл то к ним не относился. И Каин никак не мог понять, что же в его подопечным и в его будущем сменщике, если Смерть даст своё разрешение — не так. А что-то не так было, и это что-то было очень, очень серьёзным.

Кирилл же бросил взгляд на часы, уточнил, что ещё есть время до того момента, когда обязательно надо лечь спать и взял в руки следующий камень.

Чёрный как ночь гагат лоснился тьмой и недовольством. Этому камню не хотелось, чтобы его рассматривали, не хотелось иметь с людьми дела. Так же, как и тот, чья душа послужила

материалом для этого гагата.

Его звали Игорь. Провал в мехмат, причем знающие люди потом шепнули, что парня завалили. Служба в армии, контракт, горячие точки. Необходимость стрелять в людей и чужие головы в собственном прицеле. Кровь на стенах, на земле. Подорвавшиеся на гранатах и растяжках однополченцы. Искалеченная психика.

Собственное ранение.

Приговор врача и комиссия.

Он вернулся домой, не желая жить; пил день и ночь, и постепенно спивался. Он не хотел, чтобы его трогали люди; не хотел ни с кем общаться. Когда выныривал из пьяного угара, пытался найти себе работу. Так и увидел, что на старые развалины требуется сторож. Отправился сюда и погиб. Его тела никто не нашёл, его никто не похоронил. И последнего желания у этого Игоря никакого не было.

Его душа еще жила в катакомбах — усталой истощённой тенью. Сына ждала старенькая мать.

Весть о гибели улетела военной черной птицей похоронки.

Третьим камнем стала женщина-риэлтор. Надя. Она очень хотела заработать на этих подземельях, подумывала продать их в частные руки якобы наследнику, но осталась в них мёртвым грузом. Ее тело так и не нашли, и последним желанием этой души было, чтобы её просто похоронили.

Двое студентов, устроивших себе испытание на храбрость. Пётр и Сергей.

Бизнесмен, пожелавший купить эту территорию. Алексей Витальевич.

Девчонка Алиса, которую похитили в лихие девяностые, и хотели потом продать.

Наркоман Фёдор, нашедший уютную «норку» для того чтобы уколоться, забыться и никто не беспокоил. Пожирателя он принял за свой бред, только радостно гоготнул: «Хорошо торкнуло» и его не стало.

Он не понял, что умер, а когда узнал — его душа, висящая в клочьях, растворилась в сером мареве, так и не найдя посмертия.

Кристина. Катя. Алексей. Евгений. Константин.

Старые и молодые. Здоровые и больные.

Пожирателю было всё равно с кого питаться.

Как только история становилась известна целиком Кириллу, он озвучивал, что нужно сделать, чтобы дать душе спасение. Адвокат вносил поправки или выполнял всё как есть, и камни рассыпались в пальцах Кирилла.

Рубин, сапфир, пара селенитов, топаз, кусочек янтаря, галька, галька, галька…

Последним камнем из души тех, кто жил в конце XX — начале XXI века, остался кусок пористого известняка. Цвет был очень мягким, рыжим. И Кирилл, уже начавший улавливать общие закономерности в происходящем, испытывал недюжинные сомнения в том, что это может быть камень его души.

Судя по тому, как раздувались ноздри злящегося Адвоката, Каин придерживался того же мнения.

— Ну, посмотрим на это, а потом… будем решать, что делать, — предложил Кирилл.

Каин сухо кивнул.

Но сразу приступить к просмотру камня, Кирилл не успел, вначале на подоконник его спальни спланировала подписанная Смертью бумага. Леди, заведующая переносом душ, дала своё согласие на то, чтобы Кирилл стал следующим адвокатом мёртвых.

И Каин, который не ожидал, что Смерть примет решение настолько быстро, оказался выбит из колеи. Настолько, что даже ослабил бдительность! Он утерял то её всего на мгновение, но и этого было более чем достаточно.

Рука Кирилла засветилась. Светлые тонкие усики скользнули по куску известняка, влились в него, а спустя мгновение перед Адвокатом мёртвых и его преемником появилась душа древнего старика, сидящего с дробовиком в кресле-качалке…

Глава 22. Медиум

Случайности приходят в человеческую жизнь разными путями и проявляются в разных сферах. Но наиболее интересная категория их — это встречи.

Они всегда бывают случайными? Нет, совсем нет. Некоторые встречи тщательно планируются, некоторые становятся следствием из какого-то поступка, принятого решения, чего угодно.

Но самые важные встречи, в силах которых изменить жизнь человека, происходят абсолютно случайно.

Тем, кто верит в судьбу и увлекается (или страдает) фатализмом, легко свалить всё на неё. Тем, кто верит в проведение, и в голову не приходит сомневаться в том, что это — совсем не случайность, и просто боги столкнули двух людей на просторе жизни и времени.

И всё-таки что же такое встреча?

Может быть, случайность, может быть, судьба, может быть, это просто встреча двух душ, которые договорились об этом на небесах или том свете.

А может быть, знак?

Кирилл и Каин в немом изумлении смотрели на душу старика в кресле-качалке, тот смотрел на них, сжимая свой верный дробовик, потом вздохнул, откинулся и кивнул:

— Я умер. Да… Я помню.

Адвокат сжал виски. Бред! Бред-бред-бред! Откуда здесь могла взяться душа?! Ну, не сама же по себе взяла и появилась из камня.

И эти тонкие усики силы от руки Кирилла.

Он же человек! Что вообще здесь за дурдом происходит?

Вот! Вот поэтому он никогда не работал с людьми и вообще предпочитал от них держаться подальше, чтобы не испытывать вот это мерзкое ощущение, что возможность управлять ситуацией от него утекает, убегает, ускользает из пальцев.

На что намекала Смерть? Почему среди всех камней не нашлось памяти Кирилла? Куда он делся?! Он должен был там быть! Обязан! И эти отрицательные значения…

Нет. Каин решительно ничего не понимал.

«Почему не повезло», — всплыли в голове слова леди Смерти. — «Может статься, что это твоё самое главное везение, пришлый адвокат мёртвых».

Она знала.

Она что-то знала! То, о чем даже не догадывался Каин, для

этой леди было очевидно. И это что-то было связано с Кириллом и душами. Души. Человек. Нет, к призрачной братии человек точно не имел никакого отношения.

Медиум?

Ведь тогда, с душой Славки, дух того заговорил после приказа Кирилла! И Лэйла, когда она истерила, Каина не было рядом, потом об этом ему рассказал ворон. Почему она билась в истерике? Потому что Кирилл налил ей кофе, поставил перед ней, и когда призрачная женщина за него в панике схватилась (чего такого ей сказал человек?), она мало того, что почувствовала на языке сладость, она ещё и умудрилась обжечься.

Но всё-таки такой сильный медиум, не знающий о своем даре?

Нет. Нет… Не может быть.

Взгляд старика скользнул по Каину, а потом прикипел к молчащему Кириллу. В комнате, где они сидели, царила могильная тишина, как в склепе. А потом призванный дух улыбнулся:

— Я тебя помню.

Кирилл покачал отрицательно головой, он этого не помнил. Как выяснялось в последние дни, он не помнил очень многого. Даже чересчур!

Каин же подался вперёд:

— Говори, душа, не нашедшая приюта! — потребовал он. — Говори!

Взгляд старика обратился на него.

— Адвокат мёртвых. Я слышал о тебе. Души шептались, что ты появился. И давно. И недавно одновременно. Души шепчутся, что ты надолго здесь не задержишься.

Каин кивнул:

— Так и есть. Я — адвокат мёртвых.

— Души боятся тебя. Ты пришлый, и никто не знает, чего ты захочешь от душ в следующий раз. В твоем договоре стоит пункт, чтобы души никогда никому не рассказывали ни о тебе, ни о том, что вы делали. Всем кажется, что ты — опасен, но глядя на тебя, ты — несчастен.

— А с этим можно поспорить, — усмехнулся адвокат. — У меня есть то, чего никогда не будет у вас. Свобода.

— Да, зачем нужна такая свобода как у тебя? — старик только головой покачал. — Ты вечный страж, вечная заплатка. То и дело вмешиваешься в дела, которые тебя не касаются. А своим заняться не можешь. Разве это хорошо?

— Это мой выбор, старик. Меня никто не заставлял этого делать. Просили — да. Но я всегда мог отказаться. И могу до сих

пор. Не говори того, что тебе не дано понять.

Усталая душа покачалась в кресле. Тихий скрип разогнал тишину окончательно и встряхнул Кирилла, ещё сидящего с камнем в руках.

— Как… Когда ты видел меня, Старый?

— А, ты уже знаешь моё имя? — старик кивнул. — Да. Я тебя видел. Осенью. Дни короткие, ночи длинные. Тогда осень была холодной, ненастной. А зима пришла поздно. И всё казалось, что мы тоже мёрзнем. Ты пришёл не один. Тебя нес несчастный, полный ненависти ко всему миру. Ты спал и ни о чём не подозревал. И нас не видел. Никого из нас. Мы пытались разбудить тебя, остановить того, кто тебя нес или хотя бы предупредить об опасности, но нас никто не слышал.

— Славка, — пробормотал Кирилл. — Тогда именно он принес меня в подземелье. Почему он не убил меня сразу?

— Мы его не подпустили. Мы его отогнали! Когда он опустил тебя и вытащил топор, мы пробудили его страхи. Мы не могли позволить причинить тебе вред. Ты — ценность для таких, как мы.

— Ценность? — переспросил Каин.

Старик кивнул и подтвердил то, о чём адвокат уже догадался:

— Ты Медиум.

— Был бы очень благодарен, если бы кто-нибудь объяснил мне, что всё это значит, — попросил Кирилл.

Адвокат взглянул на него с тоской.

— Не то, чтобы это было редкостью… Медиумы — это те, кто слышит души, видит их, может выполнить их последнее желание и, что самое важное — может отпустить их на свободу. Разрубить цепи, привязывающие их к этому миру. Последнее доступно только тем, кто силён.

— И? Что тебя удивляет?

— Твоё существование. Раз ты увидел смерть, раз тебя назвали «ценностью», то медиум ты из самой редкой категории силы. Самой высшей. Проблема в том, что за последние триста лет сильных медиумов уже и не рождалось. Не потому что данных не было или там таланта. Было. И рождались, и рождаются. Проблема в другом. Тех, кто знал, как медиумы активируются — в большинстве своем вырезали во времена инквизиций, крестовых походов. А последних сильных медиумов убили во времена второй мировой войны. Поэтому появляющиеся молодые медиумы просто умирают, сразу после пубертатного периода. Их сжигает их собственный дар.

— Но я жив! — рассердился Кирилл, потом вспомнил отрицательные числа над головой и парадоксальным образом

успокоился. — Хотя и не факт. Старый, что ты ещё помнишь?

— Из той ночи? Много чего. Та ночь была долгой, странной, страшной. В ту ночь много привидений погибло. Мы никогда не видели, чтобы происходило такое… Пожиратель спал. Перед твоим появлением он уже успел сожрать двоих молодых ребят. Мелкие пожиратели, которые откололись от него, к тебе не полезли бы. А вот он — самый опасный спал. И он проснулся.

— Из-за меня?

— Да, — Старый очень медленно кивнул, потом показал на Адвоката. — Можешь спросить у него, почему твари просыпаются, когда слышат тех, у кого сила схожая с твоей.

Каин кивнул.

— Да, я знаю это. Потом расскажу. Продолжай.

Старик помолчал, возвращаясь мыслями в ненастную осеннюю ночь.

— Я сам не видел, души потом говорили, что ты упал. Вниз. Там провал был… И ты не удержался, и их не видел, и их не слышал. Ты упал вниз. В катакомбы. Там… Ты ударился. И хоть духи старались замедлить твое падение — это не особо помогло. К счастью, они смогли защитить голову. К несчастью, падая, ты очень сильно ободрал руку. В воздухе запахло твоей кровью. Мы надеялись, что сможем тебя разбудить, но после падения… Ты нас не слышал. Ты никого не слышал.

Адвокат осторожно скосил взгляд. Кирилл сидел помертвевший и смотрел в стену. Старика он слушал, но, судя по всему, не слышал.

И ни следа возвращения памяти…

«Это очевидная глупость», — так и просилось на язык Кирилла. — «Такого просто не может быть. Не со мной. Я не могу быть медиумом. Я не могу слышать привидений, видеть их, не могу приказывать душам и уж тем более, не могу рвать цепи! Это всё… чушь. Я просто человек. Обычный человек!»

Но вряд ли обычные люди ощущают знакомый запах на кладбище.

Вряд ли обычные люди могут приказывать бродячим душам, которые не желают отвечать на вопросы адвоката мёртвых.

Вряд ли люди могут общаться с тем самым адвокатом мёртвых и скидывать с себя чужие заклинания.

Но всё-таки, всё-таки… Нет. Не верилось Кириллу в то, что всё это действительно происходит с ним, происходит в реальности! Как будто, в сердце сидела заноза, ставшая барьером на пути восприятия происходящего.

Вскинув голову, он посмотрел на Старого.

Душа молчала, покачиваясь в кресле-качалке. На правой ноге

у него была огромная цепь.

Кирилл от неожиданности отшатнулся, чуть не свалился с края кровати, хорошо ещё Каин успел схватить за плечо.

— Человек? — встревоженно спросил адвокат.

Кирилл молчал.

Цепь была живая, возмущенно шевелилась, приковывая старика к креслу, не давая ему встать, не давая ему двинуться с места. Цепь приковала к старику его дробовик и сжимала горло.

— Господи, — вырвалось у Кирилла.

Каин взглянул на него, потом на Старого, но ничего совершенно не увидел. Он не был медиумом, он не был некромантом. Он был просто адвокатом мёртвых, не самым лучшим, даже. Просто был единственным, а на безрыбье, как известно, и рак рыбой покажется.

— Кирилл?

— Всё… нормально… Старый, продолжайте.

— Тебя не смогли разбудить ни через час, ни через два. Кровь не останавливалась, она текла. Пришла ночь. Холод спускался по стенам. Тебе было холодно, мы пытались тебя согреть, но… мы духи, привидения. А потом появились малые пожиратели. Они рыскали по коридорам, в поисках источника крови. И мы услышали, как заворочался главный пожиратель, самый огромный. Он ворочался во сне, тяжело рычал, скулил и пытался проснуться. Если бы ты тогда смог очнуться, возможно… — старик замолчал, тяжело сглотнул.

Кирилл поднялся с кровати, молча вышел из комнаты и вернулся с бутылкой коньяка. Разлил по трём стаканам, один вручил Каину, второй старику, третий оставил у себя.

— За тех, кого нет с нами, — пробормотал он и, не чокаясь, выпил.

Каин, порядком удивлённый его поведением, выпил следом свой бокал.

И старик, уже забывший, что такое алкоголь, сделал глоток просто за компанию. Крепкий напиток обжег горло, цепь, которая его сжимала, разлетелась на осколки с пугающим «дзынь».

— Дальше, — пробормотал Кирилл, взяв себя в руки. И снова в голосе прозвучала власть, которой не было и не могло быть у Каина. Власть медиума над душами. Что ж, не такой уж и плохой вариант, а точнее даже — хорошая замена.

Старик даже не успел опомниться, как заговорил, и при этом он не смог скрыть то, что скрыть, возможно, планировал.

— Пожиратель проснулся на второй день, одновременно с тобой. Ты не видел нас, не слышал нас. Ты говорил кому-то, что у тебя кружится голова, что тебе холодно, тебя тошнило. Сильно.

Ты кого-то звал. Но мы не понимали ни слова. Мелкие пожиратели несколько раз пытались к тебе сунуться, но ты их отгонял. И снова мы не понимали ни слова из того, что ты говоришь. Дважды души… одни из нас пытались к тебе пройти.

— Чтобы помочь? — спросил Кирилл, когда старик неожиданно замялся.

— Н… нет… Чтобы с тебя покормиться. Но сразу же, как только они к тебе кинулись, ты их убил. Обоих… Это было быстро. Никто из нас ничего не успел понять. Все кинулись врассыпную. А ты пошёл дальше. Мы не знаем, что с тобой было… Потом, когда первый испуг прошёл, мы летали по коридорам. И в одном из них тебя обнаружили. Ты нашёл какой-то сухой кусок со старым сеном и одеялами. Когда-то там была лёжка двух работяг… Ты лёг там и уснул. Ты постоянно спал. Просыпался, пил воду со стен и снова спал. А на исходе недели, когда ты проснулся уже более-менее придя в себя, появилась… появилась… — старик замолчал.

— Старый?

— Я не могу, — прошептал он. — Она запретила говорить. Но она была! Была… Она пришла по твоим следам, — взглянул он на Кирилла. — Она была одна. Сильная. Опасная. Куда опаснее, чем мы все, собравшиеся. Она вывела тебя из катакомб, и она же не дала пожирателю тебя поглотить. Ты встретился с ним в коридоре, когда он ползал по стенам в твоих поисках. Он напоролся на тебя, когда она… отстала от тебя. И напал. Он забрал твою память, частично запечатал твою силу. И… забрал её. Она осталась там, в катакомбах. С нами.

Каин задумался. В катакомбах? Могущественная «она»? Некто, кто смог даже отогнать пожирателя? Нет. Никого такого там не было.

— А после этого пожиратель, не получив тебя, долго ярился. И… ел нас.

Кирилл кивнул:

— А она? Та, что была? Она… вас защищала?

— Да, — уронил Старый. — Поэтому он чаще ел её, чем нас…

За окном стукнул Карас, махнул крыльями и снова взлетел. Результатов не было. Умный ворон следил за Хельгой. Буквоежка из офиса «Сделаем мечту реальностью», была ещё и офицером службы безопасности. И от её доклада зависело, последуют ли потом проблемы у Кирилла, или всё закончится благополучно.

Когда же Каин снова повернулся в спальню, Кирилл уже стоял около Старого, вглядываясь не то в него, не то в то, чему он стал свидетелем. Потом отступил:

— Чего ты хочешь?

— Умереть, — прошептал старик. — Я больше не хочу существовать в виде призрака, не хочу думать о том, как скоро я обращусь в ничто. Я хочу умереть.

— Что ж… — мужчина отступил ещё на шаг. Комната перед его взглядом плыла. Слишком высока была информационная перегрузка, слишком резкий скачок в использовании способностей. — Я выполню твое желание. Человек, который держит тебя в этом мире — твой лучший друг. Он умер в 1958 году, глубоким стариком, и жалел только о том, что так и не смог перед тобой извиниться. И ты хотел перед ним извиниться. Ваши желания были одинаковыми. «Прости, что позволил встать между нами женщине». Этот долг закрыт и оплачен.

Цепь, которая приматывала Старого к креслу-качалке, лопнула, как ослабевшая со временем резинка.

— Вторая цепь, что приматывает тебя к дробовику — это сожаление, что ты не увидел своими глазами победу Советского Союза. Я покажу тебе, — Кирилл одеревеневшим шагом прошёл к компьютеру. Пощёлкал по клавишам, запуская на ютубе один из роликов, посвященный взятию Берлина. Конечно, частично это была нарезка из военных фильмов, частично реконструкция. Но старику ничего особенного и не нужно было. По его морщинистым щекам текли безмолвные слёзы, пока звучали вечные слова из песни «Последний бой» Ножкина Михаила:

«Мы так давно, мы так давно
Не отдыхали, Нам было просто
Не до отдыха с тобой.
Мы пол-Европы
По-пластунски пропахали,
И завтра, завтра, наконец,
Последний бой».

Как только прозвучало последнее слово, лопнула та цепь, что удерживала Старого в обнимку с дробовиком.

И Кирилл растерялся, что теперь?!

Призрачное тело души засветилось, и было непонятно, конец ли это, или ещё что-то нужно сделать.

Взгляд мужчины метнулся в сторону, наткнулся на Каина. Губы адвоката мёртвых шевелились, подсказывая последнюю строчку:

«Передаю тебя под власть Смерти».

— Передаю тебя под власть леди Смерти, — прошептал

Кирилл, покачнулся и свалился.

Выскочившая из тёмного окна за его спиной девочка на роликах, придержала его за локоть, потом передала Каину в руки, сердито взглянула:

— Головой за него отвечаешь! Мне новый адвокат живым нужен, а не мёртвым на ровном месте. И не давай ему медиумом быть, пока он не вспомнит ту, которую забыл.

— Вы знаете, Леди?

— Я так давно живу, что знаю, куда больше, чем надо, — девочка выкатилась из-за спины Кирилла и Каина, залихватски сдвинула бейсболку козырьком назад и протянула руку Старому. — Пойдём, дедушка.

— Пойдём, внученька, — просияло лицо старика, когда он взялся за протянутую ладонь. — Я так давно тебя ждал.

— Заждался, — кивнула девочка, потом повернулась и погрозила пальцем Каину. — Помни! Головой! Не убережешь мне парня, домой не вернешься. У меня будешь жить, пока новую замену живую не найдёшь. Так что лучше этого береги! И тебе, и мне легче будет.

Каин только головой качал, не в силах найти нужные слова. Смерть, прихватив одну из душ, которая очень долго к ней попасть не могла, исчезла из квартиры Кирилла.

Адвокат, уложив своего проблемного подопечного на кровать, махнул рукой и вышел на улицу через окно. Ему жизненно было необходимо проветриться и попробовать понять, что же, тьма подери этот мир и его богов, здесь происходит.

…Следующее утро было холодным и солнечным. Пожухла трава, облетела листва, и со дня на день ожидался первый снег. Как обычно, жилищно-коммунальные службы внезапно обнаружили, что вот-вот наступит зима, а у них нерешенных проблем куда больше, чем нужно.

Где-то разрывались котлованы, где-то огромные лужи скалились ледовыми клыками на прохожих, кидались под колёса машин, радостно забрызгивая окружающих грязной водой. Было зябко, не хотели идти на лад дела, а по утрам было очень тяжело просыпаться.

Кирилл не был исключением, утром по звонку будильника он встал с гудящей головой. События прошедшей ночи словно были окутаны могильно-зелёным туманом. Помнить — помню, но на этот счёт вообще ничего не ощущаю.

Женька пела в ванной, судя по смеху Лэйлы, призрачная красотка зависала там же. Кирилл включил чайник, подошёл к окну. Из приоткрытой форточки тянуло осенним холодом.

Деревья давно уже лишились своего золотого покрова, и покачивали в разные стороны голыми ветвями.

Она.

Таинственная некая она.

Непонятно где и когда встреченная.

Она. Девушка? Женщина? Девочка…

В сердце кольнуло.

Девочка?

Нет, это смешно.

Кирилл повернулся к закипающему чайнику, выключил его. Привычно вытащил с полки жестяную коробку с чаем, насыпал полторы столовых ложки в заварочный чайник. Залил кипятком и сверху накинул чайную бабу. Включил микроволновку, отправив в неё покупную пиццу, вытащил молоко из холодильника для любителей чая по-английски, снова вернулся к окну.

Медиум. Привидения, призраки, души. Пожиратель.

Катакомбы.

Головокружение, тошнота.

Вот откуда на одном из медицинских осмотров в МРТ нашли следы застарелого сотрясения мозга. А потом он пропал. Вот взял и пропал. А такое бывает?

— Ничего не понимаю, — вздохнул Кирилл.

Взглянул на часы, махнул рукой и вышел из квартиры, оставив на холодильнике записку:

«Ушёл раньше. Вызовите такси».

Свою привязку Лэйлы к Женьке Кирилл так до сих пор и не отменил. И знание того, что рядом с сестрой есть кто-то, кто может её или защитить, или просто потом оповестить, где сестра, делала пасмурный день светлее. Насколько это было возможно в состоянии мужчины. На душе было муторно, тошно.

Заведя машину, Кирилл отправился на работу, а в голове назойливым рефререном вертелось:

«Она пришла. Она осталась. Она была. Защищала. Ждала».

Кого ждала? Почему она защищала Кирилла?

И ведь не только его!

Озарение больно ранило, осталось осколками в груди. А ведь Женька! Она защитила и Женьку. Как сказала леди Смерть? Сестры Кирилла не было в списке мёртвых! Её вообще словно бы не было в том автомобиле. Все травмы, которые были у Женьки — были старыми, поднятыми из прошлого. Кто может такое

сделать? Зачем?

Голова закружилась. Затошнило так сильно, что пришлось включать аварийные огни и останавливаться на краю дороги. Впрочем, приступ прошёл так же сильно, как и пришёл. Зато осталось точное ощущение того, что подобное уже случалось. В детстве. Когда у него было хорошее здоровье, он с удовольствием бегал с мальчишками во дворе, но иногда начинались приступы. Серьёзные, но на ровном месте. Ни один врач не мог найти ни одной аномалии, а сам Кирилл совершенно не помнил обследований, хотя родители говорили, что водили его по разным врачам десятки раз.

Видимо, то, что он думал о своей памяти, тоже не очень соответствовало действительности. И забыл он куда больше, чем считал сам.

По радио начался гороскоп, и, спохватившись, что ещё немного и он опоздает, Кирилл завёл машину.

Князя Олега на работе не оказалось, не было и Сумирэ-сан, не было, естественно, и Артура. Остальные сотрудники, до которых ещё не дошло случившиеся ни в виде истинного рассказа, ни в виде сплетен, работали в основном ритме. До сдачи работы ещё было время, и группы декораторов ещё только готовили всё необходимое для того, чтобы приступить к работе в особняке.

Познакомился Кирилл и с группой поваров. Как оказалось, за дополнительную плату, всё необходимое в СМР и готовили, и подавали, и сервировали. В кафетерии дизайнеры и портные ругались почти весь обед, решая, как должны выглядеть в этот раз официанты, чтобы было и красиво, и соответствовало общему антуражу, и легко меняло своё состояние до уровня «кошмаров».

День тянулся медленно.

Женя появилась на работе (об этом оповестила Лэйла), разгромила в пух и прах фотолабораторию СМР — а, как и большинство служебных помещений, она была своя, и отправилась с охраной в виде двух своих коллег-ассистентов сразу в столицу, закупать всё необходимое. Причём глянув на выделенную ей сумму, Женька схватилась за голову и высказала Олегу всё, что она думает на этот счёт.

Ругаться, как и торговаться, леди-фотоохотница умела на отлично. Ей, между прочим, выбрали в качестве маскарадного костюма — костюм эльфийки. И в него девушка потребовала просто внести изменения, чтобы у неё было много-много-много карманов. А в остальном — никаких ограничений. Ей такое сделали, и хоть Кирилл окончательного результата не видел, Женька прислала смс-ку состоящую из одних восклицательных знаков, что значило — она в полном восторге.

Под конец рабочего дня, когда Кириллу предстояло возвращаться домой, дверь его кабинета открылась.

Первой на пороге появилась мнущаяся Хельга чем-то испуганная, а вслед за ней двое мужчин в неприметных серых костюмах, одинаковых настолько, что показалось на миг, снова вернулась деозриентация в пространстве, и у Кирилла в глазах двоится.

Представляться не стал ни один, ни второй, просто правый махнул тёмно-синими корочками с серебряными буквами и тихо сказал:

— Служба магической безопасности. Кирилл Дмитриевич, пройдите, пожалуйста, с нами.

Глава 23. Затишье

Человеческая жизнь, сама по себе, интересный феномен, настолько сложный, что люди породили десятки наук, чтобы хоть немного подобраться к ней ближе. Но осознать всё в целом не получилось ни в древние времена, ни в самые современные. Мир был сложнее, чем люди могли охватить в рамках одной философии. Так появились новые науки.

Смысл жизни, место человека в мире, сам человек и строение его организма, психики, даже мозга! Все это изучалось сотнями специалистов в разных странах мира. Люди наивно считали, что если они разобьют большую задачу на десятки заданий поменьше, у них обязательно все получится.

Не составит труда свести все воедино, ведь маленькие кусочки же изведаны!

Но на стыке двух наук рождалась третья, «маленький кусочек» превращался в микрокосмос для познания, а понимание, что такое человек, и что такое мир, терялось в теориях и теоремах, в диссертациях и научных статьях.

А ведь была еще одна сторона мира, о которой нормальные люди даже не догадывались! И мир становился еще больше и еще сложнее.

Как в этом новом сложном мире жить — Кирилл не знал. В старом было проще, нет понимания, но есть правила, которые нужно соблюдать. Выполняешь их — и в меру своих возможностей, сам для себя создаешь награду. Отработал — получил зарплату — купил новый телевизор. Система работает.

Как может работать система в мире тайном, Кирилл понимал плохо. Также как не очень понимал причины появления службы магической безопасности. Надо ли ему с ними отправляться?

Должен ли он что-то объяснять? Раз с ними Хельга, значит это люди действительно из «конторы»? И о чём они вообще собирались спрашивать?

Хотя, он же собирался понять, как работает эта система?

Кирилл спокойно поднялся из-за своего стола.

— Сначала мне нужно переодеться.

— Мы подождём.

— Хельга?

Буквоежка нервно кивнула (чем только её так сильно напугали?) и выскочила в коридор. Видимо, ничего дополнительно сообщать она не пожелала.

Кирилла это не смутило. Приняв решение, он собирался следовать ему до конца, а смутить этого человека на выбранном

пути движения было сложно, хотя и возможно. Только удавалось это за последние несколько лет одному единственному чело… созданию в мире — Адвокату мёртвых.

— Могу я узнать, по какой причине вы здесь оказались? — спросил Кирилл, снимая свой плащ.

«Одинаковые» переглянулись.

— Мы бы хотели попросить вас дать показания. На… тему того, что случилось несколько дней назад на территории небезызвестного вам некроманта.

— Насколько мне известно, это не требовалось, когда ваши коллеги явились на место происшествия.

Осторожное перемигивание, быстрые жесты. Кирилл раздевался у зеркала, поэтому пока развязывал галстук на фирменной «вампирской» рубашке, ему было хорошо видно происходящее. Ну, какой дурак повернётся спиной к абсолютно незнакомым людям?!

— Мы бы ещё хотели поговорить… по поводу… ситуации в катакомбах.

Руки Кирилла на мгновение замерли, а потом он продолжил расстегивать пуговицы рубашки.

— Что именно вы хотели обсудить?

— Ваше… положение.

— А что с ним не так? — счёл Кирилл нужным уточнить этот факт. — Мне казалось, что с моим положением всё так же просто и понятно, как и было. Есть обычный мир, есть мир тонкий. Они никак не пересекаются, никак друг с другом не взаимодействуют. Всё просто.

— Это не все понимают, — отозвался «правый» гость.

Хозяин кабинета промолчал, поднял со стола дипломат с документами, которые собирался просмотреть дома, потом повернулся:

— Я готов отправляться.

— Вы не возражаете, если общаться мы будем в другом месте?

— Если впоследствии у меня не возникнет проблем, чтобы добраться до дома, — вежливо ответил Кирилл. — То я не возражаю.

— Никаких проблем. Наши специалисты вас доставят прямо до дверей.

— Благодарю вас.

Перед Кириллом дверь открыл один из прибывших мужчин. Вот только вместо привычного и знакомого уже коридора СМР, там было совсем другое место, где было очень много людей, шумели машины. Кирилл, кинув ключи в карман, вышел вслед за

одним из одинаковых визитеров туда, где начинался его путь в новом мире.

В памяти Кирилла эта встреча осталась мешаниной образов, цветов, запахов, красок. Сознание в какой-то момент просто выключилось от информационной перегрузки. Расы. Кирилл впервые видел представителей настолько нечеловеческих рас! Даже отдаленно эти не были похожи на людей в маскарадных костюмах.

О пришельцах в голову мысли тоже не лезли. Возможно, если бы Кирилл увидел хоть одного маленького зелёного человечка, он бы подумал о том, что ему это просто мерещится, что он стал участником какого-то грандиозного розыгрыша. Психика отказывалась принимать, что мир может быть настолько большим и настолько не похожим на всё то, что Кирилл уже успел познать эмпирическим путём.

В какой-то момент этого «всего» стало слишком много, и мужчина выключился. Снова в себя он пришёл в небольшом кабинете, где за столом у окна сидела знакомая ему Хельга, перебирающая нервно бумажки.

Выглядела буквоежка немного не в своей тарелке. Взгляда Кирилла она избегала, потом, когда мужчина снова начал осознавать себя, только спросила:

— Водки?

— Обойдусь.

— Хорошо, а то получилось бы не очень красиво. Увести — увели, защиту гарантировали, а первым делом начали спаивать… — Хельга отложила бумаги, нервно облизала губы. — Прежде чем ты успеешь понять всё превратно, я лучше скажу сразу. Я никоим образом не отношусь к руководству службы безопасности или ещё чему. Я офицер службы безопасности, это, безусловно. Я действительно курирую СМР, как специалист, прикреплённый к одному из трёх мест, где работают в большей своей массе не люди.

— Один из трёх?

— Ещё в Америке есть подобное нашему агентство, хотя там они не делают шоу для одного, они делают огромное шоу, выбирая тему самостоятельно, и приглашают в него тысячи людей. Третье — это небольшое детективное агентство, тоже в России. Когда стало понятно, что каким-то образом в деле с некромантом замешан ты, мне было велено не сводить с тебя глаз. И всё равно, некромант меня обошёл. В своё оправдание могу сказать, что мне и в голову бы не пришло, что Артур… — Хельга сжала зубы, выдохнула, глубоко вдохнула и резко поменяла тему. — Наши специалисты зарегистрировали в

катакомбах выброс чудовищной силы. Ни у кого не возникло и тени сомнения в том, что там погиб пожиратель. А вот последующее неожиданное увеличение активности незнакомого медиума стало для нас сюрпризом. Большим сюрпризом.

— Как и для самого медиума его собственная сила, — ухмыльнулся Кирилл.

Хельга на мгновение заледенела, потом кивнула:

— Ты не отрицаешь?

— Если я правильно понимаю, на что ты намекаешь — то да, тем медиумом, вспышку активности которого вы видели, был я.

— А последовавшая за этим активность?

— Тоже.

— Но зачем?! Зачем?! — Хельга, сердито махнув рукой, подняла в воздух всю бумагу, что лежала перед ней на столе. Чистые листы сами собой складывались в бумажных журавликов и зависали в причудливых узорах, без опоры или чего-то подобного. — Это не смешно, это даже… Вокруг тебя были те, кто знает о том, как живёт тайный мир. Они знали, как важен дар, подобный тебе. Почему они не предупредили, чтобы ты не светил своей силой?! Чтобы ты не показывал, чем владеешь?!

— Впервые от тебя слышу, что это чем-то важно, — спокойно сказал Кирилл.

И на Хельгу словно вылили ведро ледяной воды. Она, уже начав подниматься, вернулась обратно за стол. Сжала голову руками.

— Ты не понимаешь.

— Не имею ни малейшего представления даже, о чём именно ты сейчас говоришь.

Буквоежка промолчала, в полном ошеломлении глядя на Кирилла. Она просто не могла понять, как такое возможно, как такое может быть!

Дверь в стук прервал её размышления и собрав всех журавликов в мусорную корзину, Хельга хрипло сказала:

— Войдите.

И спустя мгновение глаза буквоежки стали огромными-огромными, а Кирилл понял, что поворачиваться ему не хочется. Он так и остался спокойно сидеть, глядя на Хельгу, пока бледная хозяйка кабинета поднималась со своего стула.

Голос того, кто пришёл, был шипящим, нотки раскатывались горстью камешков, а сами слова при этом звучали грассирующе.

— Начитайте стандартный инструктаж, леди Хельга. Потом дайте нашему гостю подписать стандартный контракт о неразглашении и велите агентам в поле забыть про его существование. Сами про него тоже забудьте, как о медиуме.

Рассматривайте исключительно как человека и остальным велите делать то же самое.

— Начальник?

— Думаю, явление Адвоката мёртвых я ещё пережил бы второй раз. Но видеть леди Смерть в своей службе второй раз я не хочу. Она не любит совершать лишних телодвижений и попутно может прихватить кого-то из нас. Не будем давать этой леди подобного повода.

— Но!

— Это приказ, офицер. И не задерживайте нашего гостя больше, чем необходимо.

— Так точно…

Дверь хлопнула вторично, но пока не пропало ощущение тяжелого, сдавливающего голову взгляда, Кирилл не повернулся. Кто бы ни стоял за его спиной, кто бы ни был хозяином службы безопасности, знакомиться с ним мужчине не хотелось.

Ему достаточно было того, как выглядела Хельга, прибито-разбито-оглушенно.

— Кофе? — спросил Кирилл негромко.

Девушка кивнула, махнула рукой в сторону кофеварки.

К тому моменту, как мужчина с двумя чашками кофе вернулся за стол, буквоежка уже взяла себя в руки. На ее лице ещё сохранялась пугающая белизна, но хотя бы не тряслись губы.

— Всё хорошо?

— Да, — кивнула она. — Спасибо.

— Начальство?

— Оно самое, — Хельга сделала глоток кофе, закашлялась, потом посмотрела на Кирилла. На месте маятной буквоежки появился крепкий профессионал. — Начнём со стандартного инструктажа безопасности, потом подпишешь контракт о неразглашении, и я вызову дежурного мастера по дверям, чтобы отправить тебя домой.

— Домой не нужно, — открестился Кирилл. — Я доберусь сам.

— Хорошо. Тогда приступим. Медиумы — это люди и маги с пассивной силой. Вас не так просто заметить, но при этом некоторые особенности вашей силы могут быть куда более впечатляющими для простого обывателя. Разговаривать о магии и о возможностях, которые она даёт, запрещено с посторонними людьми. Никаких обещаний. Разговаривать о тонком мире ты можешь только с теми, кто про него уже знает. Тот, по чьей вине, гражданский человек узнает об этом мире, обязуется выплатить штраф. При отсутствии противопоказаний у гражданского стирают память. При их наличии, нарушитель выплачивает

вторичный штраф, и гражданскому находят место в тонком мире, налагая при этом также обязательства о неразглашении, имеющие природу магической клятвы и имеющие одно наказание — смерть.

— Жестоко.

— Если только немного. Тебя и твоей сестры, поскольку в тайный мир вы введены Адвокатом мёртвых, подобное требование не касается. Твоей сестре тоже придётся подписать контракт о неразглашении. Вот и всё.

— Как это… не походит на полный инструктаж.

— Полный инструктаж всегда начинается с пряников и кнута. Пряники тебе выдавать никто не будет. Ты медиум, от которого велено убрать руки. Кнута, который тебе показали бы после пряников, не будет тем более, — Хельга говорила быстро, чётко, сухо. Но от этого мурашки, которые ползли по спине, были только холоднее и неприятнее. — Никаких угроз родным и близким, никаких заказных… убийств, никаких попыток заставить тебя принимать то решение, что выгодно нашей службе.

— Хельга, чем занимаются медиумы, и почему они так важны для службы безопасности? — спросил Кирилл.

Буквоежка помолчала, покрутила в пальцах кружку, потом подняла на мужчину совершенно несчастные глаза.

— Это стандартный оборот. В девяти случаях из десяти, когда мы говорим людям, что они очень-очень важны для службы безопасности — это ложь. Можно обойтись без прикормленных некромантов, жрецов, клириков, лекарей, таксистов, магов слежения, магов ведения, магов прикрытия или духовных магов. Можно даже обойтись без мастеров дверей, которые могут «прокалывать» пространство, соединяя одну дверь с другой. Но когда дело касается медиумов, всё по-другому. Всё совсем не так!

— Что в нас особенного?

— Все мы… все мы… — Хельга опустила голову. — Делаем не всегда добрые дела. Мы привязываем души к этому миру. Когда только одну, когда сотнями, когда тысячами. Цепи одной души — цепляют нас самих. Медиум залог того, что мы отцепим эти цепи на границе своей смерти. Сможем уйти… кто на перерождение, кто к своим богам, кто в рай или ад, чистилище, куда угодно.

— Проще сказать, медиум тот, кто подчищает за вами грязь?

Девушка дёрнулась и… не сказала ни слова.

Это было не совсем так! Не совсем… То, что делали в СБ, они делали не только для себя, они делали для всех, для других, для многих. Но вот в желании заполучить медиума, был только эгоизм. Чудовищный, махровый. И оправдываться тем: «Что мы

тоже люди», не получалось. В СБ людей не было. Не работали они здесь.

Люди не могли удержать в рамках нелюдей, гостей Земли, хозяев тонкого мира. Нужны были те, кто мог этого сделать.

Как появилась первая СБ Хельга не знала и не хотела знать.

То, чего она хотела сейчас — это возможность найти слова, сказать что-то Кириллу, ну, хоть что-то! Но… она промолчала, вытащила из стола типовой договор и протянула его мужчине.

Сухие строчки о том, что он берёт на себя обязанность хранить тайну, не разглашать её, не посвящать в неё посторонних, и всё такое, в этом же духе, ещё в добром десятке синонимов. Видимо, кто-то среди составителей этого договора, был тем ещё крючкотвором.

Поставив размашистую роспись, Кирилл отложил договор и поднялся.

Хельга не сказала ни слова, молча вышла перед ним, провела до мастера дверей и оставила, даже не посмотрев ему в глаза и не пожелав доброго вечера. А спустя несколько минут мужчину приняли в свои объятия осенние сумерки. За спиной качались деревья, где-то в стороне вспыхивали огни его городка.

Кирилл стоял около крепости, глядя на неё изучающе. Всего десяток часов назад это место чуть не стало его могилой, оно стало косвенной причиной, вначале запечатавшей его силу, потом распечатавшей снова. А теперь. Вон он стоит, смотри и пытается понять, что здесь происходит. Ради чего он сюда пришёл?

Крепость не спала, она была мертва. Исчезла та сила, которая пропитывала собой это место, исчезло то, что заставляло кирпичи держаться в пазах, даже когда от скрепляющего раствора не осталось и следа. Пропал тот дух древности и исторической ценности, какой-никакой, а она здесь была.

Осталась коробка, которой кто-то неумелой рукой придал вид крепости. Детская игрушка, которая уже никому не нужна. Ребёнок вырос и больше не играет в солдатики и войнушку. Игрушки ссыпаны в коробку, коробка вынесена за ненадобностью в гараж…

Ощущая себя глупо до предельности, Кирилл вошёл в крепость:

— Ау! — крикнул он.

Ау, у, у, у… — вернуло эхо.

— Здесь никого нет, — Каин появился сбоку. В демократичных джинсах, растянутом свитере, и косая чёлка так привычно падала на глаза. Уставший, задумчивый. — Я сюда уже приходил. Искал. Весь день искал ту, про которую вчера говорила душа. Так и не нашёл. Ничего не нашёл, хотя старался.

— Зачем бы тебе это делать? — спросил Кирилл.

— Пока ты не станешь Адвокатом мёртвых, тем, кто априори не может пересечь черту мёртвых, если его не позовёт смерть, я буду тебя охранять. Знаешь ли, мне как-то не хочется выяснять, какой степени могущества Смерть. Особенно этого мира. Я хочу домой. Там много нового вот-вот произойдёт и не меньше интересного. У нас меняется одна незыблемая система на другую. Никто… из обычных людей и магов этого не поймет, даже не ощутит, а я хочу быть в гуще тех событий. Их свидетелем. Впрочем…. — Каин помолчал, потом спросил. — Ты хочешь побыть здесь один?

Кирилл кивнул.

Объяснить почему, он не успел.

Адвокат пропал.

Он не обиделся, такие, как он, по умолчанию, обидеться не могли. Он был где-то очень близко на тот случай, если понадобится его помощь, но Кирилл при этом остался один.

Он слушал.

Слушал мёртвую крепость, пытаясь понять, кем была та таинственная «она», зачем она пришла, ради чего помогала. Ради чего спасала Женьку? Откуда взялась в его жизни и куда, когда пропала.

Шаги Кирилла были тихими, невесомыми.

Узкие тёмные коридоры вели в разные стороны. Налево, направо, налево, направо, прямо, направо, налево. Кирилл менял направление хаотично, не думая, не выбирая разумом или сердцем. Просто шёл туда, куда ему хотелось. А хотелось… куда именно хотелось он не знал.

Где-то тихо капала вода, разбиваясь о камни внизу. Шаги терялись в этой тишине. Глаза мало-помалу привыкали к темноте, царящей здесь.

Когда-то, — пришло в голову, — он боялся темноты. Потому что, если становилось темно, она уходила. Она всегда уходила. Но кто именно она…?!

Мысль осенила и помчалась дальше.

И так и не вернулась, не захотела возвращаться.

Темнота стала гуще, плотнее, легла на плечи, прижав к земле, и Кирилл осознал, ещё немного, и всё может закончиться плохо, падением… или ещё чем-то.

Поэтому махнув рукой: «Зачем я сюда пришёл?!»

Он вытащил фонарик и, подсвечивая себе дорогу, отправился в обратную сторону, позвав:

— Каин?

Адвокат появился почти сразу же, молча пошёл рядом, на

Кирилла не глядя.

— Ты ходил в СБ? — спросил он, когда молчание стало неприятным.

Кирилл кивнул:

— Они сказали, что являлась сама леди Смерть. Кстати, подскажешь мне, как с ней связаться? Хочу поблагодарить.

— Говорить о том, что это плохая идея не стоит? Люди должны держаться подальше от таких, как она.

— Если я стану адвокатом, как же я буду это делать? — удивился Кирилл. — К тому же, лучше хорошие добрососедские отношения, чем держаться друг от друга на нейтральном расстоянии. Добрые соседи могут многое сделать вместе, что никогда не получится у одиночек.

— Слишком… — Адвокат покачал головой. — По-человечески.

— Это плохо?

— Нет. Это не так, как принято у нас. Не так, как мы уже делали. Не так, как делаем обычно мы… Мы не люди. Вы — люди. Возможно, у тебя что-то получится лучше.

— Ты… — Кирилл взглянул на идущего рядом парня. Сквозь черты нового тела проступали черты уже знакомые, тело подстраивалось, гибко, мягко, не резко, но всё же словно вылеплялось обратно в прежнюю форму самого Адвоката, того, с которым мужчина познакомился на Литейном пустыре. И в то же время, что-то было не так, какое-то едва уловимое ощущение присутствовало.

Словно бы Каин был окутан тонким запахом гниения, сладковатым запахом разложения. Мир выталкивал его прочь, намекая, что чудь здесь загостился.

И теперь уже силы самого Адвоката уходили на то, чтобы задержаться здесь. Ему предстояло найти одну девушку. Не провожать её, просто поставить на неё метку, просто дать ей дорогу туда, куда её ждали. А для этого нужно было подождать. Идеального времени, пятницы тринадцатого, с ночью полнолуния. До этого ещё было ждать почти полгода. Не так уж и много времени, чтобы её найти, но вполне достаточно времени, чтобы научить Кирилла всему, что должен знать адвокат мёртвых.

Единственно, оставался вопрос — как найти ту самую «её», может быть, её как-то можно выманить? Или можно что-то с этим сделать ещё? Или, или, или, или!

Каин злился.

Сердился.

Был напряжен.

Всё происходящее (вот правильно он не связывался с живыми

людьми!) ему не нравилось. Ему хотелось оказаться дома, хотелось вернуться туда, где кипела жизнь, где магия была не чем-то особенным, что нужно скрывать, а делом обыденным. Туда, где можно будет не быть в одном и том же теле десятки-сотни лет, а наконец-то уступить место другим граням личности и отдохнуть. Немного. Хотя бы чуть-чуть…

Но человек. Человека нельзя было бросать вот так, на ровном месте, ничего не объяснив, не показав. Его нужно было научить многому, ему нужно было помочь, нужно было, наконец, всё-таки выполнить этот договор.

А ещё, Каин даже себе не хотел в этом признаваться, человек был ему попросту интересен. Если бы была дружба, если бы она действительно существовала, такая, как её описывают в местных книгах, Каин хотел бы быть другом Кириллу.

Но для дружбы нужно то, чего у Адвоката мёртвых не было — чувства. Мало изображать что-то, нужно испытывать это на самом деле…

Вот как Кирилл — идёт рядом спокойный, словно и не было ничего, словно не было некроманта, этих способностей медиума, визита СБ с его начальником, пугающим даже самого Каина. Тварь там была ещё та. И тварь в самом что ни на есть прямом смысле слова.

Попробуешь задуматься, вглядишься в Кирилла, и подо льдом этого спокойствия видно что-то ещё. Десятки оттенков и цветов самых разных эмоций. Люди были слишком странными, чтобы Адвокат мог их понять. Он сам был слишком для них острый, колкий, на разных гранях, нечеловеческий, непонятный. Но и в обратную сторону это работало тоже. Он не понимал людей.

— Что теперь? — спросил Каин. — У тебя теперь есть возможность выйти из «СМР», заняться, например, исключительно работой медиума. За тобой будут бегать, умоляя взяться за работу. Будешь как сыр в масле кататься днём. По ночам будешь заниматься работой адвоката. Всё просто, понятно и логично.

— Зачем? — Кирилл, открыв дверь на улицу, обернулся. — Меня устраивает то, чем я занимаюсь. Мне нравится офис СМР, сложившийся коллектив, пока нравится то, что я делаю. Впереди бал, который я помогал готовить. Этот особняк, который мы еле нашли и который сейчас обставляем. Зачем я буду уходить?

— Ты можешь добиться большего.

— Мне достаточно того, чего я могу добиться сейчас, — сообщил мужчина.

Каин хмыкнул. Вышел следом, мигнул брелоком сигнализации, кинул ключи Кириллу.

— Я подогнал машину. Но обратно вести тебе.

— Как скажешь.

Басовито загудел мотор.

Кирилл думал о том, как выразить свою благодарность леди Смерти, заодно размышляя о том, прокатят ли здесь печеньки. Те самые, которыми Женька соблазняла самого Кирилла в бытность свою увлечения гигантской звездной сагой и воплем: «Переходи на темную сторону, у нас есть печеньки!»

Тёмной стороной леди не была, но всё-таки, можно ли выражать свою благодарность таким вот образом?

Каин смотрел вверх, в тёмное небо, и о чём были его мысли, не ведало даже оно.

На крыше машины, невидимая другим, была ещё одна пассажирка, и ветер качал её волосы. Таинственная «она» улыбалась, а за мощным джипом, на котором прибыл Адвокат, неся целый шлейф мёртвых душ, потерявших свой стержень. Призраки и привидения, уже не осознавшие себя, ведомые лишь голодом, мчались вслед за своим праздничным блюдом…

Глава 24. Призрачный бал

Почему-то никто не задумывается о том, как просто ранить человека. Нет, совсем не смертельно, не выбирая слова побольнее, не выбирая способ разорвать сердце на куски, всмятку, искалечить душу. Просто ранить.

Взгляд. Слово. Насмешка. Не издевка. Просто мимолетная фраза, от которой больнее, чем от чего-то ещё. И любимое дело уже не хочется делать. И не хочется говорить ни слова в ответ.

Хочется просто забиться куда-нибудь в угол, и просто, чтобы оставили в покое.

На глаза наворачиваются слезы, и хочется просто махнуть на всё рукой.

Больно.

Обидно.

Опускаются руки.

И ведь не со злости, но больнее не придумать.

Кирилл, сидя на кровати в спальне, задумчиво смотрел на часы. Коварная часовая стрелка как прилипла к одному месту и не желала двигаться по кругу. Да и минутная то и дело замирала и дрожала.

Он просмотрел камни ещё пятидесяти человек, и в груди было теперь больно самому. Им всем, как же им было больно, сколько всего люди переносят сами и заставляют переносить других.

Боль, ненависть, алчность, злоба, зависть.

Любовь, нежность, забота.

Ревность.

Страх. И самопожертвование.

Саморазрушение.

Благодарность.

Люди такие разные и совершенно не одноцветные. Их нельзя покрасить только в белый или только черный, в розовый или серый, голубой или малиновый. Нельзя сказать, что эта девочка — чисто «Мальвина» — умная девочка, которая никогда ничего ни-ни. Даже у умной девочки окажется за спиной пара эпизодов, о которых она никому не захочет рассказать. И у миленького мальчика Пьеро, который всегда был вежлив, спокоен и уважителен, тоже есть пара скелетов в шкафу. У кого-то они очень маленькие, едва-едва заметные. Крысиные скелетики неуважительного проявления.

У кого-то куда более серьёзные.

— Не спится? — негромко спросил Каин, входя в комнату с

двумя кружками кофе.

— Не могу уснуть, — отозвался Кирилл, садясь на кровати. — А ты чего не спишь?

— Я не человек. Нам не нужно спать.

Звякнули бубенцы, когда Адвокат передавал своему преемнику кружку. Каин оседлал стул, разглядывая Кирилла.

— Я не могу понять, что в тебе такого особенного? Вот уже сколько на тебя смотрю, столько пытаюсь понять и всё равно не получается. Даже если ты медиум. Даже если ты медиум с проявленной силой — этого всё равно недостаточно, чтобы она так к тебе относилась.

— Возможно, было что-то ещё, там, где я этого не помню, — предположил Кирилл. — Я бы хотел вспомнить. Узнать, что там было… Но, пока мы не найдём камень, если вообще его найдём, в этом вопросе я полностью «пас».

— Как прозвучало, по-вампирски, — усмехнулся Каин. — Тебе идёт.

— Что именно?

— Амплуа вампира. Настоящим спать не хочешь? Пить кровь, — звякнули бубенчики на указательном пальце, — на солнце придется наносить специальный крем. Сможешь слышать чужие мысли, управлять мертвыми. И живыми тоже, теми, у кого ты пил кровь.

— Такое в твоих силах тоже?

— Не в моих. Не совсем в моих, — поправился Каин. — Ты же знаешь, что я не один. Среди всех, кто составляет общую сущность «чуди», есть разные народы. Даже дракон один затесался. Вампиров пара. Так что, можно сделать тебя вампиром крови и вампиром праха.

Заинтересовавшись Кирилл даже опустевшую кружку отставил. Чуть звякнул ею по тумбочке, не рассчитав силу и встряхнулся. На практике подобным воспользоваться ему бы и в голову не пришло, но звучало действительно интересно:

— И? Они разные?

— Очень. Вампиры крови питаются кровью, колдуют тоже через неё. А вампиры праха колдуют через стихию праха. Соответственно, первых чтобы убить, нужно влиять на кровь, а вторых — надо сжечь так, чтобы остался только прах, и прах развеять по ветру.

— Как всё сложно!

— Ты разберёшься. Лэйла поможет.

— А ты? — глаза мужчины начали закрываться. Сон подкрался из-за угла, помахал всполохом белого платья и розовой ленточкой. Один хвост завязан, второй распустился. И никак не

получается собрать вместе непослушные волосы.

— И я помогу. Куда же я теперь денусь, — вздохнул Каин. — Спи, человек. Вы люди хрупкие создания. А ты сегодня слишком засиделся с камнями. Надо будет сказать Лэйле, чтобы следила за этим, иначе ты попросту перестараешься… И в какой-то момент себя сожжёшь. Это не то, что нужно. Ни тебе, ни прекрасной леди с косой, не к ночи она будет вспомянута. Спи…

Лэйла появилась в дверях, пройдя сквозь стену, поправила платье, так и норовящее сползти, и воззрилась на Каина.

— С каких это пор страшный Адвокат мёртвых подливает смертному настой дурманных трав, чтобы спал без снов?

— С тех пор, как нахальный смертный полностью поменял все правила жизни. Присмотри за ним.

— А ты?

— Надо подготовить обитель. Иначе человеку… Кириллу там будет неуютно.

— Оживающий Адвокат… надо же, не думала, что доведётся такое увидеть.

— Предрекаю тебе, — Каин оглянулся от окна. — Что побудешь рядом с Кириллом, ещё и не такое доведётся увидеть.

Звякнули стекла, огромный ворон махнул крыльями и пропал в тёмном небе. Лэйла осталась стоять, глядя на спящего Кирилла.

— Ещё и не то, да?…

* * *

…Последние приготовления к балу поставили все агентство с ног на голову. Персонал бегал по коридору, уже не заморачиваясь маскировочными мероприятиями. Женя ругалась до остервенения со своими ассистентами. И судя по тому, какие отголоски мощного цунами её эмоций достигали до Кирилла, недалёк был тот момент, когда она плюнет на всё и вся и пойдёт вразнос. Пользовалась своими способностями Женька редко, зато когда начинался воспитательный процесс, от неё хотелось оказаться как можно дальше, и вообще желательно не здесь, а лучше сразу «там».

Князь, проходя мимо кабинета Кирилла, стукнул косточками пальцев в его дверь, заглянул:

— Ты тут как?

— Вокруг сходят с ума, я пью кровь, — отозвался «вампир» флегматично. — Ещё немного, и полностью обескровлю сразу два отдела. Тут всегда такая суматоха перед мероприятиями?

— Бывает хуже.

— А… — Кирилл кивнул. — Вы чего-то возжелали, Князь?

— Твоя сестра. Она всегда такая… «добрая»?

— Не, она ещё из лука не палит, значит, она ещё пока действительно добрая.

— Там лук бутафорский!

— Уже нет. И стрелять она из него умеет. Так что… — мужчина поднял на начальника смеющийся взгляд. — Мимо её кабинета лучше не проходите пока. Она докажет им свою позицию. После этого снова станет мирной и пушистой, и с лёгкостью пойдёт навстречу даже самым глупым пожеланиям и просьбам коллег.

— Но не перед работой?

— Перед работой в ней просыпается сатрап. А поскольку работа интересная, и она мне вчера весь вечер и сегодня все утро жужжала на ухо, как она счастлива работать в такой компании… Она отдаст все силы, чтобы с её стороны всё прошло на отлично, — Кирилл взглянул на стопку подписанных бумаг, которые ему принесли на утверждение. — Впрочем, с нашей стороны пока всё тоже в рамках комфортной зоны спокойствия. Небольшие отклонения есть, но они постепенно нивелируются. Хотя вчерашняя репетиция, как я слышал, прошла просто ужасно.

Князь покачал головой:

— Ты настоящая находка, Кирилл… Спасибо за работу. Пойду к Сумирэ схожу. Она в последнее время совсем сдавать стала.

— В отпуск её, — порекомендовал мужчина, подтягивая к себе новую стопку со списками и чеками. — Это будет самый простой вариант. Хотя бы на недельку и туда, где её не достанут. В том числе и с бухгалтерскими вопросами на тему того: «Ой, а как тут будет, я немного запуталась?!»

Князь хмыкнул и мягко прикрыл за собой дверь. Кирилл на это уже не обратил внимания. Он нервничал.

Лэйла была с Женькой. Причём теперь Каин что-то сотворил ещё, и Лэйла могла даже воздействовать на нечеловека. Сестра была в безопасности. В любом случае. Рядом с самим Кириллом был огромный ворон Адвоката — Карас. Как выяснилось, «птичка» умела спокойно пересекать границы миров. И, в крайнем случае, Каин мог появиться рядом с Кириллом в течение нескольких секунд.

А если их не будет?

Кирилл отвлёкся от бумаг, взглянул на сваленный в углу декоративный хлам, которому предстояло занять свои места на стенах. Там же, прислоненная к этой горке, стояла шпага. Тоненькая, с серебристым лезвием.

Мастер-кузнец, кряжистый гном с серой бородой, когда её вручал, сказал, что такая любую нечисть отгонит. А ту, что отогнать не получится — убить этой шпагой можно. Особый граненый клинок, лучшее серебро, друзья с оказией из другого мира передали!

И…

Поможет ли это «вооружение»?

Кирилл поднялся, закончив работу. Подошёл к окну. Несколько грузовиков заехали в гаражные ворота, чтобы выехать оттуда уже через несколько минут. Если не приглядываться — даже невозможно заметить, что выезжают совсем другие машины, хотя с теми же водителями.

Где-то довольно далеко от офиса заканчивались декоративные работы. Машины для кортежа украшались соответствующим образом. И что-то вроде Хэллоуина с минорным началом должно было вот-вот начаться.

Кириллу предстояло тоже переместиться на бал. Вначале одним из статистов. Тех самых, кто выйдет из «зеркал» сразу же, когда гости переместятся в бальный зал.

Танцевать предстояло вальс, полонез и менуэт. Потом музыка должна была смениться на классические аранжировки современных мелодий, чтобы гости ощущали себя комфортнее.

И снова стрелка часовая приклеилась к циферблату. И никак не двигалась, не поворачивалась, не желала отсчитать часы, чтобы всё это быстрее закончилось.

Не стоило спешить? Не нужно было торопиться?

Нужно было взять перерыв и позволить себе немного задержаться?

Мысли кружились, вертелись, никак не получалось ни на чем сосредоточиться. В голове как туман поселился, в теле — холод. Ощущение некой зябкости просачивалось сквозь тело, зарождалось откуда-то в костях ломким морозом.

Это было ненормально, это было неправильно и однозначно это было угрожающим знаком. Но о самом главном — как проявляется мир призраков, мир мертвых в мире живых Каин не сказал, ему просто не пришло в голову, что Кирилл это не знает.

Лэйлы не было рядом, в этом случае, возможно, у неё бы получилось заметить и предупредить. Но для мужчины была важнее сестра, чем он сам. А Женька уже была далеко — в особняке. Она делала первые фотографии для подарочного альбома, который потом получит хозяйка праздника и несколько гостей, которых она указала отдельно. При этом фотографы вообще не должны были быть замечены гостями.

— Тот случай, когда вокруг творится бедлам, а ты сам стоишь

с коктейлем в руках и зажигалкой для бикфордова шнура, — пробормотал Князь. В элегантном фраке сейчас он выглядел так, словно заглянул в это время на пару минут из эпохи балов в каком-нибудь австрийском или русском дворце.

Кирилл, стоящий рядом, чуть поправил шпагу.

На балах, он озаботился тем, чтобы прочитать правила этикета того времени, офицеры и аристократы не должны были держать при себе оружие. Но согласно постановке, когда будет первая волна, зеркальные гости должны будут защищать гостей. Потом, конечно, согласно тому же плану, всё будет немного наоборот. И пугать прибывших будут уже искаженные зеркальщики…

А только ли они?

Поправив шпагу на поясе, Кирилл взглянул из-за зеркал на потрясающий бальный зал. И даже верить не хотелось, что это царство света, зеркал и весёлого смеха всего через пару часов превратится в сцену для фильма первоклассного фильма ужасов.

Белоснежные обои, деревянные панели, канделябры на стенах и витые напольные, хрусталь, в котором отражаются десятки, сотни свечных огоньков. Лакеи и горничные в бело-золотых костюмах, в белоснежных перчатках, выглядящие именно так, как положено незаметным на таких балах людям.

И гости.

Гостей привезли на лимузинах. И дамы в коктейльных и даже бальных платьях и лорды во фраках и смокингах двигались по залу, разговаривали, общались с удовольствием на разные темы.

Помимо фуршетных столов их сначала ждало застолье.

Обслуживающий персонал из СМР ел в несколько смен, на закрытой от гостей территории.

После ужина наступала очередь зеркального бала.

Все спецэффекты, как технические, так и магические готовы были к тому, чтобы быть приведенными в исполнении.

— Господин вампир? — маленькая девочка — феечка, выглянула из-за угла коридора, поманила Кирилла к себе. — Вам просили передать.

В подставленные руки Кирилла упала белая записка.

Буквы, вырезанные из старых газет, прыгали:

> «БеРегИСь. Не БудЕШь осТоРоЖЕн, теБе помОгуТ умЕрЕТь».

Дурные ощущения стали ещё острее.

— Кто тебе это передал? — спросил Кирилл, присев перед феечкой на корточки.

— Девочка. А девочку попросил мальчик. А мальчика

попросил мужчина. А кто попросил мужчину я не знаю.

— Хорошо, спасибо.

— Не за что, господин вампир, — девочка присела в реверансе и снова кинулась прочь по коридору. Крылышки порхали, словно малышка пыталась взлететь, но вовремя одёргивала себя, что люди на земле не летают.

— Вампир-доно, — появившаяся с другой стороны Сумирэ, отвлекла Кирилла от наблюдения за малышкой. Он повернулся к бухгалтеру и расплылся в улыбке. Красивая женщина не отказалась от своего кимоно, разве что теперь оно было богатым, по серо-серебряному полю текли ярко-золотые узоры, сливаясь в единый эффект мерцания.

— Добрый вечер, Сумирэ-сан.

— Вампир-доно, — опершись на предложенную руку, женщина негромко спросила. — Скажите мне, вы собираетесь остаться в СМР? Простите, что влезаю в зону вашего личного пространства, но мне хотелось бы знать это.

— Если не прогоните, останусь. Мне нравится.

— Вы хороший человек, вампир-доно. По-настоящему хороший. Поэтому я бы осмелилась вам рекомендовать оставить эту работу.

— Почему?

— Тот, кто стал частью кортежа леди с косой, уже не сможет его покинуть. На своих двоих или в гробу — он всегда будет его частью. Вы показали агентству, что люди бывают и такие, которые станут частью нашего мира, которые с удовольствием станут его полноправным членом. Например, как ваша сестра. Она уже нашла общий язык с половиной отделов, а вторую половину очаровывает уже сейчас. Вы же… принадлежите другому миру. Миру мертвых. А она теперь часть мира инферального. Нет, не подумайте, пожалуйста, что я вас гоню. Поймите меня правильно. Наш мир никогда не станет вашим, также как и вы никогда не станете частью нашего мира. Вы удивительный человек, поверьте той, которая познакомилась со многими людьми на этой планете. Но ваша удивительность играет против вас. Вы же до сих пор не понимаете, в чем ваша уникальность?

— Часть моей памяти где-то потеряна.

— Найдите её как можно быстрее, вампир-доно. Как бы мне ни хотелось, но я не могу сказать вам большего. Слишком разные миры… Свои ограничения… Простите, пойду к Князю, он всегда переживает чересчур, когда сделать ничего уже невозможно. Хорошего вам бала, вампир-доно.

— Спасибо, Сумирэ-сан.

Женщина улыбнулась и двинулась прочь, оставив Кирилла в

растерянности смотреть ей вслед.

Неприятные ощущения пропали, словно их и не было.

Только иногда, когда мужчина поворачивался слишком резко, на некоторой границе вокруг него, ему казалось, что есть чёрная плёнка. Матовая, отдающая каким-то острым запахом, напомнившим о кладбище.

А минуты после этого сошли с ума, полетели, покатились прочь. Дальше и дальше по накатанному сценарию.

И вот уже погасли свечи, задутые мощным порывом ветра, а в зеркалах зародилось галосияние. Линии разноцветного огня дрожали и ломались в изгибах и зигзагах, сливались и сплетались, соткав дорожку, протянувшуюся из царства зеркал в реальность.

Мужчины и женщины, в сплошных масках и костюмах, под нежнейшие звуки скрипки, шагнули вперёд. Каждый уже знал, кто его партнёр, разбивались все пары. Никто не должен был остаться со знакомым человеком.

Обстановка нагнеталась старательно и виртуозно. Где-то в зеркалах мелькнул аленький отблеск чьих-то глаз, донёсся тихий вздох, в тёмных отражениях появился тот же самый зал, и те же люди — но вокруг, там в зазеркалье, была совсем другая обстановка.

И гости в красивых нарядах стояли посреди разрухи, под руку с мертвецами.

Но тут же, не давая никому серьёзно обеспокоиться, к скрипке присоединился рояль, вступили флейты, и грянул вальс.

Кирилл пригласил на танец симпатичную пампушечку из ближней свиты заказчицы. Она выглядела уже давно не в своей тарелке, и сейчас оглядывалась по сторонам немного с испугом и заметной тревогой.

— Вам не по себе? — спросил Кирилл, делая аккуратный оборот.

— Ненавижу идеи Лары. Лучше бы она работать пошла в какой-нибудь дом ужаса, чем вовлекала людей… в такие неприятности!

— Неприятности? Отчего же… Красивый бал, взгляните какие наряды. Красивые дамы, красивые кавалеры.

— Зеркала. Паутины. Скелеты, — в тон мужчине ответила его партнёрша. — Непонятные завывания. Чёрные кошки. Сад как из фильмов ужаса, разве что для вида приведенный в порядок. Знаете, я предпочту, чтобы всё это оказалось моим воображением, но зная Лару… это именинница, мне очень хочется оказаться отсюда как можно дальше!

— Вы боитесь… всех этих историй?

— У меня рефлекс. Видите ли, Ларка решила, что это очень смешно, смотреть, как я пугаюсь до черноты в глазах. Интересно ей, опыты ставить на людях. Терпеть её не могу!

Кирилл сделал ещё один аккуратный круг:

— А с чего вдруг ей интересно ставить опыты на вас?

— А я… — пампушка вскинула на мужчину глаза, и Кирилл чуть не споткнулся. Совершенно дивный оттенок не то ореха, не то пьяного шампанского. Опушенные длинными ресницами, глаза словно приглашали: «Утони во мне, тебе станет легче». — Как странно. На вас не работает.

— Что именно?

— А я мысли иногда читаю, — отозвалась молодая женщина с затаенной улыбкой в уголках губ, будто подначивая: «Ну, же, ну, скажи, что я врушка, докажи себе, что ты лучше, кого бы то ни было ещё!»

— О… — пробормотал Кирилл вместо этого. — Я вам искренне сочувствую… Знаете, — поддался он неожиданному инстинкту. — А составьте мне компанию.

— Компанию?

— Этот душный зал… Пройдёмте в парк? Его великолепные фонтаны с подсветкой это что-то… завораживающее.

— Нас заметят!

— Нет, — Кирилл улыбнулся, стягивая с собственных плеч плащ с алым подбоем, а потом накрывая девушку с головой. — Идёмте, только ни звука. Хорошо? Чтобы ни случилось, я смогу вас защитить.

— Довериться незнакомому человеку?! Вы хотите от меня невозможного… Синий.

— Что? — изумился Кирилл, выводя девушку в сад, и ощущая, как от её мягкой ладошки с глаз будто бы спадают какие-то шоры.

— Цвет ваших мыслей — он синий. А ваш камень, — откинув капюшон, незнакомка всмотрелась в глаза мужчины, потом улыбнулась: — аквамарин. Синий-синий, цвета глубокого океана. Такой совершенно чудесный, великолепный и… редко встречающийся.

— Вы… разбираетесь в камнях?

— Я… хозяйка небольшого салона. Антикварного и ювелирного, если можно так сказать, а заодно торгую ручными украшениями. Мои клиенты часто спрашивают, какие свойства у того или иного камня.

— А… — Кирилл вскинул голову. Ему показалось, что только что-то кто-то его позвал. Очень тихо, словно перезвон горных колокольчиков в воздух раскатился.

И босые ноги простучали, и смеющийся голос добавил:

— Догоняй! Ну, Кир, сколько же можно!

— Тебя зовут, — спутница, кутаясь в плащ, улыбнулась. — Слышишь?

— Н… нет… едва-едва.

— А я слышу четко. Значит, и ты сейчас услышишь…

Впрочем, услышал Кирилл другое — вопль, женский отчаянный вопль, а вслед за ним — треск бьющихся зеркал. Вторая часть шоу началась.

Молодая женщина рядом с Киром пошатнулась.

— Спокойно, — подхватил он её за плечи. — Сюда никто не выйдет.

Включив гарнитуру на ухе, он сообщил:

— Вампир, говорю из сада. Как слышно?

— Центр приема сообщений слушает. Привет, Кирилл.

— Хельга, ты не в бальном зале?

— Чтобы я там делала?! — возмутилась буквоежка, крутанувшись на стуле. — Что у тебя там случилось?

— Со мной рядом девушка. Её надо в безопасное место, вне происходящего.

— Понятно. Сейчас отправлю к ней одного из сотрудников. Отапливаемый садовый комплекс подойдет? Там есть чайник и телевизор. И диванчик.

— Отличный вариант, спасибо.

— Всегда, пожалуйста, у меня звонок по другой линии. Переключаюсь.

Пожелать удачи Кирилл не успел, взглянул на пампушку, протянул руку:

— Совсем забыл представиться, я Кирилл.

— Очень приятно, а я — Юля, — улыбка молодой женщины была чуть вымученная, но полная искренней благодарности. — Спасибо, что заступились за меня.

— Не за что. А, вон ваш проводник, видите в костюме мягкого зайца с фонарем?

— Да, — Юля засмеялась. — Давайте я верну вам плащ.

— Не стоит. Он вам пригодится, чтобы было чем прикрыться, когда вы заснете на диванчике.

Кирилл махнул рукой и решительно двинулся в сторону особняка. Тихий шёпот настиг его на полпути:

— Сюда, — уговаривал он, манил Кирилла за собой. — Ну же, сюда. Скорее!

Дверь мягко закрылась за мужчиной.

Под ногами скрипнул рассохшийся пол.

Старая неиспользуемая галерея отразила его десятком зеркал

со стен. Картины на стенах качнулись, их обитатели приникли к рамам, жадно вытащили руки, пытаясь достать до мужчины. Отчаянный вой, от которого кровь стыла в жилах, зазвучал по коридору.

Но он не слышал.

Обходя автоматически дырки в пылу, он двигался к зеркалу в самом конце коридора. Во весь человеческий рост — оно было единственным реальным в этом месте, но совершенно определённо отражало не то, что должно — потому что там стояла девочка.

Маленькая, босоногая, с улыбкой во все лицо. Один хвост был заплетен, а второй — расплелся, и розовый бантик висел на кончике локонов, угрожая вот-вот сорваться. Платье было уже серым. От грязи. А улыбка была всё та же.

В правой руке малышка сжимала мягкого зайца.

В левой руке, видимый лишь едва-едва, был гигантский тесак.

Ей не по росту.

— Ты пришёл, а я уже думала, этого никогда не случится! — качнулась малышка навстречу, а потом засмеялась и со всей силы ударила тесаком в зеркало.

Радужные осколки брызнули во все стороны, один из них прочертил кровавую дорожку на щеке Кирилла. Мир реальный и мир мёртвых слились волей одного ребёнка воедино.

— Мне надоело ждать, мне надоело искать. Теперь ты будешь меня искать, и сроку у тебя всего ничего, потому что проклятье подходит к концу, да и я уже устала! А теперь взять! Взять! Взять!!! — поднялся звонкий детский голосок до пронзительного ультразвука, от которого у Кирилла заныли разом все зубы. — Взять его!!!

Если бы он был готов, он бы успел.

Если бы он только понимал, с чем может столкнуться, он бы тоже успел отреагировать. Но понимания не было, и безмолвно дёрнувшись, Кирилл упал как подкошенный. А в мире реальном проявлялось огромное серое месиво рук, ног, голов, ещё каких-то фрагментов тел, и всё это, вся эта структура — пыталась добраться до упавшего мужчины. Поглотить его, сразу и навсегда…

Глава 25. Океан

Что отличает воина от человека обычного, который никак не проявит себя ни в каких боевых столкновений? К слову, к счастью, но всё-таки в чем, где именно лежит самая большая разница между ними?

В физической силе? Но зачастую самый слабый человек способен на подвиги, которые никогда не совершить тем, кто больше отжимается, подтягивается, пробегает больше кругов и выжимает больший вес.

Может быть, в воле? Но и это не всегда верно. Люди со слабой волей в какой-то момент времени просто делают нечто, после чего мир вокруг меняется. Они остаются теми же, кем и были, но в их душе горит огонь воинской славы.

Месть? Она подталкивает людей калечить друг друга, но из слабака воина никогда не сделает.

Ум? Зачастую этого недостаточно.

Умение оценивать ситуацию и быстро принимать те или иные решения?

Тоже недостаточно…

Вся душа разом? Но тогда получается, что это предопределено. Но почему тогда иногда те, кто всю жизнь считал себя слабаком, просыпаются в один момент воинами?

Какой-то более тонкий механизм.

Что-то вроде способности забрать чужую жизнь, понимая, что ты не имеешь на это права, не ты её давал, не тебе её забирать. Но…

Серебряный росчерк шпаги мелькнул в воздухе, освобождая пространство для вдоха. Завывающая призрачная масса кинулась в разные стороны, спасаясь от удара.

Дышать было тяжело.

Миазмы, исходящие от огромной расплывчатой кляксы, забивали нос и горло. От кашля всё скручивало внутри, хотелось буквально выкашлять лёгкие. Живот скрутило.

Девочка стояла всё там же, где была. Окруженная призраками со всех сторон, но в то же время отделенная от них невидимой линией.

— Ненавижу тебя, — шевельнулись её губы. — Сдохни! Пожалуйста… — голос упал, лицо исказилось, и малышка шагнула обратно, в зеркало.

Шпага в руках Кирилла казалась неподъёмной, когда он отмахнулся от ближайшего призрака. В памяти было что-то ещё. Что-то другое. Чья-то рука, ладошка, лежащая на его руке, а он

сам сжимает палку. И занозы потом будут, и синяки, а пока самое важное в мире эта ладошка.

— Да ничего у тебя так не получится, дурак!

— Не называй меня так!

— Другого обращения не заслуживаешь!

— Сама ты… — мальчик перехватывает палку удобнее, проглатывает оскорбление. — Что я должен сделать?

— Вот это… Ещё раз показываю!

Шпага взмыла вверх, резко опустилась направо, проводя светящуюся линию.

«Без слов экзорцизм изгнания и запечатывания будет неполным», — словно шепнул кто, — «но это удержит их на расстоянии».

Новое резкое движение, справа налево, и слева вниз по диагонали, завершая форму. А потом Кирилл понял, что больше даже не может стоять. Сила… Какая у него сила?

Амулет на шее, крест на бархотке рухнул на пол.

— Каин… — прошептал Кирилл, заваливаясь.

Звякнули бубенчики. Огромное крыло придержало, не давая упасть окончательно. И Адвокат мёртвых оказался с мужчиной лицом к лицу. В бездонной бездне не было ни следа чего-то человеческого. Голос был пуст, механический, ничем не окрашенный.

— Стоять сможешь?

Дань вежливости?

Чем был вопрос Каина?!

Кирилл отрицательно покачал головой. Ноги не держали. Шпага лежала под ногами, и её серебристый свет оставлял на стенах этого коридора причудливые блики. Блики скользили по огромной призрачной массе. Сколько на неё пошло призраков? Сто? Двести? Триста?!

Для медиума, не осознающего толком ни своей силы, ни своих возможностей — это было слишком много, чрезвычайно огромная масса. Но они не нападали. Кружили вокруг, не в силах пересечь какую-то черту.

В коридоре было темно, но до Кирилла это дошло только после того, как Каин помог ему подняться, а потом и прикрыл своим крылом. Крылом?!

Облик Адвоката снова изменился.

Он был выше. Выше самого Кирилла. И руки мощнее, и ноги длиннее. И за его спиной были огромные вороньи крылья. Звякнули бубенчики, когда окружающий мир скрылся в перьевом покрове.

Каин перевёл взгляд на собравшихся призраков. Они ещё

качались на невидимой границе, раздумывая, стоит ли атаковать.

А потом кинулись. Одним скопом. Жуткой волной цунами, желая стереть нахального незнакомца, укравшего у них законную добычу.

Призраки были необычные.

В них помимо того, что они были частью мира мёртвых, ощущалось что-то ещё. След… проклятья? Мощного, какого-то бесконечно мощного проклятья.

Серебряная шпага, подкинутая мыском сапога, легла в руку как литая. Кирилл стоял на своих ногах, и Каин мог на него не оглядываться. Нужно было просто прорубить выход из этого коридора. И он — рубил. Отступал шаг за шагом, чертя экзорцизмы, напитывая их силой и отступая. Прочь.

Но призраков было слишком много.

А силы Адвоката были на совсем другой волне.

Здесь нужно было, чтобы экзорцизмы говорил человек. Живой человек.

— Кирилл.

— Да? — голос мужчины донёсся глухо, но, по крайней мере, он уже был достаточно в состоянии, чтобы двигаться сам.

— Мне нужна твоя сила.

— Вся? — отозвался Кирилл негромко.

— Только её часть. Я хочу, чтобы ты сейчас кое-что повторил. Вслед за мной. Кажется, этот случай ткнул меня носом, в какую лужу мы могли бы сесть… Я дурак…

— Как самокритично.

Каин засмеялся:

— Да, я такой. Я ничего не рассказал тебе о мире мёртвых. А ведь среди тех, кто здесь живёт, есть призраки, есть привидения, проклятья, напитавшиеся силой, есть некоторые сгустки ярости, есть что-то, что не получается систематизировать. Например, некоторые осколки душ, призраков, привидений, которые собираются в эктоплазму. Всё это может быть дружелюбным и помогать, может быть нейтральным — не тронешь, и не тронут они. Но есть ситуация, когда вся эта гадость может быть опасной и агрессивной. Вот в точности как сейчас. Помимо серебряного оружия нужны экзорцизмы. Кстати, не обязательно шпага, ты можешь использовать крест, подойдет любая подвеска, амулет — в любом случае, всё, что будет в твоих руках чертить следы в воздухе, словно мел. Экзорцизмы делятся на добрый десяток разных типов: удерживающие, ослабляющие, защищающие, запечатывающие, рубящие, изгоняющие. В данном случае, нам нужны изгоняющие экзорцизмы. К сожалению, я не интересовался никогда подобными техниками, они человеческие, а я не человек.

Знаю только один из самых мощных. Хотя при такой мерзкой эктоплазме, таком проявлении… ничего другого могло бы не помочь. Итак. Повторяй.

— Повторяю, только убери крыло.

— В другой раз, — пообещал Каин, наоборот притягивая Кирилла крылом к себе чуть ближе и накрывая вторым. Эктоплазма темнела на глазах, наливаясь чужой яростью. Кто-то отчаянно хотел добраться до человека и убить его, разорвать, растерзать на месте.

Нужно было спешить, нужно было торопиться, но нельзя было пугать Кирилла. Каждое слово должно было звучать в правильном ритме и тональности. И абсолютно спокойно.

— Инь.

— Инь.

— Ши.

— Ши.

— Ран. Ён. Лан. Ис. Янь. Дан.

— Ран. Ён. Лан. Ис. Янь. Дан!

«Во имя всего сущего, во имя равновесия и гармонии, тебе не место в этом мире — сгинь!»

Свет родился не в шпаге, свет зародился в теле самого Кирилла. И Каину пришлось отступить, резко запахиваясь в собственные крылья, спасаясь от этого света.

Свет рождался в груди, и уже оттуда распространялся в разные стороны.

Эктоплазма, попадающая в безжалостное сияние, выла, орала, кричала, пищала и таяла.

До конца все истребить Кирилл не смог, задние «слои», понявшие, что дело пахнет жареным, кинулись в разные стороны. Но куда больше половины тварей истаяли здесь, оставшись миазмами, впрочем, почти тут же пропали и они.

Мужчина свалился бы, не подхвати его Каин на руки. Стоять Кирилл не мог, и место вокруг было слишком грязным, не подходящим для него.

Крылья разорвали пространство, бубенцы звякнули, под ногтями скопилась кровь, когда Каин шагнул из одного места сразу в другое — в спальню Кирилла, опуская его на кровать.

«Дурак», — сердито буркнула в голове Ева.

«Нормально всё», — отозвалась другая душа. — «Какой генетический материал пропадает. Я хочу от него ребёнка».

«ЦЫЦ!» — в один голос заорал добрый десяток мужских душ.

«Я помогу?» — спросила тихо Лаванда, уже лечившая Кирилла там, у развалин крепости. Когда зазвучало «пять», и в воздухе запахло мятой. Она когда-то была маленькой девочкой,

её воспитывали друиды. А некроманты, украв, принесли в жертву своему могущественному кровавому богу.

— Давай, — согласился Каин отступая. — И меня заодно. Нет времени искать новое тело.

«Я сделаю», — девочка шагнула из его души на пол, оглянулась, покачала головой: — «Каин, не привязывайся к этому смертному».

— Я знаю.

«Уже поздно», — засмеялась Ева, обнимая Адвоката за шею. — «Мы — уже».

«Ты — да, он ещё пока не до конца. По крайней мере, шальная идея погибнуть за человека может прийти в голову разве что тебе только».

«Вэн!»

«Не сокращай мое имя так, звучит отстойно!» — маленькие ладошки легли на лицо Кирилла, погладила, а потом сквозь душу хлынул поток зелено-фиолетового цвета. Фиолетовые огоньки сливались с зелеными листиками, запах мяты и лаванды наполнил комнату горной свежестью.

Где-то в стороне, словно наяву, раздался тихий перестук капель. Потом девочка повернулась к Каину, покачала головой: «Мы все знаем, что сказала леди с косой. Но помни, пожалуйста, что оставаться здесь тебе никто не разрешит».

— Я помню, малышка. Не переживай.

«Потом будешь переживать ты! А башка болеть у нас всех!» — маленькая ладошка стукнула Каина по лбу, потом Лаванда улыбнулась. — «Он хороший человек, правда. Но всё же смертный».

Адвокат промолчал, покачал головой, бессильно откинул голову на стену и закрыл глаза. Слишком много магии использовать в мире реальном — было тяжело даже для него.

Ева покинула общее тело, подлетела к кровати Кирилла и вздохнула: «Такой красивый, такой умный, чувство юмора, сильный, смелый, истинный воин. А сердце занято. И я даже не вижу кем!»

«Я тоже не вижу», — Лаванда подлетела ближе, потянула Еву за собой. — «Нам пора. Ещё немного поспать, а потом уже скоро будем дома. Жду не дождусь, когда смогу снова пробежать по лужам на той маленькой улочке, залезть на старую яблоню и поиграть с рыжим котом. А та, что он любит… любил… думаю, он её найдёт. А! Минуточку».

Лаванда, выпустив руку старшей подружки, подлетела к груде драгоценных камней, покопалась там, потом вытащила оттуда крупный, почти с голову младенца, синий аквамарин,

цвета бесконечно глубокого океана. Положила его стол, чтобы Кирилл сразу мог увидеть, кивнула и пропала.

Ева последовала вслед за ней, приговаривая: «Какой мужчина… ах, какой мужчина»…

* * *

…Женька, собрав кофры, вздохнула, села прямо на пол, устало откинув голову.

— Тяжёлый день? — уточнил у неё над головой симпатичный, но абсолютно незнакомый парень.

— Не труднее обычного, — через силу улыбнулась девушка, принимая из рук незнакомца стаканчик горячего чая, — а ты… я, кажется, тебя не видела.

— Я не из офиса. Я это… гость, вы шикарно потрудились.

— А… — Женя кивнула, не вслушиваясь в слова, поднесла стакан к губам и выронила, взвизгнув. Холодная рука, протянувшаяся к сердцу, обожгла. Девушка закашлялась, испуганно дёрнувшись, а когда подняла голову, парня рядом не было.

Зато была девочка. Маленькая девочка с зайцем с оторванным ухом и тесаком.

— А! — просияла Женька, — слушай, а я тебя же знаю. Уже видела!

Но договорить она не смогла.

Девочка укоризненно покачала головой, прижала палец к губам и… девушка поняла, что соскользает в сон, в котором нет границ, нет ничего: ни тверди, ни неба, ни воды. Уютная пустота, в которой так хорошо, светло и спокойно.

— Ничего! — парень сердито выпрямился, с трудом удержавшись от того, чтобы не пнуть прикорнувшую у стены девушку. — Не то щит, не то амулет. До памяти не достучаться. Как найти адрес этой мрази? Я уже задолбался бегать и искать… А, чужаки уже рядом, продолжим в следующий раз, хорошо?

Маленькая девочка, слизнув потеки крови с лезвия тесака, одобрительно кивнула и растаяла в зеркалах, только качнулся розовый бантик в распустившимся хвостике…

* * *

Камень лежал на столе. Кирилл пытался раз за разом проснуться, но стоило взгляду упасть в грани камня, как он снова

ускользал в сон, таял в безбрежных водах огромного океана, где на самом дне, в тёмной глубине, то и дело мелькало что-то чёрное. Что-то пугающее скользило рядом, поджидая удобного случая, чтобы напасть. Но пока не нападало.

Ощущение, что он что-то упускает из вида, было, но где-то далеко, на периферии сознания. Он плавал в этом океане, погружался в темные воды и снова просыпался.

Хотелось оказаться не просто где-то в стороне, а дальше отсюда. И одновременно хотелось погрузиться в воды этого океана.

Где-то в стороне доносился шум прибоя. Но до берега было очень далеко.

В реальности Кирилла звал Каин, звала Лэйла, ругалась Женька.

Он не просыпался.

В какой-то момент в шум прибоя вплелся голос, детский голос.

«— Ты меня забудешь.

— Никогда! — жарко ответил другой голос, мальчишеский.

И детский звонкий засмеялся:

— Забудешь…»

«— Почему ты так на меня смотришь? — над головой шумит густыми кронами лес и качаются под ними ветви толстого дуба.

— Ты красивая.

— Ты тоже.

— Я? Я мальчик, мне не обязательно. А красивее тебя девочек я ещё не видел.

Смех».

Волны качались, покачивая его на поверхности. Впрочем, он отдался во власть океана, и тот окутывал его, утаскивал в свои воды. И вот уже соленая вода падала на его лицо, на губы, в ушах бился ритм силы.

У нее были удивительные глаза — серые, чисто серые, как хрусталь. И волосы — такие удивительные, светлые, как лен. Она никак не могла с ними справиться. Один хвост могла собрать, а второй хвост вечно лежал непослушными локонами на плече. И розовый бантик с него был у неё на руке словно браслет.

Губы были тоненькие, но зато широкие — и улыбка до ушей была такой чистой и заразительной.

Она была в белом платье. Белых носочках и розовых сандаликах. Розовая маленькая сумочка и розовый заяц, которого она держала за одно ухо. Вторая рука была тоже чем-то занята, но дети никогда не видели чем именно.

Она появилась в их компании, когда Кириллу было шесть.

Очаровательная малышка.

— Алиса. Меня зовут Алиса, — сообщила она и попросилась в их компанию.

Мальчишки в таком возрасте ещё не задирают носы, и её приняли к себе. И днями, и вечерами напролёт, она играла с ними в казаки-разбойники, учила делать луки и мечи из подходящих материалов, рассказывала об играх с мячом. Они играли в футбол, а потом и в «войнушку». У них самих первых во дворе появились мечи и луки. И они же самыми первыми оказались вовлечены в междворовые соревнования.

Она была чудесной, эта девочка Алиса.

Она смеялась…

Шли дни, недели, месяцы.

Проходили года.

Минул один год, и из их компании почти трое мальчишек забыли про Алису.

Еще год — и ещё двое.

Еще год — и еще трое…

К двенадцати годам Кирилл остался единственным, кто помнил про неё, кто видел её. Девочка не удивилась.

Она тихо сказала, что однажды и Кирилл её забудет, перестанет её видеть. И…

Он не поверил.

И не забывал.

А в четырнадцать увидел то, что их друзья увидели куда раньше.

Истинный вид Алисы.

Во второй руке она удерживала огромный тесак, её белое платье было забрызгано кровью, и кровь была на ее щеке, её плече, ее теле.

Она улыбалась, и в её глазах больше не было света.

— Теперь ты меня тоже забудешь, — сообщила девочка буднично. — А мне придётся искать новых друзей. Что ж… — помахав рукой, Алиса двинулась прочь. К кладбищу. Прошла сквозь огромные врата и пропала.

Через пару дней Кирилл пришёл к ней сам.

Она сидела на крыльях памятника печальному ангелу.

Он читал надпись по одной букве, то и дело сбиваясь и начиная заново.

«Петрова Алиса Евгеньевна, 1748–1761».

— Тебе было всего тринадцать лет? — поднял Кирилл голову.

Алиса, качая ногой в башмачке, перегнулась через крылья, недовольно взглянула:

— Зачем ты пришёл?! Кто дал тебе право приходить?

— Ты сама.

— Что я сама?!

— Сказала, чтобы я приходил тебя увидеть, когда захочу. Я хочу.

— Дурак, — буркнула девочка, перепрыгивая через крылья и зависая в воздухе напротив Кирилла. Мальчик был её уже выше, поэтому чтобы смотреть глаза в глаза, ей пришлось висеть в воздухе. Впрочем, для привидения это не составило никакого труда. — Не приходи больше.

— Я хочу прийти.

Алиса сердито вздернула головой и шагнула к памятнику, влилась в него и пропала.

«Попробуй найти», — стегнул мальчика по щеке порыв ветра. — «Не найдёшь».

Он находил. Приходил на кладбище раз за разом и находил. Где бы она ни пряталась: в воздухе, на земле, под землей. Находил и приманивал.

Она выходила на его зов, потому что не могла устоять.

А потом она начала таять. Привидения не должны слишком долго общаться с медиумами, это разрушает их сущность.

И тогда они сделали то, что делали до них десятки раз медиумы и привидения — обменялись частицами собственных сущностей. Он отдал ей свою жизнь, жизненную силу, а она — кусок прожитой послежизни, сущности, которая составляла жизнь привидений. Его сила возросла, он словно бы вышел на новый круг, и Алиса снова начала разрушаться. Новый обмен, и новый виток. Они словно бы попали в заколдованную спираль. Маленькое привидение становилось все сильнее, и в какой-то момент ей уже не нужна была подпитка из реальности, чтобы сохранять себя в себе.

Ей не нужно было «питаться», ей не нужны были плохие чувства людей, их страх, ей не нужны больше были мелкие кусочки эктоплазмы.

Ей даже не нужен был Кирилл.

Но он сам стал сильнейшим медиумом из всех, кого она узнала почти за триста лет. Он стал призрачным медиумом. Тем, в ком практически не осталось собственной жизни, зато было сколько угодно жизни призрачной. Он был жив, но любой, кто понимал в том, что такое мёртвый мир, мог бы поклясться, что Кирилл — мёртв.

А потом она пропала уже и из жизни мужчины.

Он звал, искал, кричал.

Но Алиса не отзывалась.

Она появилась сама через несколько лет, когда он уже ходил

в университет, нашёл себя в жизни реальной.

В своем неизменном платьице, с одним хвостом заплетенным, одним распущенным, с зайцем и тесаком. Она появилась прямо на столе в его квартире, когда он сидел с курсовой работой, уткнувшись в сухие строчки книги-реплики, датированной древними годами. Текст был очень мелкий, читался тяжело. Но Кирилл не сдавался, пытался снова и снова, и проваливался в своих попытках.

Когда звякнуло окно, он сердито поднялся, подошёл и захлопнул створку, а когда повернулся, она уже сидела на столе.

— Ты меня забудешь, — грустно сообщила она.

— А…лиса?!

— Ещё помнишь мое имя?

— Где ты пропадала?! — была забыта книга и курсовая, были забыты сроки, которые поджимали. Кирилл подскочил к столу, протянул руки и тряхнул девочку за плечи. — Где ты была?!

— Ты все ещё можешь меня касаться? Ты все ещё призрачный медиум. Только у вас такие способности… Я… прости…

— Лиска… Алиса… Лисенок… — у него не хватало слов, не хватало сил, он просто притянул её к себе, обнял изо всех сил, сжимая в своих руках. — Моя Алиска. Я скучал.

— Кир, отпусти меня.

— Не могу. Руки не разжимаются.

— Придётся. А то стукну молнией.

— С тебя станется, — Кирилл отступил, глядя, разглядывая, но не было в малышке никаких изменений. Привидения не меняются. — Куда ты пропадала? Что случилось? Почему? Не сказала ни слова. Убежала. Пропала. Как будто я для тебя пустое место.

— Кир… Спокойнее. Я же вернулась?

— Да. Ты пришла. Ты здесь. Одно это меня уже радует.

— Кирилл!

— Я помню, помню. Чай будешь? Со сгущенкой. У меня точно стоит банка в холодильнике.

— Я уже несколько лет не пробовала… чего-то вкусного. Буду. Искуситель, — с каждым новым словом речь Алисы становилась отрывистее, суше, словно она боялась того, что должна была сказать. Но сказать это надо было обязательно!

А потом по воздуху поплыл запах осени и чая с шиповником. В креманку была налита сгущенка, сладкая, вкусная, такая вкусная, что слёзы на глаза наворачиваться стали.

Под ноги упал тесак, заяц, забытый, остался на краю стола.

Кирилл смеялся, а Алиса рассказывала обо всем: о фонарях над Сеной, о мягких росчерках заката, когда солнце опускалось в

воды индийского океана, о разноцветных рыбках и пугающей глубине Мариинской впадине, о поющих фонтанах и действующем вулкане.

Она увидела так много всего, о чём ранее не могла даже мечтать! Слабое привидение не может уйти дальше от места своей смерти, чем на несколько метров. Сто метров — предел. Но чем больше она обменивалась жизнью с Кириллом — тем сильнее становилась. И то, о чем она даже не смела мечтать, стало для нее реальностью. Рядом с ним, она прочитала десятки, тысячи книг, а потом сама оказалась там, в тех местах, про которые эти книги рассказывали.

Алиса рассказывала жадно, сбивалась, путалась в словах, и рассказывала, пытаясь сказать как можно больше. Удержаться в этом мире ещё на немножко, ещё чуть-чуть. Её время ещё не ушло, у неё время ещё было. Но его почти не осталось.

И Кирилл, когда рассказ пошёл по второму кругу, её остановил. Ладошки Алисы были ледяными-ледяными, но он взял их в свои руки и тихо спросил:

— Лисенок, почему ты сегодня пришла?

— Я сбежала… Когда я поняла, что начала взрослеть, я не смогла оставаться рядом с тобой. Я испугалась. Твоей силы — силы призрачного медиума. Я бежала прочь, словно загнанный заяц. Встречала разных людей, разных призраков, привидений. Разговаривала. Спрашивала. Слушала… Они сказали, что я не права, они сказали, что всё не так страшно. Я доросла бы до твоего возраста и всё, на этом бы закончилось всё. Но то, что я сбежала — это уже плохо. Я могу вернуться и не застать тебя в живых.

— Почему? — уловил звериной интуиций Кирилл, что это — самое главное, это и есть то, что заставило Алису вернуться.

— Проклятье. На тебе проклятье, Кир. То, что я была рядом, разделила его с тобой, дало тебе возможность выиграть время. Но… не стерло это проклятье, не уничтожило его. И ты умрешь, как умирали все призрачные медиумы. Ты умрешь через несколько лет, вместе со всей своей семьей. На этом ваш род прервется. А я ничего… совсем ничего не смогу сделать, как бы ты ни был для меня важен и близок. Прости меня… прости меня… Прости меня, Кирилл!

Глава 26. Призрачный медиум

Как же беспечны люди. Как безоговорочно и легко они верят сказанному, как наивно и беспечно они заигрывают с Гранью и тем, что обитает по её сторону, даже не догадываясь, по какой опасной черте ходят. Не задумываются вообще ни о чём и раз за разом наступают на одни и те же грабли.

В восхитительной и отвратительной вере люди открывают в мир дорогу тому, что лучше бы оставалось спящим, а лучше и вообще никогда бы не существовало. Официальная наука десятки раз на всех религиозных монументах поклянётся, что ни-ни, ничего подобного нет и быть не может, а люди приоткрывают окошечки и щелочки и впускают нечто в свою жизнь.

Сглазы, заговоры, проклятья.

Магия вуду и чёрная магия.

Отвороты, привороты.

И ледяной ад, бездна для тех, кто знает. Вышедшее из-за грани, так легко обратно не возвращается. Оно собирает свою жатву, столько — сколько нужно, столько, сколько потребуется для того, чтобы его насытить.

В серых коробках бездушных городов люди теряют огни своей яркой души, теряют свою индивидуальность, растворяются в пустоте. И для того, чтобы загнать нечто туда, откуда оно пришло — нужно всё больше и больше силы. Всё больше жертв!

Среди всего того, что не стоит вспоминать и призывать по ночам есть отдельная категория — проклятья. Жуткие и не очень, спонтанные и подготовленные. Проклятья — часть исконно людской магии, той, что ещё бродит в жилах некоторых, той, которая ещё иногда вырывается в словах, напитанной силой.

Той магии, в которую сами люди перестали верить, предпочтя заигрывать с потусторонней Гранью и её обитателями.

Алиску трясло, колотило, и Кирилл, преодолевая её сопротивление, обнял, прижал свою призрачную девочку к себе. Своё зазеркальное, нереальное, несуществующее счастье.

— Лисёнок… Лиска-Алиска, успокойся. Не понимаю ни слова!

Но говорить Алиса не могла, как заведенная повторяла только одно «прости».

Среди всего того, чему она его уже учила, было и то, как вернуть спокойствие и адекватность призрачной братии. Кирилл думал, что забыл — но слова легли на язык, как будто и не забывались, не уходили, не пропадали.

Она успокоилась, не то взяла себя в руки, не то помог

простенький нашептанный на ухо заговор, но Алиса посмотрела твёрдо.

— А теперь, пояснение, — попросил мужчина, отстраняясь.

— Хорошо.

— И начни с того, что ты мне никогда не рассказывала. Начни со своего проклятья.

— Мне следовало понять, что ты догадаешься, — после небольшой заминки пробормотала девочка. — В конце концов, ты всегда был слишком понимающим. Да, — вскинула она гордо голову. — Я проклята. Правда, не таким проклятьем как ты. У тебя…

— Не про меня, Лиска-Алиска.

— Я должна была попробовать. Ты знаешь, что такое материнское проклятье?

— Ты объясняла. Исключительно неприятное и разрушительное воздействие на человека.

— Я была… нежелательным ребёнком портовой проститутки. Она… воспитывала меня. Недолго, правда. Била. Била. Не кормила. Одним словом, я была скорее брошенным котёнком… Долго. Она не знала, как меня использовать. Не видела во мне никакого прока. Пока кто-то очень умный не подсказал ей, что меня можно будет продать. Чистенькую куколку. Сделать из меня игрушку, и продать какому-нибудь богачу. Восемнадцатый век, тогда подобные развлечения были в ходу. И она, стареющая, решила, что да. Её тело, её красота увядали, а я была живым капиталом. Её взносом на бездетное будущее. Она, наконец, меня рассмотрела, увидела! Мелкая, я тогда не понимала, что происходит. Я считала, что мама меня любит. Мамочка… меня, наконец, любит… Я ничего не знала о её планах. Я верила в красивую сказку. Я хотела в неё верить. А потом мне исполнилось тринадцать лет, и в белом платье с кружевами, в белых туфельках и с завитыми в букли волосами меня доставили покупателю. Он… — голос девочки снова задрожал, но Кирилл положил руки на её плечи и сжал.

— Всё хорошо. Слышишь?

— Да… Я…

— Ты убила его.

— Да, — схватилась девочка за подсказку. — Да. Убила. А потом вернулась и убила её. Её предсмертное проклятье не имело конкретных слов. Она просто кричала «проклинаю», и этого было достаточно. Меня поймали спустя несколько часов в порту. Девочку в белом платье, с ног до головы покрытую кровью. Я тащила за собой мясницкий тесак. Меня даже убивать то не хотели. Стояли, смотрели и не знали, что со мной делать.

— Ты…

— Умерла сама. Дождь. Нервная горячка. Двухстороннее воспаление, как могли бы сказать сегодня. У меня не было особых вариантов, что делать. Да и… что я могла? Малышка… тринадцати лет и уже убийца… Я не знала только одного — что я не смогу уйти дальше, что я останусь привидением. Пройдёт несколько лет, и я пойму, что начинаю становиться мстительным духом. Тем, кто убивает людей. Тем, кому никогда не обрести спокойствия. Я не хотела идти по этому пути, поэтому искала способ избежать этого. И нашла. Мне нужен был призрачный медиум. Тот, кто согласится меня убить.

Кирилл промолчал, не желая ничего спрашивать, пока не получит полное пояснение и объяснение. А Алиса… замялась. Потом отвела стыдливо взгляд:

— Я познакомилась с человеком из твоего рода. Рода призрачных медиумов. Я никому не доверяла, но он смог… сделать так, чтобы я поверила в то, что люди бывают разными. И среди них есть хорошие… Я ему поверила. А потом он меня предал. Он поймал меня в клетку, сказал, что привидений много, а ему нужен карманный мстительный дух…

Пояснения Кириллу были не нужны, он легко сложил «А» и «Б» воедино, но уточнить было нужно всё равно:

— И уже ты наложила проклятье на род призрачных медиумов?

— Да.

— И что именно ты сказала?

— Что мужчины рода будут умирать в самом расцвете сил. Что на тринадцатом потомке род окончательно прервется. Но все закончится куда раньше или не начнется вообще, если меня убить.

— Так… И? Снять это как-то можно?

— Убив меня, — подсказала Алиса. — Ну, точнее не меня. Мстительного духа, который из меня получится. Это будет уже совсем-совсем не я. И… Просто…

— Ты не всё сказала.

— Есть кое-что ещё. То, что мы с тобой уже разбирали. Помнишь, дюжину? В проклятьях она значит очень, очень много. Совсем не нужно, чтобы ты умирал. Ты тринадцатый сын рода. Но у тебя есть сестра… и она тринадцатая дочь в роду.

— Женька здесь причём?! У неё же нет никаких сил!

— Нет, — девочка свела брови, вся съежилась, — но она тринадцатая.

Кирилл задумался. О том, что у него завтра занятия, что сейчас совсем не время заниматься подобным, он уже совершенно

забыл. Пролистывая в памяти то, что он узнал уже от своей призрачной маленькой наставницы, он пытался вспомнить что-то, связанное с числом тринадцать. Знания словно потерялись между другими. Целые заклинания и экзорцизмы приходили в голову. Он даже легко вспомнил сложнейшую цепочку экзорцизмов по изгнанию эктоплазмы из одержимого, что никак ему не давалось. А банальный кусочек информации в голову не приходил.

Кирилл был слишком упёртым человеком, чтобы вот так сдаться на полпути. Он погружался в памяти все глубже и глубже, пока искомое не нашлось. Немного, небольшой кусочек информации, содержащий тем не менее, в себе все ответы.

Это был не раздел проклятий. Раздел нумерологии. Цифры для всех ведьм, магов, колдунов несли в себе сами по себе определённую информационную структуру. Так, исстари все знали, что седьмой сын седьмого сына — будет ведьмаком, а седьмая дочь седьмой дочери — ведьмой. Об этом знали, слышали, читали, видели в фильмах даже современные люди.

Но в нумерологии чисел было куда больше. Так, например, тринадцатый сын в роду — тринадцатый ребёнок в роду мужского пола, названный так же, как и тот, кто получил проклятье, мог его снять — смыв своей кровью и своей смертью. Но род при этом прерывался окончательно. Все, кто был связан с ним близкими кровными узами, умирали в течение нескольких лет. А вот тринадцатая дочь, при отсчете от последней ведьмы, была искупительным ребёнком. Она могла умереть, снимая проклятье со всех членов рода.

— Нет.

— Это уже происходит. Проклятье уже тянет к ней руки.

— Нет.

— Тогда убей меня? — предложила Алиса. — И всё закончится. Совсем всё. Сразу же.

— Я не могу, — Кирилл покачал головой укоризненно. — Даже не предлагай мне этого. Я знаю, что мстительный дух это будешь уже не ты. Но сейчас ты — это ты. Я не могу тебя убить просто так. Я вообще не могу тебя убить!

— Но что-то же нужно делать!

— Нужно. Ты защитишь мою сестру.

— Что?!

— Ты сильнейшее привидение этого столетия. А кто как не привидение может справиться с порождениями проклятья?

Алиса задумалась. Опустила взгляд вниз. Тесак и зайчик напоминали о том, кто она такая. Не человек, уже давно не человек. Но у неё были силы, много сил. В том числе и те, что нужны были Кириллу. Такие, которые могут защитить Женю.

Но…

— Как же я?

— Я возьму на себя всю ответственность.

— И убьёшь меня, когда придёт время?

— Убью мстительного духа. Но не тебя.

— Ты цепляешься за то, чего нет! Других способов разрешить эту ситуацию просто нет!

— Я понимаю, не переживай, лисёнок, я всё понимаю. Но некоторые вопросы все же предоставь решать мне.

Алиса молча смотрела на него и удивлялась. Как же так, не так уж много времени ее не было, а призрачный медиум, которого она привыкла считать только своим — уже изменился.

— Кирилл?

— Кирилл.

Мужской голос над головой звучал в сердитой тональности, и Кирилл открыл глаза.

Голова болела, ныла вся черепная коробка разом. От огромного камня на столе ничего не осталось, память вернулась к своему хозяину, а теперь ворочала пласты информации, раскладывая все правильно. По своим местам.

— Кирилл.

Адвокат был совсем рядом, но из-за рези в глазах Кириллу никак не удавалось сфокусировать на нем взгляд. У Каина терпение закончилось раньше.

— Да что с тобой такое, человек?

Холодная рука легла Кириллу на лоб, звякнули бубенцы — рука пропала.

— Ага…

— Вмешиваться нельзя?

— Верно. От вмешательства тебе станет только хуже.

— Не умеешь ты утешать.

— Не учился, — сообщил Каин, и в его голосе совершенно явственно прозвучала нотка насмешки.

Кирилл хмыкнул, глаза закрыл.

Под веками плавали разноцветные яркие пятна. Было что-то психоделическое в том, чтобы наблюдать за тем, как они перестраиваются из группы в группу, сливаются воедино, а потом снова расходятся дугами и спиралями.

— Человек?

— Кирилл, — повторил мужчина, вновь открывая глаза. — Кирилл из рода призрачных медиумов. Признаться, в голове пока ещё каша. Что это значит?

— Если проще — сильнейший медиум, который уже не имеет своей жизни. Она у него заменена на кусочки нежизни

привидений, которые были с ним близки. Если у обычного человека есть смерть, то вот у призрачного медиума с этим есть определённая проблема.

— Почему?

— В обычной ситуации всё обстоит следующим образом. У человека есть жизнь. Некоторые цифры, которые пророчат для него срок вероятной смерти. Не окончательный, он меняется. Жизнь на вашей планете удивительно пластична, а ещё у вас есть такое понятие как «свобода выбора». Этого нет больше нигде. Ни на одной планете, где я был, никто не согласился взять на себя такую ответственность и ввести в свой мир такую опасную хаотическую переменную.

— Хаотическую?

— Любая вселенная, любого демиурга, которая находится на соседних страницах-слоях с Землёй, имеет некую основу внутри себя. Кто-то не стал изобретать велосипед и взял четыре стихии-первоосновы. Кто-то дополнил их жизнью и смертью. Кто-то дополнил уже всё это порядком и хаосом, и свёл практически к нулю последнюю величину. Свобода выбора означает, что человек или не человек, в данном случае неважно, имеет выбор, который он может сделать. И от этого его действия меняется окружающий мир. Везде. Везде, где мы уже успели побывать, выбор за жителя мира предопределён однозначно. Не во всём, не везде. Но в большей части, в ключевых моментах — он сделан. Чтобы тебе было проще, приведу несколько примеров. Там, у рыцаря стоит сорок два года. За несколько дней до своей смерти он получает заказ убить дракона. И отправляется это делать — в сорок два года, в свой день рождения, он умирает. Он не мог не отправиться. За него это было предопределённо. У вас человек становится бизнесменом. Ему предлагают сделку. Цифра у него над головой колеблется. Он соглашается, цифра становится чёткой — его убивают. Он отказывается от сделки, цифра увеличивается, например, ещё на пять лет. До следующего подобного случая.

Кирилл покачал головой.

Звучало очень странно, как-то… непонятно для его уровня, землянина. Для него свобода выбора была тем, что определяло любую жизнь на земле. И жить где-то, где это не так — а такое возможно?

— Могу понять, о чём ты думаешь. Мы живём. Хорошо живём. Ведь решения теми, кто плетёт судьбу, принимаются не просто так, с головы, от плохого настроения, от мимолётной прихоти. Они видят всю жизнь подопечного, каждое мгновение и всё складывают так, чтобы было счастье, как можно больше.

— Так всегда?

Каин замялся.

— Н… нет. У вас на Земле есть святые, люди, которые жертвуют собой во имя веры, во имя величия какой-то религии, во имя своих идеалов. А там, в моём мире, есть те, кто тоже… мог бы стать святым. Они становятся заплатками. Закрывают своими смертями болевые точки мира.

— Это… жутко.

— Это правила, по которым играет наша вселенная. Есть те, кто живут. Те, кто остаются всегда собой, сами принимают решения, а на деле — ранят себя только сильнее и сильнее. Такое тоже бывает, и это даже страшнее, чем тебе кажется.

— Почему?

— Потому что так только больнее. Те, кто живут по указке, по продуманной линии от начала и до конца, не ошибаются так сильно и так страшно. Не ранят себя и окружающих так серьёзно. У них всё гладко. Не всегда, когда это нужно, когда это важно. Но, тем не менее, они не причиняют себе столько боли, как самостоятельные. Взгляни на людей. Люблю, не люблю, ревную, не ревную, убью, не убью. Постоянно на грани между разумом и безумием, постоянно на острие ножа. Кто-то живёт, как будто завтра никогда не наступит, сегодняшним днём, ярко, быстро и мгновенно сгорает. А ведь свет таких людей мог бы долго, очень долго жить, сиять, освещать всё вокруг. Но этого не случилось. И это больно. Для всех больно. А есть те, у вас, здесь, кто и не начинает жить. Обещает себе, всё будет завтра, завтра, завтра я пойду туда-то, завтра я сделаю то-то, признаюсь любимому человеку, как сильно его люблю. А завтра уже придётся гулять на свадьбе этого самого любимого человека, потому что вовремя не было сказано нужное, не было принято решение, не было совершенно какое-то действие. Такого у нас никогда не бывает. В этом смысле, мы счастливее. И упорядоченнее.

Кирилл покачал головой.

— Мне не понять.

— Да вы люди вообще странные существа, — Адвокат махнул рукой. — Я вообще не понимаю, как можно догадаться меняться своей жизнью на нежизнь привидений?! Что возвращает нас к тому, с чего мы начали. С призрачных медиумов. Первый медиум появился на заре цивилизации… Не буду разрушать представления о библии, которые ходят здесь у вас, но они были ещё там, ещё тогда. Призрачные медиумы имеют запас смертей. То есть, то, что других убило бы — их не убивает. Про таких говорят «в рубашке родился». Они могут выжить в страшной автокатастрофе, могут выжить во время крушения лайнера или

там самолёта. Они могут выжить на необитаемом острове. Могут. Но в обмен на нежизнь. Как только заимствованная «нежизнь» подходит к концу, они становятся снова обычными людьми и умирают.

— А если периодически эту самую нежизнь заимствовать?

— У тебя жизнь не бесконечная, — напомнил Каин. — Сейчас у тебя ещё где-то половина её. Да, теперь ты могущественный медиум. Когда всё вспомнишь, осознаешь и прочее. И одной крупицы твоей жизни хватит, чтобы выменять на десять крупиц нежизни могущественного привидения или такой призрачной ведьмы, как Лэйла. Это позволит тебе прожить два, три, четыре века. Но это не сделает тебя бессмертным.

— Никогда не мечтал о бессмертии. Но этого хватит, чтобы найти и воспитать себе преемника.

— Да, действительно… преемственность — это тоже черта только вашего народа. Мне не понять, — сдался Каин. — Хорошо. Касательно тебя, каждый раз срок твоей жизни будет увеличиваться. Со временем, увидишь, как растут отрицательные числа. Когда дойдут до нуля, ляжешь спать с минусом, проснёшься уже с плюсом. Увидишь, какое количество своих лет ты ещё можешь разменять на нежизнь.

— Это… варварски звучит.

— Нет, всего лишь очень прагматично. А у землян с этим тоже проблемы. Мир только белый и чёрный, всё строго в определённых тонах. Узость мышления у вас сочетается невероятным образом с такими качествами, как героизм, бесстрашие, отвага… Вы странные. Когда-нибудь из нашего университета по психологии к вам приедут ребята писать диссертации. Напишут — защитят и здесь останутся. Земля чудесна, великолепна. Но людей здесь слишком много, планета даже задыхается.

— Возможно, однажды это изменится. Люди мечтают о космосе.

— Ну, да, ну, да…

— Каин.

— Да?

Кирилл помолчал, потом неуверенно спросил:

— Как насчёт возможности… потренироваться? Мне пришло в голову, что я столько знаю о душах и о том, как им… помогать, но ничего не знаю о том призрачном мире и мире мёртвых, в котором мне предстоит работать. Только тот твой кабинет, два столба. И стол, на который ты закинул ноги!

Каин засмеялся.

А Кирилл растерялся. Это был первый раз, когда он слышал,

как от души смеётся его спутник последних дней. Смех не Адвоката — а чисто человеческий нормальный смех.

— Она смеялась так же, — вырвалось у него.

— Да. Вот теперь я жду ответов уже сам. С чего всё началось и когда, и как?

— Мы познакомились ещё детьми. С девочкой-привидением. Ей было уже пара сотен лет, она многое знала. Когда стало понятно, что я медиум — начала меня учить. А заодно мы обменивались жизнью и нежизнью. Она сделала меня призрачным медиумом, многому меня научила. А потом однажды пропала.

— Ты её испугал?

— Да.

— Чем?

… мужчина замялся.

Каин, не ожидавший подобной реакции, удивлённо на него взглянул:

— Кирилл?

— Я её поцеловал.

— Привидение?!

— Ну, да. Ну, в смысле технически то она привидение, а для меня была моей первой любовью…

— Хуже быть просто не может, — Каин головой потряс. — Подожди-подожди… Как ты её поцеловал?!

Проглотив неуместное «показать?!», Кирилл лишь плечами пожал:

— Просто. Я призрачным медиумом был уже тогда. Мог воздействовать на привидений. Чтобы они ощущали вкус, запах, ощущения. Мог касаться их.

— Это ненормально! — почти подскочил Адвокат. — Ты вот сейчас… что говоришь?! Это не способности призрачного медиума! Нет у них таких умений! Нету.

— У меня есть. Может быть, ты не всё знаешь просто?

— Лэйла! — Каин не кричал. По комнате зазвучало что-то напоминающее свистящий шепот со свистом.

Привидение появилось мгновенно. В немного фривольном виде и весьма недовольная.

— Что?! — уперла она руки в бока. Качнулся край алого платья. — Что тебе потребовалось, злыдень?! Изверг ты! Я только приступила к самому интересному!

— Не хочу знать, что было для тебя интересным. Смотри на Кирилла.

— Смотрю.

— Кто такие призрачные медиумы знаешь?

— Как бы я не знала, если именно эта школа дала мне такое

обличье и такое… «посмертие». И? Дальше что?

— Кирилл — призрачный медиум.

— Знаю, — вздохнула Лэйла, серьёзнея на глазах. — Поняла, когда была та заварушка с пожирателем. И потом, когда он с камнями начал работать, это проявилось только сильнее.

— Хорошо. Тогда мой вопрос тебя не удивит. Умеют ли призрачные медиумы делать так, чтобы привидения ощущали вкус чего-либо?

— Д… да. Не все.

— Редкость? — уточнил мрачнеющий Каин. — Почему я об этом не знал?

— Потому что это табу. Говорить о призрачных медиумах. Ни одно привидение в здравом уме и памяти никогда не скажет о том, чего боится и о чём думает, на что надеется. Для людей высшая сила проявления чуда — это Бог. Мы же… пока вот в таком призрачном состоянии болтаемся, вне его юрисдикции. Нам ничего не может сделать даже Смерть. Она нас развеет, мы соберемся заново. И снова. И снова. И снова. Конечно, если она нас будет убивать десятки-сотни раз подряд, мы в какой-то момент просто не сможем собраться. Но наша душа, то, что может ещё перейти к ней, в её власть, навсегда будет утеряна.

— Так…

— А есть те, кто может сделать всё, что им взбредёт в голову. Убить нас. Или сделать так, что мы будем похожи на живых. Это не вторая жизнь и даже не бессмертие. Это что-то вроде застывшего времени. Когда… — Лэйла закусила губу, но всё же сказала. — Когда надо было, чтобы Аня выполнила свою работу до конца, ты, Адвокат, дал ей кусочек своей жизни. Не взамен, как это делают Призрачные медиумы. А просто так. Ты мог в любой момент времени разорвать контракт и вернуть душу на место. У тебя, пока был в руках контракт, была полная власть над душой. А у медиума точно такая же власть над призраком и привидением.

— Короче, — Кирилл грустно махнул рукой, — понятно, что ничего не понятно.

Лэйла взглянула сердито уже на него:

— Вот же мужики непонятливые пошли. Что тебе неясно? Адвокат мертвых, кем ты станешь, после того, как Каин вернется домой, имеет власть над душами. Теми, с кем у него заключен контракт. То есть души выполнят любое твое желание, любую твою мысль, твою просьбу. Поскольку второй раз такая вернувшаяся из бытия душа не может умереть, их можно использовать как угодно. Хоть как живые щиты или войско мертвых. Как в предсказанных в каких-то там религиозных

трактатах, что мертвые оживут. Я ведьма, я никогда не была действительно сильна в подобном. Зато я точно знаю, что сильный адвокат мертвых, как Каин, например, может поднять разом всех мертвых, с кем у него заключен контракт.

Кирилл присвистнул, Адвокат поморщился. И сравнение, и образ, заложенный Лэйлой в словах, ему не нравились.

— Как призрачный медиум, ты можешь воздействовать на привидения таким образом, что на некоторое время они будут подобны тем же самым душам.

— Так… И?

— Да без «и»! — рассердилась призрачная ведьма. — Это власть!

— Зачем она мне нужна? — растерялся Кирилл.

— Чтобы делать то, что ты считаешь нужным и правильным? — предположил Каин.

Не помогло, мужчина кинул на него совершенно потерянный взгляд.

— Что ж, сделаем самое простое. Начнём с практики, — Лэйла ткнула пальцем за окно. — Там есть очень беспокойное кладбище, на котором всегда кипит жизнь. А определённые вещи надо узнавать прямо с пылу, с жару.

Кирилл и Каин переглянулись.

Такое очевидное и простое решение им в голову просто не пришло.

— Вот что значит женщина, — пробормотал Адвокат и поднялся. — Тогда…

— Отправляемся прямо сейчас, — постановил Кирилл, поднялся и… упал.

Каин хмыкнул, щелкнул пальцами, поднимая человека обратно на кровать. Лэйла прикрыла сверху одеялом. И оба вышли из комнаты.

Человеку нужно было отдохнуть и набраться сил. Так что завтра. Всё будет завтра…

А услышанные слова игривый ветер понёс дальше и дальше, и над кладбищем уже начали сгущаться тучи…

Глава 27. Круг жизни

Жизнь — интересная загадка. Она движется по кругу, проходя из этапа в этап, а потом конец становится началом чего-то нового. Для кого-то жизнь — это спираль, и, проходя раз за разом через одну и ту же ситуацию, человек должен научиться чему-то новому или просто чему-то определённому.

Кто-то воспринимает жизнь — как набор слайдов в огромном проекторе. Каждая картинка — драгоценное воспоминание, а всё остальное просто чёрно-белая полоса, удача, тлен тёмного времени, удача и снова тьма.

Для кого-то жизнь — полотно, где каждая нить встреча, каждый узелок, спутывающий две нити воедино, слишком прочен, не порвать, не разорвать. Для кого-то жизнь — книга или монетка, подпрыгивающая на удачу.

Адвокат сидел на огромном надгробии, Кирилл устроился рядом с ним на корточках, разглядывая надпись. Если бы не то, что отличалась дата рождения и смерти, можно было бы подумать, что это его собственная могила — полное совпадение фамилии, имени, отчества.

Каин спокойно и обстоятельно вводил своего сменщика в курс дела. Точнее, в чем-то вводил, а что-то просто освежалось в памяти.

— Круг жизни — это доказательство существования реинкарнации в этом мире, — Адвокат помолчал, потёр горло. Говорил он уже с полчаса и немного подустал, уже забыв о том, как оно — вот так читать лекции. — В моём родном мире она тоже есть. Но никогда я не видел такой организации реинкарнации как здесь.

— Круг жизни — это? — Кирилл, смахнув пыль с камня, не обратил внимания на то, что порезался, выпрямился, разглядывая Каина. — Что это?

— Это то, что заставляет историю твоего мира приходить в движение, это то, с чего всё начинается, чем всё заканчивается. Но иногда круг жизни перестаёт вращаться, застревает где-то, и тогда начинаются проблемы.

— Как со мной?

— Ты тоже часть застывшего круга жизни. Только твой застыл из-за твоих собственных действий. Если бы ты не обменивался жизнью с привидением, ничего бы не случилось.

— Хорошо, хорошо, я виноват сам, хотя виноватым себя и не считаю, я не мог просто взять и её оставить… Но местечко ты выбрал, — Кирилл рассеянно оглянулся, пожал плечами и снова

посмотрел на Каина. Действительно, где освежать в памяти различные медиумные знания, кроме как на кладбище, ровно в полночь. Да ещё если это, по словам призрачной же ведьмы, «очень беспокойное кладбище».

Нигде не было ни малейшего источника света. Даже луны не было. Адвокату было всё равно, а человеку пока было сложно. Глаза ещё не успели подстроиться, и за каждым изломанным силуэтом чудилось что-то недоброе. Надгробия в темноте сливались, ткались в единую картину. Где-то вдалеке ухала сова или кто-то талантливо ей подражал, выли собаки.

На самом кладбище царила гнетущая тишина, если бы не Каин со своей спонтанной лекцией. Кирилл и мог бы выяснить, с чего вдруг именно такое место выбрал Адвокат, но… в общем итоге мудро посчитал, что этого он знать совершенно не хочет.

Поэтому лучше было спокойно присесть на бордюр и внимательно слушать на удивление интересный рассказ.

— Главное, что стоит отметить, это количество потенциальных богов на Земле. И — это, безумная редкость, даже встречаются демиурги. Примерно один потенциальный демиург на каждое поколение. Не будем забывать про писателей, сценаристов, режиссёров, творящих свои истории из года в год. Из-за этого в информационном поле мира столько всего накручено, что можно сойти с ума. Несмотря на то, что чисто «технически» — на планете Земля живут ТОЛЬКО люди, здесь можно встретить в одно и то же время инопланетян, тех самых, классических. Зелёные человечки, кажется. Таких, как я. Выходцев из других миров. Переселенцев из других вселенных. Исконную нечисть. Божественных игроков. Вампиров доброго десятка видов. Оборотней. Фей. Фейри. Не только разумных, но ещё и неразумных опасных тварей. Можно смело открывать заповедник и вешать поясняющие таблички. И при всём при этом, пусть я и повторюсь, но скажу ещё раз. Живут здесь только люди. Всё остальное — возмущения информационного поля, ставшие реальностью. Мы — реальны, но нас здесь нет. Это один из парадоксов, в который не хочется лезть ни одному из гостей Земли. Мы предпочитаем делать вид, что понимаем хоть что-то, а на самом деле просто-напросто выучили назубок все правила, по которым мы должны здесь жить.

Кирилл кивнул. Звучало чем-то очень интересно, но это всё предстояло обдумать отдельно, на досуге. Потому что — это были теперь правила и его собственной жизни.

— Значит… всё реальность, но в то же время — это всё возмущения информационного поля?

— Верно. Все возмущения делятся на слои и кластеры. Есть и

определённые кластеры, которые касаются духовной жизни и… таких как ты, таких, как я. Поэтому, это то, что тебе стоит изучить на практике как можно быстрее.

— А причём здесь круг жизни?

— Все они… все, на кого распространяется твоё влияние — это те, кто так или иначе имеет отклонения в круге жизни. Он может быть остановлен, замедлен, ускорен.

— А есть и последние?

— Конечно. Это «одержимые», например. Люди, внутри которых скрыт ещё один «дух», «полтергейст» или «душа». Такие проживают свою жизнь в два-три-четыре раза быстрее, а их круг жизни значительно ускорен.

— А замедленные?

— Это те, кто заключил некоторую сделку с потусторонним миром. Например, есть некие… сущности, назовём их «демоны из-за черты». Сами демоны пока тебе будут не по зубам, а вот те, кто с ними связался и замедлил собственное колесо — уже в твоей власти.

Мужчина задумался, потом уточнил:

— Остались те, у кого круг жизни стоит?

— Да. И это самые опасные. Делятся они на три категории, — Каин взглянул на посмурневшего Кирилла и хмыкнул. — Не переживай, человек, это последнее деление. К тому же, оно легко запоминается.

— Ты опять называешь меня человеком.

Каин промолчал, не зная, что сказать. Он не хотел привязываться. Сейчас, пока слабела магия, которая запечатывала его и его силу — его добровольные цепи, которые он принял сам, чтобы остаться здесь… Адвокат уступал место новому Адвокату, чудь собирался вернуться домой. Что сделать с человеком, который мог бы стать хорошим другом не только некоторым осколкам личности, но всему множеству, тому, что составляло суть чуди?

Привязываться было страшно. Оставить всё как есть — уже немного больно.

Друзей у чудя было очень мало…

— Хорошо, Кирилл. Три категории среди тех, у кого стоит круг жизни. Те, кто имеют физическое воплощение, те, кто его не имеют вообще, и третий — те, которые посредине. Они имеют и то, и другое. Как, например, догадаешься?

— Лэйла. Призрачная ведьма — одна из этой категории. Её круг жизни стоит, она находится в призрачном обличье, но где-то есть саркофаг, внутри которого её молодое тело, круг жизни которого можно запустить.

— С учётом определённых кровавых ритуалов, вроде ванны с кровью новорождённых младенцев, но ты прав. Можно. К числу тех, кто имел только физическое воплощение, но круг жизни стоял — это те мертвецы, которые были в доме некроманта. Тот же пожиратель — относится к двойным монстрам. Из остальных… — Каин задумался, взглянул на собственные осколки и хмыкнул. — Начнём с того, что я познакомлю тебя с Лайнери.

— Лайнери? — изумлённо повторил Кирилл и вздрогнул, когда тело Каина покрылось тонкой рябью, а потом на месте привычного ему рассеянного типа с бубенчиками появилась роковая красотка.

Звякнули бубенчики на длинных когтях, бубенчики в серьгах — и на этом все общие черты закончились. У этой красотки был четвёртый размер груди, пышные бёдра, тончайшая талия и длиннющие ноги. Характер прожженной стервы и уверенность в том, что она — самая красивая и самая лучшая на свете.

— Какой красавчик! — протянула появившаяся незнакомка, обойдя вокруг застывшего Кирилла. — А я не поверила Первой. А она была права как никогда, — запечатлев на мужской щеке нежный поцелуй, женщина отступила, поправила край платья, чтобы выглядеть немного приличнее. — Я Лайнери. Некромантка. И некромансер. В этом мире — разницы никакой, хотя в моем мире я бы ещё поспорила, что есть что, и чьи тапки. Так… собственно. Зомби, — щелкнув когтями, некромантка создала рядом со вздрогнувшим Кириллом низенького типчика. — Продолжим, скелет оживший, скелет темный, скелет-всадник, гуль, темный рыцарь, пожиратель, лич, — Лайнери задумалась, разглядывая выстраивающийся вокруг Кирилла кружок монстров. — Кого-то точно не хватает. А! Подделок косоруких уродов, но с ними всё ещё проще, чем с зомби. Итак…

— Минуточку! — взмолился Кирилл. — Они все реальны?!

— Более чем. Смысл изучать что-либо, когда рядом нет вообще никакого практического пособия? Вот я тебе призвала…

— А можно не всех сразу?! Я не запомню!

— Запомнишь, — длинный коготок скользнул по плече Кирилла, разрезая ткань, но не тронув кожу. — У тебя будет более чем хороший повод изучать всё это. Они не только реальные, но ещё и очень голодные. А твоё мясо хорошо идёт впрок. Итак… Не переживай, поначалу они будут замедленные и ослабленные. Я же не зверь. Да! Каин, заткнись, — Лайнери, не поворачиваясь, вытянула призрачную руку из тела и задвинула обратно в тело появившуюся призрачную проекцию Адвоката смерти. Мило улыбнулась опешившему Кириллу: — Я никому не позволю вмешаться в наш небольшой домашний урок. Ты готов

познавать боль?

— Нет, не готов!

— А придётся! — радостно откликнулась некромантка и засмеялась, спуская разом всех тварей с короткого поводка и вспархивая на крылья огромного каменного демона, появившегося из доброго десятка надгробий.

— Не стой! — крикнул Каин, снова высовываясь, — прыгай!

И Кирилл прыгнул.

Дальше он бегал по кладбищу, прыгал, уворачивался, подтягивался и зубрил на ходу экзорцизмы, правила, ритуалы, чертежи, схемы, одним за другим избавляясь от призванных тварей.

А когда остановился перед довольнейшей Лайнери, его можно было смело выжимать.

— Ну, как? — протянула женщина. — Запомнил?

Понимая, что отрицательный ответ приведёт, скорее всего, к повторению забега, Кирилл предпочёл кивнуть и… ошибся. Потому что, улыбнувшись ещё очаровательнее, нет, акула в голову мужчине пришла в голову совершенно случайно, некромантка создала огромного колосса, метнувшегося с непостижимой скоростью к Кириллу и застывшего в миллиметре от его носа.

— Знакомься. Это уже творение некромансера, — Лайнери довольно похлопала колосса по ноге. — Не пугайся. Этого спускать с поводка я не буду. Просто мы разберёмся сначала со сложным примером. А потом с простыми тебе справиться не составит никакого труда. Это составное творение, чтобы понять, как его упокоить, нужно разобраться с тем, что составляет его основу. Каин подсказывает, что в твоём мире основу нужно искать по кругу жизни.

— А как его увидеть? — задал совершенно логичный вопрос Кирилл.

Каин готов был рвать на себе волосы, потому что вот так вот, походя, выяснился огромный провал в знаниях его подопечного. Он не знал того, что знать было жизненно необходимо. С самого начала человек же был самоучкой! Откуда ему было знать про круги жизни?! Мёртвые их не видят, а его Алиса — была мёртвой.

— Пусти меня, — потребовал он у Лайнери.

Некромнатка взглянула на него вопросительно, поджала губы:

— А колосс?

— Я справлюсь.

— Ты-то?!

— Я.

Лайнери пожала плечами.

Кирилл только успел моргнуть, когда картинка снова виртуозно взаимозаменилась. Там где стояла Лайнери, снова был Каин. И уже его рука лежала на ноге застывшего в пугающем безмолвии колосса.

— Как у вас это получается?! — выпалил Кирилл.

— Практика. И ещё немного сверху, — Адвокат перевёл пугающую бездну взгляда куда-то в сторону, потом, подумав, что ему показалось, снова посмотрел на Кирилла. — Мы — есть чудь. У любого чудя есть осколки-слои, отдельные личности, а есть две личности изначальных. Мужская и женская. Первый и Первая. Они самые базовые, самые цельные, если можно так сказать. Там своя философия и своя магия, но главное, что базовые личности не имеют своей магии, не имеют своих сил, зато могут воспринять всё остальное. Они воплощают в себе всю сущность магии чудя.

— Звучит сложно.

— На практике получается ещё хуже, — хмыкнул Каин. — Зато на деле, я могу одолжить силу Лайнери. И использовать её по назначению. Просто её знания — это только её знания, если она ими не делится отдельно и специально.

«Разве он был такой сильный?» — некромантка внутри соединённого комплекса душ воззрилась на драконоборца, тот пожал плечами: «Наше время здесь для него тоже не прошло бесследно».

— Интересно.

— Я рад, — серьёзно сказал Адвокат, потом продолжил. — Круг жизни — это тот базис, на котором функционируют подобные тебе, те, кто общаются с миром за гранью, миром за чертой. Круг жизни бывает разный. Кто-то видит его как огромный круг вокруг подопытного, кто-то видит — маленькое кольцо над головой. Кто-то просто цифры. Кто-то отрывной календарь. Это меняется из раза в раз. В зависимости от людей. Чтобы вызвать круг, не нужно экзорцизмов, не нужно слов, не нужно ничего чертить. Достаточно изменить зрение.

— Люди этого не умеют делать!

— Это только тебе кажется, — отозвался Каин мгновенно. — Ты просто никогда не пробовал. Силу же ты видишь вокруг?

— Силу? — изумился Кирилл.

На этот раз Адвокат просто потерял дар речи.

Какой из его подопечного медиум, если он не видит элементарного?! Но с другой стороны, как-то же он разобрался с теми камнями? Да и Пожиратель… И души, на которые он мог влиять.

— Сила, это… — Каин рассеянно огляделся, — поток. Что-то вроде бескрайнего потока, который течёт сквозь всё и вся.

— Нет такого. Нигде нет. Ничего подобного вообще не вижу.

— Так не бывает! — снова рассердился Адвокат.

— Ну, я же здесь?

— И ты ничего не видишь?

— Ничего, что хоть отдалённо бы напоминало то, о чём ты говоришь, — кивнул Кирилл.

Каин растерянно взъерошил волосы, лишаясь своего милого вида и становясь больше всего похожим на студента, которому на экзамене выпал билет, вопросов которого однозначно не было в листе для подготовки.

Ну, как же так…

Опять человек преподнёс сюрприз. Да ещё такой! Вот что в таких случаях обычно делают другие? Тут магия, а магии как таковой у самого Кирилла нет?! Быть того не может.

Но что-то в мысли про магию было, некое разумное зерно.

«Дай я попробую», — потребовала Ангелина.

Каин вздохнул: «Скажи лучше, что хочешь с ним увидеться».

«Не скажу. Не хочу. Но, кажется, я знаю, в чём проблема».

«Ты не удержишь колосса».

«Значит, держать его будешь ты».

«Это… Мы давно не делали этого».

«Пора бы освежить память», — категорично отрезала Первая, женская изначальная и базовая сущность Чуди.

Кириллу предстояло испытать ещё одно удивление этой тихой ночью. Потому что фигура Каина вдруг задрожала и… раздвоилась. На какой-то момент мужчина и женщины напоминали сиамских близнецов, а потом стали каждый сам по себе. И женщина Кириллу была уже знакома — Ангелина.

— Привет, — женщина двинулась вперёд, присела на корточки перед мужчиной, заглянула в его глаза и кивнула сама себе. Каин не мог этого увидеть. Но… их подопечный был слеп.

Не в смысле нематериальном, в смысле — насквозь физическом. Человек был слеп, а его сила, его собственная магия подстроила всё вокруг. Всё, что он видел — было несуществующим. Именно поэтому он с такой лёгкостью увидел когда-то Адвоката, меж измерениями.

Именно поэтому он так легко увидел все сущности чуди, когда они не были видимы никому, кроме слепцов.

Можно было перенастроить это незримое зрение. А можно было вернуть положенное — человеческое зрение.

Первая из сущности Чуди — была жизнью. Каин — Первый — смертью. И во власти Ангелины было вполне сделать и первое, и

второе.

Мужская кожа была прохладной, когда на неё легли тонкие женские ладони.

— Это не будет больно, — шепнула Ангелина. — И не с такими запущенными случаями справлялась.

Кирилл послушно кивнул, дёрнулся. Экзорцизм слетел с губ чётко и отточено, и два зомби, выбирающихся откуда-то из могил, тихо-мирно вернулись туда обратно.

На дорожке, по-птичьи наклонив голову, причём под углом, который человеку и не снился, в поле зрения Каина стояла девочка.

По узкому лезвию на землю текли капли свежей крови.

— А, — пробормотала она, делая к Адвокату мелкие семенящие шажочки, один за другим, — это ты. Ты, — ткнула она ножом в сторону Ангелины. — Не трогай его своими ручонками.

Ангелина улыбнулась, не понимая, что происходит, и успела отпрянуть в последний момент. Мясницкий тесак, и его определённо в руке девочки не было ещё мгновения назад, дрожал там, где мгновение назад была голова женской сущности Чуди.

— Я предупредила пока по-хорошему. Не трогай его. А ещё лучше даже не подходи близко.

Кирилл дёрнул головой, повернулся, слепо нашаривая взглядом Алису, и расплылся в улыбке. Она не изменилась.

— Лиска…

— Ты вспомнил, — в голосе девочке звучал укор и отзвук бесконечного шторма, потом она откинула голову и страшно расхохоталась. Качнулись где-то в стороне деревья, покорёжило железные ограды у соседней могилы. Зажмурился огромный колосс. Самое мощное привидение столетия за те годы, что не виделось с Кириллом, успело набраться ещё больше сил? — Надо же! Потребовалось, чтобы ты вернулся туда, откуда всё началось, вернулся к пожирателю, который снова чуть тебя не сожрал, и только после этого твоя память начала возвращаться. Хотя если бы не эти пришлые, ты бы никогда не нашёл камень собственной силы. Не вмешивайся, — бросила Алиса страшный взгляд на Адвоката. — И частичку свою забери, а то, — маленький розовый язычок скользнул по лезвию страшного тесака, — я сделаю так, что забирать будет некого.

Ангелина дрогнула и пропала. Адвокат молча смотрел на девочку, понимая, что да, он ещё не всё знает о мире, где может быть вот такое творение — исключительно мощное, злое, ненавидящее всё и вся. Она не была мстительным духом, вопреки собственным словам, вопреки всему тому, что мог бы рассказать

Кирилл, а сам Каин подсмотрел. Она не была воплощенным злом, она не была добром.

Да и даже просто привидением её нельзя было назвать, потому что круг жизни самой Алисы — двигался. Заимствованное время. То, что ей дал Кирилл, то, что позволяло держать мстительность и воплощения проклятья в стороне.

— Алиска… — справившись, наконец, с собственным зрением, Кирилл смотрел на девочку и не мог насмотреться. Сейчас он не видел кровавых потёков, не видел тесака, не видел то, во что Алиска была обряжена. Он видел ту девочку из прошлого. В белом платье, задорными хвостиками и ясной улыбкой.

Он так много хотел ей сказать, а получалось только её имя.

Он хотел начать с того, что просто извиниться, но не мог даже этого. Поэтому просто смотрел.

А потом увидел. Всю, целиком, мгновенно, и вздрогнул.

Не было белого платья, была серая короткая роба, оставляющая открытыми острые сбитые коленки. Не было бантиков в волосах, был лишь спутанный колтун волос. По лезвию тесака сбегала свежая кровь. И не было улыбки, то самой светлой, которая когда-то совершенно очаровала Кирилла. И глаза… глаза были уже мутными, злыми, такими, которые не хотят больше видеть светлых сторон в мире.

Душа Алисы, как ни спорно это говорить про привидение, была уже почти мертва.

— Ты меня увидел, наконец? — эта улыбка была чуть мягче, чуть спокойнее, и откровенной, ненавидящей. — Здравствуй, Кирилл. Мы давно не виделись.

Они сделали шаг вперёд одновременно — и Кирилл, и Алиса, и Адвокат. И Кирилл влетел в выставленную руку Каина мгновенно.

— Нет.

— Каин?

— Нет, человек, ты не пройдёшь к ней. Не знаю, как она выглядит для тебя. Не знаю, кого ты видишь, а я вижу в этих чертах ненависть к людям, ненависть к тебе. Она постарается тебя убить.

Бросив в его сторону взгляд чёрно-алых глаз, Алиса усмехнулась:

— Адвокат мёртвых цепной пёс человека?

— Можно сказать и так, а можно сказать и по-другому, что человек — одна из драгоценностей Адвоката мёртвых. Уверена, что хочешь проверить свои силы?

— Уверен, что хочешь испытать жестокое разочарование в

собственных способностях? — отозвалась девочка в ответ. — Тебе меня не убить. Моё колесо — вращается, а ты не можешь влиять на тех, у кого оно не стоит, не замедлено, не ускоренно. Я внимательно послушала лекцию. Надо сказать, кое-что ты объяснял куда доходчивее, чем я в своё время.

— Прекратите! — резко крикнул Кирилл.

Каин взглянул на него через плечо, пожал плечами и замолчал. А мужчина вгляделся в Алису. Что там? Колесо жизни? Так вот — он хотел его увидеть.

Он не понял ни слова из того, что говорила Ангелина, что-то о слепоте. Зато хорошо осознал слова Каина — люди могут гораздо больше, чем то, что они сами себе разрешают и позволяют. Что ж, он тогда позволит себе немного больше, например, увидеть эти самые часы.

Этот самый круг жизни.

Вначале показалось, что ничего не произошло, что ничего не изменилось, а потом мир дрогнул, перерисовывая картинку.

Чем-то это напомнило Витрувианского человека, как на рисунке Леонардо да Винчи. Вокруг Алисы, стоящей спокойно, появилось ещё одно изображение — её словно бы распятой, застывшей в круге с бессильно раскинутыми руками и ногами. А по этому кругу шли стрелки. И, Кирилл сейчас это понял совершенно точно, как только стрелка дойдёт до полуночи, она исчезнет.

Закончится дарованное ей время, она станет чистокровным мстительным духом.

Вот почему она вела себя так вызывающе! Вот чего она ждала…

— Я тебя не убью, — тихо сказал он.

Алиса кивнула.

— Да, — шепнула она. — Я знаю. Теперь, когда всё вспомнил, добровольно не убьёшь. А значит, я сделаю так, что у тебя не останется другого выбора.

— Алиса!

— Прости меня… — девочка шагнула назад. Туман, поднимающийся от могил, обнял её за босые ноги, скользнул выше и выше, обматывая могильным саваном. — Но тебе придётся это сделать. Я просто не оставлю тебе другого исхода…

Туман полыхнул болотными огоньками, Кирилл отшатнулся. А когда, проморгавшись, он снова открыл глаза, на кладбище уже никого не было…

Глава 28. Жизненный паззл

Жизнь очень любит подкидывать загадки, ещё больше ей нравится смотреть, как её очередная жертва пытается привести всё к единому знаменателю. Интересно наблюдать, как быстро люди запутываются в нагромождениях случайностей, в цепочках причин и следствий, в попытках найти корень всех бед или хотя бы выяснении обстоятельств того, как складывалась история, из чего она началась, что стало её началом, и что должно стать её концом.

Люди барахтались в словесных ловушках, люди не могли выбраться из жизненных ситуаций, так наивно и так по-детски разбивая лоб об открытую дверь. Жизнь шутила, подбрасывала шахматный эндшпиль, а затем решала позицию на доске с помощью правил карточной игры. Играла в пасьянс шахматами и открывала клетки в минном поле «Сапера» по правилам от противного.

Люди не понимали, что жизнь алогична. Они старались всё уложить в единую логичную систему.

Люди легко попадали впросак, так бескрайне доверяя собственным ушам, собственным глазам, собственным чувствам и мировоззрению.

Люди были занятными игрушками, только ломались быстро…

И даже Адвокат мёртвых в самом начале это осознал и признал. Поэтому, когда с молчащим Кириллом они вернулись обратно в квартиру, он не стал навязывать своё мнение. Взглянул… и просто ушёл. Люди были слишком нелогичны, чтобы чуждый их мировоззрению чудь мог чем-то помочь. Ангелина вопила, чтобы Каин дал ей поговорить с человеком, но чудь волевым решением в разговоре ей отказал.

Женьки дома не было. Активный фотограф СМР была на выезде. Компания организовывала небольшой пикник, в соответствующем антураже, поэтому Женька, сверкая вдохновением в глазах, упорхнула на работу.

Возвращения её можно было не ждать, можно было не думать о том, что она увидит лишнее. Но Кирилл об этом не думал. Ему просто не спалось. Он расхаживал из одного угла комнаты в другой, пытаясь понять, осознать случившееся, пытаясь собрать всё воедино, каждый момент прошлого.

Понять, с какого момента всё началось сначала, ему не составило труда. Дело было не в том, что он пришёл к Адвокату мёртвых. Дело было в смерти родителей и в том, что Женька

осталась жива. Как спросила тёмная леди?

«Что-то я с ней так и не встретилась в ту ночь, когда твои родители погибли, чай мы с ней разминулись где-то? Или скрыл кто её от взгляда моего?»

Скрыл. От взгляда. От взгляда самой Смерти.

Воспоминания, связанные с Алисой, только вернувшиеся, ещё занимающие положенное место в душе и сердце, горчили, ранили. Но… что там было? Всё было просто, всё было легко и понятно. Он просил, чтобы Алиска защищала его сестру. Она и защитила. Вот почему на поверхность вылезли разом старые Женькины болячки, но она не поранилась.

Кирилл остановился на мгновение, отстранённо посмотрел на свои размышления и кивнул. Да. Именно так. Всё началось именно с этого. Смерть родителей. Призыв Адвоката. Возвращение Ани. То, что она стала оживать рядом с ним. Не зная этого, она забирала у него кусочки жизни. Как бы сказал Каин — тем самым запуская собственный круг жизни. Простейшая… Интересно, в магическом мире называют такие казусы и такие парадоксы? Маготехнология?

В любом случае, что было дальше? Дальше был не закрывшийся контракт. Каин не сразу понял, почему контракт не закрылся, почему он до сих пор не выполнен. Потом осознал и даже поделился причиной. Всё было из-за того, что в контракте было прописано «всех причастных». Ещё один причастный оказался без какого-либо воздаяния или наказания. И этим причастным, тем, кто был ещё в машине, тем, кто защитил Женьку, вмешавшись в дело — была Алиса.

И чтобы контракт закрылся, Адвокату мёртвых и Алисе нужно было встретиться. Чтобы Каин мог оценить степень вмешательства девочки-привидения и оплатить его. На это нужно было время, а ещё присутствовало едва ощутимое понимание того, что делать этого нельзя. Что Каин и Алиса в одном месте — это самое плохое, что может случиться.

Правда, ещё нужно было понять, что это такое за проклятье на девочке. И что с ним можно делать. Что-то же должно быть. Обязательно. Потому что иначе и быть не могло…

— Кирилл? — Лэйла, скользнув сквозь стену, остановилась около мужчины.

— Лэйла…

— Пойдём? Тебе нужно поесть. Ты сам на себя не похож. Я позаимствовала у Каина немного сил и даже приготовила ужин. Не уверена, что это так же вкусно, как у твоей сестры, но точно не хуже обычной мужской готовки и мужского холостяцкого ужина.

— Спасибо, но…

Призрачная ладонь легла на губы, запечатывая их. Лэйла покачала головой:

— Не отказывайся. Голодный мужчина — не всегда разумен в своих мыслях и поступках. К тому же, тебе никто не мешает продолжить свои размышления после того, как ты поужинаешь. Или, можешь поделиться с нами. Каину, может, и не понять, но я была человеком. Я и сейчас остаюсь частично им.

— Я всего лишь складываю паззл…

— С головоломками интереснее сидеть вместе. Но… я не настаиваю. Просто имей в виду, что я буду рада помочь.

Кирилл благодарно кивнул.

Еда оказалась добротной, сытной, вкусной. Чашка крепкого чая оказала успокаивающее воздействие. Едва уловимо пахло мятой. Лэйла стояла у раковины, перемывая посуду. В открытое окно был виден край развидневшегося неба, звёзды были далёкими, холодными. А в комнате было очень уютно и спокойно.

— Лэйла.

— Да?

— Ты знаешь о проклятьях, наверное, куда больше, чем кто-либо ещё. Как и о пожирателях. Почему пожиратель меня не убил, тогда? В ту ночь, когда я ещё был студентом? Несмотря на то, что я вернул память, этого в ней нет.

Лэйла, поставив в открытый посудный шкаф очередную тарелку, едва заметно пожала плечами:

— Я долго думала, честно. И скорее всего, ответ очень простой, кто-то тебя защитил. И не просто защитил, кто-то подставился вместо тебя, а потом встал поперек глотки пожирателя.

«Алиса».

Ещё одна часть паззла встала на место. Несмотря ни на что, она была рядом. Надеялась, что пожиратель уничтожит её саму, но он ей подавился? Или всё же она знала, что ей ничего не грозит?

И становилось на место всё остальное. Алиса готовилась. С самого начала. И Славка, вся эта история с его душой… Она создала план и следовала ему. Второй клиент, который пришёл к Каину — был с её подачи.

Тогда, кривляясь перед Адвокатом, что Славка сказал?

Кухня и куколка на столе всплыли в памяти легко и естественно. Сами собой.

«Около меня кто-то стоял. Этот кто-то велел идти к Адвокату мёртвых и просить у него о помощи. Кто-то сказал, что Адвокат — это Лукавый, и он будет меня соблазнять. Но он не сможет мне навредить, потому что Адвокат — чуждый этому миру. И если я

добровольно не соглашусь на контракт, никто не сможет меня заставить это сделать».

И сегодня Алиса отлично знала, кто перед ней, и что он ничего не может сделать… Потому что она знала и про круг жизни в том числе. Она придуривалась, вела себя вызывающе, но вместе с тем… Она точно знала обо всём ещё до того, как услышала вместе с Кириллом «лекцию» от Адвоката мёртвых.

Оставалось понять последнее, осталось разобрать по кусочкам историю с проклятьем. Ведь сейчас, оглядываясь назад, Кирилл мог отлично понять кое-что не менее важное. Она врала. Эта девчонка. Она наговорила столько всего про проклятье, столько откровенного. Но ещё больше она соврала.

Почему она соврала? О чём она умолчала?

— Лэйла…

— Да?

— Что ты знаешь о проклятьях?

— Немного, правда, — закрыв шкаф, призрачная женщина опустилась на стул напротив Кирилла, вглядываясь в него. — Ты спрашиваешь не просто так.

— Не просто так.

— Расскажи.

Кирилл отрицательно покачал головой.

— Извини. Это слишком… лично.

— Тогда в общих чертах?

— Дух, проклятый матерью, попался призрачному медиуму и проклял его. Проклятье подействовало, но дух вот-вот станет мстительной сущностью, полностью поглощенным проклятьем. Я ощущаю где-то нестыковку, но не могу понять, где именно.

— В начале. Проклятье матери не имеет отсрочки, — легко нашла слабое место Лэйла, затем задумалась, крутя в пальцах ложечку. — Если быть точнее, вообще материнское проклятье убивает мгновенно. Оно не оставляет посмертия, оно не оставляет души. Ребёнок, проклятый матерью, не может стать духом. Никогда. Это одно из правил призрачного кодекса.

На этот раз Кирилл молчал долго, потом поднялся:

— Я знаю, где находится могила. Я знаю, что есть озеро, в котором хранятся абсолютно все воспоминания. Я знаю, что туда есть ход душам. Что нужно, чтобы туда мог пройти я сам?

— Ничего. Это невозможно. Живым нельзя подходить к этой воде. Ни в коем случае.

— Хорошо. Как мне получить нужную информацию?

— Отправиться в путешествие, — Лэйла поднялась со стула, в азарте стукнув ладонями по столешнице. — Оно может занять долгое время, а может уложиться в единую секунду.

— Путешествие?

— Да. В чёрном трамвае. Ты уже однажды ездил на нём! Ты можешь проехать ещё раз.

— Как мы на него попадём?

— Я проведу. Я знаю, где он стоит.

— И, кстати, Лэйла, — нахмурился Кирилл. — Разве трамвай может показать такой большой отрезок истории?

— Добровольно? Нет! Для того чтобы он показал нужное, нам придётся сделать несколько дел. Тебе уладить мирские дела. Мне — найти мои старые амулеты. А потом — угнать чёрный трамвай!

Всё, на что хватило мужчину — это ошалелое: «Это же невозможно». А в ответ он получил совершенно шальную сияющую улыбку призрачной ведьмы и её смех: «А это смотря кто угонять будет!»

…В офисе СМР снова поменяли оформление. Поднимаясь по ступенькам, разглядывая антураж сказочного дворца для маленькой девочки, Кирилл даже поморщился. Слишком уж слащаво. Не плохо, а именно уж всё чересчур. На такое дети не реагируют. Для них, важнее, пожалуй, чем даже для взрослых, важна умеренность и уместность.

Хельга, стоящая на втором этаже с двумя магами-декораторами, обернулась, услышав шаги, и помахала рукой:

— Кирилл.

— Доброе утро, леди буквоежка.

— Что скажешь? — тут же приступила Хельга к делу. — Вот это всё?

— Переборщили. Сладко так, что затошнит не только детей, но и взрослых.

— Да?! — опешила буквоежка. — Почему это?

— Потому что сладостей тоже должно быть в меру. Хотя скорее, особенно сладостей должно быть в меру. Не нужно такое количество бантиков, мишуры, меньше этих жутких кукол со всего мира. Чуть больше плюшевых игрушек, разных размеров. Лучше выбрать два-три вида, воспользовавшись собранными данными о ребёнке. Если данных нет или не хотите их выказывать, то самый простой вариант — плюшевые мишки. Большие, маленькие, совсем миниатюрные. Обязательно чайная комната в плюшевом оформлении. Вместо стульев кресла-мишки, стол на медвежьих лапках, плюшевые медвежата на посуде и так далее.

Хельга тряхнула головой, попробовала что-то сказать, не получилось. Попробовала ещё раз и выдала, наконец:

— Тьфу на тебя, вампирище! Это же теперь абсолютно всё

переделывать!

Кирилл едва заметно улыбнулся:

— Если от этого станет легче, могу извиниться.

— Толку от этого?! Ай! — махнув рукой, Хельга взглянула на мрачнеющих декораторов. — Ну… вы догадываетесь, да?

С тем учётом, что проведенный бал оказался таким успешным благодаря подсказкам «вампира-доно» и это все отлично знали, спорить декораторы не стали.

Кирилл, пройдя мимо своего кабинета, поднялся сразу к Князю. Стукнул в дверь и вошёл:

— Вампир-доно, — Сумирэ-сан, сидящая напротив своего начальника с толстой стопкой бумаг, приветственно улыбнулась.

— Кирилл? — а вот Олег сразу же почувствовал неладное. — Что-то случилось? А… Сумирэ, ты была права.

— Я всегда права, мой князь, всегда, — женщина грустно вздохнула. — Наш вампир с самого начала принадлежал другому миру, это было очевидно. Мы просто, впервые встретив такого замечательного человека, не хотели этого замечать.

— Извините, — повинился Кирилл. — Впрочем, я не с пустыми руками. Я с полуфабрикатом, который позволит как-то вашу проблему решить. Скажите, князь, Сумирэ-сан, почему вы не обращались к земным экстрасенсам?

Начальство и его правая рука переглянулись совершенно ошалело, потом воззрились на Кирилла:

— А… Но… — Князь впервые не мог подобрать слов. — У нас же есть маги!

— Магии ваших магов, я так понимаю, хватило только на то, чтобы подать объявление в газету и не более того? Почему они не нашли сразу тех людей, которые вам нужны?

— Это невозможно, — заметила Сумирэ. — Вампир-доно, если бы это было возможно, мы бы заплатили любые деньги! Абсолютно любые. Но…

— Уверены? — невежливо перебил Кирилл. — Про любые деньги?

— Да.

— Хорошо, — оттолкнувшись от стула, мужчина подошёл к окну, остановился там, где был стабильный приём (из-за магических полей, в зданиях очень часто мобильную человеческую связь серьёзно глушило), набрал номер, который ещё был довольно свеж в его памяти.

Трубку подняли довольно быстро, сонный голос сразу же заметил:

— Только ты умеешь звонить так не вовремя, Кирилл! И будить от дурных снов. Здравствуй.

— Здравствуй, Арина. А я к тебе по делу.

— Знаю я твои дела. Где ты находишь таких клиентов?! Нет, я понимаю, что платят они безупречно, но от их задач могут все извилины распутаться и запутаться заново.

— С каких пор тебе не нравятся сложные задачи?

— С тех пор, как я ещё не поняла, сплю я или уже проснулась, — отозвалась девушка на том конце. — Ладно. У тебя какие-нибудь наводки есть?

— Нам нужен финансист-экономист-бухгалтер, человек, который умеет очень хорошо считать деньги, но при этом связанный с театром. И нам нужен кинорежиссёр, театральный режиссёр, который очень хочет сделать всё действительно достойно, но постоянно сталкивающийся с тем, что ему не хватает возможностей.

— Два сотрудника?! — опешили и с одной стороны от телефона, и с другой.

Кирилл, прикрыв микрофон, взглянул на Олега и Сумирэ.

— У вас сейчас пойдут заказы в увеличенном количестве. А не перегибать, судя по тому, что я уже видел, поднимаясь сюда — вы не умеете, — и снова в трубку. — Да, Арин. Нужны двое.

— Ну, знаешь… Ладно. Я подумаю, что с этим можно сделать. Я надеюсь, этим ты хотя бы не рассказал, какая я вся из себя замечательная?

— Я запомнил, что тебе это не нравится, поэтому не сказал ни слова.

— Ну, хорошо-хорошо. У тебя работы на сегодня немало, так что, иди, вампирчик, работай.

— Арина!

Девушка засмеялась от души, потом пообещала:

— Чашка кофе, и я в распоряжении твоей задачи.

— А твоя работа?

— Я в отпуске. Отправили насильно. Им, видите ли, надоело меня созерцать с такой частотой. Поэтому твоя задачка очень вовремя. Ладно, Кирилл, иди-иди, работай. А вечером, я позвоню, чтобы вы меня забрали.

— Хорошо, Арина. Спасибо.

— Пока не за что, — и в трубку полетели короткие гудки.

Кирилл повернулся к Олегу и Сумирэ, мало что понимающим, и спокойно представил ту, с которой только что разговаривал:

— Арина Яблочная. Замыкает пятёрку сильнейших экстрасенсов страны. Познакомились, когда я искал родственников по одной из её кровных линий. Сама за работу берётся не всегда. Иногда неохотно. Вот так, как сегодня —

бывает редко. Гонорары у неё высокие, но уж если она решила взяться за дело, то всё будет выполнено в самом лучшем виде.

— Вампир-доно, — Сумирэ по-детски вздохнула. — Где вы были раньше? Нам и в голову не пришло, что можно и нужно обратиться к обычным земным экстрасенсам!

— Земное приходит в голову земным, Сумирэ-сан. На этом, позвольте, я вас пока покину. Пойду, посмотрю списки, что мне принесли или принесут в ближайшие несколько минут. Когда Арина будет готова, я вернусь. Нужно будет открыть дверь к ней.

— Конечно, — кивнул князь.

Кирилл улыбнулся и ушёл работать.

Олег откинулся на спину своего кресла. Взгляд Сумирэ не отрывался от того места, где только что был Кирилл.

— Сумирэ?

— Мы ещё его увидим, — отозвалась женщина с заминкой, потом снова посмотрела на начальника. — Правда, встретимся уже в другом качестве и не очень скоро. Неважно. Мне нравится его идея о двух новеньких в офисе.

— Чем это? — довольно ревниво поинтересовался князь.

— Потому что вампир-доно прав. Земное — приходит в голову земным. А таким успехом сопровождался бал ужасов только потому, что мы не переборщили. Если эта… Арина так хороша, как о ней отзывался наш вампир-доно, то мы найдём именно тех людей, которых нам всегда не хватало.

— Я надеюсь, хотя бы свою сестру он нам оставит?

— А Женя и сама не захочет уходить! И говоря о ней, — Сумирэ вытащив из волос одну из шпилек, метнула её в дверь, попав точно в замочную скважину, повернулась к Олегу и улыбнулась: — А какой фотоальбом я тебе принесла!

— Ну, так… — князь отодвинул собственный стул. — Как насчет того, чтобы посмотреть?

Сумирэ кивнула, перемещаясь вместе с собственным стулом и объёмным фотоальбомом ближе к Олегу. Ни один, ни второй даже не хотели думать о том, какой может оказаться земная девушка-экстрасенс.

Чтобы не разочароваться при её виде. Впрочем, когда вечером в открытую дверь вошла Арина Яблочная, ни глава СМР, ни его права рука не смогли вымолвить ни слова.

— Вот! — Арина лихо перевернула козырьком назад кепку, взглянула торжествующего на Кирилла. — Такая реакция мне нравится! Они пока соображают, что это такое за явление не то подростка, не то слишком мелкой девушки, дают мне время оценить ситуацию. А то сразу «вы только не пугайтесь», «крепитесь», «это она так только выглядит».

— Вы…

— Одна из лучших и так далее по тексту, — отмахнулась явившаяся девушка, выглядящая от силы на шестнадцать лет. Потом осмотрелась в кабинете, — так-так-так. Сделаем мечту реальностью? Удачный дом ужасов. Ого, какой удачный! Неплохая тематическая вечеринка с греческим подходом к жизни. Фу, ну, и мерзкий же вкус. Розовая вечеринка Барби? Это вы так себе пижамную вечеринку для девочки представили? Меньше читайте американской литературы. И психическое здоровье ваших клиентов не пострадает. Кстати, у вас неплохой достаточно аниматор. Девочки не остались разочарованными, это родители не оценили. А это у вас? Свадьба? В тропиках. Неплохой антураж, недостаточно земных реалий, к тому же, со змеями вы переборщили, но получилось неплохо-неплохо. А это…

— Арин, твои заказчики сейчас упадут, — намекнул Кирилл, усаживаясь на подоконник.

Девушка замолчала, прикусила уголок губы и засмеялась:

— Извините. Заносит. Люблю свою работу. Вы, как я вижу, тоже любите. Кирилл…

— Да?

— Мне понадобится твоя помощь.

— Без проблем.

— Ну, и чудесно, — Арина двинулась к дверям, на мгновение остановилась. — Вы тут побудьте, пожалуйста. Я по вашему зданию пройдусь, посмотрю, какие люди у вас тут работают. Хорошо работают, хорошо себя чувствуют, потом вернусь. Только, полагаю без Кирилла.

Олег и Сумирэ переглянулись, не понимая, с чего вдруг такой вывод, как за окном звякнули бубенчики, послышался шум огромных крыльев, и всё тут же пропало. Адвокат мёртвых напоминал человеку, что есть ещё одно место, где ему нужно быть.

И Лэйла в этот раз была практически не причём. Каин, когда хотел, мог очень многое узнать сам, своими силами.

Арина улыбалась, засунув руки в карманы.

— Его вещей здесь всё равно нет. Не успел перенести. Костюм сдать проблемы не составит. Если вдруг забудет какую-то мелочь, передаст его сестра. Никаких проблем.

— Ему нужно спешить? — тихо спросила Сумирэ.

Арина на мгновение задумалась:

— Да. Не то, чтобы он опаздывал, но это будет долгое путешествие.

— Мой князь… — взгляд чёрных глаз обратился на главу СМР.

Олег помолчал недолго. Непонятный человек появился в их офисе сам, теперь вот способствует тому, чтобы появились нужные люди. Понятным не стал, конечно, но это было хорошее знакомство.

— В принципе… — Князь кивнул. — Кирилл, можешь уже не возвращаться.

— Ещё встретимся, — улыбнулся с твёрдой уверенность мужчина, открывая перед Ариной дверь и закрывая уже за собой эту страницу человеческой жизни.

Девушка-экстрасенс на мгновение обернулась к двери и потянула Кирилла вперёд.

— Главное молчи, просто выгляди представительнее, — потребовала она категорично. — И молчи!

— Арин…

— Да, я знаю. Нет, не скажу ни слова. Ты не мой заказ, и твой заказ я не возьму, ибо в здравом уме и здравой памяти и таковой оставаться и хочу дальше, — отозвалась девочка, поправила джинсовку и двинулась вперёд.

Она заглядывала в кабинеты, с кем-то разговаривала, кого-то демонстративно игнорировала, если подходили, по главной лестнице прошла раз двадцать. В конце концов, даже у Кирилла силы закончились, и он устроился на ступеньках, глядя на этот активный метеор.

Впрочем, даже у Арины силы были не бесконечные, и в какой-то момент она устроилась на ступеньках рядом с ним. На висках блестели капельки пота. Стало явным прихрамывание, да и дыхание было с присвистом.

— Ну, и задачка, — пробормотала она. — Найти человека, который сможет здесь работать и не сойдёт с ума.

— Такое возможно?

— Вполне. Есть люди из определённых слоёв, которым по плечу и такая задача в том числе. Но…

— Что «но»?

— Именно здесь работать именно они не будут. Там свои сложности. Ты же знаешь.

— Всегда какие-то сложности. Ничего не меняется.

— А ты хочешь, чтобы что-то изменилось? — скептически уточнила Арина.

— Умеешь ты задавать неуютные вопросы!

— Так ты не умеешь спрашивать правильно. И так и не научишься.

— Возможно, — не стал спорить Кирилл, посидел ещё немного, потом поднялся. — Не буду тянуть время.

— Правильно, — согласилась девушка, — тебя уже ждут.

— Арин…

— Да. Звони. Я буду рада тебя слышать.

— Тогда до звонка.

— До звонка.

Кирилл ушёл решительным шагом. Арина смотрела ему вслед отчасти одобрительно, отчасти немного тоскливо. Его собственный жизненный паззл должен был вот-вот сложиться, вот только получившийся результат вряд ли Кириллу мог понравиться…

Глава 29. Путешествие в никуда

Что такое тьма? Люди наивно и так доверчиво приравнивают её к злу, даже не пытаясь подумать, даже не позволяя себе размышлять. Что такое тьма? Откуда она взялась? Зачем она была создана? Даже если обратиться к теологии, которая утверждает, что Бог создал не только свет, но и тьму, значит, у его замысла был какой-то смысл? Значит, тьма тоже несёт своё сакральное значение?

Тьма — это ночь. Но разве ночь плохо? Ночью выходят на охоту хищники, которые поддерживают популяцию в зверином царстве. Ночью цветы начинают вырабатывать кислород из-за процесса фотосинтеза. Ночью спят уставшие люди, потому что для сна — им нужна темнота. Ночь имеет своё назначение.

А что насчёт тьмы? Что вообще она такое? Это не просто слово, потому что с тьмой в своё время знакомятся разные люди. Когда в изменённом состоянии сознания, когда с тьмой в душах людей, тьмой ли?

Откуда берётся тьма? Откуда она приходит? Какой она имеет смысл, в чём её необходимость? Ведь определённо что-то есть!

Кирилл, сам не зная почему, здесь, в этой бескрайней темноте, начал задаваться философскими вопросами. Люди очень любят делить мир на чёрное и белое, и чувства тоже. Зависть, ревность, ненависть, обман — это всё приписывало тёмной стороне души.

Вот только мужчина так не считал. Для него каждое чувство имело свой собственный цвет. Не сказать, что он видел их именно вот так — в цветовом выражении, никаких аур и ничего подобного он никогда не замечал.

А сейчас почему-то увидел. Все вокруг было чёрным-чёрным. За окном, пока чёрный трамвай мчался куда-то в глубины тьмы, были чёрные-чёрные деревья. Мощные еловые лапы качались в чёрном-чёрном свете, покрываясь искрящимся чёрным снегом.

— Здесь вечная зима, — повернулся к Кириллу Каин. Адвокат мёртвых стоял у окна, покрывающемся знаками вопроса — кондуктор был определённо недоволен угоном подотчётного ему средства, но сегодня его мнение никого абсолютно не интересовало.

— Вечная?

— Да. Тьма — это покой, это колыбель для душ. Из тьмы рождаются тела, в тьму они и уходят.

— Из тьмы?

— Ты думаешь, в животе матери ребёнок может что-то

видеть? — обратился на Кирилла провал насмешливой бездны. — Ты думаешь, там есть какие-то источники света? Или когда тело опускают в гробу в могилу, фонарик как-то никому не приходит в голову положить в гроб.

— Действительно, — смутился мужчина. — Об этом я не подумал.

— Люди не думают о том, что тьма — это вторая половина их жизни. На Востоке разве что хорошо это знали. В Китае, в Книге Перемен, описывается мир, как взаимодействие двух противоположностей. Вся китайская философия — это два полюса, с равным разделением жизни между тьмой и светом. Она просто прекрасна по сравнению с остальными, но, в общем, ущербна. Люди очень многого не знают. Особенно они очень плохо представляют, что именно пробуждают к жизни каждый раз, когда берутся за ручку и бумагу, за кисть, за сценарий. Посмотри на меня. Я — тьма, воплощение тьмы, её глас, её уши, её глаза. Но разве я зло?

— Думаю, мало кто согласится с тем, что ты — добро, — сообщил Кирилл.

Каин хмыкнул:

— Тебе бы пообщаться с нашим Патроном, он всю жизнь был священником. Спасал страждующих, врачевал души словом. А заодно долгое время пытался понять, что мы есть. Что есть Тьма, что есть Свет.

— Как в итоге?

— Полный провал, — сообщил насмешливо Каин. — Это слишком опасная сила, чтобы обычные люди могли с ней заигрывать. Обычным людям лучше держаться подальше. От всего. От сил, от Тьмы, от Света, от богов этих сил, от их последователей. Фанатики Света принесли немало горя во многих мирах. Потому что Свет куда более жесток, чем Тьма. Тьма ревнива, но Свет — единоличен.

— Это… Не то, о чём я бы хотел разговаривать в поездке непонятно куда.

— Ты ничего не видишь за окном? — спросила Лэйла, опустив перегородку между салоном и местом водителя. Волосы призрачной женщины, подобно змеям легендарной Медузы Горгоны, качались вокруг головы, жили своей жизнью.

— Вижу. Елки. Снег. Две узких колеи, которые ведут… куда-то. А там впереди чёрный туман, который стирает из вида всё. И верх, и низ. Там впереди нет неба, я не вижу там земли. Там только тьма.

— Бинго! — призрачная ведьма засмеялась, от души швырнув назад горсть серо-серебряных огней. — Именно так и есть.

Впереди только тьма. Там нет человеческих законов, там только она одна. Там склад памяти, то самое озеро, там склад забытых вещей. Кстати, Каин? Мы можем туда заехать?

Адвокат на мгновение задумался, потом неохотно кивнул, под удивлённым взглядом Кирилла.

— Вполне. Только если ты об этом не пожалеешь.

— С чего бы мне вдруг? У меня есть план.

— Ну-ну. Ты дальше-то проводи экскурсию.

— Провожу, — Лэйла снизила скорость, но чёрный трамвай наоборот пошёл только быстрее. — Это мир истинных чувств, мир в котором невозможно спрятаться от себя и от своей памяти, если не просить Тьму о помощи. А ещё там есть склад забытых артефактов. Единожды созданные, они пережили своего создателя, но так никому и не были переданы. Там можно найти посох, которым разгоняли когда-то воды Голгофы. Можно найти плащаницу Иисуса Христоса. Там лежит на полке чаша Грааля и перстень Соломона, гребень царицы Савской и рог Минотавра. Клубок нитей Ариадны и лоза Диониса. Там есть божественные артефакты, а ещё есть арка. Пройти сквозь неё невозможно дважды. Как нельзя войти и в одну реку. Каждый раз, технично говоря, воды реки обновляются. Так и здесь, каждый раз, когда ты будешь пересекать арку, река памяти, река жизни будет перебрасывать тебя в разные места.

— Тогда зачем она нам? — верно догадался Кирилл, что именно является целью их интереса на этот раз.

— Она… имеет свою цену. Память, — пояснила Лэйла, потом взглянула в бессилии на Адвоката.

— Можно заплатить по-разному, — пришёл тот на помощь ведьме. — Каждый расплачивается по своему желанию. Каждый сам выбирает, что ему отдать. А иногда арка берёт оплату сама, берёт именно то, что ей хочется. Но не отбирает тогда совсем. А как бы делает копию. Для личного пользования. Возможно, всё дело в том, что ей скучно. Возможно, причина в том, что из всех оплат есть одна, какая-то чётко установленная. Возможно многое. Истинно только одно — аркой, при должном умении, можно управлять.

— Ты можешь?

— Безусловно. Мне понадобилось примерно триста лет, чтобы научиться этому. И стажерство под присмотром леди Смерти. Тогда был сложный период: войны, болезни. Люди умирали тысячами. Она не справлялась. Поэтому, когда я пришёл к ней, я знал, что она не откажет. Не знал только, какую цену она запросит за обучение. Но… Всё закончилось довольно благополучно.

Кириллу так не казалось. Тьма за окном сгустилась ещё больше, стала насыщенной, жирной, оставляла с той стороны окон липкие отпечатки, на которых застывал и таял снег. Больше он не видел ни ёлок, ни неба, ни рельс. Всё набирая и набирая ход, трамвай мчался куда-то вдаль.

Каин помолчал, потом вздохнул:

— Довольно… да….

Лэйла, застыв в напряжении, со спиной прямой, как палка, смотрела вперёд, в пустоту тьмы и молчала. Не находили общих тем и Каин с Кириллом. Адвокат пытался уложить обратно под цепи и печати собственную силу, здесь, в царстве Тьмы, уже практически выходящую из-под контроля.

Кирилл думал, что они увидят в том тёмном мире, куда едут. Почему Алиска его обманула? И в чём именно? Зачем бы ей это было делать? Если только она обманывала всегда всех, с самого начала, а потом просто не знала, как сказать Кириллу о том, что она обманула? Что когда…

Хотя нет. Когда она рассказывала о своём прошлом, они были уже в достаточно хороших отношениях. Но то, как она плакала. Как горько и так отчаянно. Только ли потому, что на Кирилле проклятье?

И… говоря о проклятье! Он ведь совсем о нём забыл. С ним что делать?

— Каин.

— Да?

— Ты умеешь видеть проклятья?

— Отчасти, — Адвокат вскинул белые-белые глаза.

— От какой части? — не удержался от ехидства Кирилл и неожиданно… угадал.

— От другой части, — мирно сообщил Каин. — Я суть чудя, моя магия более узкоспециализированная, чем та, которой пользуются осколки-части. Например, про осколок по имени Патрон я тебе уже говорил. А есть не только священник. Внутри моих осколков есть мистики, целители. Например, в тот раз, когда Пожиратель на тебя напал, он тебя всё же задел. Тебя подлечивала одна из моих частей.

— Я… Помню, — удивился Кирилл. — Я ещё тогда почувствовал запах. Кажется, мяты?

— Вполне возможно, её сила базируется на цветах, на травах, на силе трав, в первую очередь. Первое время для того, чтобы колдовать в нужном ключе и направлении, ей нужны были именно эти травы и цветы. А потом, примерно через двадцать, может тридцать лет, непрерывной практики, получилось так, что ей больше не нужны травы. Мята… если я правильно помню её

поучения — спазмолитик, снимающий головную боль.

— Да. Голова — болела больше всего.

— Соответственно, — как ни в чём не бывало продолжил Каин. — С драконоборцем ты уже познакомился. А есть маги и магессы, есть оборотни, воины, есть пахари, жнецы, жрецы, поэты, барды, писатели. Осколки самые разные. В том числе, среди них — есть девушка, которая умеет не только видеть проклятья, но и снимать их. В её силах даже снять материнское проклятье. Так что, когда вернёмся, познакомлю тебя с ней.

— Когда?

— Здесь и сейчас вокруг лично моя сила. Сила чуди родственна силе тьмы. Я не могу ее призвать без того, чтобы поколебать основы этого мира. Или горит?

— Нет. Нет. Я просто спросил.

— Спросил бы раньше, — Каин устроился на удобном кресле, закрыл глаза. — Ты можешь поспать, Кирилл. Мы въехали в границу плотной тьмы, отсюда нам ещё далеко. Я разбужу, когда мы будем на месте.

Кирилл благодарно кивнул, сел на противоположное сидение, прислонился головой к окну. Но… Не уснул.

Сон отказался приходить, и всё, что мужчине оставалось — это бессильно смотреть в пустоту за окном.

Пустота оказалась не совсем таковой. В вихре чёрного снега, в искажениях этих снежных крупных хлопьев, медленно всплывали и тут же пропадали какие-то образы: живые и неживые. Страха как такового не было. Было ощущение того, что долго смотреть на них не нужно. Это и опасно, и вредно, и может повредить даже не зрению и здоровью, а чему-то куда более глубинному.

Жизни?

— Каин…

Адвокат открыл глаза, взглянул вопросительно.

— Извини. Ты… Ты же говорил, что не спишь! — спохватился Кирилл.

Раскаяния на лице его собеседника не появилось. Смотрел он от души насмешливо, потом качнул головой. Звякнули бубенчики в ухе, а потом Каин поинтересовался:

— Что случилось?

— Что за образы вокруг?

Адвокат выглянул в окно.

Ленты, точки, крючочки, оскалы и рожи, предметы, силуэты — там проплывала масса всего очень разнообразного и ему понятного.

— Осторожно, постарайтесь не смотреть в окно часто, —

заговорил он, подражая голосу экскурсовода на популярном направлении, — проезжаем склад забытого. Забытых предметов, забытых чувств, забытых историй. Здесь хранится то, чему хозяева не нашли места в своей жизни. Предметы. Мысли. Люди. Например, там — любовь. Девочка любила мальчика в детстве, потом родители переехали, и связь разорвалась. Она забыла свою любовь, и здесь она и появилась. Летает неприкаянно. Вот там кровать, из крепкого дуба. Её покупала себе молодая семья, они представляли, как будут на ней спать. Как будут лежать вместе, читая одну книгу на двоих. Эта кровать была просто переполнена их любовью, нежностью, надеждами на счастье. А через пару дней после того, как они поставили кровать в спальне и застелили её новым покрывалом, под цвет обоев и штор, началась первая мировая война. Они погибли оба. Кровать осталась забытой, ненужной, в доме, где они жили. Случайное попадание бомбы, и она оказалась здесь — забытая колыбель их чувств.

— То есть, чтобы что-то сюда попало, недостаточно того, чтобы вещь была забыта? Нужно, чтобы её хозяин испытывал к ней какие-то чувства? — подытожил Кирилл.

— Верно. Сюда попадают в большей части своей только очень особенные вещи.

Кирилл понятливо кивнул.

Прикрыл глаза. Сна не было, но что-то вот тянуло сомкнуть веки, отдаться во власть этой тьмы, позволить себе ощутить её бег, её скольжение, её мягкое укачивание…

Дрогнув, мужчина распахнул глаза. И даже практически успел увидеть, как мелькнули по обе стороны от Чёрного трамвая две толстых стенки арки, покрытых чем-то тёмным, узловатым, будто бы…

Довести мысль до конца ему не довелось. Трамвай подпрыгнул и остановился.

Вокруг — шёл дождь.

Каменные стены стояли впритык друг к другу. Жались у стены в попытке согреться маленькие дети.

— Попрошайки, — Лэйла подошла ближе к Кириллу, сжала его плечо, и… трамвай растаял.

— Как мы отсюда вернёмся?

— Верь мне.

— Хорошо, — пожал плечами мужчина, огляделся, но… Каина рядом не было. — А куда?

— Ему нельзя здесь быть. Он — чудь, он может вмешаться и изменить что-то. Он остался в трамвае. А нам уже пора. Пойдём.

— Ты знаешь куда идти?

— Ты сам увидишь это.

«Это?» — мысленное недоумение, естественно, осталось без ответа.

Шаги Лэйлы и Кирилла были не слышны. Они не ощущали ни ветра, от которого гнулись почти до земли деревья, ни зловония, от которого здесь можно было потерять сознание, ни промозглой сырости.

Призрачная ведьма шла вперёд уверенно, а Кирилл всё снижал и снижал шаг.

Это… была не Россия.

Повернувшись, Лэйла уточнила:

— С тобой всё хорошо?

— Вполне. Извини. Только я всё ещё не вижу, о чём именно ты говорила.

— Смотри под ноги.

— Под ноги?

«Что я должен увидеть под ногами?»

Взгляд Кирилла на мгновение прикипел к горстке детей под стеной огромного дома, а затем опустился ниже. К ядовито-жёлтым следам.

— Что это?!

— Следы? Они приведут нас туда, где нам нужно быть, чтобы увидеть.

— Увидеть что?

— Что-то. Это твой выбор, я даже не очень знаю, кого именно сейчас мы увидим.

— Кого-то, — отозвался мужчина мгновенно, стараясь не сердиться.

Тихо качнулась створка огромного окна сбоку. На улицу выскочила маленькая юркая фигурка, прижимающая к груди что-то.

— Воровка, — пробормотала Лэйла.

И не ошиблась.

Фигурка в какой-то страшной дерюге, метнулась обратно, по той же улочке, по которой парой минут назад пришли сами Кирилл и Лэйла.

— Начиталась Робин Гуда? — иронично спросила Лэйла.

Воровка раздавала еду детям.

А когда повернулась, Кириллу показалось, что его ударили в самое сердце. На него смотрела Алиса. Младше, не такая, какой она была сейчас. Но определённо — это была она.

Лэйла, взглянув на девочку, осознав, что это и есть та, за которой они пришли, неподдельно удивилась:

— Ребёнок?

— Часть моего прошлого, забытого прошлого.

— Часть магии этого места. Идём.

И они пошли.

Мир вокруг, настроившись на девочку, с каждым шагом больше менял не окружение, а время. Время было линейным, а потому каждый следующий шаг перелистывал время девочки. Воровство. Воровство. Стражники. Подельники. Её не раз били, и однажды, не удержавшись на тонкой кромке жизни и смерти, Алиса убила сама.

Отмеченная кровавым клеймом чужой смерти, она перестала бояться тех, кто её бил. Но зато стала вдвойне, втройне осторожнее. Теперь девочка точно знала, что жизнь можно очень легко отобрать.

Поэтому она знала и то, что с собой нужно иметь что-то для защиты. Себя и тех, кого она решила защищать.

Дни тянулись для Алисы. Дни летели для Кирилла и Лэйлы, идущих неторопливо по дороге чужой, её — жизни.

Вслед за воровством и первым попаданием, была необходимость побега, и был страшный пожар, из которого Алиса чудом выскочила, сохранив собственную жизнь. Но все её накопления, всё то, что она смогла отложить, чтобы выжить — пропали. Нужно было начинать заново.

Так получилось, что в новом городе, куда она перешла, на пути Алисы встретилась женщина. Чудесная, высокая, красивая, бывшая аристократка. Их встреча была не самой хорошей случайностью. Точнее, она была спасительной для женщины. Взбесились кони, понесли, а она как раз стояла на пути коляски. Убили бы, никто и не обратил бы внимания. А так… Алиса вытолкнула незнакомку в сторону из-под колёс, покатилась сама, ободрав и локти, и коленки.

Женщина увела её с собой, чтобы оказать необходимую помощь. Потом за чашкой чая с молоком выведала у Алисы, что ей некуда возвращаться, и предложила остаться у себя, помогать.

Она научила девочку читать, писать, научила пользоваться столовыми приборами, одеваться. Подлечила, вывела паразитов. А потом… продала.

Лэйла, зажав ладонями рот, чтобы не кричать, смотрела, как маленькую девочку, накинув ей на голову мешок, просто кинули в повозку и повезли прочь. В этот раз Кириллу было сделать шаг вперёд сложно, как никогда до этого.

— Кирилл?

— Я… Она об этом не говорила. Сирота?

— Да… — Лэйла кивнула. — Скорее всего. Дети в те годы часто оставались без родителей. Годы были… тяжёлые. Пойдём? Мы можем пройти это место, не взглянув на него.

— Нет. Я хочу знать, — решение далось Кириллу очень тяжело, но знать действительно было нужно. Без знания было очень плохо. К тому же, если Алиса обманула в столь важном, как так получилось, что она должна была стать вот этим мстительным духом? Или же… если только она не обманула и в этом.

Когда в голову пришло очевидное, Кириллу только и оставалось что сжать покрепче зубы, взять Лэйлу за руку и потянуть за собой. Вперёд. Ещё на шаг, чтобы увидеть…

Крови было очень много, кровь была повсюду.

Девочка в маленьком белом платьице и розовых ботиночках была покрыта ей практически с ног до головы.

Волосы были убраны в два хоста, первоначально. Но один хвост был высоким, держался на банту, как и положено. Второй ж… второй хвост был распущен. В руке Алисы огромный тесак. Ровно тот самый вид, который не раз видел Кирилл.

Её настоящий вид.

Девочка была заплакана, но платье не порвано.

— Она… она… она меня продала?! — повторяла она, как в забытье. Раз за разом, раз за разом.

Под её ногами был не труп. И Лэйла, и Кирилл с первого взгляда увидели, что мужчина — высокий, сухокостный, которому девочку и продали, был ещё жив.

— Почему? Почему?! — Алиса, упав на колени, запачкала кровью и ноги, и низ юбки. Не замечая, что пачкает себя, раскачивалась из стороны в сторону, бессильно царапая лицо. — Почему?!

— Кирилл, пойдём, — Лэйла потянула мужчину дальше. — Здесь картинка зациклилась. Нам нужно сделать ещё шаг, чтобы увидеть, что было дальше.

Кирилл как раз уже был не очень уверен, что ему нужно знать, что было дальше.

Алиса обманула, обманула настолько, что было страшно. Но ещё более страшным было то, что она практически сказала правду.

Она была сиротой, вряд ли Лэйла ошиблась, да и он сам… думал именно так, скорее всего, эта «милая женщина», с которой Алиса провела несколько лет, стала для неё действительно практически матерью.

И если она её убьёт…

Кирилл сделал шаг.

В лицо ударил жар от огромного костра, в который превратился полыхающий дом.

Женщина, бывшая аристократка, а сейчас — продавец

дорогих юных проституток, была на земле, с ужасом пыталась уползти от Алисы, сжимающей в одной руке тесак, в другой масляный фонарь, которым и подожгла особняк своей «благодетельницы».

Алиса пыталась решить, чего она хочет больше. Оставить в живых вот эту женщину или устранить её. Причинить ей боль или попросту убить. Она так и не решила, просто поняла, что убить не сможет. В конце концов, она была просто обычной девочкой. Не мстительницей, не убийцей. Она могла убить и ранить, защищаясь. Но вот так, хладнокровно, размеренно, спокойно… Нет. На это хладнокровия Алисы не хватало.

Выпавший из руки фонарь расплескал горящее масло вокруг ног женщины, поджёг кончик платья, Алиса же повернулась и пошла прочь. Дождь должен был смыть все следы. Она знала хорошее место, через которое можно покинуть город. Она была уверена, что сможет сбежать.

В спину летели проклятья «благодетельницы», Алиса не слышала.

В шуме начавшегося дождя, треске пожара от горящего дома, совершенно потонул шум цокота копыт. Алиса даже не знала, что вот-вот умрёт. Она брела по улице, сжимая в руке тесак, когда налетевшие всадники просто промчались за её спиной, взмахнув страшным огромным топором, один всадник спешился, и голова девочки покатилась по мостовой.

Лэйла, не выдержав, закричала. Кирилл закрыл глаза. Но… история ещё не была закончена. Когда они сделали следующий шаг, они увидели похороны. Тело девочки закопали за оградой церкви, несмотря на то, что священник просил не делать этого, что закопать надо по-божески, там, где душа сможет найти успокоение, там, где она и должна быть.

Священника не слушали. Могилу закопали. Ясное солнце светило с неба. Умытая проливным дождём листва расправлялась, поднималась трава, прибитая к земле. На собственной могиле сидел мстительный дух.

Алиса… Хотя узнать вот в этом Алису было очень сложно, сделала почётный круг вокруг своей могилы и отправилась в город.

Развлекаться.

Развлечения у твари, в которую превратилась девочка, вышли кровавые. Она не убивала, она просто калечила. Падения, несчастные случаи, переломы под колясками, пожары. Алиса набирала силу, чтобы добраться до своих убийц.

В них девочка записала троих: «добродетельницу», её продавшую; затем того, кого не добила, несостоявшегося

насильника. Последним — она записала «святого рыцаря», её убившего.

Она их убила всех. Всех троих, даже не задумавшись о том, что этого, возможно, делать бы и не стоило. Не испытывая ни угрызений совести, ни чего-то ещё. Не было никогда невинной души. Был только мстительный дух. Всегда. С самого начала.

Не было призрачного медиума, который решил сделать из невинного дитя карманную игрушку. Просто призрачный медиум столкнулся с Алисой, попытался её усмирить, подчинить и заплатил за это своей жизнью. А дух раскушал силу призрачных медиумов, состряпал на ходу чудесную историю о невинном ребёнке, и просто пользовался этим, чтобы обманывать медиумов и потом поглощать их силу.

Не было невинной Алисы, была всего лишь невинная маска голодной твари, очень хотевшей добраться до души Кирилла и поглотить её…

Глава 30. Прятки

В душе каждого человека живёт маленький ребёнок. Совсем маленький, который не хочет ответственности, не любит дисциплины, не слушает взрослых, твёрдо заявляет «я сам» и очень любит играть.

Любовь этого маленького ребёнка к играм во взрослой жизни перерастает зачастую во что-то очень странное, непонятное. Люди играют в игры чужими жизнями, изобретают непонятные правила на ровном месте. Играют в любовь, в дружбу. Талантливо играют во что-то очень странное. А ещё — очень любят прятки.

Что такое прятки? В детском исполнении, это выбирается один водящий, остальные прячутся. Потом водящий должен их найти.

Во что превратили люди эту игру? В игру с собой. В качестве водящего — они сами, в качестве того, что нужно бы найти (но никогда не находится) — некоторое чувство. Люди прячутся от правды, от истины. Виртуозно прячутся от понимания ситуации, от других людей, от ответственности. Люди прячутся от будущего и от прошлого, от хороших и плохих воспоминаний.

Впрочем, прятки бывают ещё и другие. Когда человек действительно что-то прятал, только уже от других. Прятал свои собственные чувства, надежды, цели, страхи, устремления. Трупы.

Люди безумно любят прятать трупы. Пожалуй, даже немного больше чем делать их.

Любая игра имеет победителя и проигравших. В прятках это правило соблюдается не всегда. Зато всегда есть водящий и те, кого он ищет и догоняет.

В этой страшной игре на чужие жизни, водить предстояло Кириллу. Искать — Алису.

Страшные прятки… В которых помощи можно было ни у кого не ждать. Потому что ещё один сюрприз, и Кирилл даже не знал, как к нему относиться, его ждал от Лэйлы.

Со словами, что «у живых всегда есть преимущество перед мёртвыми», призрачная ведьма вернулась в своё тело!

И ближайшие несколько дней ей предстояло провести в спящем виде, пока тело пробуждалось под воздействием её собственной силы.

Понять отношение Каина к случившемуся было сложно, практически невозможно. Спокойное лицо, непроницаемый взгляд.

— Ты не рад? — Кирилл, сидя на кухне, затачивал тонкие серебристые колышки, нужные для создания удерживающей

печати.

Каин был рядом, смешивал какую-то дьявольскую смесь.

Для чего именно, человек предпочитал не задумываться. Не верилось, что он сможет нанести удар по Алисе. Вот просто не верилось.

Она была его солнечной девочкой. Она была его первой любовью. И Аня, Аня, которую он считал, что любил, была всего лишь безумно на повзрослевшую Алиску похожа.

— Ты сомневаешься, — Каин не сомневался. Он видел мучения человека, считывал их в его душе, как в открытой книге.

— Да.

— Почему?

— А если это ошибка? А если всё это просто совпадение? А если… — Кирилл усмехнулся, сам над собой, покачал головой. — Не могу поверить, что это всё может закончиться вот так. Она спасла мою сестру…

— Убив твоих родителей, — напомнил Каин. — Кирилл. Машина напротив не случайно так подставилась. Она вмешалась. Алиса устроила эту аварию. Просто ради того, чтобы выманить тебя сюда обратно.

— Я взял с неё обещание защитить Женьку.

— Видимо, взял ты его очень хорошо, что она послушалась, — Адвокат вздохнул. — Тебе ничего не нужно делать, человек. Я её убью. Ты же — просто найди её.

— Но…

— Я не дам тебе вмешаться, — спокойно сказал Каин. — Имей это в виду, человек. Ты можешь сколько угодно думать, что она, может статься, не такое уж и чудовище. Но в живых я её не оставлю. Это контракт, составленный между нами. Если я его не выполню, я не смогу покинуть Землю. Здесь же, со снятыми печатями, я буду слишком нестабильным элементом. Ко мне пришлют в гости Эмиссара, а это мгновенная смерть. Умирать мне пока ещё рано. Я не выполнил то, что должен был выполнить. Поэтому…

— Каин.

— Ты силён, человек, ты удивительно силён. Когда ты сообразишь, что у тебя есть, какие возможности, умения, способности, когда ты разовьёшь всё, что у тебя есть — ты станешь одним из самых страшных соперников для тех, кто явится на Землю и попробует здесь творить то, что ему придёт в голову. Но… Сейчас ты ещё слишком человек. Ты ещё не стал Адвокатом мёртвых, ты ещё не понял, что значит им быть. Даже если бы ты захотел…

— А как же «Любовь творит чудеса»?

— Ты сомневаешься. Прошло слишком много времени. Твою любовь забрал у тебя Пожиратель, вернул он тебе лишь мысли о ней, воспоминания, мысли, но не чувства. Это не плохо, но…

— Но?

— Чтобы эта история закончилась и могла начаться новая, Алисы быть не должно. К тому же… — Каин на мгновение засомневался, нужно ли говорить дальнейшее, и всё же сказал: — Она сама больше не хочет жить, Кирилл. Поверь мне, тому, кто знает, о чём думают души, она больше не хочет убивать. Она не хочет убивать тебя. Но Алиса загнала себя в ловушку. Она настроилась на тебя, на твою силу, теперь разорвать это можно только двумя способами. Убить тебя. Убить её. Я не знаю, можно ли сказать, что она познала настоящую любовь. Я вообще не уверен в том, что это чувство в действительности существует. Просто ей очень больно. Просто у неё уже больше нет сил. И она не видит другого исхода. Она выбрала за тебя и за себя, она выбрала даже за меня, удивительная способность манипулировать могущественными созданиями. Теперь… считай, что всё очень просто. Это способ разрубить Гордиев узел. Безусловно, его можно распутать. Скорее всего, как-нибудь. Но никто не смог это сделать. Зато его разрубить получилось легко и просто. Так и здесь. Достаточно всего лишь разрубить.

— Убить её?

— Нет. Она отправится на перерождение. В руки Смерти. Не хочу думать, что именно может сделать с ней наша Тёмная леди. Времени всё меньше. Я чувствую, как над городом сгущаются тучи. Она вот-вот отправится убивать. Не ради того, чтобы насытиться, не ради развлечения, чтобы показать тебе, что она не шутит. Чтобы не оставить тебе другого выбора, кроме как подписать ей смертный приговор.

— А если я не хочу?

— Тебя здесь, увы, никто не спрашивает.

Кирилл кивнул и замолчал, снова вернувшись к колышкам.

В голове билось отчаянным набатом: «Должен быть! Должен быть! Другой способ быть просто обязан!»

Но… прав был именно Каин, этот узел распутать без жертв было уже невозможно. Мешало очень многое: сомнения, размышления, недоверие, недоумение, незнание и знание одновременно.

К тому же, у той истории и вместе с тем той трагедии, что происходила прямо сейчас в небольшом городке, был ещё один свидетель. Не сопричастный, нет, но тот, кто, вмешавшись однажды в происходящее, готов был довести дело до правильного конца. Правда, правильный конец с точки зрения тёмной леди

Смерти совсем не означал, что конец истории мог быть счастливым.

Над городом сгущались тучи. Игра в прятки затянулась. Ни сила человеческая, ни сила Адвоката были бессильны перед умением Алисы прятаться.

— Всё, — Каин устало привалился к витрине магазина, около которого они стояли. — Где может быть эта девчонка?! Уже по всему городу пошли первые несчастные случаи. И всё время, всё время мы опаздываем. Падающее стекло, балконы, лестницы, бьющиеся витрины, переворачивающиеся машины. Каждый раз от трагедии со смертельным исходом отделяет только один счастливый миллиметр. И каждый раз кажется, что мы её вот-вот догоним. Человек!

Кирилл даже возмущаться не стал, поднял на Адвоката совершенно больной взгляд:

— Я не знаю, по какому принципу она выбирает место следующего нападения. У нас нет историй, которые могли бы быть связаны с «нами» и этим местом. Если бы были, я бы понял, что таким образом — она наказывает нас обоих. Но больше всего это напоминает совершенно случайную траекторию. Куда ткнула пальцем, туда её и понесло.

— Так не бывает.

— Из всех людей, что были в моей жизни, нет никого, кто мог бы быть… настолько непостоянным и ветреным, как Алиска. Она меняла свои решения по несколько раз на дню. Она могла с утра сказать: «Я полетела в Париж», а вечером захлёбываться восторгами, как она любовалась кенгуру в Австралии. При этом её постоянству можно было не просто позавидовать, можно было только восхититься. То, что она решила, окончательно решила, было аксиомой. Она придерживалась выбранного курса, даже если, в конце концов, понимала, что результат будет абсолютно не тем, на который она надеялась с самого начала. Она алогична.

— Но логика в её поступках определённая есть, — напомнил Каин.

— Да. Какая-то есть. Но я не могу её понять. Хотя уверен, что что-то… здесь есть. Нечто не очень понятное возможно. Не очень человеческое, но… Дары зверя если только?

— Что?! — опешил Адвокат мёртвых.

— Это старая история. Очень старая. Об огнях в степи, красных глазах и страшном зверином пожаре. Маленькая деревня была окружена степью. Люди не могли её покинуть, потому что прогневали однажды зверя. И каждый раз, год за годом, они должны были отдавать ему одного человека. Человек уходил на закате, возвращался утром — седым, как лунь. Никто и никогда

не рассказывал о том, что видел в ту ночь, твердил лишь в лихорадке о пожаре и красных глазах.

— И где связь?!

— Зверя прогневали, потому что люди, приняв от него дары, продолжали просить снова и снова, не благодаря за полученное, а воспринимая как должное… Каждый, кто принимал дар, должен был вознести почтение. А значит… — Кирилл задумался. — Почтение, дар, зверство… Алиске всегда было жалко Зверя, но она никак не могла решить, какой же именно зверь встретился на пути людей. Лиса… Сова… У нас есть карта?!

— Да, — Каин, уже отчаявшись понять людей, махнул рукой, раскрывая прямо в воздухе огромную карту города. И почти тут же увидел то, что человек нащупал чисто интуитивно. Сектора были связаны с животными. Взорвавшаяся проливным дождём стеклянных осколков витрина магазина — улица Совиная. Сова. Каменная лисичка на оборвавшемся мосту. Балкон с драконами в маленьком Китайском магазинчике.

— Сколько их всего было?

— Двенадцать. Алисе нравилось это число, — Кирилл, подтянув ближе бумагу с ручкой, нарисовал зодиакальный круг. — Лиса. Сова. Дракон. Кабан.

— Нарисованный кабан в пивнушке, — пробормотал Каин.

— Скорпион.

— Тоже был.

— Аист.

— Аист почему?!

— Ей аисты всегда нравились, как символ новой жизни.

— В роддоме была авария, мил человек. Я бабку оттуда забирала, так она мне все уши прожужжала: «коммунальщики уже все мозги пропили, даже за роддомом проследить не могли нормально». Трубы там прорвало.

— Подходит, — кивнул Кирилл, застыл, открыв рот. Голос был не мужским. Если быть точнее…

Вскинув голову, он с некоторым удивлением (и ужасом, чего греха таить) уставился на появившуюся леди Смерть. Из-под широкого рукава огромного балахона показалась костяная кисть, весело помахала пальчиками.

— Здравствуй, мил человек.

— И вам не хворать, — на полном автомате ответил Кирилл. — Леди Смерть…

— А я тут решила взглянуть, кто тут шалит, — сообщила «гостья». — Трамвай мой угнали, правда, потом на стоянку вернули и даже помыли. Я его таким чистым уже лет так сто пятьдесят, пожалуй, что и не видела. Даже букет цветов оставили,

и не розы там какие-то, а ромашки!

Кирилл виновато пожал плечами.

— Ничего в голову другого не пришло.

— Странный ты, мил человек, очень странный. Вот смотри, тот, кто больше знает, сидит тихо и вздохнуть боится. А ты на меня смотришь, ничего не понимаешь и не боишься. Где твой страх?

— Продал.

— Давно?

— Не уверен. Но, кажется, получил за это что-то очень выгодное.

— Странно. Ум есть, но, кажется, его до сих пор недостаточно, — Смерть вздохнула. — Угости кофе, мил человек. Я прохожу и сама по твоему ведомству, а по нормальному кофе страсть как соскучилась.

Каин, бросив взгляд на Кирилла, потом на его гостью, предпочёл тихо и незаметно исчезнуть.

Смерть одобрительно кивнула:

— Вот, умный пришлый. Чему-то научился. Например, вовремя уходить. Скажи мне, мил человек. Помогло ли тебе то, что ты узнал правду о том, что случилось в прошлом с твоей подружкой?

— Н… Нет.

— Ты смотри, не врёшь! Обычно люди начинают лгать, уворачиваться.

— Это бессмысленно. От того, что я буду утверждать, что чёрное — это белое, белым оно не станет.

— Верно. Это одно из наказаний для Адвоката мёртвых, мил человек. Наказание знанием. Стало ли тебе легче от того, что теперь ты понимаешь, что твоя подружка должна быть убита, или она кого-то убьёт?

— Нет, — на этот раз Кирилл даже не задумался. — Стало только хуже.

— Это второе наказание для Адвоката мёртвых — наказание ответственностью, — костяшки белых пальцев выстучали по столешнице что-то бравурное. — Твой друг скоро уйдёт, и ты станешь Адвокатом мёртвых. Знаешь ли ты, какое третье наказание, мил человек?

— Почему вы не называете меня по имени?

— Пока ты ещё человек. Пока ещё, — Смерть кивнула сама себе. — Угадаешь третье наказание, я сделаю тебе подарок. Не угадаешь, накажу за похищение своего трамвая.

— А что его угадывать? — лицо Кирилла исказилось от боли. — Запрет на использование силы в своих собственных

целях. Я обязан помогать душам, но не могу и пальцем шевельнуть, чтобы помочь тем, кто важен мне самому.

— Верно. Это третье, самое страшное наказание Адвоката мёртвых. Впрочем, когда близких тебе живых не останется, станет полегче. Да. Я сделаю тебе подарок. Ты сможешь сам убить девчонку…

Говорить, что подарок это в высшей степени странный и жестокий, Кирилл не стал. Это действительно был подарок, точнее его часть. Потому что второй частью оказался перенос — Смерть, просто сверкнув алыми глазницами в пустой черепушке, отправила человека туда, где ему было сейчас самое место.

На кладбище.

И как бы это не звучало, там, среди могил и надгробий, ему предстояло делать то, чего он делал уже очень, очень давно. Играть в прятки.

…Туман поднимался от земли. Особый туман, тёмно-серый. Он не состоял из капель воды, он не был похож на сгущенный неведомой силой воздух. Это был туман смерти. Пушистый, лёгкий, он то поднимался вверх, то снова низко-низко прижимался к земле. То и дело обнимал то одно, то второе надгробие.

Здесь было бы страшно идти, очень страшно, если бы Кирилл действительно ощущал страх. Но его не было. И, кажется, он знал, куда пропало это чувство. Осталось с пожирателем. Тем самым, из катакомб. Как и сказал Каин, он что-то потерял. И этим что-то оказались пара-тройка чувств.

Вполне возможно, страх. И ещё — гнев… Потому что, как Кирилл не старался, он не мог разозлиться на Алиску.

А она была рядом, мелькала в пределах видимости, насмехалась, смеялась. И появлялась то и дело, то с одной стороны, то с другой. В кровавом платье, со своим громадным тесаком. Настоящая.

Не его.

— А ты знаешь, — Алиса появилась на надгробье, покачала тесаком в воздухе. Застывшая на нём кровь уже очень давно не обновлялась, а ей порой так хотелось свежей, горячей. — Я никак не могла решить, что с тобой делать. Не то убить, не то оставить в живых.

Туман лизнул надгробье, стирая даже след девочки. К надгробью Кирилл не пошёл, двинулся в противоположную сторону.

За спиной возмущённый крик сменился не менее возмущённым карканьем. Ловушка не удалась.

— Почему?! — на этот раз Алиса стояла прямо на дороге, в

беленьком чистом платье и балеточках. — Слушай, Кир, почему?

— Мы очень хотели поверить в сказку, — проходя мимо, мужчина буркнул под нос экзорцизм, растворяя подделку. — Я хотел поверить в то, что я обычный, нормальный. Ты хотела попробовать то, что никогда не пробовала — изобразить любовь. Промахнулась только в одном. Неправильно выбрала кандидатуру. Я тебя найду, Алиса.

— Чтобы убить?! — туман, насмехаясь, поднялся выше, сложился узловатыми сетями под ногами Кирилла, поймал за руки, потянул в одну сторону, в другую и застыл, не в силах больше ничего сделать. Росчерк серебряного гвоздика, и с тихим воем могильный туманщик пополз прочь. Гвоздик торчал там, где мгновение назад был его чувствительный нос. На это они не договаривались!

— Я не могу никому позволить это сделать. Только сам.

— Зачем оно тебе? — Алиса появилась за спиной, но Кирилл не повёлся и на это, двинулся вперёд. — Кирилл!

— Не кричи. Ты хорошо меня слышишь. Я знаю, что ты здесь, я знаю, что ты рядом. Я вижу, как бьётся ток силы в твоих призрачных венах. Знаешь, что самое смешное, Алиска? Я ведь действительно никак не мог понять, что и зачем ты сделала. Как же так… Почему именно так. Понял только, когда леди Смерть заглянула на чашечку кофе. Ты ведь испугалась.

— Безумно, — согласилась ещё одна подставная фигура. — Только, Кир, давай откровенно. Ты меня не найдёшь.

— Давненько мы не играли в прятки. Я уже даже и забыл. Как там говорится? Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать?

— Ты пропустил!

— Что именно?

— Призрачную присказку! — Алиса засмеялась.

По дороге, впереди Кирилла, простучали детские шаги. Словно девочка пробежала, потом споткнулась, застыла и нараспев проговорила:

А за деревом — пруд,
У пруда старый клен,
А на ветке лишь труп,
Кем был он побежден?
Ты назад не смотри.
Ты скорее беги.
За спиной стою я,
Я — холодная тьма.
Раз, два, три, четыре, пять
Я тебя иду искать!

— Я всё пытался понять, откуда вдруг клен с трупом. Ты убила того рыцаря, того самого, который отрубил тебе голову. Вынудила его повеситься, как раз у пруда, на старом клене.

— Вот как? Слишком много узнал.

— Более чем много, — остановившись около небольшой могилы, той самой, которую Каин показывал ему ещё пару дней назад, где был похоронен полный однофамилец Кирилла, мужчина размахнулся и вдарил по надгробию ногой.

Боли не было, зато раздался тонкий визг, и… рванувшаяся прочь серая клочковатая вата застряла в серебристой сетке.

— Специально для ловли привидений, — пояснил Кирилл. — Я подготовился. Ах, да. Для протокола. Нашёл.

Мстительный дух закричал. Высокочастотный звук прокатился по кладбищу, но было уже поздно.

— Знаешь, что самое интересное? Твоё время закончилось. То самое, которое я тебе отдавал, Алиска.

— Ты меня не убьёшь! — комковатое нечто приняло свою форму, но держать её было всё тяжелее и тяжелее. На каждый вдох, на каждый взгляд, на каждое слово уходило очень много сил, а сил как раз у Алисы уже больше не было.

— А ещё, что самое смешное, — словно и не услышал её Кирилл. — Не могло время так быстро закончиться. Я хорошо видел твой круг, на нём было более чем достаточно времени. А сейчас он стоит. Видимо, чем-то ты не угодила леди Смерти… А ведь я скучал, Алис. Сходил с ума от беспокойства. Волнения.

— А потом меня забыл, — дух презрительно рассмеялась, а потом поникла. — Мне стоило забыть тоже! Мне стоило оставить тебя в покое. Того, что ты мне дал, хватило бы надолго. Мне бы вполне хватило времени подождать, пока ты будешь умирать от старости. А потом прийти и убить тебя…

— Что же тебе помешало?

— Я не смогла… Я просто не смогла… Приходила не раз и не два… А потом ты влюбился. В эту девчонку! И я… испугалась ещё больше. Я поняла, что если останусь рядом, то всё станет ещё хуже. Я не удержусь и убью тебя, или её. А убивать нельзя было. Я ещё пока помнила как это, быть живой. А потом ты уехал. И я подумала, что так — забуду.

— Не получилось? — Кирилл двинулся вокруг духа, укрепляя ловушку, которую Алиса пыталась расшатать.

— Увы.

— Тогда зачем? Ты меня вернула? Да ещё и таким способом? Зачем ты вовлекла в игру Адвоката?

— Я хотела, чтобы всё закончилось, — завод закончился. Алиса опустила тесак, и огромный тупой режик зазвенел по старой брусчатке. Показалось, что вдруг вокруг детских ног расплескалась лужа её собственной крови, и в них блеснул отсвет огней — страшного и чарующего пожара. — Уж прости. Сглупила. Сплоховала. Сама натворила дел, тебя в них втянула. Наверное… Прятки закончены?

— Это была ты. С самого начала.

— Да. Убийство твоих родителей. Я изменила время их смерти всего на пару дней. Спасительница твоей сестры. Я спасла тебя от пожирателя и подставила тебя некроманту. Видишь, я сплошное противоречие, — Алиса засмеялась, а потом рванулась из пут, страшно, мгновенно, вложив в это все свои немалые силы.

И путы не выдержали…

Маленькое тельце пролетело по воздуху, отращивая огромнейшие когти:

— Я тебя съём, это величайшая честь для тебя, человек, цени! — прокричала она залихватски, запуская в бока Кирилла своё природное оружие.

И закашлялась.

Капли призрачной крови упали на брусчатку, смешались с блеском огней в них, отображая ночь, горящий особняк, мчащуюся кавалькаду.

Кровь самого Кирилла, сбегая по его телу вниз, смешивалась с призрачной кровью Алиски. Рукоять угрожала вот-вот выскользнуть, и, не дожидаясь этого, мужчина отпустил кинжал, поймал девочку в свои объятия, обнял, крепко-крепко, изо всех сил.

— Я скучал, Алиска… Очень-очень.

Бледные ладони поднялись вверх, теряя звериные очертания. Сил не было, совсем-совсем, но девочка обняла мужчину, закрывая глаза:

— Я скучала… Кир… Люблю… Очень…

… Привидения не умирают красиво.

Правильные сказки не имеют хорошего конца…

Из провала насупленного неба выглянул краешек серпа, на ладонях у Кирилла блестела серебристая пыль. А потом по лицу мазнул ветер, погладил по макушке одобряюще, стряхнул с мужских ладоней последнее доказательство того, что Алиска существовала в действительности, и помчался дальше.

Пыльная завеса повисела ещё немного в едва уловимом свете месяца и пропала окончательно. А потом пошёл дождь, ненастный, злой, проливной. Он смысл всё — все следы, все оттенки, все эмоции, все чувства. Разве что воспоминания стереть

не смог.

Когда же Кирилл вернулся домой, Каина там уже не было.

Была лишь короткая записка:

> «По совету умного… советника вернулся домой срочно. Найду способ с тобой связаться… Друг.
>
> Каин».

И больше ни слова.

Пропала Лэйла.

В квартире с потухшими огнями Кирилл был один. Пекло щеку, пекло бока, капли крови скатывались на полу в лужицы, боль и лихорадка снедали с головы до ног. Было плохо, плохо, плохо, а потом стало просто никак.

Вместо эпилога

Высотное здание в центре маленького областного городка было построено несколько лет назад. Правда, жители до сих пор не могли сойтись во мнении, сколько в здании этажей: двенадцать или тринадцать.

Ходили слухи, что если всё очень плохо, что если невозможно найти справедливость в жизни, нужно прийти к зданию, обойти его и подняться на второй этаж по пожарной лестнице. И лифт уже будет стоять, призывно открыв свои двери. Нужно зайти в лифт, ровно в полночь, и три раза сказать: «Адвокат мёртвых, приди, Адвокат мёртвых, приди, Адвокат мёртвых, приди».

И тогда на табло зажжётся цифра «тринадцать», и тогда лифт сам поедет наверх, туда, где в огромном офисе, занимающем целый этаж, вас встретит самая необычная компания из всех.

Самое сложное — это не всматриваться в них. Не пытаться понять, кто из них живой, кто мёртвый.

Впрочем, те, кто попадают сюда, обычно думают больше о своих бедах, чем о том, какие отношения связывают высокого мужчину, Адвоката мёртвых, красивейшую женщину — призрачную ведьму Лэйлу и насмешливо-ехидную девочку, сидящую обычно на подоконнике с тесаком, по имени Алиса.

Никто не смог определить точно, что именно происходит в этом небольшом любовном треугольнике. Зато говорят много.

Поговорить про этот офис и его обитателей очень любят!

Говорят, что этот спокойный мужчина родился человеком, а живёт уже пару столетий и проживёт как минимум ещё столько же.

Говорят, что девочка-Алиса — это личный подарок самой леди Смерти на вступление его в должность.

Говорят, что призрачная ведьма жила ещё в Египте и лично бальзамировала одного из фараонов, не удержавшего при себе руки. Говорят, что призрачная ведьма настолько опасна, что даже служба безопасности маскарада предпочла с ней не связываться.

Говорят, что огромный ворон Карас, сидящий на столе Адвоката мёртвых, держит связь с потусторонним миром.

Говорят, что сюда захаживает на чашечку кофе сама Смерть! Говорят…

Да много чего говорят. Правы сплетники только в одном, если нет возможности найти справедливость в мире реальном, то здесь, в мире инфернальном двери всегда открыты.

И пусть плата за подобную помощь — высока, те, кто приходят сюда за помощью, доведенные до последней степени

отчаяния, готовы эту цену заплатить. И снова в путь отправляется Чёрный трамвай, и снова оживают мёртвые, и в карканье огромных воронов над городом может послышаться чужая насмешка. Подарки могут обернуться болью, боль — подарком, ненависть становится толчком к новой истории и чужая смерть становится началом для чужой жизни.

В мире бывает много всего разного, потому что так заведено, потому что так положено, потому что так должно быть. Потому что это мир, в котором по ту сторону смерти ждёт Адвокат мёртвых.

…Если жизнь — это большой сюрприз, почему бы мне — Смерти, не стать сюрпризом не меньшим?…

Сказки от Ведьмы

notes

Примечания

1

Тайяки — японская выпечка в форме рыбки с начинкой.

2

Ищите женщину (фр.)